РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 5 и 6.

МАЙ и ІЮНЬ 1891 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1891.

2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го апрѣля 1891 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

О брошюрахъ, дозволенныхъ и не дозволенныхъ къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

(Цирк. Харьковск. учебн. окр. № 9, 1890 г.).

Бывшій временной Одесскій генералъ-губернаторъ, письмомъ отъ 29-го сентября 1888 года, за № 3303, обратилъ вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія на затрудненія, встрѣчаемыя Одесскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ въ правильномъ веденіи народныхъ чтеній въ Одессѣ. По объясненію предсѣдателя Общества, изложенному въ докладѣ его генералу Роопу, затрудненія эти состояли въ томъ, что мѣстная дирекція народныхъ училищъ, отъ которой зависитъ разрѣшеніе чтеній, «руководствуясь исключительно IV отдѣломъ каталога книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ, не допускала чтеній тѣхъ произведеній русскихъ авторовъ, которыя, хотя и одобрены для народнаго чтенія Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но не вошли въ вышеозначенный каталогъ». Въ виду этого, генералъ Роопъ просилъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія не отказать въ распоряженіи о разрѣшеніи для народныхъ чтеній въ Одессѣ одобренныхъ Ученымъ комитетомъ произведеній, перечисленныхъ въ приложенномъ къ вышеозначенному письму спискѣ, а также о допущеніи на будущее время чтенія такихъ сочиненій, которыя, хотя и не вошли еще въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ, но одобрены для народныхъ чтеній Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Ученый комитетъ, на разсмотрѣніе котораго было передано означенное ходатайство, нашелъ, что таковое основано на недоразумѣніи. Въ представленномъ Одесскимъ Кирилло-Меѳодіевскимъ обществомъ спискѣ брошюръ, не разрѣшенныхъ директоромъ народныхъ училищъ для публичнаго произнесенія, помѣщены дѣйствительно брошюры, читанныя въ аудиторіяхъ Солянаго Городка и, отчасти, Постоянной коммиссіи народныхъ чтеній, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всѣ эти сочиненія одобрены Ученымъ комитетомъ для публичныхъ народныхъ чтеній, такъ какъ ни Постоянная коммиссія, ни коммиссія педагогическаго музея

не подчинены дѣйствію Высочайше утвержденныхъ 24-го декабря 1876 года правилъ для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ.

Разсмотрѣвъ перечисленныя въ упомянутомъ спискѣ брошюры, Ученый комитетъ нашелъ, что слѣдующія изъ нихъ уже одобрены для публичныхъ народныхъ чтеній и внесены въ IV отдѣлъ каталога:

Хребтовъ—Хивинскій походъ (кат. стр. 76). *Ивановъ*—Въ обходъ Шипки (стр. 74). Его-же—Послѣдній бой подъ Шипкой (тамъ-же).

Включены въ отдѣлъ II-го каталога («книги для ученическихъ библіотекъ»): *Ершовъ*—Конекъ-горбунокъ (стр. 44). *Лермонтовъ*—Пѣсня про купца Калашникова (стр. 45). *Жуковскій*—Котъ въ сапогахъ. Свѣтлана (стр. 44). Овсянный кисель (тамъ-же). *Пушкинъ*—Сказка о купцѣ Остолопѣ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ (стр. 48). *Некрасовъ*—Стихотворенія (изд. Спб. комитета грамотности) (стр. 46). *Тургеневъ* — Муму (стр. 50). *Григоровичъ*—Прохожій. Пахарь (стр. 43). *А. Толстой*—Князь Серебрянный (стр. 48). *Л. Толстой*—Кавказскій плѣнникъ (стр. 49). *Александровъ*—Народы Россіи (стр. 35). *Вишняковъ*—Кавказъ и Кавказская война (стр. 31). *Аникіевъ*—О птицахъ и гадахъ (стр. 38). *Ильинскій*—О жилищахъ. Объ одеждѣ и чистоплотности (стр. 39).

Всѣ эти книги признаны заслуживающими одобренія для публичныхъ народныхъ чтеній, но съ тѣмъ, чтобы «Князь Серебрянный», «Муму» и «Стихотворенія Некрасова» читались по изданіямъ, помѣщеннымъ въ отдѣлѣ II-го каталога Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Изъ числа не помѣщенныхъ въ каталогъ признаны заслуживающими допущенія къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ слѣдующія брошюры: *Жуковскій*—Спящая царевна. *Пушкинъ*—Сказка о мертвой царевнѣ. *Ксавье-де-Местръ*—Параша Сибирячка. *Брандтъ*: 1) О зудняхъ и другихъ клещахъ, 2) О пчелахъ и муравьяхъ, 3) О ленточныхъ глистахъ. *Алфѣевъ*—Какъ ѣда питаетъ наше тѣло. *Аникіевъ*—1) О ядовитыхъ и неядовитыхъ змѣяхъ, 2) О насѣкомыхъ полезныхъ и вредныхъ. *Лапченко*—О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. *Шведовъ*—Что такое обыкновенная соль. *Воронецкій*: 1) О кометахъ и падающихъ звѣздахъ, 2) О неподвижныхъ звѣздахъ и планетахъ. *Шмулевичъ*: 1) О хорошей и дурной водѣ, 2) О мукѣ и хлѣбѣ. *Рейнботъ* — Чай, откуда онъ идетъ. *Максимовъ*—Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. *Шиле*—Волга и ея значеніе. *Лапинъ*—Невская битва и Ледовое побоище. *Майковъ*—Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманами. Три чтенія. *Михневичъ*: 1) Воцареніе Романовыхъ, 2) Бородино, 3) Бѣгство французовъ. *Макаровъ*—Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. М. С.—Александръ I. *Арсеньевъ*—Славное Севастопольское сидѣніе. *Доброписцевъ*—19-го февраля 1855—1880 г. *Петровъ*—Священное коронованіе и помазаніе царей на царство. *Шведовъ*—Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай. *Прокофьевъ*—Взрывъ турецкаго броненосца. *Булгаковъ*: 1) Геройская оборона Баязета, 2) Взятіе Ардагана. *Артамоновъ*—Покореніе Туркменъ-Текинцевъ. *Кохановская* — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Какъ поддерживается жизнь человѣка. Первое путешествіе капитана Форстера. О Крымѣ. О паровозѣ. Объ итальянцахъ и ихъ странѣ. *Верцынскій*—О телеграфѣ. *Гладкій*—О покровительствѣ больнымъ и раненымъ (красный крестъ). *Гущинъ*—Объ оспѣ и оспопрививаніи. *Казанскій*—

Какъ разводить ленъ. *Манжинъ*—О разумномъ уходѣ за животными. *Сорокинъ*—О книгопечатаніи. *Тарапыгинъ*—Разсказы бывалаго человѣка. *Шведовъ*: 1) О фарфорѣ. 2) О стеклѣ. 3) Какъ и изъ чего приготовляется сахаръ. *Шиле*—Русскія моря. *Воронецкій*—Путешествіе Макъ-Клинтока. *Животовскій*—Отчего горитъ свѣча. *Ковальскій*: 1) О фотографіи, 2) О телеграфѣ. *Шведова*—О нефти. *Ильинскій*: 1) О птицѣ, 2) О питьѣ и напиткахъ, 3) О рабочей силѣ, 4) Объ уходѣ за дѣтьми, 5) О помощи мнимо-умершимъ. *Доброславинъ*—О вліяніи почвы на здоровье человѣка. *Сикорскій*—О чумѣ у человѣка. *Лапинъ*: 1) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома, 2) Покореніе царства Казанскаго. *Шмулевичъ*: 1) О тифѣ, 2) О необходимости дезинфекціи при повальныхъ болѣзняхъ, 3) О тѣсныхъ и сырыхъ квартирахъ. *Глинскій*—О помощи утопающимъ. *Латкина*—Христофоръ Колумбъ. *Азбелевъ*—О вѣтрѣ и бурѣ.

Не могутъ быть допущены для публичнаго чтенія слѣдующія брошюры: *Погоскій*—Дѣдушка Назарычъ. *Л. Толстой*: 1) Чѣмъ люди живы, 2) Упустишь огонь—не потушишь, 3) Два старика. *Гоголь*: 1) Сорочинская ярмарка, 2) Майская ночь или утопленница, 3) Ночь на Рождество. *Поповъ*—О черногорцахъ, о болгарахъ, о сербахъ. Обряды и обычаи древней Руси. *Плетневъ*—25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича. *Генчке*—О китѣ и кашалотѣ. *Яковенко*—О деньгахъ. *Кончевскій*—Герои труда. *Тургеневъ*—Записки охотника. *Лебедевъ*: 1) О времени, 2) О земствахъ. *Никитинъ*—Кулакъ.

Соглашаясь, съ своей стороны, съ означеннымъ мнѣніемъ Ученаго комитета, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ о вышеизложенномъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, отъ 6-го іюня 1890 г., за № 9484, для зависящихъ распоряженій.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ установленіи числа преподавателей въ начальныхъ училищахъ (8-го марта 1891 года) *).

Изъ имѣющихся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній усматривается, что въ нѣкоторыхъ начальныхъ народныхъ училищахъ, сверхъ законоучителя или преподавателя по Закону Божію, бываетъ такое число учителей, какое не вызывается дѣйствительными потребностями этихъ училищъ, и что въ такихъ училищахъ нерѣдко на долю того или другаго учителя приходится или удѣлять крайне незначительное число уроковъ, или вести занятія лишь съ немногими учениками. Назначеніе учителей при такихъ условіяхъ ведетъ, съ одной стороны, къ излишнимъ расходамъ на ихъ вознагражденіе, а съ другой—безъ нужды увеличиваетъ число лицъ, освобождающихся отъ исполненія воинской повинности по силѣ п. 3 ст. 63 уст. о сей повинности. Изъ упомянутыхъ свѣдѣній

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г.

усматривается также, что, желая пріобрѣсти право на такое освобожденіе, нѣкоторыя лица домогаются занять и успѣваютъ получить учительскія мѣста даже безъ всякаго вознагражденія.

Обстоятельство это указываетъ на необходимость установить точное число преподавателей въ начальныхъ училищахъ, какъ таковое устанавливается штатами другихъ учебныхъ заведеній, и опредѣлить условія, при которыхъ это число можетъ быть увеличиваемо. Въ этихъ видахъ, примѣняясь къ правиламъ, опредѣленнымъ въ инструкціи 4-го іюня 1875 года для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, я полагалъ-бы полезнымъ въ отношеніи прочихъ видовъ начальныхъ училищъ установить въ видѣ опыта слѣдующія правила:

§ 1. Въ одноклассномъ начальномъ училищѣ полагается: одинъ законоучитель (или преподаватель Закона Божія) и одинъ учитель. При числѣ учащихся свыше 40 можетъ быть открываемъ параллельный классъ съ особымъ учителемъ, но съ общимъ законоучителемъ (или преподавателемъ Закона Божія) для основнаго и параллельнаго классовъ. При числѣ учащихся свыше 80 можетъ быть открытъ второй параллельный классъ также съ особымъ учителемъ и съ назначеніемъ другаго законоучителя (или преподавателя Закона Божія). При числѣ учащихся свыше 120 открывается третій параллельный классъ съ особымъ учителемъ, но безъ третьяго законоучителя (или преподавателя Закона Божія). При числѣ учащихся свыше 160 открывается четвертый параллельный классъ съ особымъ учителемъ и съ назначеніемъ третьяго законоучителя (или преподавателя Закона Божія). Соотвѣтственно указанной постепенности возрастанія числа учащихся слѣдуетъ поступать и при дальнѣйшемъ увеличеніи какъ параллельныхъ классовъ, такъ и преподавателей, т.-е. учителей и законоучителей (или преподавателей Закона Божія).

§ 2. Въ училищѣ двухклассномъ, то-есть, состоящемъ изъ двухъ послѣдовательныхъ въ порядкѣ прохожденія курса классовъ, полагается: одинъ законоучитель (или преподаватель Закона Божія), общій для обоихъ классовъ, и два учителя. При числѣ учащихся въ томъ или другомъ классѣ свыше 40, при немъ можетъ быть открытъ параллельный классъ съ особымъ учителемъ и съ назначеніемъ втораго законоучителя (или преподавателя Закона Божія). При числѣ учащихся въ данномъ классѣ свыше 80, при немъ можетъ быть открытъ второй параллельный классъ съ особымъ учителемъ, но безъ увеличенія числа законоучителей (или преподавателей Закона Божія). При дальнѣйшемъ возрастаніи числа учащихся въ двухклассныхъ училищахъ количество параллельныхъ классовъ и учащихъ увеличивается сообразно тому, какъ указано выше для одноклассныхъ училищъ.

§ 3. Открытіе параллельныхъ классовъ и опредѣленіе въ оные учащихъ должно быть производимо тѣмъ-же порядкомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ требованій, какія установлены для открытія училищъ и назначенія въ оныя учащихъ.

§ 4. Преподаватели Закона Божія и учители параллельныхъ классовъ могутъ получать отъ инспекторовъ народныхъ училищъ указанныя въ ст. 63 (п. 3) устава о воинской повинности удостовѣренія и пользоваться

опредѣленною въ сей статьѣ льготою лишь въ томъ случаѣ, если при открытіи параллельныхъ классовъ, въ которыхъ они преподаютъ, и при опредѣленіи ихъ на мѣста выполнены требованія, означенныя въ предыдущихъ трехъ пунктахъ, и если, сверхъ того, названные преподаватели и учители даютъ въ недѣлю каждый по своей части или по своимъ предметамъ столько-же уроковъ, сколько положено для таковыхъ лицъ въ соотвѣтственныхъ основныхъ классахъ.

§ 5. Для большей успѣшности въ преподаваніи одинаковыя по успѣхамъ или по возрасту группы учащихся въ основныхъ и параллельныхъ классахъ могутъ быть соединяемы вмѣстѣ и поручаемы однѣ законоучителю (преподавателю Закона Божія) или учителю одного класса, а остальныя законоучителю (преподавателю Закона Божія) или учителю другаго класса, смотря по тому, какъ окажется наиболѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ.

§ 6. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по обстоятельствамъ того или другаго училища, какъ одноклассного, такъ и двухклассного, требуется увеличеніе числа учителей противъ указаннаго штата, могутъ быть опредѣляемы сверхштатныя учительницы или же и сверхштатные учители, но изъ лицъ, не подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Впрочемъ, если-бы оказалось, что помѣщеніе и средства даннаго училища представляютъ возможность имѣть особую классную комнату и особаго преподавателя для какого-либо изъ отдѣленій или даже для каждаго изъ отдѣленій учащихся въ семъ училищѣ, замѣщеніе-же необходимыхъ въ такихъ случаяхъ дополнительныхъ преподавательскихъ должностей сверхштатными учительницами или учителями признавалось-бы затруднительнымъ, то дозволяется, и при числѣ учащихся меньше сорока, назначать для каждаго отдѣленія особаго штатнаго учителя, то-есть, съ правомъ на льготу по отбыванію воинской повинности, но не иначе, какъ при соблюденіи слѣдующихъ требованій: а) если инспекторъ народныхъ училищъ (штатный смотритель уѣзднаго училища, или начальникъ учебной дирекціи) лично или изъ донесенія учителя, завѣдывающаго даннымъ училищемъ, удостовѣрится, что въ семъ училищѣ имѣется помѣщеніе, потребное для отдѣльныхъ классныхъ комнатъ; б) если земство, городское, сельское или иное общество, на средства коего содержится училище, представитъ инспектору народныхъ училищъ (или другому показанному выше должностному лицу по принадлежности) подлежащее постановленіе или приговоръ о назначеніи ежегоднаго изъ своихъ средствъ вознагражденія въ потребномъ размѣрѣ каждому изъ учителей и в) съ тѣмъ, что учитель, назначаемый особо для того или другаго отдѣленія учащихся, долженъ давать ежедневно такое-же число уроковъ, какое положено и какое давалось-бы при общемъ для всѣхъ отдѣленій учителѣ.

Само собою при этомъ разумѣется, что съ установленіемъ настоящихъ правилъ лица женскаго пола не должны лишаться права занимать въ вышеозначенныхъ училищахъ учительскія мѣста наравнѣ съ кандидатами изъ мужчинъ. Засимъ лица, кои въ основныхъ или параллельныхъ классахъ училищъ заняли бы мѣста преподавателей, учителей или учительницъ безъ соблюденія требованій, опредѣленныхъ настоящими правилами

и другими по училищной части постановленіями, не только не могутъ пользоваться какими-либо преимуществами, но должны быть устраняемы отъ должностей. Для предупрежденія же недоразумѣній въ отношеніи правильности назначенія на учительскія мѣста лица, опредѣляемыя на оныя, должны просить отъ директоровъ или инспекторовъ народныхъ училищъ, отъ училищныхъ совѣтовъ или комитетовъ, отъ попечителей учебныхъ округовъ, по принадлежности, а сіи должностныя лица и учрежденія обязаны давать опредѣляемымъ на учительскія мѣста письменныя предложенія о томъ, что данное лицо допущено къ исполненію учительскихъ обязанностей или утверждено въ должности преподавателя, учителя или учительницы въ такомъ-то (основномъ или параллельномъ) классѣ съ такого-то (число, мѣсяцъ и годъ) срока.

Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать надлежащее распоряженіе о приведеніи въ исполненіе настоящихъ правилъ въ дѣйствіе по ввѣренному вамъ учебному округу.

О подчиненіи вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣхъ лютеранскихъ церковныхъ школъ въ округахъ Московской и С.-Петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи *).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 22-й день ноября минувшаго года, Высочайше повелѣть соизволилъ: всѣ безъ исключенія лютеранскія церковныя школы въ округахъ Московской и С.-Петербургской евангелическо-лютеранскихъ консисторій, находящіяся въ губерніяхъ, указанныхъ въ пунктахъ 1 и 5 ст. 434 св. зак. т. XI ч. 1, по прод. 1886 г., со всѣми принадлежащими симъ школамъ имуществами, подчинить вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія на общемъ основаніи съ другими начальными училищами, находящимися въ завѣдываніи сего Министерства, и съ тѣмъ, чтобы при новомъ порядкѣ управленія сохранено было право протестантскаго духовенства наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества въ означенныхъ заведеніяхъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретаремъ *Дурново*, его сіятельство увѣдомилъ меня предложеніемъ отъ 8-го января 1891 г., за № 399, присовокупивъ, что онъ отнесся къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о доставленіи полнаго списка означенныхъ школъ, который въ надлежащей его части будетъ доставленъ ко мнѣ.

О семъ для свѣдѣнія и руководства объявляется по округу

---

*) Цирк. по Спб. учебному округу, № 3 за 1891 г.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ устройствѣ пансіоновъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (28-го февраля 1891 года) *).

Въ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 7-го февраля, за № 2626, я просилъ ваше превосходительство обратить особенное вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній и почетныхъ попечителей на крайнюю необходимость устраивать пансіоны или хотя-бы общежитія при мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ и промышленныхъ училищахъ, а также склонять къ содѣйствію сему благому дѣлу мѣстныя общества.

О таковомъ распоряженіи моемъ я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору, и Его Величество на докладѣ моемъ, въ 10-й день февраля, собственноручно начертать соизволилъ: «*Радуюсь этому доброму и полезному началу*».

Но такъ какъ, при всемъ стараніи лицъ учебнаго вѣдомства къ открытію пансіоновъ, трудно, однако, разсчитывать, чтобы въ этомъ благомъ и полезномъ начинаніи могъ послѣдовать большой успѣхъ безъ содѣйствія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, почетныхъ попечителей и другихъ властей, Министерству Народнаго Просвѣщенія не подчиненныхъ, то вмѣстѣ съ симъ Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ разрѣшить мнѣ сообщить означеннымъ лицамъ, что дѣло это пользуется одобреніемъ и сочувствіемъ Его Императорскаго Величества.

Увѣдомивъ о семъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и поименованныя мною мѣстныя власти, имѣю честь сообщить и о вышеизложенномъ вашему превосходительству въ дополненіе къ предложенію моему за № 2626.

О выдачѣ пособій изъ спеціальныхъ средствъ среднихъ учебныхъ заведеній **).

Бывшій попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа обращалъ уже вниманіе начальниковъ учебныхъ заведеній на необходимость соблюденія строгой экономіи въ расходованіи спеціальныхъ средствъ (цирк. 1889 г., № 4). Не смотря на то, въ управленіе округа поступаютъ весьма часто ходатайства директоровъ гимназій и реальныхъ училищъ и инспекторовъ прогимназій о выдачѣ пособій преподавателямъ, служащимъ и даже имъ самимъ.

Удовлетвореніе этихъ ходатайствъ приводитъ къ тому, что, за рѣдкими исключеніями, гимназіи и реальныя училища не имѣютъ запасныхъ капиталовъ, необходимыхъ для ремонтовъ, расширенія или постройки зданій, и въ случаѣ потребности въ этомъ, обращаются съ просьбами о пособіи изъ государственнаго казначейства или изъ строительныхъ суммъ министерства; запасные капиталы, какъ видно изъ отчетовъ, увеличиваются

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г.

**) Цирк. по Спб. учебному округу, № 3 за 1891 г.

весьма незначительно, а иногда, наоборотъ, уменьшаются; въ одной изъ гимназій оказался недостатокъ средствъ даже на удовлетвореніе жалованьемъ преподавателей за уроки въ параллельныхъ классахъ.

Такія нежелательныя явленія объясняются въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что завѣдующіе учебными заведеніями не обращаютъ должнаго вниманія на нужды училищъ въ будущемъ и, не соображаясь съ ними, считаютъ возможнымъ распредѣлять большую часть спеціальныхъ средствъ между наличнымъ составомъ служащихъ. Это противорѣчитъ циркулярному распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 11-го февраля 1887 года, за № 2440, въ которомъ между прочимъ разъяснено, что «выдача пособій служащимъ составляетъ послѣднюю статью расходовъ, которые могутъ быть производимы лишь за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ другихъ нуждъ учебныхъ заведеній». Директоры гимназій и реальныхъ училищъ обязаны имѣть въ виду, что спеціальныя средства могутъ уменьшиться, а нужды училищъ увеличиться на будущее время и что не слѣдуетъ разсчитывать на возвышеніе платы за ученіе далѣе извѣстнаго предѣла. Непредусмотрительность въ этомъ дѣлѣ и отсутствіе запасныхъ капиталовъ могутъ поставить училища въ крайнее затрудненіе и заставляютъ уже теперь отказываться отъ многихъ желательныхъ улучшеній, вызываемыхъ возрастающими нуждами воспитанія и обученія.

Въ виду сказаннаго, считаю долгомъ предложить въ руководство начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа нижеслѣдующее.

Пособія служащимъ изъ спеціальныхъ средствъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть выдаваемы въ видѣ дополненія къ жалованью. Законъ установляетъ для служащихъ во всѣхъ однородныхъ учебныхъ заведеніяхъ одинаковый окладъ содержанія, и ссылка на недостаточность этого оклада не имѣетъ основанія; зависимость жалованья отъ случайной наличности спеціальныхъ средствъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи повела-бы къ неравномѣрности вознагражденія за труды и вредно повліяла-бы на преподавателей. Пособія по существу своему должны имѣть характеръ только единовременныхъ выдачъ.

Таковыя выдачи могутъ быть оправдываемы лишь или особенными, сверхъ обязательныхъ, трудами служащихъ, или чрезвычайными обстоятельствами, въ которыя служащій поставленъ временно.

Особые труды заключаются прежде всего въ замѣщеніи, пропущенныхъ по уважительнымъ причинамъ, уроковъ. Размѣръ вознагражденія за этотъ трудъ долженъ быть опредѣленъ по 1 руб. 25 коп. за каждый дѣйствительно данный урокъ. Далѣе, особые труды могутъ состоять въ посѣщеніи учениковъ на квартирахъ, въ дежурствѣ внѣ класснаго времени, въ занятіяхъ съ учениками, оставляемыми въ училищѣ послѣ уроковъ, и тому под. Вполнѣ справедливо, чтобы преподаватель получилъ вознагражденіе за время, посвящаемое имъ учебному заведенію сверхъ обязательныхъ для него занятій.

Что касается исключительныхъ обстоятельствъ, оправдывающихъ временное пособіе, то къ нимъ могутъ относиться всѣ тѣ случаи, которые независимо отъ преподавателя требуютъ отъ него экстренныхъ расходовъ; таковы: неожиданное перемѣщеніе, болѣзнь самихъ служащихъ или чле-

новъ ихъ семьи, пожаръ и другіе несчастные случаи. Пособія при подобныхъ обстоятельствахъ даютъ возможность перенести чрезвычайные расходы безъ необходимости входить въ долги, всегда вредно отражающіеся на дѣятельности служащихъ. Размѣръ таковыхъ пособій долженъ сообразоваться съ степенью нужды, которая вызывается чрезвычайными случаями.

Всякая иная денежная выдача изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія, за исключеніемъ указанныхъ выше, должна быть разсматриваема какъ особая награда, которая можетъ быть разрѣшена лишь во вниманіе особенныхъ заслугъ, по части воспитательной, учебной или административной, представляемаго къ награжденію лица.

Въ представленіяхъ, какъ о выдачѣ пособій перваго рода, такъ и этихъ наградъ, всѣ обстоятельства дѣла должны быть изложены съ надлежащею подробностью и заслуги представляемаго къ награжденію лица съ точностью обозначены, причемъ должно быть указано: сколько имѣется свободныхъ спеціальныхъ средствъ въ заведеніи, на какую сумму въ данномъ году выдано вообще пособій и когда лицо, о которомъ дѣлается представленіе, получило пособіе въ послѣдній разъ.

Безъ соблюденія всѣхъ вышеизложенныхъ условій ходатайства о выдачѣ пособій будутъ оставляемы мною безъ послѣдствій.

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ условіяхъ пріема въ среднія техническія заведенія учениковъ гимназій и духовныхъ семинарій (14-го марта 1891 года *).

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ вопросъ о разъясненіи условій пріема въ среднія техническія училища учениковъ, прошедшихъ курсъ 5 и 6 классовъ гимназій, учениковъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ четырехъ классовъ, а также воспитанниковъ земледѣльческихъ училищъ, получившихъ аттестаты объ окончаніи полнаго курса этихъ училищъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ указанія, курсъ какихъ именно учебныхъ заведеній, и притомъ въ полномъ или неполномъ ихъ составѣ, надлежитъ признавать равнымъ курсу пяти классовъ реальныхъ училищъ.

Означенный вопросъ былъ переданъ мною на разсмотрѣніе Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, который при обсужденіи настоящаго дѣла полагалъ не касаться приведеннаго выше общаго вопроса, а ограничиться разрѣшеніемъ лишь вопроса о правѣ на поступленіе въ среднія техническія училища учениковъ поименованныхъ выше заведеній съ тѣмъ, чтобы по отношенію къ ученикамъ другихъ учебныхъ заведеній этотъ вопросъ разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по мѣрѣ наступленія въ томъ надобности.

Что-же касается учениковъ, прошедшихъ курсъ 5 и 6 классовъ гимназій, то сравненіе учебнаго плана и программъ 5 классовъ реальныхъ училищъ съ соотвѣтственными планами и программами 5 и 6 классовъ

---

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г.

гимназій приводитъ къ заключенію, что ученики, прошедшіе пять классовъ гимназій и удостоенные перевода въ VI классъ, могутъ быть допущены къ пріему въ среднія техническія училищъ по выдержаніи дополнительнаго испытанія: по физикѣ, черченію и рисованію въ объемѣ полнаго курса 5 классовъ реальныхъ училищъ и по алгебрѣ и геометріи изъ курса пятаго класса реальныхъ училищъ; по русскому языку, исторіи и новымъ языкамъ, не смотря на то, что курсы по этимъ предметамъ въ пяти первыхъ классахъ реальныхъ училищъ и гимназій не совпадаютъ, казалось-бы излишнимъ устанавливать какое-либо дополнительное испытаніе, такъ какъ ученики гимназій въ пяти первыхъ классахъ, пріобрѣтая достаточныя познанія по перечисленнымъ предметамъ, сверхъ того изучаютъ древніе языки, чѣмъ достигаютъ бо̀льшаго общаго развитія, дозволяющаго имъ основательнѣе усвоить себѣ пройденный курсъ русскаго языка, исторіи и новыхъ языковъ, сравнительно съ учениками соотвѣтственныхъ классовъ реальныхъ училищъ. Что-же касается естественной исторіи, то и по этому предмету едва-ли настоитъ надобность предъявлять какія-либо требованія къ ученикамъ гимназій, такъ какъ познанія и учениковъ реальныхъ училищъ въ этомъ предметѣ не велики. Засимъ въ случаѣ заявленія желанія поступить въ среднія техническія училища учениковъ гимназій, перешедшихъ въ VII классъ, такіе ученики могли-бы быть освобождены отъ дополнительнаго испытанія по геометріи, по физикѣ-же ограничиться испытаніемъ лишь изъ курса V класса реальныхъ училищъ; по алгебрѣ, черченію и рисованію для нихъ должны быть удержаны испытанія, указанныя для учениковъ, перешедшихъ въ VI классъ гимназій.

По сличеніи учебнаго плана и программъ духовныхъ семинарій для четырехъ общеобразовательныхъ классовъ съ учебнымъ планомъ и программами 5 классовъ реальныхъ училищъ оказывается, что въ духовныхъ семинаріяхъ, кромѣ спеціальнаго предмета Закона Божія, русскій языкъ, исторія (всеобщая и русская), физика и геометрія проходятся по программамъ, превышающимъ требованія программъ соотвѣтственныхъ предметовъ въ 5 классахъ реальныхъ училищъ; географія въ духовныхъ семинаріяхъ не входитъ въ кругъ учебныхъ предметовъ, такъ какъ она заканчивается въ подготовительныхъ къ духовнымъ семинаріямъ духовныхъ училищахъ; алгебра проходится въ духовныхъ семинаріяхъ по программѣ, въ которую не внесены многія статьи, положенныя по программѣ алгебры V класса реальныхъ училищъ; естественная исторія, черченіе и рисованіе въ духовныхъ семинаріяхъ вовсе не преподаются, а новые иностранные языки не составляютъ обязательныхъ для изученія предметовъ. Въ виду сего Ученый комитетъ полагаетъ, что ученики, окончившіе курсъ четырехъ общихъ классовъ духовныхъ семинарій, могутъ быть допущены къ поступленію въ среднія техническія училища по выдержаніи повѣрочнаго испытанія по математикѣ, черченію и рисованію изъ курса пяти классовъ реальныхъ училищъ и по новымъ иностраннымъ языкамъ, съ освобожденіемъ отъ послѣдняго испытанія тѣхъ, которые удостовѣрятъ, что они изучали новые языки въ семинаріи.

Въ первый классъ земледѣльческихъ училищъ принимаются молодые люди, окончившіе курсъ уѣздныхъ или городскихъ, а также сельскихъ

двухклассныхъ училищъ, и сверхъ того, по экзамену принимаются молодые люди, обладающіе познаніями, соотвѣтствующими пріобрѣтаемымъ въ первыхъ двухъ классахъ реальныхъ училищъ. Полный теоретическій и практическій курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ проходится въ шесть лѣтъ, изъ которыхъ два послѣдніе года посвящаются по преимуществу спеціальнымъ предметамъ обученія; изъ общеобразовательныхъ предметовъ только въ курсъ V класса входятъ 1 урокъ Закона Божія, назначаемый для ознакомленія съ текстомъ Священнаго Писанія на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, а также съ богослужебными книгами; 2 урока русскаго языка для прохожденія краткаго обзора исторіи русской литературы; 2 урока нѣмецкаго языка для повторенія этимологіи и синтаксиса и на переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно, а потому курсъ первыхъ четырехъ классовъ земледѣльческихъ училищъ можно считать законченнымъ по предметамъ общаго образованія. Въ учебный курсъ этихъ классовъ входятъ слѣдующіе предметы общаго образованія:

Законъ Божій.	7	часовъ въ недѣлю
Русскій языкъ.	11	» » »
Нѣмецкій языкъ	12	» » »
Географія.	7	» » »
Исторія.	8	» » »
Математика	16	» » »
Физика.	6	» » »
Естественная исторія	10	» » »
Рисованіе и черченіе	8	» » »

По всѣмъ перечисленнымъ предметамъ, за исключеніемъ алгебры, черченія, рисованія и нѣмецкаго языка, програмы четырехъ классовъ земледѣльческихъ училищъ не ниже соотвѣтственныхъ программъ пяти классовъ реальныхъ училищъ; французскій-же языкъ въ земледѣльческихъ училищахъ вовсе не изучается. Въ виду сего Ученый комитетъ полагаетъ, что окончившимъ курсъ четырехъ классовъ земледѣльческихъ училищъ можетъ быть предоставлено право на поступленіе въ среднія техническія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія по выдержаніи дополнительнаго испытанія по алгебрѣ изъ курса V класса реальныхъ училищъ, по черченію, рисованію и французскому языку въ объемѣ курса пяти классовъ реальныхъ училищъ и, кромѣ того, по нѣмецкому языку составить переводъ съ русскаго языка на нѣмецкій и написать письмо на заданную тему изъ обыденной жизни.

Вполнѣ соглашаясь съ приведеннымъ мнѣніемъ Ученаго комитета, о вышеизложенномъ имѣю честь сообщить вашему превосходительству для руководства.

Объявленіе отъ департамента народнаго просвѣщенія *).

По § 4 Высочайше утвержденнаго въ 9-й день февраля 1879 г. положенія о преміи графа Сперанскаго (№ 33 Собр. узак. и распор.

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г.

правит.) присужденіе наградъ его имени предоставляется юридическимъ факультетамъ всѣхъ россійскихъ университетовъ, съ соблюденіемъ между ними очереди, установленной по соображеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и своевременно опубликованной.

На семъ основаніи Министръ Народнаго Просвѣщенія предоставилъ нынѣ очередь для присужденія преміи графа Сперанскаго юридическому факультету Московскаго университета, а слѣдующія затѣмъ очереди, по истеченіи каждыхъ трехъ лѣтъ, университетамъ: Св. Владиміра, Харьковскому, Казанскому, Варшавскому и Дерптскому. Капитала имени графа Сперанскаго въ настоящее время состоитъ въ билетахъ: 5 выпуска государственнаго банка на 1.700 руб., 2 восточнаго займа на 24.800 руб., 3 восточнаго займа на 1.800 руб., дворянскаго земельнаго банка на 1.800 р., въ облигаціяхъ внутренняго 4% займа 800 руб., наличными деньгами 876 руб. 31 коп., всего 31.766 руб. 31 коп. Процентовъ въ текущемъ году ожидается 1.519 р. 15 коп.

Опредѣленія Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книжку: «Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. О. Поспишилъ*, преподаватель древнихъ языковъ при Кіевской 1-й гимназіи. Часть I. Курсъ перваго класса. Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. Кіевъ. 1891. Стр. 62. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книжки: «Начальная латинская хрестоматія для первыхъ трехъ классовъ гимназій. Выпускъ I. Курсъ перваго класса. Составилъ *Евгеній Сыроѣчковскій*, учитель Московской 1-й гимназіи. Москва. 1890. Стр. III + 95, и Вокабулярій къ курсу I класса начальной латинской хрестоматіи, стр. 44. Цѣна за обѣ книжки въ переплетѣ 45 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Энеида Виргилія. Объяснилъ для гимназій *Д. И. Нагуевскій*, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Часть IV. Кн. X—XII. Казань. 1891. Стр. 138. Цѣна 1 р. 20 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по латинскому языку для гимназій.

— Книгу: «Scriptores latini cura *Volodimeri Crause* in usum scholarum editi. *Q. Horatii Flacci* Carmina. Recognovit *Josephus Schebor*, professor Petropoli. 1890. (Стихотворенія Горація. Изд. Краузе, подъ редакціею профессора Шебора). Спб. 1890. Стр. 232»—одобрить, какъ учебное пособіе по латинскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «*Корнелій Непотъ*. Избранныя біографіи. Съ введе-

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г.

ніемъ, примѣчаніями, 43 рисунками и географическою картою. Объяснилъ *Левъ Георгіевскій*, директоръ Императорской Николаевской гимназіи. Часть I. Текстъ, стр. 37.—Часть II. Комментарій, стр. 86. Спб.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: «*Гомеръ*. Одиссея. Пѣснь I, съ введеніемъ, примѣчаніями и 15-ю рисунками. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 2-й гимназіи, стр. 109. Цѣна 50 коп.»—рекомендовать въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Основанія общей ариѳметики для VIII класса гимназіи. Составилъ *А. Жбиковскій*, докторъ чистой математики. Въ трехъ частяхъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890. Стр. VI+116+II+76+II+28. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить, какъ руководство для VIII класса гимназій.

— Книжку «Систематическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Часть IV: отношенія, пропорціи и тройныя правила. Составилъ *С. В. Геде*. Спб. 1890. Стр. 75. Цѣна 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Метеорологическій Вѣстникъ, издаваемый отдѣленіемъ математической и физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціею *А. И. Воейкова*, *М. А. Рыкачева*, *І. Б. Шпиндлера*. Спб. 1891. Цѣна годоваго изданія (12 книжекъ) съ пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб.»—рекомендовать для основныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и женскихъ гимназій.

— Книгу: «Разсказы изъ всеобщей исторіи (эпизодическій курсъ). Составилъ *А. И. Кузнецовъ*, преподаватель Новочеркасской мужской гимназіи. Изд. 3-е. Стр. 157. Цѣна 80 коп.»—допустить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній, для младшаго возраста.

— Книгу: «Профессоръ *Роб. Пельманъ*. Краткій очеркъ греческой исторіи. Переводъ *Н. Шамонина*, Москва. 1890. Стр. 135. Цѣна 90 к.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

— Книжку: «Краткій учебникъ географіи. Приготовительный курсъ. Составилъ *П. Матасовъ*, преподаватель географіи въ лицеѣ Цесаревича Николая. Москва. 1890. Стр. 55. Цѣна 40 коп.»—допустить для употребленія въ видѣ руководства для городскихъ училищъ.

— Книжку: «Manuel de la prononciation française à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'instruction publique, par *Edmond Bouhon*. (Руководство французскаго произношенія, пособіе при изученіи французскаго языка въ среднихъ и высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній, составилъ *Эдмондъ Бугонъ*, преподаватель 3-й и 4-й Московскихъ женскихъ гимназій, реальнаго реформатскаго училища и другихъ заведеній. Москва. 1891. Стр. 80. Цѣна 35 коп.»—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Recueil classique français à l'usage des classes moyennes et superieures des établissements d'instruction publique par *Edmond Bouhon*. Poésie. (Классическій французскій сборникъ для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ и мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Эдмондъ Бугонъ*. Поэзія). Москва. 1891. Стр. 138+IV. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ мужскихъ и въ среднихъ и высшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній.

— Лѣсостатистическія карты, съ объяснительною къ нимъ брошюрою, подъ заглавіемъ: «Къ статистикѣ лѣсовъ Европейской Россіи, составилъ *Н. К. Генко*. Спб. 1888 г., въ 8-ку, 97 стр.»—одобрить въ качествѣ классныхъ картъ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, коммерческихъ училищъ, городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 года и для уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: «*Н. В. Пономаревъ*. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Спб. 1890, въ 8-ку, 236 страницъ, съ 141 рисункомъ въ текстѣ. Цѣна 1 руб.»—одобрить для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ начальныхъ, а равно и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, при чемъ нѣкоторыя статьи могли-бы быть прочитываемы въ старшихъ отдѣленіяхъ сельскихъ школъ и двухкл. сельскихъ училищъ.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Брошюру: «Про обезьяну-мартышку и про медвѣдя-мишку. Сборникъ сказокъ, басенъ и статей. М. 1891. Цѣна 2 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Здоровье. Книжка первая. Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. Составилъ для школъ и грамотнаго народа врачъ *П. Латышевъ*. Съ приложеніемъ таблицы рисунковъ. М. 1890. Въ 8-ку, 101 стр. Цѣна 25 коп.» — одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Объ уходѣ за малыми дѣтьми. Составлено главнымъ докторомъ Московской дѣтской больницы *Е. А. Покровскимъ*. М. 1890. Въ 12-ю д. л., 100 стр. Цѣна не обозначена» — одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапномъ заболѣваніи людей. Составлено женщиной-врачемъ. М. 1889. Въ 12-ю д. л., 69 стр. Цѣна не обозначена» — одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

---

*) Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1891 г

— Изданные *М. Герасимовымъ:* 1) «Календарь для учителей городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ двухкласныхъ училищъ на 1889 — 1890 учебный годъ. Спб. 1889» и 2) «Приложеніе къ календарю для учителей. Спб. 1889. Цѣна Календаря въ переплетѣ 60 коп., а съ Приложеніемъ 1 руб.»—допустить къ пріобрѣтенію въ учительскія библіотеки городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ двухклассныхъ училищъ.

Опредѣленія Учебнаго комитета, состоящаго при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи *).

Опредѣленіемъ Учебнаго комитета, состоящаго при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, утвержденнымъ его сіятельствомъ Г. И. д. Главноуправляющаго сею канцеляріею, постановлено слѣдующія книги:

А. Рекомендовать:

1) Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Передѣлана съ французскаго *Ек. Бекетовой.* Съ рисунками К. Брожа. Изданіе редакціи журнала для дѣвочекъ «Мой журналъ». Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою—въ ученическія библіотеки среднихъ классовъ институтовъ и гимназій вѣдомства.

2) Русскій букварь для народныхъ училищъ. Съ постепенно наростающими звуками, съ прописями, образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными другими письменными и умственными упражненіями, съ уроками чтенія—письма съ 500 рисунками въ текстѣ. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ.* 4-е исправленное изданіе. Цѣна 20 к. С.-Петербургъ. Изданіе книжнаго магазина В. П. Луковникова,—какъ руководство для начальныхъ школъ вѣдомства Императрицы Маріи.

3) Методическое руководство къ обученію письму. Составилъ *В. Гербачъ.* Цѣна 40 коп.—для фундаментальныхъ библіотекъ низшихъ училищъ, учительской семинаріи и педагогическихъ курсовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

4) Сочиненія *Пушкина*, изданныя для юношества подъ редакціей В. П. Авенаріуса. Съ біографіей поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и политипажами въ текстѣ. Три тома. Москва 1888 г. Цѣна въ папкѣ 2 руб.—для ученическихъ библіотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, а также для подарковъ учащимся въ этихъ заведеніяхъ.

5) Etude des participes, basée sur l'histoire de la langue, par *J. Bastin.* 3-e édition, St.-Pétersbourg. 1889 г. Prix. 80 cop.—для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, а также въ библіотеки педагогическихъ курсовъ.

---

*) «Женское Образованіе» мартъ 1891 г. Часть оффиціальная.

6) Особенности синтаксиса нѣмецкаго языка сравнительно съ русскимъ. Составилъ *Георгъ Давидсъ*. 1888 г. 3-е изд. Цѣна 60 к.—какъ пособіе при обученіи нѣмецкому языку въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

7) Русскія вышивки, узоры изъ коллекціи, собранной Далматовымъ. Изданіе *Далматова*. 1889 г. Цѣна 3 руб.—въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи рукодѣлію и для библіотекъ женскихъ учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ вѣдомства Императрицы Маріи.

8) Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества Френсиса Бёрнета. Переводъ съ англійскаго «Little lord Fountleroy». Подъ редакціей *Е. Сысоевой*. Съ 17 рисунками. Спб. 1889 г. Изданіе Девріена. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.—какъ полезное чтеніе, для подарковъ и для ученическихъ библіотекъ въ младшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Б. Одобрить:

1) Первые уроки русской грамматики въ связи съ начальными упражненіями въ правописаніи. Составилъ *В. Гербачъ*. 6-е исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1888 г. Цѣна 40 коп.—какъ руководство для низшихъ двухъ классовъ институтовъ и гимназій, а также для пріютовъ и патріотическихъ школъ.

2) «Дѣтское чтеніе». Иллюстрированный журналъ для дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, издаваемый *С. Ф. Яздовскимъ*. 12 книгъ—полное годовое изданіе за 1888 г.—для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки институтовъ и гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

3) Учебникъ нѣмецкаго языка для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ив. Алледорфъ*. Цѣна 80 к. 3-е передѣланное изданіе. Одесса. 1889 г. — какъ руководство для двухъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства.

4) *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. Уроки русскаго правописанія. Руководство для учителей народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ и для домашняго обученія. Годъ 1-й и 2-й. Опытъ приложенія изыскательнаго метода къ обученію правописанія. 10-е изданіе. Цѣна 35 коп. С.-Петербургъ. 1888 г. Годъ 3-й послѣдній. Опытъ приложенія изыскательнаго метода къ обученію правописанію. Изданіе 6-е. Цѣна 35 коп. С.-Петербургъ. 1887 г.—для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ вѣдомства Императрицы Маріи.

5) Практическая русская грамматика. Учебное пособіе для учениковъ городскихъ начальныхъ, сельскихъ двухклассныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. 300 письменныхъ грамматическихъ упражненій. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ*. Изданіе 12-е. Цѣна 25 коп. С.-Петербургъ. 1889 г.—какъ учебное пособіе для начальныхъ школъ и другихъ младшихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

6) Общедоступная библіотека русскихъ писателей. Изданіе книгопродавца *Распопова*, подъ редакціей и съ примѣчаніями *И. С. Боровскаго*. Одесса. 1888 г. 39 выпусковъ,—въ качествѣ учебнаго пособія по рус-

ской словесности въ среднихъ и старшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

7) Обученіе письму по счету. Руководство для учителей народныхъ школъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Составилъ *Ѳ. Пуцыковичъ.* Цѣна 30 к.—для фундаментальныхъ библіотекъ низшихъ училищъ, учительской семинаріи и педагогическихъ курсовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

8) Руководство къ обученію письму. Составилъ *В. С. Гербачъ* по порученію Учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Прописи русскія. Цѣна 40 к. 20-е изданіе, — въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи чистописанію въ низшихъ училищахъ вѣдомства.

9) *Того-же автора.* «Прописи и образцы рисованія по клѣткамъ. Учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ». Цѣна 8 коп.—въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи чистописанію въ низшихъ училищахъ вѣдомства.

10) *Того-же автора.* «Русская скоропись». Упражненія для развитія свободнаго движенія руки и пріобрѣтенія четкой скорописи. Учебный матеріалъ для послѣдней ступени обученія письму. Цѣна 50 к.—въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи чистописанію въ низшихъ училищахъ вѣдомства.

11) *Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ.* «Русскія прописи». Цѣна 25 коп. — въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи чистописанію въ низшихъ училищахъ вѣдомства.

12) *А. К. Гортовъ.* «Систематическія русскія прописи». Пособіе для обучающихся. Изданіе учебнаго магазина «Начальная школа». Цѣна 15 к.—въ качествѣ учебнаго пособія при обученіи чистописанію въ низшихъ училищахъ вѣдомства.

13) «Калевала». Финскія народныя былины. Для юношества *Н. А. Борисовъ.* С.-Петербургъ 1889 г. Цѣна 50 к. — для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

14) Chrestomathie litteraire. Morceaux de lecture ou exercices de conversation, de narration et de mémoire par *I. Bastin.* 6-me edition, prix 1 r. St.-Pbg. 1889 г.—какъ полезное пособіе при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ женскихъ институтовъ и гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

15) Сергѣй Боръ Раменскій. Повѣсть *Евгеніи Туръ.* Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к. — для библіотекъ младшихъ и среднихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

16) Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Составилъ *С. Чекала,* инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. Начальный курсъ. Москва. 1889 г.— въ качествѣ пособія для преподаванія нѣмецкаго языка въ младшихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи.

17) «Руководство къ изученію Православной Христіанской Вѣры». Учебное пособіе при изученіи Православнаго Христіанскаго Катехизиса Православной Церкви въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ законоучитель Полтавскаго института благородныхъ

дѣвицъ протоіерей *П. Мазановъ*. Изд. IV. Полтава. 1887 г.—въ качествѣ пособія при преподаваніи Закона Божія въ тѣхъ классахъ учебныхъ заведеній вѣдомства, гдѣ преподается пространный катехизисъ.

18) Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. (Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты). Много рисунковъ въ текстѣ. Составилъ Т. Лубенецъ. Годъ первый. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Петербургъ. 1886 г. Цѣна 30 коп.

19) Зернышко. Того-же автора. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. (Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты). Много рисунковъ въ текстѣ. Годъ второй. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Петербургъ. 1886 г. Цѣна 40 к.

20) Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. Того-же автора. Списываніе, грамматическія задачи, разрѣшеніе загадокъ, письменныя объясненія загадокъ. Составленіе отвѣтовъ на вопросы по статьямъ. Планъ для самостоятельныхъ описаній. Описаніе по вопросамъ. Книжка для учащихся. Цѣна 15 коп. С.-Петербургъ. 1886 г. Изданіе *Ф. Павленкова*.—Всѣ три книги въ качествѣ учебнаго пособія въ начальныхъ школахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

21) Сборникъ школьныхъ хоровыхъ пѣсенъ для однородныхъ двухъ голосовъ. Составилъ *А. Рубецъ*. Выпускъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп.—какъ пособіе для обученія пѣнію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

В. Допустить:

1) Біографіи и характеристики изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сборникъ статей для чтенія и перевода въ старшихъ классахъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *Н. Струве*. Одесса, 1888 г.—въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно ея употребленіе въ качествѣ учебнаго пособія въ педагогическихъ курсахъ вѣдомства.

2) Вл. Сорокинъ. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Изданіе второе, исправленное, съ портретомъ Петра Великаго и картинами. Цѣна 45 коп.—какъ книгу для чтенія въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ вѣдомства.

3) Систематическій сборникъ разсказовъ для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій Ѳ. К. Андерсона—въ видѣ пособія въ среднихъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ вѣдомства.

4) Славянскій или церковный букварь. Составилъ *Т. Лубенецъ*. 2-е изданіе. Цѣна 5 коп. Спб. 1888 г.—въ качествѣ учебника при обученіи церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ школахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

5) Руководство къ церковно-славянскому букварю. Книга для учащихъ. Составилъ *Т. Лубенецъ*. 2-е изданіе, дополненное. Цѣна 15 коп. Спб. 1889 г.—въ учительскія библіотеки начальныхъ школъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Циркуляры по военно-учебнымъ заведеніямъ.

27 ноября 1890 г. № 26. По приказанію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, объявляется кадетскимъ корпусамъ о выходѣ въ свѣтъ новымъ, десятымъ изданіемъ «Ариѳметики» Ф. Симашко.

Изданіе это въ порядкѣ изложенія согласовано съ программою, утвержденною Военнымъ Министромъ 7-го іюля 1889 г., на основаніи которой положено, между прочимъ, проходить статью объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ и свойствѣ чиселъ—въ концѣ курса ариѳметики III класса, а при повтореніи ариѳметики въ VII классѣ рекомендуется обратить особенное вниманіе на статью о дѣлимости чиселъ, общій наибольшій дѣлитель и свойства простыхъ чиселъ, при чемъ разсужденія можно вести надъ общими числами. Согласно сему, послѣдній, IX отдѣлъ вышедшаго нынѣ изданія «Ариѳметики» Ф. Симашко, подъ заглавіемъ «Свойства чиселъ», содержитъ въ себѣ курсъ III класса и оканчивается статьею, подъ заглавіемъ «Дальнѣйшія свойства чиселъ», предназначенною для VII класса и изложенною надъ общими числами.

Цѣна экземпляра 75 коп. Военно-учебныя заведенія, выписывающія книгу непосредственно отъ автора (по адресу: Петербургъ, главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанту Симашко), пользуются уступкою въ размѣрѣ 15%, съ отнесеніемъ пересылки на счетъ заведеній *).

---

23 февраля 1891 г. № 10. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, ознакомившись съ изданной въ 1890 году книгой: «Николай Михайловичъ Пржевальскій. Біографическій очеркъ. Составилъ Н. Ѳ. Дубровинъ. Съ 4 портретами Н. М., 3 автографами, 2 фототипіями и отчетною картою четырехъ его путешествій», приказалъ рекомендовать этотъ трудъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній. Цѣна означенной книги—5 рублей; складъ изданія у В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ, Колокольная № 14.

Объявляя о семъ, главное управленіе, по приказанію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, присовокупляетъ, что деньги отъ продажи означенной книги поступаютъ въ капиталъ на устройство памятника Н. М. Пржевальскому **).

---

26 февраля 1891 г. № 11. Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній приказалъ рекомендовать симъ заведеніямъ, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки, сочиненіе штатнаго врача Виленской 2 гимназіи Л. Гордона «Слово и рѣчь», имѣющее цѣлью ознакомить читателей, въ общедоступномъ изложеніи, съ устройствомъ и отправленіями органовъ голоса и рѣчи въ здоровомъ и больномъ состояніи и съ гигіеною ихъ, а также съ устройствомъ, отправленіями и гигіеной слуховаго аппарата.

Цѣна книги 1 р. 75 коп. При выпискѣ отъ автора (въ г. Вильно) пересылка принимается на его счетъ ***).

---

*) Педаг. сборникъ январь 1891 года, часть оффиціальная.
**) Педаг. сборникъ апрѣль 1891 года.
***) Ibid.

Императрица Марія Θеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ.

(По рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ Смольнаго института).

(Окончаніе).

Разсмотрѣвъ въ 1815 г. существовавшій до тѣхъ поръ въ Смольномъ институтѣ порядокъ преподаванія, императрица нашла нужнымъ нѣсколько измѣнить программу обученія. Во избѣжаніе постоянныхъ повторительныхъ курсовъ, отнимавшихъ много времени въ старшихъ классахъ, было постановлено: 1) въ преподаваніи закона Божія и нравоученія соблюдать уже въ младшихъ классахъ нѣкоторую послѣдовательность, начиная съ сокращеннаго катехизиса, переходить къ священной исторіи съ нужными распространеніями и объясненіями, затѣмъ говорить о литургіи и нравоученіи. 2) Вслѣдствіе требованія извѣстной подготовки, дѣти поступали въ заведеніе, умѣя уже читать и писать по-русски; поэтому учителя, не теряя много времени на элементарную грамоту, могли приступить уже въ младшемъ возрастѣ къ первоначальному краткому изученію грамматики, объясняя все примѣрами, доводя дѣтей вопросами до возможности передать правило своими словами, и обращая вниманіе на произношеніе и словоудареніе. 3) То-же самое и по языкамъ: для облегченія усвоенія пройденнаго, учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ должны были непремѣнно перевести по-русски все сказанное ими на чужомъ нарѣчіи. По окончаніи подробнаго и примѣненнаго на практикѣ объясненія всѣхъ частей рѣчи, каждый преподаватель долженъ былъ привести всѣ знанія въ систему, пользуясь при этомъ письменными упражненіями на родномъ и иностранныхъ языкахъ. Во второмъ возрастѣ воспитанницы приготовлялись къ писанію сочиненій на трехъ языкахъ. Для этого учитель уяснялъ имъ, какъ одна и та-же мысль можетъ быть разнообразно выражена, сообщая дѣтямъ понятіе о не

ріодахъ и эпистолярномъ стилѣ и читая образцовыхъ авторовъ. Наконецъ, въ старшемъ возрастѣ — продолжая изученіе словесности на трехъ языкахъ, воспитанницы проходили риторику, математику и правила стихотворства, разбирали сочиненія лучшихъ авторовъ и упражнялись въ сочиненіяхъ и переводахъ. 4) Весь курсъ ариѳметики проходился въ двухъ младшихъ возрастахъ; въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ старшаго класса все повторялось въ системѣ и дѣлался краткій обзоръ геометріи; послѣдній-же годъ старшаго курса употреблялся на повтореніе геометріи. 5) Преподаваніе исторіи раздѣлялось между тремя возрастами такъ: въ младшемъ — излагались главныя эпохи и самые выдающіеся факты, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка. Въ среднемъ возрастѣ пріобрѣтенныя знанія пополнялись послѣдовательными разсказами съ нѣкоторыми подробностями. Здѣсь приступали къ краткому обозрѣнію новѣйшей исторіи, останавливаясь на выдающихся политическихъ событіяхъ. Наконецъ, въ старшемъ классѣ дополняли сообщенное въ предъидущіе года и обращалось вниманіе на исторію просвѣщенія народовъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. 6) Преподаваніе географіи въ младшихъ классахъ начиналось съ географіи математической, съ изученія общаго раздѣленія земнаго шара, съ перечисленія главнѣйшихъ государствъ и общаго физическаго ихъ описанія. Въ среднемъ возрастѣ проходили географію частей свѣта въ болѣе обширномъ объемѣ; а въ старшемъ—свѣдѣнія эти дополнялись подробностями о государствахъ, просвѣщеніи, торговлѣ и промышленности въ разныхъ странахъ.

Вообще рекомендовалось заботиться объ умственномъ развитіи воспитанницъ, о томъ, чтобы онѣ не слишкомъ придерживались выраженій учебника, не затруднять дѣтей особенно сложными вопросами, по возможности раздробляя ихъ для удобства отвѣта.

Тѣ-же правила были постановлены въ мѣщанскомъ училищѣ и въ военномъ отдѣленіи; въ нихъ программа преподаванія въ младшихъ возрастахъ была та-же, а въ старшемъ—проходился въ сокращенномъ видѣ курсъ средняго и старшаго возраста благородныхъ дѣвицъ. Для освѣженія въ памяти усвоеннаго полагались ежемѣсячно два дня на повтореніе пройденнаго въ низшемъ классѣ, съ указаніемъ связи пройденнаго съ вновь объясненнымъ. Число учебныхъ часовъ уменьшилось до 27 час. въ недѣлю въ младшемъ возрастѣ и до 30 час. въ старшемъ, считая каждый урокъ въ $1^1/_2$ часа.

Для малоуспѣвающихъ устроенъ былъ такъ-называемый приготовительный классъ, мысль объ учрежденіи котораго всецѣло принадле-

жала императрицѣ [1]). Вслѣдствіе сокращенія уроковъ въ младшемъ возрастѣ (исторіи и чистописанія), у преподавателей осталось нѣсколько свободныхъ часовъ; не желая уменьшить жалованье этимъ учителямъ, государыня рѣшила восполнить ихъ заработокъ занятіями въ образцовомъ приготовительномъ классѣ, гдѣ также занимались пепиньеры, подъ руководствомъ преподавателей. Занятія съ выздоравливающими и хронически-больными воспитанницами поручались тоже пепиньерамъ; «Такимъ образомъ [2])—писала императрица графинѣ Адлербергъ—мы достигнемъ двойной цѣли: дѣти, могущія заниматься въ лазаретѣ безъ вреда для здоровья, не будутъ слишкомъ отставать отъ подругъ, а для пепиньеръ эти упражненія составятъ полезную практику».

Ежегодные экзамены во всѣхъ классахъ для перевода воспитанницъ изъ одного отдѣленія въ другое, отнимавшіе много времени и всецѣло отвлекавшіе инспектора отъ исполненія другихъ его обязанностей, были замѣнены ежемѣсячными донесеніями учителей о прилежаніи и успѣхахъ ученицъ. Экзаменаціонныя-же испытанія производились только черезъ три года при переходѣ изъ класса въ классъ. Познанія воспитанницъ, аттестуемыя прежде словами très bien, bien, passable, для болѣе точнаго опредѣленія оттѣнковъ обозначались цыфрами, причемъ была введена стобалльная система: такъ, «слабо» можно было обозначать числами отъ 10—20, «посредственно» отъ 20—40, «хорошо» отъ 40—70, «очень хорошо» отъ 70—100, различая степень этихъ аттестацій прибавленіемъ или убавленіемъ 5-ти единицъ; такъ, въ послѣднемъ случаѣ можно было ставить 75, 80, 85 и т. д. Но подобная система, сводящаяся, собственно говоря, къ двадцатибалльной и представляющая многія неудобства, была впослѣдствіи замѣнена двѣнадцати-балльной, существующей въ институтахъ и по нынѣ. Для болѣе успѣшнаго веденія учебнаго дѣла императрица поручила въ 1817 году комитету, составленному изъ наиболѣе образованныхъ и опытныхъ лицъ, заняться разработкою общаго для всѣхъ институтовъ плана воспитанія и обученія. Для руководства его членамъ было сообщено императрицею множество собранныхъ ею лично практическихъ наблюденій. Эта работа въ томъ-же году приведена въ исполненіе и имѣла, конечно, важное значеніе для всѣхъ заведеній. На первое время членами этого комитета были назначены: графиня Адлербергъ, т. с. Нелединскій-Мелецкій, т. с. Вилламовъ, ст. сов. Шторхъ, инспекторъ классовъ Лоди; впослѣдствіи засѣданія этого

[1]) Копія съ письма отъ 20 сентября 1815 г.

[2]) Письмо отъ 16 мая 1815 г.

педагогическаго комитета должны были повторяться по назначенію начальницы черезъ каждые четыре мѣсяца для обсужденія педагогическихъ мѣръ и пріемовъ преподаванія; тутъ-же разсматривались успѣхи воспитанницъ и замѣчанія инспектора. Результаты каждаго такого собранія, равно какъ и ходъ самихъ совѣщаній сообщались государынѣ.

Желая дать воспитанницамъ нѣкоторое понятіе о веденіи хозяйства, знаніе котораго столь необходимо для женщины, императрица ввела обученіе этому предмету на практикѣ первоначально въ Московскомъ институтѣ, не столь многочисленномъ, и, найдя успѣхъ перваго опыта соотвѣтствующимъ ея желаніямъ, рѣшила примѣнить тѣ-же мѣры и въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Согласно новому постановленію, двѣ воспитанницы старшихъ возрастовъ дежурили каждый день по заведенію.

По вступленіи въ дежурство, начинавшееся тотчасъ послѣ обѣда и кончавшееся на слѣдующій день въ то-же время, воспитанницы дворянской половины являлись къ начальницѣ, а мѣщанки къ инспектриссѣ училища, чтобы присутствовать при переговорахъ съ экономомъ: слушая приказанія, отдаваемыя на слѣдующій день, онѣ должны были дѣлать свои замѣтки о цѣнахъ на продукты и т. п. Вечеромъ, по окончаніи занятій, передъ отходомъ ко сну, овѣ осматривали классы и спальни своихъ возрастовъ, и, замѣтивъ безпорядки, обязаны были ихъ исправить лично или отдать должныя приказанія прислугѣ, записывая свои наблюденія относительно какихъ-либо упущеній. На другой день, утромъ, дежурныя, въ сопровожденіи классной дамы, а иногда и самой начальницы, шли въ кухню для пріема купленной провизіи, обращая вниманіе на соблюденіе чистоты посуды, столовъ и друг. кухонныхъ принадлежностей. По окончаніи уроковъ онѣ снова дѣлали обходъ спаленъ и классовъ старшаго возраста. Въ столовой тоже наблюдали за чистотою, порядкомъ и прислугою; послѣ обѣда являлись вмѣстѣ съ двумя слѣдующими дежурными къ начальницѣ для сообщеній своихъ наблюденій. Въ тѣ дни, когда мѣнялось бѣлье, онѣ принимали чистое и сдавали грязное. Въ лѣтнее время воспитанницы мѣщанской половины ходили въ прачечную, чтобы видѣть, какъ гладятъ бѣлье. Записныя книжки или тетрадки дежурныхъ, въ которыхъ онѣ излагали свои наблюденія, одинъ день по-французски, а другой—по-нѣмецки, приведенныя въ надлежащую исправность, представлялись черезъ классныхъ дамъ начальницѣ. Воспитанницы, заслужившія неудовольствіе или особенныя замѣчанія со стороны классныхъ дамъ, на время исключались изъ очереди дежурныхъ, такъ

какъ съ подобнаго рода обязанностями связывалась извѣстная степень довѣрія.

Предпринимая въ 1817 г. временную поѣздку въ Москву, императрица поручаетъ любимыхъ ею дѣтей попеченію членовъ совѣта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «При предстоящемъ отъѣздѣ моемъ на нѣкоторое время и удаленіи отъ личнаго надзора надъ обществомъ и училищемъ ордена св. Екатерины—пишетъ [1]) императрица Марія Ѳеодоровна—я успокаиваюсь полною надеждою на усердіе совѣта, и увѣрена, что онъ во время отсутствія моего обратитъ особенное и ревностное вниманіе на благоустройство этихъ заведеній, на правильный ходъ дѣлъ и приложитъ особенное попеченіе по случаю предстоящихъ экзаменовъ и выпуска воспитанницъ. Извѣстное усердіе и привязанность старшаго члена совѣта къ этимъ заведеніямъ удостовѣряетъ меня въ полной мѣрѣ, что онъ вмѣнитъ себѣ въ удовольствіе оказывать имъ свое попеченіе и защиту, а въ случаѣ нужды и зависящее отъ него вспомоществованіе. Съ такимъ несомнѣннымъ упованіемъ на рвеніе совѣта, я съ спокойнымъ духомъ оставляю общество и училище св. Екатерины на его попеченіи и напередъ испытываю удовольствіе отъ перспективы, по возвращеніи моемъ, изъявить совѣту искреннюю мою признательность».

Вскорѣ по своемъ возвращеніи изъ Москвы, императрица предприняла путешествіе за-границу, но, какъ видно изъ бумагъ архива, она и изъ своего «прекраснаго далека» зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ учебныхъ заведеній ея вѣдомства: доклады, рапорты, просьбы слѣдовали за нею повсюду, куда-бы государыня ни отправлялась даже на короткое время.

«Удалясь опять на нѣсколько мѣсяцевъ отсюда—пишетъ Марія Ѳеодоровна передъ своимъ вторичнымъ отъѣздомъ—я съ полнымъ довѣріемъ полагаюсь на испытанное усердіе совѣта, увѣренная, что члены его поставятъ себѣ въ священную обязанность усугубить ревностное попеченіе свое о ввѣренныхъ ихъ надзору обществѣ и мѣщанскомъ училищѣ, являя оное частыми посѣщеніями и обращеніемъ вниманія своего на части управленія совокупно съ ихъ начальницею, облегчая ея заботы усерднымъ своимъ содѣйствіемъ. Хотя во время моего отсутствія теченіе дѣлъ ни мало не измѣняется и всѣ представленія, донесенія и вѣдомости, доставляемы мнѣ будутъ черезъ мою канцелярію, но, какъ случиться можетъ въ отсутствіи моемъ надобность дѣлать подряды на поставку припасовъ и матеріаловъ, а время не

[1]) 21-го сентября 1817 г.

достаточно на испрошеніе на то моего разрѣшенія, то въ сихъ случаяхъ предоставляю совѣту разрѣшать заключеніе контрактовъ, не докладывая мнѣ». Совѣту дано было право увольнять служащихъ въ отпускъ, не превышающій 28-дневный срокъ, а въ случаѣ необходимости даже позволять имъ оставлять должность. Для болѣе скораго удовлетворенія просьбы о принятіи пансіонерокъ, императрица предоставляетъ совѣту, разсмотрѣвъ эти прошенія съ должнымъ вниманіемъ, удовлетворить, согласно съ узаконенными правилами, желающихъ, и затѣмъ сообщить объ опредѣленіи совѣта ея величеству. Въ случаѣ желанія родителей, или родственниковъ, взять воспитанницъ изъ заведенія, совѣтъ, взвѣсивъ приведенныя причины и найдя ихъ заслуживающими уваженія, могъ удовлетворять просьбамъ безъ предварительныхъ докладовъ государынѣ; при этомъ императрица добавляетъ: «я въ полной мѣрѣ увѣрена, что совѣтъ въ обоихъ случаяхъ поступать будетъ съ крайнею осторожностью и осмотрительностью, соблюдая въ точности установленныя правила и порядки». Ближайшій надзоръ за учебною частью былъ порученъ Нелединскому-Мелецкому.

«Юрій Александровичъ! — пишетъ ему императрица по этому поводу — поручивъ вамъ, по извѣстному моему къ вамъ особенному довѣрію, попеченіе объ учебной части въ обществѣ и училищѣ св. Екатерины, я увѣрена, что во время предстоящаго моего на нѣсколько мѣсяцевъ отсутствія, вы будете продолжать ревностное стараніе свое объ исполненіи моего желанія учащеніемъ посѣщеній вашихъ въ классахъ помянутыхъ обоихъ заведеній, обращая вниманіе свое какъ на прилежаніе и успѣхи воспитанницъ, такъ и на методу преподаванія учителей; вы будете наблюдать, чтобы эти послѣдніе держались въ точности предначертаннаго плана, и я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, донося мнѣ время-отъ-времени о вашихъ наблюденіяхъ».

31-го декабря, т.-е. на другой день по возвращеніи своемъ изъ путешествія, императрица сообщаетъ совѣту о снятіи съ него возложенныхъ обязанностей по рѣшенію текущихъ дѣлъ, и входитъ снова въ полнѣйшее завѣдываніе дѣлами заведеній.

Возвратившись изъ-за границы и найдя все въ надлежащемъ порядкѣ, императрица, вообще благосклонно относившаяся къ начальницѣ общества, графинѣ Адлербергъ, выказывавшая ей необыкновенное расположеніе и довѣріе, пользуется этимъ обстоятельствомъ для выраженія ей своей признательности за полезную педагогическую дѣятельность. «Хотя я при каждомъ случаѣ—пишетъ ей государыня—могу даже сказать ежедневно, отдаю полную справедливость вашимъ заслугамъ и вашему истинно материнскому попеченію, и эти чув-

ства мои вамъ, конечно, извѣстны, тѣмъ не менѣе, при настоящемъ торжественномъ случаѣ по окончаніи экзаменовъ и выпуска, я доставляю себѣ истинное душевное удовольствіе, высказывая вамъ видимымъ образомъ, какъ много цѣню я васъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ ознаменованіе этого и въ воспоминаніе выраженныхъ мною чувствъ, примите мою искреннѣйшую благодарность за ваше попеченіе и примите препровождаемое при семъ, какъ знакъ моей признательности и моего удовольствія!»

Инспекторъ, многіе учителя и служащіе, представленные начальницей, тоже не забыты монаршею милостію, и въ концѣ рескрипта сдѣлана приписка:

«Примите еще разъ мою искреннѣйшую благодарность, душа моя [1]), вы видите какъ уважаю я ваше представленіе, поблагодарите Кардинанъ, Фогель [2]) ея помощницу, нашихъ дамъ, также старика Лоди [3]) и тѣхъ учителей, которые, по вашему мнѣнію, заслуживаютъ этого».

Поощряя учителей къ усердному исполненію ихъ обязанностей и награждая ихъ за ревностную службу, о которой она судила по успѣхамъ воспитанницъ, императрица постановила награждать послѣ выпуска только учителей, прослужившихъ въ старшемъ возрастѣ общества, по крайней мѣрѣ, три года, если притомъ 2/3 числа всѣхъ учениц оказали хорошіе успѣхи, и тѣхъ классныхъ дамъ, которыя вели дѣтей съ самаго ихъ поступленія; отступленіе отъ этихъ правилъ [4]) допускалось только въ особенныхъ случаяхъ. Учитель, получавшій отъ 1.000—1.500 въ годъ, въ старшемъ возрастѣ награждался 400 р., въ среднемъ—300 р., а въ младшемъ 200 р.; если-же годовой окладъ его былъ больше или меньше, то и награда была пропорціонально получаемому содержанію [5]). Учителя, обучавшіе въ разныхъ классахъ, получали награду по старшему изъ нихъ [6]). Слишкомъ частыя манкировки, т.-е. если число пропущенныхъ часовъ составляло четвертую часть годоваго количества ихъ, частыя опаздыванія на уроки, напримѣръ, если учитель изъ трехъ разъ по одному приходилъ спустя четверть часа послѣ звонка, составляли тоже законное основаніе къ

[1]) Обращенія Meine Seele, Mütterchen встрѣчаются почти во всѣхъ собственноручныхъ припискахъ государыни.

[2]) Инспектриссы.

[3]) Инспекторъ.

[4]) 22-го марта 1809 г.

[5]) 20-го ноября 1820 г.

[6]) 23-го ноября 1823 г.

лишенію денежной награды. Повышеніе чиномъ и знаки отличія замѣняли денежную субсидію. Требуя совѣстливаго и ревностнаго исполненія обязанностей, императрица постоянно заботилась о матеріальномъ благосостояніи служащихъ, входила даже въ частныя дѣла ихъ; всякое печальное или радостное событіе находило отголосокъ въ отзывчивомъ сердцѣ императрицы. Такъ, въ письмѣ отъ 24-го декабря 1816 г., она высказываетъ свое сочувствіе преподавателю Ферапонтьеку, потерявшему жену, и спрашиваетъ, не нуждается-ли онъ въ вспомоществованіи?

Давая свое разрѣшеніе на свадьбу одной изъ классныхъ дамъ, государыня пишетъ [1]): «желаю отъ всего сердца полнаго счастья и благополучія нашей невѣстѣ и увѣрена, что, исполняя хорошо свои новыя обязанности, она заслужитъ благословеніе неба».

По поводу смерти лазаретной надзирательницы императрица пишетъ [2]): «каждое заведеніе, имѣющее несчастіе терять хорошихъ людей, исполнявшихъ добросовѣстно свои обязанности, обязано позаботиться о приличномъ погребеніи ихъ, и совѣтъ безъ всякихъ исключеній долженъ утвердить представленную смѣту сдѣланныхъ издержекъ». На докладѣ отъ 25-го декабря 1823 г. о дозволеніи вступить въ законный бракъ бывшей воспитанницѣ воспитательнаго дома, исполнявшей впродолженіи 15 лѣтъ должность помощницы надзирательницы лазарета, императрица положила собственноручную резолюцію, сдѣлавшуюся впослѣдствіи закономъ: «Пелагея Маркова, занимая должность помощницы, вышла изъ числа простыхъ служанокъ и имѣетъ наравнѣ съ должностными лицами право на полученіе пенсіи половины жалованья, которую, за недостаткомъ пенсіонной суммы, прикажу производить до открытія вакансіи изъ кассеты, на семъ-же основаніи поступать и впредь съ воспитанницами, удостоенными опредѣленія въ должность выше служанокъ, о единовременномъ награжденіи предоставляю благоусмотрѣнію совѣта».

Всѣ наставницы, учителя и чиновники, по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, получали прибавку къ годовымъ окладамъ. Такъ, въ 1816 г. [3]) содержаніе начальницы было увеличено до 4.000 руб., инспектриссы дворянской половины получали каждая по 1.000 руб., инспектрисса двухъ возрастовъ мѣщанскаго училища 1.500 руб., классныя дамы по 500 руб. Вновь поступающія классныя дамы получали по преж-

---

[1]) 15-го мая 1813 г.

[2]) 12-го марта 1819 г.

[3]) 18-го сентября.

нему 300 руб. и только по прошествіи года содержаніе ихъ увеличивалось, согласно новому окладу, причемъ имъ прибавлялось по выслугѣ 10, 15, 20 лѣтъ, каждый разъ по 100 руб., такъ что черезъ 20 лѣтъ со дня ихъ поступленія онѣ получали 800 р. По выслугѣ 25-ти лѣтъ пенсія равнялась полному содержанію (причемъ выдавался знакъ отличія, состоявшій въ оранжевомъ бантѣ съ надписью «за труды»); послѣ-же 15-ти лѣтъ, пенсія составляла половину жалованья. Инспектрисса, прослужившая десять лѣтъ, получала прибавку въ размѣрѣ 200 руб.; по выслугѣ-же 15-ти и 20-ти лѣтъ прибавлялось каждый разъ по 150 руб. и высшій окладъ ея равнялся 1.500 руб. Классная дама, назначаемая инспектриссой [1]), получала прибавки къ жалованью согласно окладу новаго званія, считая со времени поступленія ея на службу. Такъ, если классная дама, вступившая на службу въ 1804 г., назначена инспектриссой въ 1820 г., то въ этомъ году она получила одно штатное жалованье, т.-е. 1.000 руб., въ 1821 г. прибавлялось ей за первое 10-ти-лѣтіе 200 р., въ 1822 г. за второй или 15-ти-лѣтній срокъ службы 150 руб. и затѣмъ для дальнѣйшихъ прибавокъ считались лѣта со времени вступленія ея въ службу, т.-е. съ 1804 г. Сумму 8.000 руб., опредѣленную на постепенныя прибавки, приказано было не смѣшивать съ другими доходами общества и вести ей особенный счетъ, а въ концѣ года остатки вносить въ сохранную казну. Въ 1809 г. было постановлено императрицей, чтобы всѣ классныя дамы, увольняемыя по болѣзни, по выслугѣ 25-ти лѣтъ или раньше этого срока и получающія пенсію, могли пользоваться за незначительную плату или совершенно даромъ квартирою и содержаніемъ во вдовьемъ домѣ: «Онѣ жили среди насъ, пока были молоды и въ силахъ работать — говорила императрица—жестоко было-бы, если-бы онѣ въ старости принуждены были отыскивать жилища, нанимать ихъ и жить среди чужихъ». Въ 1820 г., такъ-называемая, кассетная сумма, изъ которой выдачи дѣлались не иначе, какъ по высочайшему повелѣнію, возросла настолько, что проценты, получаемые съ нея, равнялись ежегоднымъ взносамъ императорской фамиліи, слѣдовательно, общество было обезпечено на вѣчныя времена въ полученіи запаснаго дохода; поэтому императрица нашла возможнымъ употребить нѣкоторую часть поступающихъ въ кассетный капиталъ денегъ на расходы по обществу. Долговременное и усердное служеніе многихъ чиновниковъ обратило на себя высочайшее вниманіе, и государыня нашла справедливымъ поощрить ихъ ревностное отношеніе къ дѣлу прибавкой

---

[1]) 4-го декабря 1819 года.

къ жалованью соразмѣрно ихъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что въ это время значительно повысились цѣны на жизненные припасы. Послѣ пятилѣтней безпорочной службы чиновникамъ полагалась прибавка въ размѣрахъ почти 1/3 получаемаго ими до тѣхъ поръ жалованья; такъ, напримѣръ, экономъ, годовой окладъ котораго былъ 2.000 руб., получалъ прибавку 800 руб.; къ годовому окладу казначея въ 1.500 р. прибавлено 500 руб. Суммы на эти прибавки отпускались изъ кассеты первоначально въ размѣрѣ 5.500 руб.; остающіяся отъ расходовъ деньги помѣщались на приращеніе процентовъ для употребленія на новыя прибавки по представленіямъ совѣта, утвержденнымъ государыней.

Согласно съ мнѣніемъ комитета по учебной части, императрица Марія Ѳеодоровна установила болѣе опредѣленный годовой окладъ преподавателей: за каждый годовой часъ въ недѣлю въ старшемъ возрастѣ полагалось отъ 100—150 руб., въ среднемъ отъ 85—100 р., въ младшемъ отъ 70—85 руб. Въ мѣщанскомъ-же училищѣ во всѣхъ возрастахъ отъ 70—100 р., а за преподаваніе физики и естественной исторіи, вѣроятно, вслѣдствіе трудности найти въ тѣ времена хорошаго учителя по этимъ предметамъ, плата была увеличена до 200 р.

Вопросъ о прибавкахъ за выслугу лѣтъ былъ болѣе опредѣленно поставленъ въ 1824 г., когда постановлено [1]) было слѣдующее правило: всѣ чиновники, прослужившіе пять лѣтъ, получаютъ прибавку въ размѣрѣ 1/5 штатнаго оклада; прибавки эти, повторяемыя каждое пятилѣтіе, производились изъ 10.000 руб., отпускаемыхъ ежегодно для этой цѣли изъ кассеты; сюда присчитывали ежегодно еще 10.000 р. изъ остаточныхъ суммъ общества. Остающіяся деньги отъ раздачи назначаемыхъ прибавокъ причислялись къ капиталу, обращающемуся въ сохранной казнѣ до тѣхъ поръ, пока одни проценты съ этого капитала безъ помощи кассеты будутъ достаточны на произведеніе постепенныхъ прибавокъ.

Жалованье низшимъ чинамъ было тоже нѣсколько увеличено, причемъ императрица, согласно съ мнѣніемъ совѣта, рѣшила выдавать на содержаніе каждаго по 25 коп. въ день, а въ праздники полагалось 30 коп. Хозяйственному управленію поручалось заботиться объ учрежденіи артелей, подъ наблюденіемъ самихъ служителей.

Избѣгая излишней переписки черезъ посредство канцеляріи, императрица повелѣла члену по хозяйственной части Клингеру обращаться, помимо совѣта, лично къ ней о всѣхъ покупкахъ и починкахъ, не входящихъ въ примѣрное росписаніе на текущій годъ и не

---

[1]) 14-го іюня 1824 года.

превышающихъ 300 руб., и о всѣхъ перемѣнахъ, касающихся нижнихъ чиновъ. Въ болѣе-же важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло, напримѣръ, о новыхъ постройкахъ, объ увольненіи чиновниковъ по хозяйственной части, государыня приказала ему обращаться въ совѣтъ и представлять черезъ его посредство ей [1]). Разсмотрѣвъ смѣту на постройку деревяннаго священническаго дома, требовавшую до 61.000 р., императрица собственноручно написала: «Издержки сіи чрезвычайны и не соразмѣрны ни съ доходами, ни съ состояніемъ казны общества; представить все сіе совѣту съ замѣчаніемъ, не лучше-ли нанять квартиры для церковныхъ служителей на время, а между тѣмъ разсмотрѣть старое строеніе, ими занимаемое, не найдется-ли въ немъ годнаго матеріала; планы мнѣ кажутся слишкомъ обширны». Впослѣдствіи, дѣйствительно, былъ купленъ готовый каменный домъ за 64.000 р. вблизи Смольнаго (въ которомъ и до сихъ поръ помѣщаются церковнослужители).

Въ 1821 г. императоръ Александръ I, по ходатайству августѣйшей матери своей, пожаловалъ изъ государственнаго казначейства 330.226 руб. на постройку зданія для мѣщанскаго училища, которое въ 1824 году было совершенно окончено, что позволило значительно расширить дворянскую половину и прибавить съ 1826 г. третье отдѣленіе въ обоихъ мѣщанскихъ возрастахъ, слишкомъ переполненныхъ, вслѣдствіе увеличенія числа пансіонерокъ, при чемъ крайняя многочисленность классовъ затрудняла общій ходъ успѣховъ дѣтей. При перестройкѣ мѣщанскаго училища кровельный цеховой мастеръ Афанасій Телегинъ, работавшій около 20 лѣтъ на общество, принялъ на себя безплатно всю кровельную работу, смѣта которой безъ матеріаловъ равнялась почти 3.000 р., и отказался отъ ежегодной платы за починку кровель, на что назначалось 325 р. въ годъ. Оцѣнивъ такое крупное пожертвованіе и безвозмездный трудъ человѣка, живущаго исключительно работой своихъ рукъ, императрица приказала наградить его дорогимъ бархатнымъ кафтаномъ [2]).

Ужасное наводненіе, постигшее Петербургъ въ 1824 г., вызвало новыя дѣла благотворительности со стороны государыни; она приказала выдавать чиновникамъ и низшимъ служащимъ, пострадавшимъ во время страшной катастрофы, вспомоществованіе изъ кассеты; всего было роздано 2.750 р. [3]). Въ зданіи вдовьяго дома учреждено было

---

[1]) 20-го апрѣля 1823 г.

[2]) Докладъ отъ 31-го марта 1824 г.

[3]) Докладъ 3-го декабря 1824 г.

временное пристанище для бывшихъ воспитанницъ, потерпѣвшихъ отъ страшнаго бѣдствія. Тутъ нашли себѣ пріютъ представительницы разныхъ заведеній, состоявшихъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ, всего 25 челов.—шесть матерей съ восемью дѣтьми, восемь взрослыхъ дѣвицъ съ ихъ младшими сестрами. Четырехъ изъ нихъ императрица помѣстила въ разныя учебныя заведенія и положила на ихъ имя въ сохранную казну капиталъ, для выдачи имъ, при выпускѣ, съ процентами. Остальныя потерпѣвшія и пріютившіяся во временномъ пристанищѣ получили значительное вспомоществованіе изъ казны ея величества и были всѣ пристроены государыней по мѣрѣ открывавшихся вакансій.

Лучшихъ воспитанницъ императрица не упускала изъ виду и по выходѣ ихъ изъ института. Такъ, напримѣръ, когда явилась возможность назначить пенсію шифернымъ прежнихъ выпусковъ и совѣтъ рѣшилъ сообщить имъ объ этомъ черезъ вѣдомости, полагая 6 мѣсяцевъ для ихъ объявки, то на докладѣ [1]) по этому поводу императрица пишетъ: «Альмова скончалась за нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Москву, о Еропкиной, находящейся въ Петербургѣ, не трудно удостовѣриться, о Бушенъ можно узнать у живущей здѣсь матери, супруги сенатора Болотникова, Повалишина жива въ замужествѣ за полковникомъ Молостовымъ, находящимся при моемъ племянникѣ, принцѣ Евгеніи, въ чужихъ краяхъ. Я прикажу ей написать о доставленіи довѣренности»; такимъ образомъ изъ шестерыхъ мѣстопребываніе трехъ было извѣстно государынѣ.

Воспитанницамъ, находившимся въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, подыскивались мѣста, нѣкоторымъ позволялось оставаться на время въ институтѣ, бездарныхъ поручалось пристроить къ какому-нибудь ремеслу [2]), чтобы дать имъ такимъ образомъ возможность заработать впослѣдствіи кусокъ хлѣба. Входя въ семейное положеніе дѣтей, императрица часто приказываетъ наводить справки о ихъ родителяхъ черезъ мѣстныхъ губернаторовъ и предводителей дворянства.

Въ послѣдніе годы своей жизни государыня позаботилась объ обезпеченіи участи вдовъ и сиротъ, оставшихся по смерти служившихъ въ ея вѣдомствѣ лицъ. Для составленія пенсіоннаго капитала для вдовъ чиновниковъ было отчислено изъ кассеты 30.000 р.; изъ процентовъ съ этой суммы выдавалась пенсія въ размѣрахъ половиннаго жалованья покойнаго, если онъ прослужилъ по крайней мѣрѣ 20 лѣтъ

---

[1]) 25-го февраля 1827 г.

[2]) Письмо отъ 14-го марта 1824 г.

и умеръ на службѣ; вдова-же чиновника, пользовавшагося при своей жизни пенсіономъ, за выслугу 40 лѣтъ получала половину этой пенсіи, если находилась въ супружествѣ съ покойнымъ хотя-бы послѣднія 20 лѣтъ его жизни. Пенсіонная сумма, составлявшая въ 1802 г. всего 5.000 р., въ 1816 году, благодаря пожертвованіямъ государыни, возросла до 10.000 р.; позже, съ прибавленіемъ къ ней изъ кассеты, она равнялась 20.000, принося процентовъ тысячу рублей. Но это было еще далеко недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждавшихся, вслѣдствіе чего императрица постановила дополнить ее остаточными 30.000 р. по экономіи общества за 1823 г. да, сверхъ того, взять 100.000 р. изъ кассеты. Такимъ образомъ, пенсіонный капиталъ разомъ возросъ до 150.000 р., проценты съ него равнялись 7.500 р., въ сложности съ 8.000 р. добавочныхъ изъ общихъ доходовъ общества составили всего 15.000 рублей ежегоднаго дохода [1]). Но государыня находила и эту цыфру недостаточной и желала ее увеличить до 25.000 р., для чего приказала [2]) отчислить еще 50.000 р. изъ запаснаго капитала общества и присоединять ежегодно по 5.000 р. изъ домашней экономіи до тѣхъ поръ, пока пенсіонный капиталъ не возростетъ до 340.000 р., отъ которыхъ ежегодный семнадцатитысячный доходъ съ 8.000 руб., положенными по штату изъ добавочныхъ суммъ общества, составитъ всего 25.000 р.

Эта мѣра была однимъ изъ послѣднихъ распоряженій императрицы Маріи Ѳеодоровны. Согрѣтая чувствомъ святой любви къ малымъ и сирымъ, государыня и на одрѣ болѣзни трогательно вспоминаетъ своихъ милыхъ дѣтей, какъ неоднократно называетъ она ихъ въ своихъ письмахъ. За четыре дня до смерти, совершенно больная, когда всякое занятіе ей было воспрещено докторами, Марія Ѳеодоровна диктуетъ различныя распоряженія, входя и здѣсь въ мелочи ежедневной жизни заведенія [3]), благодаритъ за пожеланія и работы, присланныя ей по случаю дня ея рожденія; съ глубокимъ участіемъ освѣдомляется о здоровьѣ дѣтей (въ то время въ Смольномъ была скарлатина) и, наконецъ, собственноручно приписываетъ слѣдующее дрожащею и слабою рукою на столько, что послѣднія слова невозможно разобрать:

«Дорогая—пишетъ она графинѣ Адлербергъ—я страшно слаба, перо дрожитъ въ моей рукѣ, скарлатина пугаетъ меня, прощайте

---

[1]) Приказаніе 14-го іюня 1814 г.

[2]) 15-го октября 1828 г.

[3]) Письмо отъ 20-го октября 1828 г.

Mütterchen». Далѣе слѣдуетъ нѣсколько словъ, которыхъ по неразборчивости нельзя прочесть.

Такова была безпримѣрно-гуманная дѣятельность покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны, проявлявшаяся въ ея неусыпныхъ заботахъ о Смольномъ институтѣ, ея любимомъ дѣтищѣ,—дѣятельность, которая, на ряду съ другими многочисленными проявленіями доброты ея любвеобильнаго сердца, доставила ей право на живѣйшую признательность всѣхъ истинныхъ друзей серьезнаго образованія и воспитанія вообще и женскаго образованія въ особенности.

М. Радомская.

Начальное образованіе и народныя училища въ Западной Европѣ и въ Россіи.

VI.

Народныя училища въ Россіи въ XIX столѣтіи.

(Продолженіе).

Первымъ актомъ императора Александра I относительно народнаго образованія было учрежденіе отдѣльнаго самостоятельнаго вѣдомства — Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ силу Высочайшаго манифеста отъ 8-го сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ. Въ ст. VII этого манифеста сказано: «Министръ народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ главное училищное правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, академію наукъ, Россійскую академію, университеты и всѣ другія училища, кромѣ предоставленныхъ особенному попеченію любезнѣйшей родительницы нашей императрицы Маріи Ѳеодоровны, и находящихся по особому повелѣнію нашему въ управленіи другихъ особъ или мѣстъ. Типографіи частныя и казенныя, исключая изъ сихъ послѣднихъ состоящія также подъ непосредственнымъ чьимъ-либо вѣдомствомъ; цензуру, изданіе вѣдомостей и всякихъ періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, натуральные кабинеты, музеи и всякія учрежденія, какія существуютъ и впредь для распространенія наукъ заведены быть могутъ» *). Первымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ предсѣдатель екатерининской коммиссіи народныхъ училищъ графъ Завадовскій, съ дѣятельностью котораго по учрежденію этихъ училищъ и составленію перваго общаго устава ихъ наши читатели уже знакомы.

*) Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. т. I, ст. 1, п. VII.

24-го января 1803 года былъ уже изданъ слѣдующій Высочайшій указъ объ устроеніи училищъ: «Разсмотрѣвъ поднесенный намъ Министромъ Просвѣщенія обще съ членами правленія училищъ докладъ объ устроеніи училищъ и распространеніи наукъ въ Имперіи нашей, признали мы за нужное утвердить *предварительныя правила народнаго просвѣщенія*. И какъ сія государственная часть, по различію предметовъ, въ нее входящихъ, касается не только до гражданскихъ, но и духовныхъ властей, то посему повелѣваемъ Правительствующему Сенату, снесясь съ Святѣйшимъ Синодомъ, учинить, сообразно съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, при семъ указѣ изданными, зависящее отъ нихъ распораженіе. Мы удостовѣрены, что и всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ споспѣшествовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ» *).

Предварительныя правила народнаго просвѣщенія заключали въ себѣ 48 статей, изложенныхъ въ трехъ главахъ: I. О заведеніи училищъ; II. О распоряженіи училищъ по учебной части и III. О распоряженіи училищъ по хозяйственной части. Приводимъ только слѣдующія двѣ статьи:

1) «Народное просвѣщеніе въ Россійской Имперіи составляетъ особую государственную часть, ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую главнымъ училищъ правленіемъ».

2) «Для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія, опредѣляются четыре рода училищъ: 1) училища приходскія; 2) уѣздныя; 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты».

Такимъ образомъ, екатерининскія малыя и главныя народныя училища замѣнялись приходскими, уѣздными и губернскими училищами, причемъ послѣднія получили названіе гимназій. Въ каждомъ губернскомъ городѣ должна была быть, по крайней мѣрѣ, одна гимназія, а въ каждомъ уѣздномъ городѣ—по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище. Училища нѣсколькихъ губерній, сходствующихъ между собою въ мѣстныхъ обстоятельствахъ, составляютъ особый учебный округъ, подвѣдомыіі одному изъ членовъ главнаго правленія училищъ. Въ округахъ учреждаются университеты «для преподаванія наукъ въ высшей степени». На первое время назначалось шесть университе-

*) Тамъ-же, ст. 6.

товъ, именно: кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, должны были быть учреждены университеты въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, «во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ сей губерніи». Затѣмъ предназначались для университетовъ Кіевъ, Устюгъ-Великій и Тобольскъ.

На основаніи «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» былъ составленъ министромъ, обще съ главнымъ правленіемъ училищъ, «уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ», Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 года. По этому уставу учебныя заведенія, подвѣдомыя университетамъ, были: «гимназіи, уѣздныя, приходскія и другія, подъ какимъ-бы то ни было названіемъ, училища и пансіоны, находящіеся въ губерніяхъ, къ каждому университету причисленныхъ, за исключеніемъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи Св. Синода и тѣхъ, которыя по особымъ обстоятельствамъ Высочайше ввѣрены иному начальству» (ст. 1 и 2).

Относительно приходскихъ училищъ въ этомъ уставѣ заключались слѣдующія постановленія, находившіяся уже большею частью «въ предварительныхъ правилахъ»:

Ст. 118. «Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, равнымъ образомъ и въ селеніяхъ каждый церковный приходъ или два вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жительствъ, должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище. Сіи училища въ казенныхъ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селеніяхъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ». *Ст. 119*. «Приходскія училища учреждаются для двоякой цѣли: 1) чтобы пріуготовить юношество для уѣздныхъ училищъ если родители пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ продолжали въ оныхъ ученіе; 2) чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія которыхъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію». *Ст. 120*. «Въ сихъ училищахъ обучаютъ чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія и нравоученія, читаютъ съ объясненіемъ книгу: «Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніи природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья». *Ст. 121*. «Для наставленія юношества въ сихъ предметахъ во всякомъ приходскомъ училищѣ имѣетъ быть по крайней мѣрѣ одинъ учи-

тель. Онъ, по испытаніи учителями уѣздныхъ училищъ, или гимназіи, представляется директоромъ на утвержденіе университету». *Ст. 122.* «Въ приходскихъ училищахъ можетъ быть умножено число предметовъ ученія, если то позволятъ доходы оныхъ». *Ст. 123.* «Въ приходскія училища принимаются всякаго состоянія дѣти, безъ разбору пола и лѣтъ». *Ст. 124.* «Пріемъ бываетъ однажды въ годъ по окончаніи открытаго испытанія. Желательно и полезно было-бы, чтобы ни одинъ ученикъ не оставлялъ училища прежде, нежели хорошо изучится всему, въ ономъ училищѣ преподаваемому». *Ст. 126* «Ученіе въ приходскихъ училищахъ, начиная отъ окончанія полевыхъ работъ, продолжается до начала оныхъ въ слѣдующемъ году». *Ст. 127.* «Въ приходскихъ училищахъ долженъ быть одинъ классъ; но если много будетъ учениковъ, то должно раздѣлить ихъ на два отдѣленія, изъ коихъ въ первое приходятъ ученики по утру отъ 8-ми до 11-ти часовъ, а во второе отъ 1-го до 4-хъ часовъ пополудни». *Ст. 128.* «Дѣти въ сихъ отдѣленіяхъ обучаются по три часа въ день. Въ первомъ отдѣленіи учитель обучаетъ по 9-ти часовъ въ недѣлю: три часа по знанію буквъ и чиселъ, какъ гражданской, такъ и церковной печати, и чтенію букваря; три часа изображенію буквъ и чиселъ и чтенію правилъ для учащихся, и три часа сокращенному катихизису и св. исторіи, по одному часу въ день попеременно». *Ст. 129.* «Во второмъ отдѣленіи учитъ онъ также по 9 часовъ въ недѣлю; три часа чтенію книгъ, сочиненныхъ для сего отдѣленія, и чтенію рукописей; три часа письму и три часа ариѳметикѣ, такъ какъ и въ первомъ отдѣленіи, въ день по одному часу попеременно». *Стр. 130.* «Въ воскресные и праздничные дни должно преподавать одинъ часъ катихизисъ и св. исторію для обоихъ отдѣленій». *Ст. 131.* «Ученіе въ каждомъ отдѣленіи продолжается въ теченіе 6-ти или 7-ми зимнихъ мѣсяцевъ. Въ мѣстахъ, гдѣ живутъ ремесленники, купцы и тому подобнаго состоянія люди, науки продолжаются во весь годъ, подобно какъ въ уѣздныхъ училищахъ». *Ст. 132.* «Учебныя пособія въ приходскихъ училищахъ состоятъ въ слѣдующемъ: таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, букварь россійскій съ церковнославянскимъ, прописи и руководство къ чистописанію, первая часть ариѳметики, сокращенный катихизисъ, краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья. Правила для учащихся и дѣтскій другъ». *Ст. 133.* «Учителя приходскихъ училищъ должны обучать и поступать по правиламъ, предписаннымъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: Руководство учителямъ 1-го и 2-го клас-

совъ» *). *Ст. 134.* «Они должны оканчивать учебные предметы въ теченіе одного года, хотя-бы по множеству учениковъ принуждены были раздѣлить классъ свой на два отдѣленія». *Ст. 136.* «Какъ весьма-бы полезно было, еслибъ приходскіе священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей, только соотвѣтственную ихъ званію (т. е. Закона Божія), то Святѣйшій Синодъ и долженъ пещись, чтобы въ непродолжительномъ времени сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и для прихожанъ». *Ст. 138.* «Въ казенныхъ селеніяхъ о священникѣ и объ одномъ изъ почетныхъ жителей, которымъ ввѣряется надзираніе за приходскимъ училищемъ, смотритель училищъ чрезъ директора представляетъ университету. Въ помѣщичьихъ селеніяхъ предоставляется волѣ помѣщиковъ, какъ учредителей таковыхъ училищъ, поручить-ли смотрѣніе за оными другому кому-либо достойному носить сію должность, или самимъ имѣть непосредственный за оными присмотръ». *Ст. 162.* «Если гдѣ будутъ приходскія училища, то оныя содержатся въ городахъ отъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ на иждивеніи прихожанъ, въ селеніяхъ помѣщичьихъ—по распоряженію помѣщиковъ». *Ст. 163.* «Суммы, слѣдующія на содержаніе приходскихъ училищъ отъ городскихъ обществъ и селеній, отпускаются по третямъ года впередъ подъ росписку, въ губернскихъ городахъ — директора, въ уѣздныхъ — смотрителя, а въ селеніяхъ подъ росписку начальства, управляющаго училищемъ». *Примѣчаніе.* «Назначеніе суммъ на содержаніе приходскихъ училищъ предоставляется учинить впредь, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей». *Ст. 165.* «Вообще быть училищамъ по близости церквей или среди города, либо селенія; а ежели училищъ болѣе одного, середи той части, для которой училище заведено». Наконецъ, въ послѣдней статьѣ, заключавшей какъ-бы обращеніе ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ и ко всему обществу и населенію, сказано: «мѣстные начальники, споспѣшествуя исполненію намѣреній правительства относительно народнаго просвѣщенія не принудительными средствами, но благоразуміемъ и дѣятельностью, обратятъ на себя отличное его вниманіе. Равнымъ образомъ и всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ вспомоществуя правительству патріотическими приложеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на

*) Это «Руководство» было то-же самое, которое было составлено для учителей малыхъ екатерининскихъ училищъ.

уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ нынѣ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества» *).

«Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» и составленный на основаніи ихъ въ 1804 году «уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ», сосредоточивая всѣ общія начальныя, среднія и высшія учебныя заведенія въ одномъ вѣдомствѣ—Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, представляли несомнѣнное улучшеніе въ *административномъ* отношеніи, ибо этими правительственными актами было введено и установлено въ Россіи *единство* въ управленіи всѣми учебно-воспитательными и учеными, научными учрежденіями, имѣвшими цѣлью распространеніе общаго начальнаго, средняго и высшаго научнаго образованія въ обществѣ и во всемъ народѣ, и все народное просвѣщеніе, въ лицѣ министра, получило высшаго предстателя и ходатая о всѣхъ нуждахъ и пользахъ своихъ, какъ непосредственно предъ Государемъ Императоромъ, такъ и во всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, на одинаковыхъ правахъ со всѣми другими отраслями государственнаго управленія. Особенно важны были особыя постановленія объ учрежденіи приходскихъ училищъ въ селеніяхъ, впервые явившіяся въ училищномъ уставѣ 1804 года и встрѣченныя современниками съ величайшимъ сочувствіемъ и самыми радостными ожиданіями. «Послѣ изданія «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» въ 1802 году—пишетъ Карамзинъ въ статьѣ своей «О преобразованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»—главнымъ благодѣяніемъ устава останется на всегда заведеніе сельскихъ школъ, какъ истинно народное учрежденіе, истинное основаніе государственнаго просвѣщенія. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первымъ метафизикомъ въ свѣтѣ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того, мудрое правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе морали простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской. Дерзну сказать, что сочиненіе нравственнаго катихизиса для приходскихъ училищъ достойно перваго генія въ Европѣ; такъ оно важно и благодѣтельно». Эти слова—великая истина; но могли-ли осуществиться въ дѣйствительности вышеприведенныя

*) Тамъ-же, ст. 47.

постановленія устава 1804 года объ устройствѣ приходскихъ училищъ въ селеніяхъ при существовавшемъ тогда въ Россіи крѣпостномъ правѣ? «Жители казенныхъ селеній—говорится въ «Краткомъ историческомъ очеркѣ нашихъ народныхъ училищъ», приложенномъ къ представленію Министра Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнина въ Государственный Совѣтъ проекта положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ въ 1864 году—еще не чувствовавшіе особенной потребности въ ученьи, неохотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики, съ своей стороны, также весьма немногіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство старалось о заведеніи сельскихъ училищъ, жертвуя въ пользу ихъ трудомъ и нерѣдко имуществомъ своимъ. Такимъ образомъ въ 1806 г. въ одной Новгородской губерніи открыто было духовенствомъ 110 сельскихъ училищъ—число громадное по тому времени. Мѣстные священнослужители приняли въ нихъ безвозмездно учительскія должности и уступили подъ училища собственные свои дома. Такое прекрасное начало, къ сожалѣнію, не сопровождалось успѣшными послѣдствіями: въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ всѣ эти училища закрылись, потому что священнослужители не получали никакихъ пособій ни отъ правительства, ни отъ мѣстныхъ жителей, и сами не имѣли средствъ долго содержать училища. То-же явленіе повторилось и въ другихъ мѣстахъ. Были еще случаи, впрочемъ рѣдкіе, что сельскія училища возникали на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ. Но вообще всѣ сельскія училища не имѣли прочнаго существованія и большею частью закрывались въ скоромъ времени послѣ ихъ открытія» *). Впрочемъ, и сами составители устава 1804 года сомнѣвались въ томъ, что приходскія училища дѣйствительно будутъ учреждены во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, потому что хотя ст. 118 устава и постановляетъ, что «одинъ приходъ или два вмѣстѣ должны имѣть по крайней мѣрѣ одно училище», но затѣмъ въ ст. 162 говорится: «если гдѣ будутъ приходскія училища, то оныя содержатся» и пр. Что касается учебнаго курса, установленнаго уставомъ 1804 года для приходскихъ училищъ, то даже вполнѣ хорошо приготовленные учителя не могли-бы съ учащимися пройти этотъ курсъ въ *одинъ годъ*. Между тѣмъ не только начальныхъ учителей, получившихъ хорошую педагогическую подготовку, у насъ не было, но и вообще много-ли можно было въ то время найти у насъ людей, которые имѣли-бы хотя самыя начальныя познанія «въ сельскомъ до-

*) Сборникъ постан., т. III, стр. 1244—1245.

мководствѣ, о произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и о средствахъ къ предохраненію здоровья»; а вѣдь эти предметы должны были быть объясняемы учащимся въ приходскихъ училищахъ!

Въ 1819 году, по предложенію С. С. Уварова, бывшаго тогда попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, главное правленіе училищъ утвердило новое росписаніе предметовъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, по которому въ приходскихъ училищахъ обучали только «чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики и притомъ читались: сокращенный катихизисъ и священная исторія, также чтенія изъ св. Писанія» *). Вмѣстѣ съ этимъ была разослана и инструкція относительно метода преподаванія, въ которой предписывалось: 1) чтобы при опредѣленіи требовать отъ учителей знанія «методы не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными истинами»; 2) чтобы директоры и штатные смотрители имѣли надзоръ за методою преподаванія, чтобы учителя не задавали ученикамъ выучивать наизустъ слово въ слово, а заставляли ихъ разсказывать выученное, объясняя имъ все хоть сколько-нибудь непонятное, и 3) чтобы визитаторы также наблюдали за методою преподаванія.

Но гдѣ и у кого могли учителя приходскихъ училищъ научиться такимъ развивательнымъ методамъ преподаванія и вообще насколько у насъ заботились о педагогическомъ образованіи учителей—дѣйствительныхъ исполнителей всѣхъ составляемыхъ въ центральномъ вѣдомствѣ учебныхъ плановъ и инструкцій, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Въ 1824 году, по вступленіи А. С. Шишкова въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по его предложенію, были образованы два временные комитета изъ членовъ главнаго правленія училищъ для соображенія перемѣнъ въ устройствѣ училищъ по учебно-воспитательной части, руководствуясь слѣдующими основаніями: I. Воспитаніе народное, по всей Имперіи, не смотря на разность вѣръ и языковъ, должно быть чисто русское.—II. Греко-католикъ, римско-католикъ и лютеранинъ должны быть воспитаны, первый—въ твердомъ и незыблемомъ православіи, а второй и третій—во всей точности положительнаго исповѣданія своей вѣры.—III. Русскій языкъ поставить во всѣхъ училищахъ главнымъ предметомъ ученія.—IV. Все иновѣрное россійское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу исторію и законы.—

*) Сборникъ распоряженій по Мин. Нар. Пр., т. I, ст. 174, стр. 388.

V. Всѣ науки должны быть очищены отъ всякихъ непринадлежащихъ къ нимъ и вредныхъ умствованій.—VI. Излишнее множество и великое разнообразіе учебныхъ предметовъ должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первыхъ, въ тѣхъ познаніяхъ, кои самымъ учрежденіемъ разныхъ учебныхъ заведеній постановлены, и, во-вторыхъ, сообразно съ званіями, къ которымъ учащіеся предназначаются.—VII. Языкъ славянскій, т.-е. высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и ободряемы.—VIII. Языкъ греческій долженъ вездѣ, кромѣ училищъ иновѣрныхъ, имѣть преимущество предъ латинскимъ.—IX. Не должно терять изъ вида особенно того, что одно обученіе не есть воспитаніе и даже вредно безъ воздѣланія нравственности, которой христіанину, внѣ церкви, нигдѣ найти не можно; что Государь и польза отечества требуютъ отъ воспитанія юношества вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ, людей, преданныхъ Богу и Царю, и что въ семъ только смыслѣ человѣкъ просвѣщенный долженъ быть почтенъ благовоспитаннымъ». Другому комитету поручено было составленіе правилъ для осмотра училищъ и разсмотрѣніе, выборъ и проектъ изданія учебныхъ книгъ, съ обращеніемъ особенно строгаго вниманія на «такъ названныя прежде духовно-нравственныя книги» *).

Работы комитетовъ были прерваны событіями, сопровождавшими кончину Александра I и восшествіе на престолъ императора Николая I. Подъ вліяніемъ этихъ событій, 14-го мая 1826 года послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя Шишкова объ учрежденіи «комитета для сличенія и уравненія уставовъ учебныхъ заведеній и опредѣленія курсовъ ученія въ оныхъ», въ которомъ, между прочимъ, сказано было: «Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ россійское юношество образуется на службу государству, я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе. Предметъ сей столь быстро можетъ имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Оный лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣетъ право ожидать отъ питомцевъ своихъ, не пощадивъ для ихъ образованія ни издержекъ, ни всякихъ другихъ способовъ. Съ симъ намѣреніемъ назначаю, подъ вашимъ предсѣдательствомъ, комитетъ изъ генералъ-лейтенанта графа Ли-

---

*) Сборн. распоряж., т. I, ст. 254, стр. 535—536.

вена, тайнаго совѣтника Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генералъ-лейтенанта графа Сиверса, д. с. с. Шторха, попечителя Харьковскаго округа Перовскаго и флигель-адъютантовъ моихъ полковниковъ Перовскаго и графа Строганова, и предписываю ему въ обязанность: 1) сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетскихъ; 2) разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемыхъ, приводя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ они преподаются; 3) за симъ, уравнить совершенно, по всѣмъ мѣстамъ Имперіи, всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должныя измѣненія для округовъ Дерптскаго и Виленскаго; 4) опредѣлить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ они должны впредь быть преподаваемы; 5) при семъ случаѣ, рѣшивъ, которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того, по вашему одобренію, надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ, съ утвержденія моего, дабы уже, за совершеніемъ сего, воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ» *).

Результатами занятій комитета были: новый уставъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 8-го декабря 1828 года, новый общій всѣмъ университетамъ уставъ 26-го іюля 1835 года и положеніе объ управленіи учебными округами того-же года. По уставу 1828 года низшія учебныя заведенія остались тѣ-же, именно уѣздныя и приходскія училища; но уѣздныя училища перестали быть приготовительными учебными заведеніями къ гимназіямъ, которыя получили отдѣльный семилѣтній классическій общеобразовательный курсъ, открывавшій доступъ въ университетъ. «Нѣтъ сомнѣнія—сказано въ предложеніи А. С. Шишкова, 2 іюня 1826 года, членамъ комитета—что изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ девяносто девять окончатъ свое ученіе въ уѣздномъ училищѣ и, частію, въ гимназіи. Слѣдовательно, при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переводу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности людей тѣхъ состояній, которые должны получить въ нихъ окончательное образованіе. Иначе нельзя достигнуть цѣли народнаго просвѣщенія, неоспоримо состоящей въ томъ, чтобы снабдить всѣ классы народа прилич-

*) Сборн. пост., т. 2, ст. 10, стр. 22—23.

нымъ образованіемъ, безъ исключенія. Причемъ, однакожъ, и люди низшаго званія не должны быть лишены возможности и права поступить и въ гимназіи, особенно способные и приготовляющіеся въ университетъ или въ ученое званіе».

Эти мысли не только въ то время имѣли свое основаніе, но онѣ справедливы и теперь въ общихъ чертахъ. Сколько-бы ни говорили, что всѣ люди по природѣ своей одинаковы и потому всѣ должны получать одно и то-же образованіе, но въ дѣйствительности это неисполнимо, ибо не соотвѣтствуетъ тѣмъ различнымъ жизненнымъ условіямъ и отношеніямъ, въ которыхъ живутъ и дѣйствуютъ люди, и которыхъ школа измѣнить не можетъ. Но мы не удовлетворимъ этимъ различнымъ жизненнымъ условіямъ и отношеніямъ, если будемъ учреждать различные разряды училищъ, соотвѣтственно различнымъ званіямъ и состояніямъ учащихся, по той простой причинѣ, что *такихъ училищъ устроить нельзя*. Откуда взять вѣрное мѣрило общихъ свѣдѣній, необходимыхъ крестьянину, мѣщанину, ремесленнику, фабричному, мастеровому, купцу или дворянину? Если-бы здѣсь дѣло шло о тѣхъ или другихъ *спеціальныхъ познаніяхъ*, то въ такомъ случаѣ можно было-бы точно опредѣлить, какія спеціальныя свѣдѣнія нужны земледѣльцу, слесарю, плотнику, купеческому прикащику и т. д. и сообразно этому устроить земледѣльческія, ремесленныя, коммерческія и т. п. училища. Относительно-же необходимыхъ общихъ научныхъ свѣдѣній можно опредѣлительно сказать только то, что масса городскаго и сельскаго населенія еще въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ будетъ нуждаться и довольствоваться лишь общимъ элементарнымъ образованіемъ. Вотъ почему только правильнымъ устройствомъ *общихъ элементарныхъ училищъ* можно дѣйствительно удовлетворить, съ одной стороны, всѣмъ общимъ образовательнымъ потребностямъ массы населенія и, съ другой стороны, доставить остальному меньшинству населенія возможность получить правильное и прочное основаніе для всего дальнѣйшаго какъ общаго, такъ и спеціальнаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести единство во всей училищной системѣ и установить ее въ дѣйствительности на истинныхъ народныхъ началахъ. Песталоцціева народная школа и есть именно такое общенародное начальное училище, сообщающее общее элементарное образованіе, необходимое для всѣхъ званій и состояній, и мы видѣли, какихъ великихъ и благодѣтельныхъ результатовъ достигла Пруссія, вводя и распространяя повсюду въ своемъ народѣ эту скромную школу *).

*) «Русск. Шк.», № 2-й, ст. «Народныя училища въ Западной Европѣ въ XIX столѣтіи».

По уставу 1828 года цѣль учрежденія приходскихъ училищъ состояла «въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ свѣдѣній, между людьми и самыхъ низшихъ сословій», и эти училища «открывались повсюду, гдѣ лишь представятся къ тому средства; но учредители были обязаны имѣть при каждомъ училищѣ законоучителя изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ или въ сосѣдствѣ священниковъ» (§§ 4 и 5). Помѣщики, желавшіе завести приходское училище въ своихъ имѣніяхъ, а городскія и сельскія общества—въ городахъ и селеніяхъ, принадлежащихъ казнѣ, или вольнымъ хлѣбопашцамъ, должны были относиться къ уѣздному штатному смотрителю училищъ, который представлялъ о семъ, съ своимъ заключеніемъ и съ приложеніемъ письменнаго отзыва священника, назначаемаго въ законоучители, губернскому директору училищъ. Директоръ, разрѣшая открытіе новаго приходскаго училища, доносилъ о томъ университету для свѣдѣнія (§§ 6 и 7). Въ селеніяхъ казенныхъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ всею учебною частью завѣдывалъ учитель, а гдѣ болѣе одного—старшій изъ учителей, завися непосредственно отъ штатнаго смотрителя; сверхъ того, ближайшій за училищемъ надзоръ поручался благочинному священнику, къ вѣдомству коего принадлежалъ приходъ. Благочинный не дѣлалъ *самъ собою* никакихъ распоряженій, а сообщалъ свои замѣчанія учителю и увѣдомлялъ смотрителей штатнаго и почетнаго о состояніи училища (§§ 9 и 10). Въ учителя приходскихъ училищъ опредѣлялись штатнымъ смотрителемъ люди всякаго состоянія, доказавшіе на испытаніи въ уѣздномъ училищѣ, что имѣютъ нужныя для сего познанія и способность обучать. При семъ смотритель освѣдомлялся объ ихъ нравственности, стараясь удостовѣриться заранѣе, что они безъ вреда учащимся могутъ быть допущены къ учительской должности. Общества и помѣщики и другія частныя лица, учреждавшія и содержавшія на свой счетъ приходскія училища, имѣли право представлять своихъ кандидатовъ въ учителя, которые должны были быть предпочитаемы другимъ, однако-жъ съ наблюденіемъ всѣхъ вышеозначенныхъ правилъ (§§ 10 и 12). Училищныя и другія мѣстныя начальства были обязаны содѣйствовать заведенію новыхъ приходскихъ училищъ въ городахъ и селеніяхъ, оказывая учредителямъ всѣ зависящія отъ нихъ пособія. Закрытіе училища дозволялось только по особенно уважительнымъ причинамъ и не иначе, какъ съ разрѣшенія университетовъ (§ 14). Въ приходскія училища принимались дѣти всѣхъ состояній и обоего пола, но не моложе 8 лѣтъ, а дѣвицы не старше 11, причемъ отъ нихъ не требовалось никакихъ познаній и никакой платы за ученіе (§ 13).

Во всѣхъ приходскихъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ, полагался одинъ классъ съ годичнымъ курсомъ, и преподавались: Законъ Божій по краткому катихизису и св. исторіи, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и чтеніе рукописей, чистописаніе и четыре первыя дѣйствія ариѳметики. Въ посадахъ и селеніяхъ, гдѣ было много ремесленниковъ, или иного рода промышленниковъ, могъ быть учреждаемъ второй классъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ низшаго класса уѣздныхъ училищъ (исторія церкви, россійскаго языка, 4-хъ дѣйствій надъ простыми дробями, краткой географіи и исторіи, рисованія и черченія). Способъ обученія могъ быть двоякій: *обыкновенный* или *по методѣ Ланкастера* (взаимнаго обученія). Ученіе въ сельскихъ училищахъ начиналось по окончаніи полевыхъ работъ и продолжалось до начала оныхъ въ слѣдующемъ году, но не менѣе 5 или, по крайней мѣрѣ, 4 мѣсяцевъ въ годъ. Въ городахъ и селеніяхъ, жители коихъ занимались болѣе ремеслами и торговлею, нежели земледѣліемъ, ученіе въ приходскихъ училищахъ продолжалось цѣлый годъ, за исключеніемъ 6 недѣль или 2 мѣсяцевъ обыкновенной лѣтней вакаціи. Обученіе ежедневно продолжалось 4 часа. Если, за исправленіемъ духовныхъ требъ или иными дѣлами, священникъ не могъ быть въ училищѣ въ назначенные для него часы, то онъ заблаговременно долженъ былъ увѣдомить учителя, «который, занявъ на сей разъ учениковъ другимъ учебнымъ предметомъ, въ слѣдующій день уступалъ ему свои часы» (§§ 15, 16, 17, 20, 22 и 23). Обучающіе могли, съ согласія помѣщиковъ или обществъ, иногда собирать учениковъ и во время полевыхъ работъ для повторенія выученнаго; ученики, желавшіе повторить пройденный ими учебный курсъ, принимались снова въ училище (§§ 26 и 27). Приходскія училища въ городахъ и селеніяхъ, принадлежащихъ казнѣ или вольнымъ хлѣбопашцамъ, содержались на счетъ городскихъ и сельскихъ обществъ, а въ имѣніяхъ помѣщичьихъ—на счетъ добровольныхъ приношеній помѣщика (§§ 37 и 38).

Но даже столичныя городскія общества не были щедры на приходскія училища и отпускали на содержаніе ихъ весьма скудныя средства; въ селеніяхъ-же училища вовсе не открывались, пока не были учреждены Министерства Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, которыя обратили особенное вниманіе на заведеніе училищъ въ подвѣдомыхъ имъ селеніяхъ. Прежде всего возникли въ 1830 году *волостныя училища* въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ для приготовленія *способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей;* но крестьяне не хотѣли посылать своихъ сыновей въ эти

училища, опасаясь, что ихъ «заберутъ въ писаря». Поэтому въ 1842 году училища были названы *приходскими* и получили общее назначеніе: «распространять и утверждать между государственными крестьянами религіозно-нравственное образованіе и первоначальныя, для каждаго сословія болѣе или менѣе необходимыя, свѣдѣнія». Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ по этому поводу 23-го ноября 1842 года, на имя Министра Государственныхъ Имуществъ графа Киселева, повелѣвалось: «объявить государственнымъ крестьянамъ, что, учреждая для собственнаго ихъ блага способы образованія сельскаго юношества, мы желаемъ, съ одной стороны, чтобы они, исполняя долгъ отеческаго попеченія о своихъ дѣтяхъ, обучали ихъ въ приходскихъ училищахъ, а съ другой, чтобы дѣти поселянъ, пріобрѣтая въ сихъ училищахъ истинныя понятія о своихъ обязанностяхъ, предписанныхъ Закономъ Божіимъ, и обо всемъ, что необходимо въ кругу сельскаго быта, доставляли утѣшеніе родителямъ и пользу своимъ обществамъ».

Въ 1845 году было издано подробное «*Наставленіе для управленія сельскими приходскими училищами въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ*», утвержденное графомъ Киселевымъ. По этому наставленію, для лучшаго достиженія цѣли учрежденія сельскихъ училищъ обученіе въ нихъ и религіозно-нравственное назиданіе крестьянскихъ дѣтей ввѣрялась приходскому духовенству, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ окружныхъ начальниковъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, которые обязаны были осматривать каждое училище не менѣе двухъ разъ въ годъ, присутствовать на экзаменахъ и представлять два раза въ годъ подробную вѣдомость о состояніи училищъ управляющимъ палатами государственныхъ имуществъ, а сіи послѣдніе осматривать училища, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ и представлять ежегодный отчетъ о состояніи училищъ Министру Государственныхъ Имуществъ.

Вліяніе епархіальнаго духовнаго начальства на эти сельскія училища состояло «въ избраніи достойныхъ надзирателей и учителей изъ мѣстныхъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, или изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ, которые утверждались въ должностяхъ мѣстною палатою государственныхъ имуществъ. Вліяніе-же училищнаго начальства Министерства Народнаго Просвѣщенія выражалось въ томъ, что палаты государственныхъ имуществъ обязаны были сообщать директорамъ училищъ объ открытіи и закрытіи сельскихъ школъ и доставлять имъ ежегодно перечневыя вѣдомости о состояніи училищъ, съ показаніемъ числа учащихъ и учащихся. Кромѣ того, губернскимъ директорамъ и уѣзднымъ штатнымъ смотрителямъ

училищъ вмѣнено было въ обязанность осматривать эти сельскія училища и о результатѣ осмотра сообщать управляющимъ палатами и окружнымъ начальникамъ государственныхъ имуществъ.

Содержаніе сельскихъ училищъ было отнесено насчетъ общественныхъ сборовъ, и особымъ штатомъ опредѣлено на каждое училище по 250 р. въ годъ, именно: жалованья учителю 85 р., помощнику его 75 р., сторожу 17 р. 50 к., на наемъ дома, отопленіе и освѣщеніе 45 р. и на учебныя пособія 27 р. 50 к. Учительскій помощникъ назначался, когда учащихся было болѣе 50. Кромѣ того, назначалась прибавка къ жалованью учителя до 100 р., гдѣ число учениковъ было отъ 25 до 30, а при большемъ числѣ учащихся — до 115 р. Учитель за особенное усердіе, по выслугѣ 6-ти лѣтъ, получалъ полуторное жалованье, а черезъ 12 лѣтъ—двойное.

Предметы ученія были тѣ-же, какъ и во всѣхъ приходскихъ училищахъ по уставу 1828 года, и, кромѣ того, дѣти обучались выкладкамъ на счетахъ и русскимъ мѣрамъ длины, вѣса, емкости и монетамъ. Лучшіе изъ окончившихъ курсъ учениковъ назначались, по желанію ихъ, въ волостные и сельскіе писаря; если-же они были моложе 16 лѣтъ, то для практики поступали предварительно въ канцеляріи окружныхъ управленій. Впослѣдствіи при училищахъ учреждены были дополнительные курсы для образованія фельдшеровъ, землемѣрскихъ и ветеринарныхъ помощниковъ.

Такимъ образомъ, приходскія училища въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ были первыя въ Россіи постоянныя сельскія народныя училища, существованіе которыхъ было обезпечено опредѣленнымъ ежегоднымъ содержаніемъ.

Почти одновременно, именно въ 1832 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ при *каждомъ сельскомъ приказѣ удѣльнаго вѣдомства*, по крайней мѣрѣ, по одному приходскому училищу, а для приготовленія учителей въ эти училища были учреждены два *главныя училища* въ Москвѣ и въ Красномъ Селѣ (недалеко отъ Петербурга), существовавшія, впрочемъ, лишь 4 года, до 1836 года. Приготовленные здѣсь молодые люди назначались учителями чтенія, письма и ариѳметики въ приходскія сельскія училища удѣльнаго вѣдомства; для преподаванія-же Закона Божія опредѣлялся мѣстною удѣльною конторою священникъ, по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, который получалъ по 75 р. въ годъ вознагражденія. Потомъ было признано полезнымъ поручать, по возможности, преподаваніе всѣхъ предметовъ мѣстнымъ священникамъ или дьяконамъ, съ назначеніемъ имъ за это, при готовомъ помѣщеніи съ отопленіемъ

и освѣщеніемъ, по 145 руб. въ годъ. Содержаніе училищъ отнесено было насчетъ удѣльныхъ имѣній, въ коихъ они находились. Предметы преподаванія были тѣ-же, какъ въ приходскихъ училищахъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и, кромѣ того, церковное нотное пѣніе. Надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія удѣльныя сельскія училища вовсе не подлежали, но удѣльныя конторы обязаны были ежегодно сообщать губернскимъ директорамъ училищъ о числѣ училищъ и учащихся въ нихъ.

Число приходскихъ сельскихъ училищъ, какъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, такъ и удѣльнаго вѣдомства, по отчетамъ, постоянно возрастало, и въ 1853 году первыхъ было 2.782 съ 139.320 учащимися, а удѣльныхъ 204 съ 7.477 учащимися.

Кромѣ того, существовали еще сельскія училища горнаго вѣдомства и въ очень немногихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ; но о числѣ и состояніи ихъ не имѣется никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Приготовленіе учителей для народныхъ училищъ шло у насъ съ постоянными перерывами. Мы начали устройство народныхъ училищъ при императрицѣ Екатеринѣ II съ приготовленія учителей. Первое главное народное училище, устроенное въ С.-Петербургѣ въ 1783 году, съ учительскимъ при немъ отдѣленіемъ, какъ мы уже знаемъ, въ этомъ отношеніи принесло большую пользу: къ 1786 году оно приготовило необходимое число учителей для 25 главныхъ народныхъ училищъ въ губернскихъ городахъ и малыхъ училищъ въ нѣсколькихъ уѣздныхъ. Но въ этомъ-же году учительское отдѣленіе было преобразовано въ самостоятельную учительскую семинарію, впрочемъ исключительно для приготовленія учителей для главныхъ народныхъ училищъ. Въ 1801 году она была закрыта, но въ 1803 году опять возстановлена и въ 1804 году переименована въ Педагогическій институтъ, для приготовленія гимназическихъ учителей, гимназіи-же должны были доставлять учителей низшимъ училищамъ—уѣзднымъ и приходскимъ. Въ 1816 году Педагогическій институтъ былъ преобразованъ въ Главный педагогическій институтъ и при немъ въ 1817 году, по представленію Уварова, былъ открытъ 2-й разрядъ для *приготовленія учителей въ низшія учебныя отдѣленія, особенно въ томъ нуждавшіяся*, потому что воспитанники Главнаго педагогическаго института поступали учителями въ гимназіи или готовились въ университетскіе профессоры, а воспитанники гимназій, по окончаніи курса, или продолжали ученіе въ высшихъ училищахъ, или поступали въ гражданскую службу, представлявшую болѣе выгодъ и лучшую карьеру, чѣмъ учительскія должности въ низшихъ училищахъ. Какъ сильно

*

заботила С. С. Уварова мысль объ образованіи учителей для уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, видно изъ того, что онъ принялъ 2-й разрядъ Главнаго педагогическаго института подъ свой непосредственный надзоръ, чего требовали, по собственнымъ его словамъ, «новость и важность сего опыта, неопредѣлительность методы, необходимость дѣйствовать сильно и вѣрно». Вмѣстѣ съ этимъ, по ходатайству Уварова, четверо студентовъ Главнаго педагогическаго института, Буссе, Свенске, Тимаевъ и Ободовскій, были посланы за-границу для изученія методы взаимнаго обученія Бель-Ланкастера и Песталлоціева элементарнаго преподаванія.

Въ 1819 году, съ учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ университета, Главный педагогическій институтъ присоединенъ былъ къ нему въ видѣ отдѣленія казеннокоштныхъ студентовъ, приготовлявшихся къ занятію профессорскихъ и учительскихъ должностей, и такія-же отдѣленія были открыты и при другихъ университетахъ, а 2-й разрядъ образовалъ особый *учительскій институтъ, въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго университета состоящій*, съ своимъ особымъ директоромъ, которымъ былъ назначенъ опытный педагогъ Миддендорфъ, и первыми учителями были Буссе, Свенске, Тимаевъ и Ободовскій, возвратившіеся въ 1819 году. Но уже въ 1822 году, вслѣдъ за оставленіемъ Уваровымъ должности попечителя учебнаго округа, по причинѣ начавшагося преслѣдованія профессоровъ, учительскій институтъ былъ упраздненъ и вмѣсто него была открыта въ 1823 году 3-я С.-Петербургская учительская гимназія, казенные воспитанники которой, по окончаніи курса въ университетѣ, обязаны были прослужить учителями гимназій 6 лѣтъ, а не поступившіе въ университетъ были назначаемы на учительскія должности въ уѣздныя и приходскія училища. Но такъ какъ гимназическихъ учителей все-таки не доставало, особенно для отдаленныхъ восточныхъ и сѣверозападныхъ губерній, то въ 1828 году опять былъ открытъ Главный педагогическій институтъ, для приготовленія профессоровъ и учителей въ высшія и среднія учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, непосредственно подчиненный Министру, а въ 1832 году былъ возстановленъ при немъ и 2-й разрядъ для приготовленія уѣздныхъ и приходскихъ учителей. Такимъ образомъ, дѣло приготовленія начальныхъ учителей мы снова начали въ 1838 году, но, къ сожалѣнію, все ограничилось учрежденіемъ для этой цѣли одного небольшаго заведенія въ С.-Петербургѣ, такъ что изъ предѣловъ нашей сѣверной столицы мы въ этомъ дѣлѣ не выходили, за исключеніемъ кратковременно существовавшихъ двухъ главныхъ удѣльныхъ учи-

лицъ, въ Москвѣ и въ Красномъ Селѣ, для приготовленія учителей въ удѣльныя сельскія школы, о чемъ уже было упомянуто выше. Но и съ этимъ четвертымъ началомъ мы скоро покончили. По всеподданнѣйшему докладу Министра 26-го іюня 1847 года, 2-й разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Главнаго педагогическаго института были закрыты, потому что они признаны были болѣе «*ненужными, какъ учрежденія, уже исполнившія свое временное назначеніе, ибо уѣздныя училища достаточно снабжаются учителями изъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса Главнаго педагогическаго института, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій*» *).

Мы изложили, такъ сказать, оффиціальный ходъ начальнаго народнаго образованія въ Россіи, въ текущемъ столѣтіи, до конца царствованія императора Николая I, выразившійся въ изданіи училищныхъ уставовъ и другихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ по распространенію народныхъ училищъ и приготовленію начальныхъ учителей. Хотя эти уставы и мѣропріятія въ главныхъ основныхъ положеніяхъ своихъ распространялись на всю Имперію, но они подвергались весьма значительнымъ и существеннымъ измѣненіямъ и отступленіямъ въ примѣненіи ихъ къ нашимъ окраинамъ, такъ что для сихъ послѣднихъ издавались неоднократно особыя училищныя положенія. Не говоря уже о бывшемъ «Царствѣ Польскомъ», имѣвшемъ до второй половины шестидесятыхъ годовъ по всѣмъ частямъ свое особое управленіе, высшіе органы котораго сносились съ подлежащими Министерствами и главными управленіями чрезъ посредство особаго статсъ-секретаріата, даже въ ближайшей нашей окраинѣ—въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ—дѣйствовали особые мѣстные законы. Начало народнымъ школамъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи было положено въ XVI в., вмѣстѣ съ распространеніемъ изъ Пруссіи евангелическо-лютеранскаго вѣроученія, на основаніи котораго при каждой церкви должна была существовать школа для обученія дѣтей чтенію, св. исторіи и краткому катихизису. Это церковное постановленіе вошло въ Высочайше утвержденное 26-го марта 1819 г. положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. По §§ 516 и 517 этого положенія «волостныя или приходскія школы должны состоять подъ ближайшимъ над-

*) Сборн. постан. т. II, стр. 767 и 768. Директоромъ Главнаго педагогическаго института въ это время былъ Давыдовъ, и докладъ былъ составленъ по его представленію.

зоромъ мѣстнаго священника и церковнаго старосты, и главнымъ смотрѣніемъ церковныхъ попечителей, ландтага и его конвента. Священники должны прилагать стараніе о присмотрѣ какъ за ученьемъ дѣтей въ школахъ и внѣ оныхъ, такъ и объ устройствѣ самой школы». То-же самое сказано объ обязанностяхъ пасторовъ относительно приходскихъ школъ и обученія дѣтей религіи въ § 129 Высочайше утвержденнаго 28-го декабря 1832 г. устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи. Въ 1838 году, по всеподданнѣйшему представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, состоялось новое Высочайшее повелѣніе «объ оставленіи сельскихъ крестьянскихъ школъ во всѣхъ остзейскихъ губерніяхъ подъ ближайшимъ надзоромъ тѣхъ лицъ и мѣстъ, кои опредѣлены для того положеніемъ о лифляндскихъ крестьянахъ, съ тѣмъ, чтобы губернскіе предводители дворянства ежегодно доставляли свѣдѣнія о состояніи сихъ школъ и числѣ учащихся въ нихъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія».

На распространеніе начальнаго образованія въ средѣ православнаго населенія прибалтійскихъ губерній правительство обратило вниманіе въ самомъ началѣ водворенія православія въ этомъ краѣ, и уже въ сороковыхъ годахъ, при содѣйствіи правительства, было учреждено около ста православныхъ приходскихъ школъ. Въ 1850 году были Высочайше утверждены особыя правила для православныхъ народныхъ училищъ, на основаніи которыхъ они были раздѣлены на два разряда: *приходскія* при церквахъ и *вспомогательныя* въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ, и предоставлены въ полное завѣдываніе духовенства. Въ 1860 году ихъ числилось 369, но, по отзывамъ самого духовенства, они находились не въ цвѣтущемъ состояніи, въ особенности вспомогательныя училища, гдѣ плата учителямъ была такъ ничтожна (5—10 руб. въ годъ, а иногда ея и вовсе не было), что въ учителя шли почти исключительно лица, желавшія освободиться отъ рекрутской повинности. Всѣ благочинные доносили, что нѣтъ средствъ и рѣшительно никакой поддержки со стороны мѣстнаго населенія для содержанія училищъ: крестьяне бѣдны, а мѣстныя власти совершенно равнодушны къ представленіямъ духовенства. Безъ средствъ-же и безъ поддержки народное образованіе невозможно, и православныя народныя училища должны придти въ совершенный упадокъ. Число сельскихъ лютеранскихъ школъ въ томъ-же году было около 1.500; онѣ завѣдывались и содержались дворянствомъ, лишь при нѣкоторомъ пособіи отъ сельскихъ обществъ, причемъ все начальное народное образованіе находилось подъ непосредственнымъ руководствомъ приходскаго духовенства. Всѣ лютеранскія сельскія училища

были достаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и имѣли хорошо подготовленныхъ учителей. Въ 1870 году 2-го марта было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ распространенію народнаго образованія въ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, на основаніи котораго: 1) Главный надзоръ за православными народными училищами былъ возложенъ на особый «совѣтъ по дѣламъ сельскихъ училищъ прибалтійскихъ губерній», подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора, изъ епархіальнаго архіерея, ректора рижской духовной семинаріи, попечителя Дерптскаго учебнаго округа, его помощника и директора русской рижской Александровской гимназіи; ближайшее-же завѣдываніе этими училищами было ввѣрено приходскимъ попечительствамъ, избираемымъ самими крестьянами, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго священника. Лютеранскія-же народныя училища были подчинены попечителю учебнаго округа. 2) Во всѣхъ народныхъ училищахъ введено преподаваніе русскаго языка, а для приготовленія русскихъ учителей учреждалась учительская семинарія. 3) На устройство и содержаніе этой семинаріи и на пособіе православнымъ народнымъ училищамъ въ 1870 году отпущено 42.500 р., а съ 1871 года постановлено вносить въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія на тѣ-же расходы по 30.000 р. въ годъ *).

Объ отдѣльныхъ положеніяхъ, которыя издавались для народныхъ училищъ сѣверо и юго-западныхъ губерній, для нѣмецкихъ и другихъ колонистскихъ, еврейскихъ, магометанскихъ и прочихъ инородческихъ училищъ, будетъ сказано ниже, а теперь перейдемъ къ изложенію общихъ правительственныхъ мѣропріятій и общественной дѣятельности по начальному народному образованію въ царствованіе императора Александра II. Объ этихъ мѣропріятіяхъ пишущій эти строки можетъ говорить и судить не только въ качествѣ лица, уже болѣе 30-ти лѣтъ спеціально занимающагося общественнымъ училищевѣдѣніемъ, но и въ качествѣ лица, принимавшаго непосредственное участіе въ выработкѣ по крайней мѣрѣ бо̀льшей части этихъ мѣропріятій.

Н. Вессель.

---

*) Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр., т. IV, стр. 1512—1530.

ЗАБЫТЫЙ МІРЪ.

(Изъ пансіонскихъ воспоминаній).

(Окончаніе).

V.

Нашимъ непосредственнымъ пансіонскимъ начальствомъ были четыре гувернера, дежурившіе по-двое по очереди: Левъ Андреевичъ Воскресенскій, жившій въ гимназіи, завѣдывавшій пансіонской библіотекой и выдававшій намъ всѣ учебныя принадлежности; Михаилъ Игнатьевичъ Соколовскій, онъ-же учитель чистописанія и рисованія; Александръ Сергѣевичъ Ковалевъ, онъ-же учитель географіи, и Карлъ Петровичъ Вигантъ. Послѣдній отличался замѣчательно хорошимъ аппетитомъ. Въ пансіонѣ даже сложилось сказаніе о томъ, что К. П. послѣ обѣда собиралъ кашу въ бумажные тюрички и ночью, когда воспитанники засыпали, ѣлъ ее въ постели, прикрывшись одѣяломъ. Ковалевъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что постоянно читалъ описанія различныхъ путешествій и дѣлалъ изъ нихъ выписки изумительно мелкимъ почеркомъ. Воскресенскій былъ человѣкъ очень почтенный, но любилъ порезонерствовать. Его пространныя и иногда довольно скучныя разсужденія и нотаціи пансіонеры съ презрѣніемъ называли «философіей».

Изъ дореформенныхъ учителей я особенно хорошо помню Карла Антоновича Блеза, учителя французскаго языка. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, на костыляхъ, довольно высокаго роста, съ какой-то странной, угловатой головой, съ блѣднымъ лицомъ и съ безцвѣтными стеклянными глазами. Во время его уроковъ мы мало упражнялись во французскомъ языкѣ, а больше занимались пріятными разговорами. Изъ пространныхъ разсказовъ Блеза мы уже знали, что онъ былъ сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, учился въ какомъ-то

«коллежѣ»—и объ этомъ «коллежѣ» онъ часто и подолгу растространялся. Мы знали также, что m-eur Блезъ принадлежитъ къ партіи орлеанистовъ, которымъ, по его мнѣнію, принадлежало будущее Франціи. Если ученикъ, вызванный къ доскѣ, не зналъ урока, то сейчасъ-же давалъ знакъ товарищамъ, и тѣ являлись къ нему на выручку и, почтительно поднявшись съ мѣста, начинали разспрашивать Блеза или о коллежѣ, или о томъ: какіе замѣчательные люди были въ его время въ орлеанистской партіи? Блезъ, позабывъ объ урокѣ и опершись на костыль, принимался пересчитывать графовъ, герцоговъ и маркизовъ, а ученикъ той порой мало-по-малу отодвигался отъ доски и благополучно пробирался на свое мѣсто.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что Блезъ, не смотря на всѣ его недостатки съ педагогической точки зрѣнія, былъ человѣкъ очень доброй души и любилъ насъ, дѣтей. Какъ, бывало, мило, доброжелательно онъ улыбался намъ, какъ нѣжно, ласково гладилъ насъ по головѣ... Изъ-за него, кажется, никто изъ насъ никогда не пострадалъ. Блезъ умеръ въ Вологдѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, умеръ въ одинъ день съ женой-старушкой и оба они похоронены въ одной могилѣ.

Изъ учителей младшихъ классовъ въ мое время лучшимъ былъ преподаватель русскаго языка, Михаилъ Николаевичъ Николенко. Правда, изъ русскаго языка я всегда имѣлъ хорошія отмѣтки, и Николенко ко мнѣ благоволилъ, но отсюда никто изъ читателей, надѣюсь, не заключитъ, что послѣ 30 лѣтъ въ моемъ разсказѣ можетъ быть мѣсто какому-нибудь личному пристрастію. По всей справедливости, я долженъ сказать, что Николенко съумѣлъ насъ заинтересовать своимъ предметомъ; онъ *умѣлъ* учить, что̀, какъ извѣстно, можно сказать далеко не о каждомъ педагогѣ. Иногда онъ бывалъ рѣзокъ и грубоватъ въ обращеніи, но его рѣзкость и грубость были непредумышленны, вырывались въ минуты раздраженья. Николенко былъ человѣкъ, глубоко преданный своему дѣлу, нервный, впечатлительный...

Помню одинъ случай... Николенко вздумалъ учредить авдиторство; пять лучшихъ учениковъ были назначены имъ авдиторами, и я попалъ въ число этихъ пяти. Каждый изъ насъ долженъ былъ передъ классомъ спрашивать урокъ у шестерыхъ товарищей, ввѣренныхъ нашему попеченію, давать имъ объясненія, ставить имъ отмѣтки въ своихъ журналахъ и передъ началомъ урока подавать журналы учителю. Въ числѣ шести «подавдиторныхъ» у меня былъ М., тупица и лѣнтяй феноменальный. Кромѣ Закона Божія и чистописанія, у него изо всего были всего чаще двойки да единицы, и субботы рѣдко проходили безъ того, чтобы М. не побывалъ въ гардеробной...

Однажды, спросивъ у М. урокъ и увидавъ, что онъ зналъ очень плохо, я уже хотѣлъ поставить ему два, какъ вдругъ онъ, шлепая, по обыкновенію, своими толстыми губами, льстивымъ, вкрадчивымъ шепотомъ обратился ко мнѣ:

— Поставь три! Ну, что̀ тебѣ... А то у меня ужь много единицъ—опять драть поведутъ... Поставь, пожалуйста, три!.. Я тебѣ булку дамъ!

И М. вытащилъ изъ стола домашняго печенья булку, довольно аппетитную на видъ. Дѣло происходило въ «большую перемѣну», т.-е. около 12-ти часовъ, тотчасъ послѣ завтрака, но я въ тотъ день не завтракалъ, потому что подавалась моя нелюбимая похлебка—бульонъ съ манной крупой. Я былъ не то, что голоденъ, но сильно впроголодь. Я вовсе не въ оправданіе себѣ говорю, что «былъ впроголодь». Беря у М. булку, я очень хорошо сознавалъ, что беру взятку, поступаю не по совѣсти, поступаю скверно, гадко. Соблазнъ оказался силенъ. Я поставилъ М. *три* и булку его немедленно съѣлъ...

Звонокъ. Николенко прошелъ на каѳедру; мы, авдиторы, подали ему журналы и возвратились на свои мѣста. Вдругъ М. Н. поднялъ брови и съ удивленіемъ промолвилъ:

— У М. сегодня три! Гм! Вотъ это такъ новость...

Тутъ только я спохватился, что тройка, поставленная М., неминуемо должна была обратить на себя вниманіе. М. со своей булкой совершенно сбилъ меня съ толку.

— М.! Пожалуйте сюда! возгласилъ Николенко.

Случилось именно то, чего и слѣдовало ожидать. Учитель захотѣлъ самъ спросить у него урокъ и провѣрить меня... Соблазнитель мой, нехотя, выползъ изъ-за стола и подошелъ къ доскѣ.

— Ну, скажи стихотвореніе! обратился къ нему Николенко.

М. пожевалъ губами, посопѣлъ и началъ гнусить:

«Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ,
Потоковъ ропотъ»...

М. запнулся и поникъ головой, усиленно вертя то ту, то другую пуговицу своего сюртука.

— Дальше! проговорилъ учитель.

— Сбился-съ... Я съ начала... пробормоталъ М. и опять затянулъ въ носъ:

«Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ
Потоковъ ропотъ»...

И опять на этомъ самомъ словѣ—стопъ!.. И такъ онъ начиналъ раза четыре, а я той порой краснѣлъ и блѣднѣлъ, ругая про себя М. «болваномъ» и «осломъ». Наконецъ, Николенко вышелъ изъ терпѣнія и прогналъ моего «осла» на мѣсто, поставивъ ему единицу. Затѣмъ Николенко обратился ко мнѣ со строгой нотаціей и за явную мою несправедливость исключилъ меня изъ авдиторовъ. Я не оправдывался, не увѣрялъ, напримѣръ, въ томъ, что М. порядочно отвѣчалъ мнѣ стихотвореніе. Мнѣ было совѣстно прибавлять еще ложь къ совершенной мною гадости. Я молчалъ, подавленный тяжестью грѣха. Я чувствовалъ себя несчастнымъ. Не лишеніе авдиторства заставляло меня страдать, но сознаніе, что я обманулъ довѣріе учителя... И когда черезъ нѣсколько времени Николенко снова сдѣлалъ меня авдиторомъ, я уже сталъ строже относиться къ себѣ. Испытанное мною тяжелое чувство нравственнаго паденія послужило мнѣ памятнымъ урокомъ на будущее время...

Николенко особенно любилъ меня за то, что я умѣлъ хорошо объяснять значеніе словъ русской рѣчи. Однажды въ третьемъ классѣ ученику, не отвѣтившему на вопросъ, Николенко сердито сказалъ: «Шли бы вы въ первый классъ и спросили бы тамъ З... Онъ объяснилъ бы вамъ!» Слухъ о такомъ пассажѣ черезъ пансіонеровъ-третьеклассниковъ дошелъ до меня и, конечно, пріятно польстилъ моему дѣтскому самолюбію.

Большинство учителей держалось стараго пріема преподаванія: во время класса спрашивали урокъ, а передъ звонкомъ или даже во время звонка чертили ногтемъ въ книгѣ и говорили: «А къ слѣдующему разу—отъ сихъ и до сихъ!» Надъ этимъ пріемомъ уже не мало смѣялись и острили, не мало порицали его за то, что онъ заставлялъ учениковъ «долбить», т.-е. безсмысленно, механически заучивать наизусть. Правда, этотъ пріемъ былъ у насъ доведенъ до крайности, и мальчиковъ неразвитыхъ, малоспособныхъ онъ могъ забивать окончательно, дѣлать изъ нихъ «зубрилъ»; эти малоспособные субъекты, обыкновенно, не шли далѣе втораго класса, ибо дальше втораго класса «зубряжка» имъ уже не помогала. (Впрочемъ, эти субъекты составляли самый незначительный процентъ учениковъ, да и при иной системѣ они, вѣроятно, не были бы въ состояніи кончить гимназическій курсъ).

Но теперь, черезъ 30-лѣтній промежутокъ времени, оглядываясь назадъ и всматриваясь попристальнѣе въ способъ задаванія «отъ сихъ и до сихъ», я—быть можетъ, къ большому удивленію читателя—нахожу, что въ этомъ пріемѣ, осмѣянномъ, поруганномъ и отвергнутомъ со-

временной педагогіей, была и хорошая сторона—такая хорошая, что за нее можно было-бы дорого заплатить и отдать еще въ придачу всѣ фребелевскія затѣи, всѣ эти «палочки» и «кубики», придуманные какъ-бы спеціально для идіотовъ. Тотъ старый способъ преподаванія («отъ сихъ и до сихъ») представлялъ широкое поле для нашей самодѣятельности, для самостоятельной работы мысли *). Мы должны были сами разжевывать предлагаемую намъ умственную пищу, безъ помощи нянюшекъ и мамушекъ; мы должны были сами допытываться отвѣтовъ на поставленные вопросы, должны были сами разбирать темныя мѣста, встрѣчавшіяся въ учебникѣ. Конечно, не каждый самъ успѣшно разрѣшалъ задачу, иной долго бился надъ нею, но это и неважно: важно то, что мы пытались и привыкали *работать своей головой*, привыкали *думать*. Собрать запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для образованнаго человѣка, можно при нѣкоторыхъ усиліяхъ года въ три-четыре; *научиться* же «учиться», научиться пользоваться своимъ мозгомъ—при иныхъ методахъ преподаванія—нельзя и во всю жизнь...

Насъ въ классѣ не спрашивали: которая рука—правая и которая—лѣвая, по полу-ли мы ходимъ или по потолку, чѣмъ мы смотримъ, ѣдимъ и т. п. Праздной болтовни не было, преподаваніе велось серьезно, безъ всякихъ облегченій и развлеченій, учебники наши отличались сухостью (Кошанскій, Буссе, Смарагдовъ, Ободовскій, Симашко), учебныхъ пособій было мало (и въ числѣ ихъ едва-ли не самую видную роль играли розги), но при всемъ томъ, не взирая на всѣ эти неказистыя условія, учителя не смотрѣли на насъ, какъ на дурачковъ, какъ на малоумныхъ, но какъ на обыкновенныхъ, здравомыслящихъ дѣтей...

Старый способъ преподаванія былъ впослѣдствіи мало-по-малу замѣненъ способомъ, діаметрально противоположнымъ ему—способомъ «разжевыванья». Преподаваніе упростилось; появились занимательные учебники съ рисунками, съ портретами; стѣны въ классахъ увѣшались картинами (для нагляднаго обученія), завелись всевозможныя учебныя пособія—

*) Сочувствуя вполнѣ почтенному автору въ осужденіи имъ разжевыванія преподавателями умственной пищи, предлагаемой ими своимъ питомцамъ, равно какъ и пересаливаніе въ стремленіи къ наглядности преподаванія, мы полагаемъ однакожъ, что авторъ предлагаемыхъ здѣсь воспоминаній преувеличиваетъ значеніе стараго пріема преподаванія «отъ сихъ, до сихъ», приписывая дѣйствію этого рутиннаго пріема такіе результаты, которые не только не были слѣдствіемъ рутиннаго способа преподаванія, но являлись нерѣдко вопреки этому пріему, или, по крайней мѣрѣ, помимо него. *Ред.*

кубики и палочки. Если старый способъ оказывался неудобенъ для меньшинства, то замѣнившій его способъ «разжевыванья»—по моему убѣжденію—гибеленъ для большинства... Здоровый человѣкъ безъ вреда для организма не можетъ питаться разжеванной пищей: языкъ, зубы, десны, слюнныя железы—вообще вся полость рта должна работать при пріемѣ пищи. И умственную пищу такъ-же, какъ физическую, надлежащимъ образомъ приготовленную, но безъ всякихъ «глазировъ», чеолвѣкъ долженъ самъ разжевывать для того, чтобы она пошла ему на пользу, претворившись въ кровь и плоть. Если человѣку съ дѣтства давать умственную пищу лишь въ размельченномъ, разжеванномъ видѣ, то самая главная, самая существенная изъ его способностей съ теченіемъ времени должна неминуемо атрофироваться.

Такой-то дорогой цѣной наставники могутъ набить головы своихъ питомцевъ массой разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, начиная съ астрономіи и кончая металлургіей. Но ихъ питомцы, эти чудовища учености, вступивъ въ жизнь съ громаднымъ багажемъ свѣдѣній, бываютъ не въ состояніи пользоваться своими сокровищами, то-есть, не умѣютъ думать рѣшительно и самостоятельно. И эти люди, обремененные эрудиціей, при первомъ-же промахѣ конфузятся, теряются и постороннему наблюдателю кажутся совершенными дуботолками.

Иногда въ обществѣ приходится слышать: «Человѣкъ казалось-бы и образованный, а поглядишь—дуракъ-дуракомъ!» Подобная фраза—не результатъ недомыслія; въ грубой, вульгарной формѣ она указываетъ на вѣрно подмѣченный, дѣйствительно существующій фактъ... Мы брали науку съ боя, безъ помощи кубиковъ и палочекъ, но за то мы научились думать и сдѣлались полными хозяевами добытыхъ нами свѣдѣній, которыя въ количественномъ отношеніи, конечно, далеко уступали той прорвѣ знаній, какою набивались головы позднѣйшихъ поколѣній.

Въ похвалу старой школѣ также должно быть поставлено то обстоятельство, что мы не были такъ обременены работой, какъ обременены ею нынѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Читатель уже видѣлъ, что мы проводили въ классахъ по 4 часа въ сутки и по 4 часа употребляли на приготовленія уроковъ; итого въ сутки мы занимались умственнымъ трудомъ по *восьми* часовъ. Нынѣ гимназистъ занимается по 10 и по 12 часовъ въ сутки...

Въ похвалу также можно поставить старой школѣ и то обстоятельство, что она—вслѣдствіе болѣе нормальнаго распредѣленія занятій—не выпускала изъ своихъ стѣнъ людей нервныхъ, нравственно

развинченныхъ, чуть не падающихъ въ обморокъ отъ того, что не получаютъ похвальнаго листа, и пускающихъ себѣ пулю въ лобъ изъ-за неперехода въ слѣдующій классъ. Суровая, спартанская обстановка старой школы (не смотря на существованіе балловъ и наградъ) не могла развить въ своихъ питомцахъ мелочнаго, болѣзненнаго самолюбія, но не могла и забить чувства человѣческаго достоинства; напротивъ, своимъ ригоризмомъ она помогла своимъ питомцамъ развить въ себѣ много нравственной силы, устойчивости и презрѣнія къ матеріальнымъ недостаткамъ и неудобствамъ...

Въ своемъ очеркѣ я не скрываю недостатковъ старой школы, ея грубости и жесткости, а поэтому я не считаю себя въ правѣ и умалчивать о томъ, что̀ составляло, по моему мнѣнію, ея свѣтлую сторону.

Затѣмъ, чтобы покончить съ дореформенной эпохой и перейти къ новымъ временамъ, я долженъ сказать о томъ, какія книги читались въ пансіонѣ въ мое время.

Любимыми книгами въ ту пору были: Робинзонъ Крузо, описанія путешествій въ дальнія страны (какъ, напримѣръ, Дюмонъ-Дюрвиля), историческія сочиненія (Исторія Петра I, Наполеона и др.), романы Вальтеръ-Скотта, Коцебу, сочиненія Булгарина, Греча (Черная женщина), Р. Зотова (Таинственный монахъ), Кукольника (Альфъ и Альдона и др.), Марлинскаго, Погорѣльскаго, Лажечникова, Загоскина и другія подобныя имъ произведенія. Изъ дома также иногда занашивались вмѣстѣ съ Дюма, Сю, П. Февалемъ, Ферри и издѣлія московской стряпни на сѣрой оберточной бумагѣ: «Стригольники», «Марфа Посадница или паденіе Великаго Новгорода», «Вѣдьма надъ Днѣпромъ», «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» и т. под. Любимымъ журналомъ былъ «Журналъ для дѣтей» Чистякова, почти постоянно ходившій по рукамъ.

Однажды за обѣдомъ, въ антрактахъ между кушаньями, я читалъ «Антигону» Софокла. Инспекторъ (Зябловъ), обыкновенно ходившій на ту пору по залѣ, остановился за мной и поинтересовался узнать, что̀ я читаю. Я сказалъ ему. Инспекторъ, повидимому, сильно удивился моему выбору и съ улыбкой спросилъ:

— И понимаешь?

Я отвѣчалъ, что почти все понимаю (мнѣ было въ то время лѣтъ 13). Инспекторъ ласково потрепалъ меня по плечу и отошелъ.

Здѣсь я долженъ напомнить, что въ тѣ отдаленныя времена у насъ въ рукахъ не было ни Майнъ Рида, ни Жюля Верна съ ихъ

фантастической стряпней «на научной подкладкѣ»,—стряпней, напрасно и безтолково разжигающей дѣтское воображеніе...

VI.

Годы 1858—1860 послужили для нашего пансіона переходомъ отъ древней исторіи къ новой. Трудно указать годъ или какой-нибудь фактъ, которые можно было-бы принять за грань между старыми и новыми временами. Новыя вѣянія проникали незамѣтно, мало-по-малу, въ нашъ замкнутый мірокъ; они, казалось, пробирались въ него вмѣстѣ съ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Свѣжая струя не могла разомъ провѣтрить промзглую атмосферу. Но—хотя и медленно—нравы смягчались...

Старшіе воспитанники переставали колотить младшихъ, меньше притѣсняли ихъ, не отнимали у нихъ разбойнымъ образомъ, какъ бывало прежде, ни чаю, ни булки. Вечернія драки—«бои гладіаторовъ», какъ окрестили ихъ нѣкоторые—происходили рѣже. Гувернеры уже не дрались съ прежнимъ азартомъ и ушей воспитанникамъ не отрывали. Субботнія сѣченія продолжались, но розги уже, видимо, теряли свой престижъ: онѣ прилагались лишь къ «маленькимъ». Мальчиковъ-подростковъ уже начинали сажать въ карцеръ. За это время я помню только одинъ случай наказанія розгами великовозрастнаго воспитанника, да и этотъ случай держался въ секретѣ...

Инспектора Зяблова, особенно любившаго тѣлесныя наказанія, замѣнилъ въ 1858 г. Иванъ Львовичъ Игнатьевъ, бывшій нашъ учитель математики. Власовъ—еще ранѣе, осенью 1857 г., былъ переведенъ въ Петербургъ, и на мѣсто его директоромъ явился Алексѣй Васильевичъ Латышевъ.

Первымъ предзнаменованіемъ наступленія новыхъ временъ была для пансіона «кухонная реформа».

Дѣло началось съ того, что однажды за обѣдомъ нашли въ соусѣ червяка. Конечно, червякъ самъ по себѣ не Богъ вѣсть какой опасный и зловредный звѣрь, и прежде червяковъ видали въ соусѣ и прежде ворчали на нихъ, но ворчанье было совершенно платоническаго свойства и оставалось безъ послѣдствій. Теперь-же недовольство выразилось въ самыхъ конкретныхъ формахъ, стеколъ въ квартирѣ эконома не били и никакого особеннаго дебоша не устраивали, о чемъ, бывало, такъ любили распространяться въ своихъ тенденціозныхъ романахъ нѣкоторые писатели извѣстнаго направленія, но съ прискорбіемъ я долженъ заявить, что эконома все-таки пуб-

лично обругали «тараканьими усами». Въ то время у насъ экономъ былъ изъ отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ, старикъ худой, тонкій и прямой, какъ палка, съ усами, дѣйствительно, торчавшими, какъ у таракана. Онъ являлся къ намъ въ пансіонъ, обыкновенно, заложивъ правую руку въ задній карманъ своего сѣраго сюртука, лѣвую вытянувъ по шву и свирѣпо пошевеливая усами...

На этотъ разъ червяка предложили вниманію инспектора и просили его объ этомъ червѣ довести до свѣдѣнія директора. Сначала инспекторъ хотѣлъ, было, отшутиться и заговорилъ о томъ, что черви будутъ насъ ѣсть послѣ смерти, а мы за то теперь сами можемъ поѣсть ихъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ вынужденъ заявить директору о нашемъ недовольствѣ. Съ тѣхъ поръ постояннно одинъ изъ пансіонеровъ VI и VII класса по очереди дежурилъ въ кухнѣ, то-есть, принималъ провизію, наблюдалъ за чистотой посуды, присутствовалъ при отпускѣ кушаній къ столу и самъ обѣдалъ въ кухнѣ (и, конечно, ужъ ѣлъ вволю). Надо правду сказать, наша пища съ той поры значительно улучшилась.

Пансіонеры начали носить волосы длиннѣе прежняго, и многіе уже выпускали изъ-подъ галстуха воротнички рубахи; въ пансіонѣ стали ходить, разстегнувъ куртки; съ гувернерами разговаривали, сидя; не спрашиваясь, выходили изъ залы; по буднямъ чаще прежняго стали отпускать изъ пансіона къ роднымъ и знакомымъ; вопросъ о скоромной или постной пищѣ въ теченіе великаго поста рѣшался по большинству голосовъ. Вмѣсто маршировки и гимнастики, насъ стали учить танцамъ. Разъ въ недѣлю (кажется, въ четвергъ) являлся къ намъ въ залу какой-то актеръ, поджарый господинъ, съ смугло-желтымъ лицомъ и съ хохломъ темныхъ волосъ надо лбомъ. Сначала онъ училъ насъ разнымъ па, затѣмъ танцамъ. Маршировку мы не долюбливали, а танцы—еще болѣе, и появленіе желтолицаго господина въ черномъ потертомъ фракѣ заставляло насъ разбѣгаться и прятаться куда ни попало. Гувернеру стоило немалыхъ трудовъ, чтобы собрать для танцевъ хотя-бы нѣсколько паръ здоровыхъ субъектовъ: одинъ хромалъ, у другаго нестерпимо болѣла голова, третьяго тошнило, четвертаго мучила зубная боль и т. д.

Многія изъ пансіонскихъ вольностей, разумѣется, оффиціально не были допущены, но ихъ терпѣли, смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Прежній страхъ, строго говоря, во всей силѣ продолжалъ гнѣздиться лишь въ душахъ младшихъ воспитанниковъ... Старшіе исполняли правила, когда имъ вздумается, да и то съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣлали кому-то большое одолженіе...

Къ этому времени изъ самыхъ памятныхъ событій пансіонской жизни относится посѣщеніе нашей гимназіи покойнымъ императоромъ Александромъ II въ 1858 г. Незадолго до его пріѣзда пансіонерамъ для чего-то были розданы подтяжки радужныхъ цвѣтовъ и на каждые десять человѣкъ по банкѣ дрянной мусатовской помады (о каковой роскоши мы дотолѣ и понятія не имѣли) и, кромѣ того, были еще розданы дешевенькіе серебряные кресты тѣмъ изъ воспитанниковъ, у кого ихъ не было на шеѣ. Ждали Государя въ Вологду вечеромъ 14 іюня. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; на фасадѣ гимназіи горѣлъ громадный транспарантъ съ буквами А и М; вокругъ плацъ-парада пылали смоляныя бочки. Но иллюминація сгорѣла напрасно: Государь не пріѣхалъ въ тотъ вечеръ. Всю ночь вокругъ плацъ-парада въ канавахъ дремали и спали въ растяжку толпы крестьянъ, собравшихся за сотни верстъ поглядѣть на царя. Государь прибылъ по утру 15 іюня, часу въ шестомъ, и мы изъ оконъ спальни видѣли, какъ онъ проѣхалъ въ открытой коляскѣ въ ворота губернаторскаго дома. (Губернаторомъ на ту пору въ Вологдѣ былъ ген. Хоминскій).

Іюньскій день былъ тихъ и ясенъ. Вологда выглядѣла по праздничному. Толпы народа заливали городскія улицы. Въ 11 часовъ мы собрались въ актовой залѣ и всѣ вмѣстѣ—пансіонеры и приходящіе—встали двумя колоннами въ нѣсколько рядовъ. Ближе къ двери расположились учителя. Нашъ священникъ сообщилъ намъ: отъ какого евангелиста въ тотъ день за обѣдней было читано Евангеліе.

Около половины двѣнадцатаго часа Государь прибылъ въ гимназію. Быстрыми шагами вошелъ онъ въ залу въ сопровожденіи графа Адлерберга 2-го и, не остановившись у учителей, прямо подошелъ къ воспитанникамъ. Государь, сколько мнѣ помнится, былъ въ обыкновенномъ генеральскомъ мундирѣ, довольно запыленномъ: Государь прошелъ въ гимназію прямо съ плацъ-парада, гдѣ дѣлалъ смотръ мѣстному батальону. Государь казался усталымъ послѣ безсонной ночи, проведенной въ дорогѣ; глаза его были мутны, лицо—красно и обвѣтряло. Онъ остановился передъ нами, поздоровался.

— Учитесь, дѣти! сказалъ онъ намъ.—Я надѣюсь, что вы будете полезны отечеству. Слышите?

Не знаю: что̀ испытывали тогда мои товарищи, я-же съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Государя и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ его словамъ, вслушивался въ звуки его голоса... Какъ ни былъ замкнутъ нашъ пансіонскій міръ, но и до насъ уже успѣли долетѣть слухи о надеждахъ, возлагавшихся на молодаго государя, объ ожидавшихся реформахъ. И я—въ ту пору

16-ти-лѣтній юноша—смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, державшаго въ своихъ рукахъ будущія судьбы земли русской.

Личность покойнаго императора Александра II произвела на меня очень глубокое впечатлѣніе. Ни въ его наружности, ни въ обращеніи, ни въ словахъ не чувствовалось ничего такого, что-бы внушало хотя-бы малѣйшій страхъ. Онъ говорилъ въ то утро нѣсколько охрипшимъ голосомъ, но въ этомъ голосѣ слышались мягкія ноты. Скорби и разочарованія, ожидавшія его въ будущемъ, еще не успѣли въ ту пору омрачить его открытаго, мужественнаго лица, и лицо его въ то далекое іюньское утро было такъ-же ясно и свѣтло, какъ свѣтло было голубое небо, сіявшее въ большія окна нашей залы. Не смотря на видимую усталость, лицо его дышало душевнымъ миромъ и спокойною рѣшимостью. Государь говорилъ тономъ твердымъ, увѣреннымъ...

Государь, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то, что воспитанники были раздѣлены на двѣ колонны и у иныхъ воротники были съ петлицами, а у другихъ безъ петлицъ. Директоръ объяснилъ, что одни—пансіонеры, живутъ въ заведеніи и всѣ носятъ одинаковую одежду, а другіе—приходящіе, изъ которыхъ каждый экипируется родителями, смотря по средствамъ, что недостаточнымъ дозволяется довольствоваться простымъ форменнымъ сюртукомъ.

Затѣмъ Государь кивнулъ намъ на прощанье головой и также быстро пошелъ изъ залы въ сопровожденіи графа Адлерберга и директора.

Послѣ посѣщенія Государя у насъ сложился анекдотъ о нашемъ гувернерѣ-нѣмцѣ. В., за неимѣніемъ мундира, будто-бы спрятался въ спальню въ той надеждѣ, что Государь туда не заглянетъ. Но Государь, какъ на грѣхъ, пожелалъ пройти дортуарами, и В. вслѣдствіе того очутился въ весьма критическомъ положеніи. Онъ сталъ прятаться за колонну, но Государь шелъ быстро, и нѣмцу не удались его эволюціи. Государь увидѣлъ его. В. ужасно смутился и, растерявшись, отдалъ честь по военному. Государь будто-бы былъ не мало удивленъ при видѣ такого неожиданнаго явленія и съ улыбкой спросилъ директора: «Это что такое?».. Я не ручаюсь за достовѣрность этого разсказа, но привожу его здѣсь лишь потому, что онъ въ свое время былъ въ большомъ ходу и много потѣшалъ нашу пансіонскую публику...

Новое время вступало въ свои права. Субботнія сѣченія мало-помалу прекратились,—розги исчезли и, надо надѣяться, исчезли навсегда со страницъ исторіи русской школы. Вмѣсто этихъ субботнихъ представленій стали устраиваться въ нашемъ рекреаціонномъ залѣ до-

машніе спектакли, посѣщавшіеся избранной публикой. Въ актовой залѣ давались балы. Кавалерами на этихъ балахъ являлись воспитанники и учителя, а дамами—гимназистки и родственницы директора и инспектора. Послѣ баловъ нѣкоторые изъ кавалеровъ оказывались влюбленными, нѣсколько времени бывали разсѣяны, вздыхали и все что-то строчили въ своихъ записныхъ книжкахъ.

Появились новые учебники и новые учителя. Новыя птицы и новыя пѣсни... Ободовскаго замѣнилъ Вержбиловичъ, русскую исторію стали проходить по Иловайскому, на помощь физикѣ Ленца явился Циммерманъ, Смарагдова замѣнилъ Шульгинъ, въ руководствахъ котораго были уже статьи подъ рубрикой: «Умственное движеніе, искусство, наука» и въ главныхъ чертахъ была изложена европейская исторія конца XVIII и начала XIX вѣка.

Изъ новыхъ учителей лучшими были: Николай Яковлевичъ Соболевъ, Карлъ Маакъ и Пржибыльскій.

Соболевъ былъ молодой человѣкъ, высокаго роста, очень худощавый, брюнетъ, въ очкахъ, съ весьма интеллигентнымъ лицомъ. Онъ преподавалъ исторію въ старшихъ классахъ, но одними учебниками—какъ, бывало, прежніе учителя—не ограничивался, а нерѣдко читалъ намъ въ классѣ отрывки изъ различныхъ историческихъ сочиненій, касавшихся той эпохи, о которой шла рѣчь. Онъ также не прочь былъ побесѣдовать съ нами о томъ или другомъ историческомъ фактѣ, почему-либо особенно интересовавшемъ насъ. Соболевъ не походилъ на чиновника и за то былъ у насъ общимъ любимцемъ. Въ настоящее время онъ занимаетъ должность директора учительской семинаріи въ г. Тотьмѣ (Вологодской губ.).

Карлъ Маакъ былъ мужчина лѣтъ 40, средняго роста, крѣпкій, сухощавый, словно вылитый изъ металла; онъ низко стригъ волосы, не носилъ ни бороды, ни бакенбардъ и держался всегда прямо. Это былъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и обладавшій способностью сообщать энергію своимъ ученикамъ. Говоря по правдѣ, только при немъ мы научились по-нѣмецки и стали понимать языкъ Шиллера и Гёте. По своимъ знаніямъ, по своей энергіи и по горячности къ дѣлу, Карлъ Карловичъ Маакъ мнѣ положительно представлялся идеальнымъ педагогомъ... Оставивъ вологодскую гимназію, онъ долго жилъ въ Петербургѣ и наконецъ, кажется, перебрался въ свою Германію.

Венцеславъ Матвѣевичъ Пржибыльскій былъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно высокаго роста, блондинъ, красивый собой, съ тонкими чертами лица, съ большимъ, открытымъ лбомъ и умными, сѣ-

рыми глазами, отливавшими блескомъ стали. Онъ обладалъ прекрасными манерами—манерами свѣтскаго человѣка, говорилъ увлекательно и могъ влiять на каждаго, съ кѣмъ ни сталкивала-бы его судьба. Самое ярое предубѣжденiе, казалось, не могло устоять противъ этого очаровательнаго человѣка. Эрудицiя у него, сколько могу судить теперь, была громадная. Раньше Пржибыльскiй былъ профессоромъ въ Вильнѣ и оттуда, какъ-бы въ видѣ ссылки, былъ переведенъ въ Вологду. Онъ преподавалъ намъ минералогiю, но съумѣлъ заинтересовать насъ и вообще естественными науками. Онъ намъ разсказывалъ о различныхъ открытiяхъ и изобрѣтенiяхъ, сообщалъ намъ факты изъ жизни дѣятелей науки и другихъ великихъ людей, двигавшихъ человѣчество отъ мрака къ свѣту—къ лучшему будущему.

Уроки Пржибыльскаго—всегда внимательнаго къ намъ, добраго и любезнаго—были для насъ наслажденiемъ. Скажу не обинуясь, что мы въ одинъ годъ узнали отъ него болѣе, болѣе развились и пристрастились къ серьезному чтенiю, нежели въ нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ. Онъ позволилъ намъ по одиночкѣ и группами приходить къ себѣ на квартиру и бесѣдовать съ нимъ. Такъ какъ Пржибыльскiй былъ человѣкъ умный и осторожный, то я и считаю излишнимъ распространяться о томъ, что о политикѣ, о жгучихъ вопросахъ, волновавшихъ въ ту пору русское общество, онъ съ нами, мальчуганами, ни разу не заводилъ рѣчи. Помню, что по инициативѣ нашей вицъ-губернаторши устраивались публичныя лекцiи въ пользу бѣдныхъ, и Пржибыльскiй читалъ по различнымъ отраслямъ естествознанiя.

Пржибыльскiй прiѣхалъ къ намъ уже въ половинѣ учебнаго года, и поэтому всю минералогiю мы не успѣли осилить къ веснѣ. Пржибыльскiй, по нашей просьбѣ, устроилъ репетицiи у себя на квартирѣ и перевелъ насъ всѣхъ въ седьмой классъ безъ экзамена. Въ то время у насъ въ гимназiи нѣкоторые учителя уже переводили изъ класса въ классъ по годовымъ балламъ.

Въ 1862 году, осенью, мы однажды напрасно прождали Пржибыльскаго: онъ не пришелъ въ классъ, и мы съ тѣхъ поръ уже не видали его. Инспекторъ, нѣсколько смутившись, объявилъ намъ на другой день, что «г. Пржибыльскiй уѣхалъ въ Петербургъ» и, кажется, не возвратится.

Кромѣ Пржибыльскаго, Маака и Соболева, у насъ въ старшихъ классахъ были еще хорошiе учителя: Владимiръ Николаевичъ Елецкiй (впослѣдствiи директоръ Петрозаводской гимназiи) и Николай Петровичъ Левицкiй, преподаватель русской словесности (нынѣ дирек-

торъ народныхъ училищъ Вологодской губ.). Левицкому мы были обязаны хорошимъ знаніемъ исторіи русской литературы и знакомствомъ съ выдающимися русскими писателями XIX вѣка. На сочиненіяхъ, часто задаваемыхъ имъ, мы также успѣли выработать довольно порядочный слогъ. Мы подъ его руководствомъ читали Бѣлинскаго и самымъ добросовѣстнымъ образомъ штудировали Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Для учениковъ VI и VII классовъ Левицкій устраивалъ по вечерамъ въ классѣ въ извѣстные дни собранія—«бесѣды». На этихъ бесѣдахъ читались и обсуждались произведенія русскихъ авторовъ—старыхъ и новыхъ. Иногда спеціально для бесѣдъ писались нами сочиненія (преимущественно критическіе разборы) и по поводу ихъ шли горячіе дебаты.

На сколько прежде пансіонеры увлекались офицерскимъ мундиромъ, настолько теперь блестящимъ ореоломъ округлялся для нихъ образъ «студента». Въ студентѣ видѣли какъ-бы олицетвореніе умственной, духовной мощи—въ противоположность силѣ кулака. Студентъ казался носителемъ всѣхъ благородныхъ помысловъ, идеи добра, правды, свободы... Когда сынъ нашего инспектора, студентъ, пріѣхалъ на вакаціи, мы, бывало, съ завистью и благоговѣніемъ смотрѣли на него, какъ онъ, гордо поднявъ голову, проходилъ мимо нашихъ оконъ. Онъ носилъ на бекрень бѣлую фуражку съ синимъ околышемъ, студенческій сюртукъ и широкія, бѣлыя лѣтнія панталоны и блестящіе, лакированные сапожки. Нечего и говорить, что гимназистамъ онъ казался идеаломъ всесовершеннаго, во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго молодаго человѣка...

Выборъ книгъ для чтенія къ тому времени, то-есть, въ началѣ 60-хъ годовъ, также значительно измѣнился. «Брынскій лѣсъ», «Юрій Милославскій» и сантиментальные романы Коцебу совсѣмъ вышли изъ употребленія; теперь читали Некрасова, Гончарова, Щедрина («Губернскіе очерки»), Тургенева—въ особенности Тургенева: его Лаврецкій, Рудинъ, Базаровъ захватывали за живое и кружили головы. Воспитанники VII класса сообща стали выписывать «Собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей». Нѣкоторые добывали журналы «Современникъ» и «Русское Слово».

VII.

А. В. Латышевъ въ 1861 г. былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ назначенъ былъ директоромъ Ларинской гимназіи, а позже помощникомъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, а вмѣсто него

къ намъ директоромъ явился Ив. Ив. Красовъ, очень полный мужчина пожилыхъ лѣтъ и мягкаго, нерѣшительнаго характера. При немъ реакція старому порядку сказалась уже съ особенной силой.

Прежде, бывало, вечеромъ послѣ молитвы никому не дозволялось оставаться въ залѣ. Впослѣдствіи, при Латышевѣ, ученики VII класса добились привиллегіи оставаться въ залѣ для занятій и позже девяти часовъ. Теперь-же оставались вечеромъ въ залѣ и ученики VI, V и IV классовъ—и не ради занятій, а для разговоровъ и пріятнаго времяпрепровожденія... Однажды Красовъ зашелъ въ пансіонъ въ неурочное время—часовъ въ десять вечера—и засталъ въ залѣ цѣлую толпу, причемъ въ воздухѣ весьма ощутительно припахивало табачнымъ дымомъ.

— Это... это что такое-съ! А? Табакъ курите? спрашивалъ директоръ, поводя носомъ.—Что вы тутъ дѣлаете? А?

Воспитанники объяснили, что они остались въ залѣ для того, чтобы заняться уроками къ слѣдующему дню.

— Не порядокъ-съ! Нельзя-съ! говорилъ Красовъ, присѣдая и ретируясь изъ полуосвѣщенной залы.

Послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней никто не оставался въ залѣ, а затѣмъ опять все пошло по старому. Конечно, и прежде покуривали, но украдкой, съ опаской, выходя на дворъ или пуская дымъ въ устье печи, причемъ, обыкновенно, кто-нибудь ставился на караулѣ. Теперь-же курили почти открыто, безъ всякихъ предосторожностей. Иной, затянувшись папироской гдѣ-нибудь на лѣстницѣ или въ гардеробной, ухитрялся, придя въ залу, пыхнуть дымомъ чуть не въ лицо гувернеру. Такой поступокъ—дерзкій и глупый—считался шикомъ.

Къ этому времени относится подача учениками одного изъ старшихъ классовъ прошенія въ гимназическій совѣтъ. Въ томъ, въ своемъ родѣ неслыханномъ, прошеніи воспитанники просили, чтобы совѣтъ заставилъ учителя латинскаго языка научиться русскому языку, или чтобы дали имъ другаго учителя. Прошеніе было вручено инспектору. Должно признаться, что это странное прошеніе было вызвано жестокостью и грубостью самого учителя... Прошенію, конечно, не дали ходу. Сначала инспекторъ--вѣроятно, по внушенію директора—раскричался на протестантовъ, грозилъ имъ солдатчиной и ни вѣсть чѣмъ, а затѣмъ, увидавъ, что угрозы его не дѣйствуютъ, что воспитанники твердо стоятъ на своемъ и просятъ убрать всѣмъ ненавистнаго учителя, не умѣющаго объясняться по-русски, онъ принялся умиротворять. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ передрягъ вышло то, что свирѣпый учитель, придя въ классъ, извинился косвеннымъ образомъ и

довольно безграмотно выразилъ надежду на то, что они, ученики, будутъ жить съ нимъ въ мирѣ и «не станутъ волноваться *смутàми*»... Этотъ человѣкъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что рѣшительно ни въ комъ, ни въ одномъ человѣкѣ не оставилъ по себѣ въ гимназіи доброй памяти. Даже учителя, насколько мы могли замѣтить, какъ-то сторонились отъ него...

Въ прежнее время тому или другому пансіонеру дозволялось, въ видѣ особенной милости, пить въ гардеробѣ «свой чай» — во время «гулянья» или во время вечернихъ занятій. Теперь-же въ гардеробную безъ всякаго спроса забиралась иногда цѣлая компанія; ставился самоваръ, являлись булки и всякія закуски, папиросы, бутылка рому, водки или наливки кабацкаго приготовленія и въ довершеніе всего— карты. Иногда чаепитіе продолжалось за полночь и даже переходило иногда въ настоящую оргію. И гардеробная, нѣкогда оглашавшаяся свистомъ розогъ и жалобными криками, гардеробная, нѣкогда наводившая ужасъ, теперь превратилась въ мѣсто оргіи, а сторожъ Степанъ, тотъ самый рыжеволосый Степанъ, принимавшій нѣкогда такое ревностное, горячее участіе въ экзекуціяхъ, теперь проносилъ украдкой въ гардеробную всякіе запрещенные предметы и прислуживалъ пирующимъ... За-то онъ получалъ отъ поры до времени по чаркѣ водки съ приличной закуской, стаканъ чаю, и ему-же доставались остатки отъ ночной трапезы.

Одновременно съ куреньемъ папиросъ у насъ въ пансіонѣ развилась картежная игра. Всего болѣе была въ ходу такъ-называемая «подкаретная игра»—въ три листика, игра довольно азартная. Играли въ пансіонѣ и въ классахъ во время уроковъ. Иногда въ теченіе одного урока проигрывалось и выигрывалось по нѣскольку рублей.

Авторитетъ гувернеровъ палъ окончательно. Запустить въ гувернера бумажной стрѣлкой или хлѣбнымъ мякишемъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ удали. Шалуны прикрѣпляли сзади къ пуговицамъ ихъ вицмундировъ длинные бумажные змѣи, и гувернеры, не чувствуя такого посрамленія своего достоинства, преспокойно расхаживали по залѣ съ бумажными хвостами. Иногда гувернеръ, замѣтивъ такое украшеніе, молча, съ досадой, обрывалъ его и бросалъ на полъ или въ печь, даже не пытаясь произвести хотя-бы самое поверхностное дознаніе. Гувернеръ уже зналъ, что никакому слѣдствію не открыть виновныхъ...

Сторожъ Сергѣй, старикъ, исполнявшій во дни òны роль палача, сильно пріунылъ, глядя на всѣ эти дебоши, и многозначительно покачивалъ головой. Онъ сожалѣлъ о «добромъ—старомъ времени», объ

отмѣнѣ субботнихъ сѣченій, о слабости и мягкости начальства. Всѣ его разговоры и разсказы, наконецъ, стали начинаться одной и той-же стереотипной фразой: «Прежде-то, бывало, какъ возьмутъ, да...» и кончаться вздохомъ или словами: «А теперь—что̀!.. Одинъ срамъ,— больше ничего»...

Въ нашей средѣ той порой вырабатывались новые типы.

Прежде всего, кажется, выработался въ старину неизвѣстный типъ ростовщика. Конечно, нашъ товарищъ, Ч., державшій въ своемъ столѣ лавочку и развлекавшій насъ за грошъ своими панорамами, покупалъ, и продавалъ и давалъ въ долгъ, но Ч. до процентовъ еще не додумался, никакихъ росписокъ не бралъ со своихъ кліентовъ и вообще занимался своимъ дѣломъ скорѣе изъ любви къ нему, чѣмъ изъ корысти. Теперь-же одинъ изъ нашихъ товарищей, скопивши кое-какъ нѣсколько десятковъ рублей и основательно изучившій правила процентовъ и учета векселей, сталъ давать свои деньги товарищамъ въ ростъ подъ сохранныя росписки. Маменькины сынки, проигравшись въ «три листика», бывало, нерѣдко обращались къ нему за помощью, брали у него подъ росписку рублей 5—10 и черезъ недѣлю возвращали ему съ лихвой. Его не любили, за глаза звали Плюшкинымъ, подсмѣивались, но ссориться съ нимъ находили невыгоднымъ, ибо онъ представлялъ собой денежную силу. Этотъ юноша велъ жизнь чрезвычайно правильную: не курилъ, не пьянствовалъ, не участвовалъ ни въ какихъ кутежахъ, въ пищѣ былъ крайне воздерженъ, купался съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ, зимой обтирался ледяной водой, занимался гимнастикой, любилъ игры, требующія физическаго напряженія, къ женщинамъ относился съ презрѣніемъ и краснѣлъ, какъ дѣвушка, когда разсказывался при немъ какой-нибудь нецензурный анекдотъ. Онъ считался у насъ изъ первыхъ силачей. У этого человѣка, казалось, не было никакихъ слабостей, кромѣ слабости къ деньгамъ, къ наживѣ. Правда, онъ игралъ въ карты, но не увлекался, и игралъ какъ-то счастливо, рѣдко проигрывалъ, а ужъ если выигрывалъ, то—крупный кушъ. Въ карточной игрѣ онъ также, очевидно, видѣлъ лишь средство къ наживѣ...

Рѣзкій контрастъ съ этимъ богатыремъ-ростовщикомъ, ненавистникомъ женщинъ, представлялъ другой нашъ товарищъ, блондинъ средняго роста, худой, мозглявый, съ вытаращенными, рачьими глазами—вслѣдствіе ношенія чуть-ли не съ третьяго класса очковъ съ оптическими стеклами. Онъ началъ курить въ пансіонѣ одинъ изъ первыхъ, иногда, по безденежью, тянулъ махорку, насыпая ее въ «крючки», сдѣланные изъ писчей бумаги. Онъ любилъ выпить, по-

кутить и имѣлъ большую склонность къ женскому полу. Онъ былъ некрасивъ, но почему-то считалъ себя неотразимымъ. Онъ часто заводилъ легкія интрижки, и можно было только удивляться: что̀ хорошаго находили въ немъ женщины... Въ старые годы такой типъ Донъ-Жуана у насъ въ пансіонѣ былъ немыслимъ. Если-бы его продѣлки укрылись отъ начальства, то сами товарищи навѣрное засмѣяли-бы его, не дали-бы ему проходу, къ нему приложили-бы позорный эпитетъ «дѣвушника». А теперь тотъ-же эпитетъ нашъ ловеласъ принималъ за комплиментъ, гордился имъ и самодовольно хихикалъ себѣ подъ носъ.

Прежде ссора кончалась дракой или тѣмъ, что повздорившіе товарищи расходились и нѣсколько времени играли въ молчанки, прерывая между собой всякія сношенія. Теперь дѣло стало иначе—и доходило до вызововъ на дуэль. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, подъ вліяніемъ французскихъ романовъ, заразились какими-то странными рыцарскими или, вѣрнѣе сказать, бреттёрскими воззрѣніями и замашками «Трехъ мушкетеровъ» Дюма. Особенно этими воззрѣніями заразился одинъ изъ моихъ товарищей—К—евъ.

Однажды въ классѣ изъ-за какихъ-то пустяковъ К—евъ поссорился съ С. Они обмѣнялись рѣзкими выраженіями, то-есть, попросту сказать, поругались, и К—евъ, воспользовавшись случаемъ и вспомнивъ, вѣроятно, какого-нибудь д'Артаньяна или виконта де-Бражелона, вызвалъ С. на дуэль. Хотя С. не принадлежалъ къ числу бреттёровъ, но тѣмъ не менѣе счелъ неудобнымъ отказатьс и принялъ вызовъ. С. попросилъ меня быть его секундантомъ, К—евъ взялъ въ секунданты другаго товарища—К—на. Условились стрѣляться на пистолетахъ—на разстояніе 15 шаговъ. К—евъ и С. съ секундантами должны были сойтись на слѣдующій день въ четыре часа на Соборной горкѣ и оттуда сойти на рѣку. Дѣло происходило зимой, и по общему согласію было рѣшено, чтобы убитаго бросить въ прорубь у моста.

Теперь, когда оглянешься назадъ, въ прошлое, вся эта исторія кажется смѣшною, но тогда—помню—эта исторія мнѣ была ужасно непріятна, и въ особенности мнѣ казалось тягостно быть свидѣтелемъ убійства. С. былъ однимъ изъ моихъ близкихъ, лучшихъ пріятелей, но мнѣ жаль было и К—ва, этого горячаго, но̀ милаго и добраго юношу... Я долго не спалъ ночью и все думалъ: что̀ мнѣ дѣлать? Какъ предупредить дуэль? Донести гимназическому начальству или полиціи я никогда-бы не могъ рѣшиться... Я могъ только попытаться примирить противниковъ. Но какъ? удастся-ли? послушаютъ-ли меня?...

На другой день я попросилъ у инспектора позволенія сходить послѣ обѣда къ сестрѣ, но у сестры я пробылъ минутъ десять, да и то былъ какъ на иголкахъ, и отправился отъ нея на Соборную Горку. Я зналъ, что К—нъ, бывшій секундантомъ, недолюбливалъ С., подзадоривалъ К—ва, и поэтому, задумавъ разстроить дуэль, я рѣшился припугнуть К—на. Въ самомъ скверномъ расположеніи духа, съ тяжелымъ сердцемъ шелъ я на назначенное мѣсто. Помню: зимній день выдался съ легкимъ морозцемъ, сѣрый и тусклый. Тихо шелъ я по набережной и, завидѣвъ издали темнѣвшее отверстіе проруби, невольно вздрогнулъ. Я встрѣтилъ С. на тротуарѣ. Онъ стоялъ, прислонившись къ фонарному столбу и запустивъ руки въ карманы пальто. К—ва съ его секундантомъ я засталъ на Соборной Горкѣ; они, очевидно, въ ожиданіи меня, расхаживали по аллеѣ... Я взялъ К—на подъ руку, отвелъ въ сторону, какъ-бы для переговоровъ, и рѣшительно заявилъ, что если С. будетъ убитъ или раненъ, то я напередъ вызываю его на дуэль, какъ подстрекателя.

— Будемъ стрѣляться въ десяти шагахъ! Я убью тебя! прошепталъ я, крѣпко сжимая его тонкую аристократическую руку.

К—нъ, зная, что я стрѣляю недурно, поблѣднѣлъ и заволновался... Онъ ни въ чемъ не виноватъ, онъ не подстрекалъ К—ва, онъ готовъ уговорить К—ва помириться, ему самому все это страшно непріятно и т. д. Ужъ я не знаю: считалъ-ли онъ меня, дѣйствительно, способнымъ въ тѣ минуты убить его, но, какъ-бы то ни было, дѣло, благодаря ему, кончилось тѣмъ, что противники помирились, а у меня какъ гора спала съ плечъ.

Но К—въ не ушелъ отъ своей судьбы: д'Артаньяны и виконты де-Бражелоны сдѣлали свое дѣло. По окончаніи гимназическаго курса мы разошлись въ разныя стороны: я отправился въ Петербургскій университетъ, а К—въ—въ Московскій. Я впослѣдствіи (съ 1867 г.) сталъ работать на литературномъ полѣ, а К—евъ поступилъ въ военную службу и перебрался въ Петербургъ. Здѣсь какъ-то за картами онъ поссорился съ однимъ офицеромъ, Б., вызвалъ его на дуэль и былъ убитъ... Его отецъ, старый генералъ николаевскихъ временъ, и мать-старушка до конца дней своихъ, конечно, горевали о потерѣ единственнаго сына. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ не мало было толковъ въ свое время объ этой несчастной дуэли... К—нъ также, черезъ немного лѣтъ по выходѣ изъ гимназіи, рано и жалко кончилъ свое существованіе; онъ умеръ въ чахоткѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я оставилъ гимназію, нашъ «благородный пансіонъ» былъ закрытъ. А именно 23 февраля 1863 г. воло-

годское дворянское собраніе постановило, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ (т.-е. освобожденія крестьянъ), вакансіи въ благородный пансіонъ при гимназіи не замѣщать и сборъ на своихъ пансіонеровъ прекратить, вслѣдствіе чего, въ іюнѣ 1864 г., нашъ пансіонъ и закрылся, просуществовавъ на свѣтѣ около тридцати лѣтъ...

Резюмируя свои воспоминанія, я прихожу къ тому заключенію, что въ нашей старой школѣ на ряду съ темными пятнами (какъ, напримѣръ, кулачная расправа, розги) были и свои свѣтлыя стороны, и какъ на одну изъ нихъ я указалъ на чувство товарищества, которое было сильно развито въ пансіонской средѣ. Даже самый способъ преподаванія («отъ сихъ и до сихъ»), какъ я уже говорилъ, оказывалъ своего рода услугу нашей самодѣятельности. Въ старой школѣ, не смотря на всѣ ея непривлекательныя стороны, вырабатывались люди съ сильной волей, съ энергіей, съ характеромъ, люди настойчивые и рѣшительные, и если впослѣдствіи ихъ энергія и сила воли иногда тратились не на добро, не на то, на что̀-бы слѣдовало, то въ этомъ виновата уже не школа, но сама жизнь.

П. Засодимскій.

Кидашъ, 9 іюня 1890.

КАРТИНКИ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ.

(Изъ записокъ домашняго учителя).

Педагогическіе очерки.

Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ.
Народная поговорка.

Домашній учитель, какъ извѣстно, играетъ въ нашей семьѣ весьма неопредѣленную роль, и вообще поставленъ очень странно: это не слуга, съ которымъ обращаются высокомѣрно и котораго держатъ въ передней, но въ то-же время это и не своего круга человѣкъ, знакомство съ которымъ считается особенно пріятнымъ и желательнымъ. Домашній учитель—это нѣчто среднее между лакеемъ и другомъ дома: его принимаютъ запросто, ему даютъ разнаго рода порученія, иногда щекотливаго свойства, посвящаютъ въ семейныя тайны, дрязги и сплетни, предъ нимъ не стѣсняются ссорами, перебранками и крупными домашними сценами; однимъ словомъ, домашній учитель — это человѣкъ, который принимаетъ невольное участіе во всѣхъ дѣлахъ семьи, передъ которымъ эта семья, безъ всякой церемоніи, является во всемъ своемъ непривлекательномъ déshabillé. Такое не совсѣмъ пріятное и, если хотите, нѣсколько унизительное положеніе домашняго учителя имѣетъ, однако, и свою выгодную сторону, именно въ томъ отношеніи, что даетъ ему возможность наблюдать интимную, закулисную жизнь семьи, даетъ возможность быть свидѣтелемъ такихъ сценъ и положеній, которыя для посторонняго глаза положительно недоступны.

Благодаря такому, совершенно исключительному, положенію домашняго учителя, мнѣ — давно занимающемуся этимъ дѣломъ — удалось собрать много матеріала, въ высшей степени интереснаго и глубокопоучительнаго. Въ настоящее время я намѣренъ подѣлиться съ чи-

тателемъ собраннымъ матеріаломъ, и думаю, что это какъ нельзя болѣе умѣстно и кстати именно въ данную минуту, когда наше общество, вообще равнодушное къ вопросамъ первостепенной важности, получило вдругъ интересъ къ вопросамъ педагогическаго характера. Кромѣ того, въ моей статьѣ «*Наша молодежъ*» («Вѣстникъ Воспитанія» № 4-й) нѣкоторые проницательные читатели умудрились найти несправедливую и злонамѣренную клевету на родителей, которыхъ я будто-бы умышленно выставляю въ совершенно невѣрномъ и непривлекательномъ свѣтѣ. Настоящіе, предлагаемые вниманію читателей, очерки, которые взяты мною *изъ дѣйствительной жизни*, послужатъ наглядной иллюстраціей къ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которыя я высказалъ въ упомянутой своей статьѣ и—надѣюсь—убѣдятъ читателя, въ какой степени вышеприведенный упрекъ незаслуженъ и несправедливъ.

I.

Моя памятная книжка заключаетъ въ себѣ такой большой и разнообразный матеріалъ по части всевозможныхъ *семейныхъ очаговъ*, что я затрудняюсь въ выборѣ и не знаю, съ *кого* начать. Начну хоть съ ротмистра Бриммера—одного изъ послѣднихъ могиканъ николаевскаго времени.

Дѣло было на югѣ, въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, въ которомъ помѣщался штабъ кавалерійской дивизіи и съ незапамятныхъ временъ квартировалъ N—ій уланскій полкъ. Извѣстно, что жизнь нашихъ маленькихъ городковъ — да однихъ-ли маленькихъ?—насковозь пропитана сплетнями и всевозможными пересудами, такъ что каждый шагъ, даже самаго скромнаго обывателя, переносится кухарками сначала на базаръ, а оттуда—во всѣ дома и гостиныя. Немудрено поэтому, что и дѣянія ротмистра Бриммера были мнѣ извѣстны задолго до того времени, когда я имѣлъ удовольствіе лично познакомиться съ храбрымъ кавалеристомъ. Отъ многихъ знакомыхъ я слышалъ постоянно, что ротмистръ Бриммеръ—ужасный звѣрь, который немилосердно колотитъ по зубамъ солдатъ своего эскадрона, за всякую бездѣлицу и малость безбожно деретъ ихъ на конюшнѣ и вообще обращается съ ними невообразимо жестоко. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, на домашнемъ спектаклѣ, я невольно обратилъ вниманіе на кругленькаго, мало представительнаго, но необыкновенно живаго и юркаго офицера, который ужасно суетился,

безпрестанно перебѣгалъ отъ одного къ другому и видимо игралъ важную роль одного изъ распорядителей вечера.

— Скажите, пожалуйста, какъ фамилія этого суетящагося офицера? спросилъ я сидящую возлѣ меня городскую сплетницу.

— Какъ, вы не знаете Эдуарда Ивановича Бриммеръ! Да его знаетъ весь городъ! Вѣдь это—душа общества и положительно незамѣнимый человѣкъ, безъ котораго не обходится въ городѣ ни одно развлеченіе. Напримѣръ, въ сегодняшнемъ спектаклѣ: онъ и режиссеръ, и декораторъ, и актеръ, и куплетистъ—все, что хотите. Да это золотой человѣкъ, на всѣ руки.

— Такъ вотъ онъ знаменитый ротмистръ, о которомъ говорятъ, что будто-бы онъ ужасный звѣрь съ подчиненными и страшный деспотъ въ своей семьѣ!

— Ахъ, полноте, все это вздоръ! Не вѣрьте вы, пожалуйста, всѣмъ этимъ сплетнямъ. Мало-ли что говорятъ разныя кумушки! и горячая защитница ротмистра, какъ-бы желая разубѣдить меня, сію-же минуту громко позвала къ себѣ Эдуарда Ивановича, которому и представила меня, какъ «*прекраснаго домашняго учителя*». Золотой ротмистръ, съ пріятной улыбкой и необыкновенной галантностью, сталъ увѣрять меня, что давно искалъ случая со мной познакомиться, наговорилъ мнѣ кучу свѣтскихъ любезностей, комплиментовъ, и въ заключеніе пригласилъ къ себѣ давать уроки его сыну. Я отвѣчалъ въ томъ-же духѣ, и долженъ сказать откровенно, что въ этотъ вечеръ ротмистръ просто очаровалъ меня. Онъ такъ мастерски игралъ стараго нѣмца-колбасника, такъ хорошо декламировалъ и смѣшилъ публику, такъ ловко танцовалъ и дирижировалъ, что я не могъ не восхищаться и невольно думалъ: Да неужели этотъ милѣйшій и любезнѣйшій кавалеръ и дамскій угодникъ способенъ на тѣ ужасныя варварства и жестокости, которыя ему приписываютъ? Неужели это тотъ самый человѣкъ, который, хладнокровно куря сигару, запарываетъ солдатъ до полусмерти? Не можетъ быть!..

Горя нетерпѣніемъ узнать правду какъ можно скорѣе, я—не откладывая въ долгій ящикъ—отправился къ ротмистру съ визитомъ на другой же день. Бриммеръ жилъ на главной улицѣ и занималъ нижній этажъ небольшаго, но очень хорошенькаго домика.

Позвонивъ у параднаго входа и войдя въ переднюю, я былъ встрѣченъ рослымъ и виднымъ солдатомъ, который, какимъ-то полушепотомъ и—какъ мнѣ показалось—съ таинственнымъ видомъ испуга, объявилъ мнѣ, что его высокоблагородіе только недавно изволили встать и въ настоящее время заняты. Я не поинтересовался узнать, чѣмъ

занять ротмистръ, и вошелъ въ гостиную. Пока вѣстовой докладывалъ о моемъ визитѣ, я занялся разсматриваніемъ гостиной, которая была убрана съ необыкновеннымъ изяществомъ и вкусомъ: превосходная орѣховаго дерева мебель, дорогой во всю гостиную бархатный коверъ, роскошныя на стѣнахъ картины, прелестныя бездѣлушки, цвѣты и разнаго рода украшенія—все свидѣтельствовало о томъ, что ротмистръ съ немалыми средствами и большимъ, изящнымъ вкусомъ.

Любуясь всей этой роскошью, я прислушивался, не идетъ-ли кто, но кругомъ царствовала полная, невозмутимая тишина, которая—не знаю почему — производила на мои нервы весьма непріятное впечатлѣніе. Какъ вдругъ, среди этой тишины, точно выстрѣлъ изъ пушки, раздался громкій, рѣзкій и пронзительный возгласъ: «Да какъ-же ты, мерзавецъ, смѣлъ это сдѣлать, а? Кто тебѣ позволилъ, кто?» и вслѣдъ затѣмъ явственно послышались: звонкія пощечины, глухой стонъ и паденіе чего-то грузнаго, тяжелаго. Я стоялъ какъ въ оцѣпенѣніи и уже собирался уходить, но дверь быстро отворилась и въ гостиную вошелъ самъ хозяинъ, весь красный и видимо взволнованный.

— А-а, это вы? Очень радъ! Милости прошу садиться.

— Я, кажется, пришелъ не во время и помѣшалъ вамъ?

— Нѣтъ, помилуйте, чѣмъ-же? Я отколотилъ своего деньщика; но вѣдь это, надѣюсь, нисколько не помѣшаетъ нашей бесѣдѣ. И ротмистръ, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ разспрашивать меня: гдѣ я воспитывался, въ какихъ домахъ даю уроки, на какихъ условіяхъ; и все это такимъ надменнымъ, начальническимъ тономъ, какъ будто я былъ его подчиненнымъ. Въ заключеніе своихъ распросовъ, Бриммеръ важно откинулся на спинку кресла и громко хлопнулъ въ ладоши. Моментально, точно изъ подъ пола, выскочилъ вѣстовой.

— Позови сюда маленькаго барина.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе!

Не прошло и минуты, какъ въ гостиную робко вошелъ бѣлокурый мальчикъ.

— Вотъ, рекомендую вамъ моего сынишку, а это, Саша, твой учитель. Смотри, учись прилежно и веди себя скромно, а то вѣдь ты знаешь меня: я шутить не люблю! Чуть что—отдеру какъ сидорову козу.

— Зачѣмъ-же такія строгости? Въ настоящее время тѣлесныя наказанія совсѣмъ не приняты; да розгами мудрено и достигнуть чего-нибудь хорошаго.

Бриммеръ нахмурилъ брови, махнулъ сыну головой по направленію къ двери, и когда тотъ вышелъ, сказалъ мнѣ рѣзкимъ тономъ:

— Чтобы намъ не ссориться и покончить дѣло скоро, по военному, я долженъ васъ предупредить разъ и навсегда, что имѣю свои собственные взгляды на воспитаніе дѣтей и ни въ чьихъ совѣтахъ и постороннихъ указаніяхъ нисколько не нуждаюсь. Я васъ пригласилъ къ себѣ, какъ рекомендованнаго *учителя*, а вовсе не для того, чтобы выслушивать ваше мнѣніе о пользѣ или вредѣ розогъ. Ваше дѣло *учить*, а мое дѣло—*пороть*. Вотъ и все.

— Такое объясненіе не предвѣщаетъ ничего хорошаго, и я полагаю, что съ моей стороны будетъ самое лучшее отказаться отъ удовольствія учить вашего сына.

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Я упрашивать васъ не стану и ни для кого своихъ взглядовъ измѣнять не намѣренъ.

Я всталъ, чтобы раскланяться и уйти, но въ это время раздвинулись портьеры, и въ комнату вошла жена Бриммера. Я поднялъ глаза, и—точно институтка—невольно покраснѣлъ и сконфузился: предо мной стояла форменная, писаная красавица. Высокій ростъ, стройная, изящная фигура, бѣлыя, точно выточенныя изъ мрамора, руки, а главное—чудные, полные глубокой грусти выразительные глаза,—все дышало въ этой женщинѣ такой неизъяснимой прелестью, гармоніей и какой-то чарующей, неземной превлекательностью, что я стоялъ какъ околдованный и не могъ совладать съ охватившимъ меня смущеніемъ.

— Ну что, вы покончили и сговорились? прозвучалъ надо мной нѣжный, мелодичный голосъ красавицы.

— Да, наше объясненіе было очень коротко и на столько со стороны вашего мужа *внушительно*, что я не рѣшаюсь давать уроки и считаю благоразумнымъ отказаться.

— Это почему? спросила г-жа Бриммеръ и пристально посмотрѣла на своего благовѣрнаго. — А, понимаю! Васъ смутилъ рѣзкій тонъ моего муженька. Совѣтую вамъ не обращать на это никакого вниманія. *Я хочу*, чтобы вы учили моего Сашу, и, надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ не откажете.

Противъ подобнаго желанія, притомъ выраженнаго въ самой любезной формѣ, я не могъ устоять, тѣмъ болѣе, что присутствующій тутъ-же мужъ ни однимъ словомъ не выразилъ своего протеста.

— Значитъ, вы согласны? Ну вотъ и прекрасно! Я сію минуту распоряжусь насчетъ завтрака, а вы пока побесѣдуйте и познаком-

тесь съ моимъ Шурой, котораго я прошу любить и жаловать, тѣмъ болѣе, что онъ у меня одинъ.

Сказавъ это, г-жа Бриммеръ удалилась, захвативъ съ собой мужа, а ко мнѣ прислала сына, съ которымъ мы остались вдвоемъ.

Шура—не похожій ни на отца, ни на мать—былъ худенькій, блѣдный, довольно миловидный и немного застѣнчивый мальчикъ, который производилъ впечатлѣніе очень нервнаго, забитаго и запуганнаго ребенка. Изъ бесѣды съ нимъ я убѣдился, что онъ гораздо развитѣе своихъ десяти лѣтъ, и вообще довольно умный и способный мальчикъ, съ которымъ до сихъ поръ никто какъ слѣдуетъ не занимался.

Такъ началось мое знакомство съ семействомъ Бриммеръ, мои ежедневныя занятія съ Сашей въ нарочно отведенной для этого комнатѣ. Маленькій Бриммеръ сразу заявилъ себя очень прилежнымъ и старательнымъ ученикомъ, который слушаетъ разсказываемое съ напряженнымъ вниманіемъ, уроки приготовляетъ съ большимъ усердіемъ, вообще относится къ своимъ занятіямъ съ любовью и добросовѣстностью. Ко всему этому нужно прибавить, что Саша, какъ всѣ дѣти, неизбалованныя родительскими ласками, а, напротивъ, привыкшія къ побоямъ и колотушкамъ, горячо откликнулся на мою къ нему сердечность и всей душой привязался ко мнѣ, точно къ близкому, родному человѣку. Съ первыхъ-же дней нашего знакомства мы стали съ нимъ большими, закадычными пріятелями. Эта близость дала мнѣ возможность заглянуть въ душу бѣднаго, забитаго ребенка, обнаружить нѣкоторыя весьма непривлекательныя стороны въ характерѣ и наклонностяхъ моего ученика и нѣсколько повліять на него. Прежде всего я замѣтилъ, что Саша не только страшно боится и видимо не любитъ своего отца, чтобы не сказать болѣе, но даже и къ своей матери относится какъ-то холодно и равнодушно, не смотря на то, что только она одна обуздывала дикій нравъ своего благовѣрнаго супруга и всякій разъ являлась горячей заступницей за своего сына. Я не разъ бесѣдовалъ съ Сашей на эту щекотливую тему, но я съ грустью и сердечной болью замѣчалъ, что мои задушевныя бесѣды мало размягчали видимо зачерствѣлое сердце глубоко обиженнаго ребенка. Я видѣлъ ясно, что частыя побои и постоянныя, незаслуженныя оскорбленія заставили ребенка уйти въ себя, замкнуться и развили въ немъ непомѣрное самолюбіе, эгоизмъ и какую-то душевную раздвоенность. Боясь отца какъ огня, вздрагивая при его появленіи, онъ въ то-же время нерѣдко выходилъ изъ себя, колотилъ прислугу и выкидывалъ такія штуки, что всѣ приходили въ совершенное недоумѣніе. Въ

этомъ маленькомъ, тщедушномъ тѣлѣ росъ и развивался гордый, властный, очень много думающій о себѣ неукротимый звѣрекъ, обѣщающій превратиться въ другой, нѣсколько облагороженный, экземпляръ своего отца. Видя искреннюю ко мнѣ привязанность ребенка, я пользовался каждымъ малѣйшимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе Саши на его холодную черствость, строптивый нравъ и несдержанность. Но мнѣ постоянно мѣшалъ родитель, возвращеніе котораго домой, въ особенности послѣ солдатскаго ученья, почти всегда ознаменовывалось какой-нибудь бурной семейной сценой, побоями и горькимъ плачемъ. Вообще я убѣдился, что храбрый ротмистръ представлялъ чистѣйшій типъ домашняго деспота и самодура, для котораго не существуетъ никакихъ законовъ, кромѣ своей воли и личнаго каприза. Какъ падишахъ, или московскій Китъ Китычъ, онъ царствовалъ въ своей семьѣ вполнѣ безгранично, внося духъ казармы и солдатскихъ порядковъ. Все должно было преклоняться передъ его волей; всѣ ходили по стрункѣ, и никто не смѣлъ пикнуть на разъ отданное имъ приказаніе. Малѣйшее проявленіе самостоятельности, а тѣмъ болѣе открытое неповиновеніе—карались жестоко и безпощадно; однимъ словомъ, семейный очагъ Бриммера представлялъ собой въ миніатюрѣ деспотическое государство съ неограниченнымъ никакими законами деспотомъ во главѣ. Единственное лицо, которое ни за что не хотѣло подчиниться такому деспотизму—это маленькая дочь Бриммера—восьмилѣтняя Наташа, которая была отдана на воспитаніе къ своей бабушкѣ въ г. Кіевъ. Я видѣлъ эту дѣвочку только нѣсколько дней, и долженъ сказать, что подобнаго ребенка я никогда въ своей жизни не встрѣчалъ: маленькая, вертлявая, съ вѣчно сверкающими, зелеными глазами и ни на минуту не сидящая на мѣстѣ, она, кажется, только и думала о томъ, какъ-бы сдѣлать какую-нибудь пакость, именно *пакость*, а не дѣтскую шалость. Зная привычки своего отца, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его жестокость, она постоянно и притомъ необыкновенно дерзко возражала на всѣ его замѣчанія, постоянно портила всѣ его вещи, все дѣлала ему *на зло*, и чѣмъ болѣе онъ ее колотилъ, тѣмъ болѣе она проказила и выводила его изъ себя. Это была какая-то маленькая фурія, которая дѣлала свое пребываніе въ семьѣ чистѣйшимъ адомъ.

— И въ кого ты, скажи на милость, уродилась? спрашивалъ ее отецъ.

— Какъ въ кого? Разумѣется, въ тебя! дерзко отвѣчала Наташа, смотря отцу прямо въ глаза.—Ты взгляни хорошенько. Я даже и лицомъ похожа на тебя, какъ двѣ капли воды.

И это была совершенная правда. И наружностью, и необузданнымъ нравомъ Наташа была, что называется, вылитый отецъ. Замѣчательно, что, не смотря на всѣ ея выходки, Бриммеръ по-своему любилъ свою, какъ онъ называлъ, «курносую вѣдьму» и нерѣдко прощалъ ей такія вещи, которыя никогда и никому другому не прошли-бы даромъ.

Нечего и говорить, что всѣ эти постоянныя ссоры, дрязги и домашнія сцены производили на меня невыразимо удручающее впечатлѣніе и разстраивали мои нервы до невѣроятной степени. Вести успѣшно занятія при такихъ условіяхъ не было никакой физической возможности. Я рѣшилъ отказаться, тѣмъ болѣе, что къ этому представился очень удобный и подходящій случай.

Однажды, придя на урокъ, я засталъ такую сцену: посреди комнаты стоитъ большая классная доска, съ написанной наверху ариѳметической задачей, а возлѣ доски мертвенно-блѣдный Саша трясется какъ осиновый листъ и жалобно плачетъ.

— Саша, голубчикъ, что съ тобой?

Но Саша, не имѣя силъ отвѣтить, молча указалъ на задачу и съ истерическимъ рыданіемъ бросился мнѣ на грудь. Въ эту минуту, какъ ураганъ, влетаетъ въ комнату разсвирѣпѣвшій Бриммеръ съ огромнымъ пучкомъ розогъ, хватаетъ Сашу за ухо и тащитъ въ свой кабинетъ. Я хотѣлъ воспротивиться и удержать Сашу, но Бриммеръ съ грубой силой оттолкнулъ меня и заперъ кабинетъ на замо̀къ. Черезъ минуту я услышалъ жалобные, душу раздирающіе Сашины крики и выбѣжалъ изъ дому какъ полоумный. Эта дикая расправа и возмутительная сцена грубаго насилія произвела на меня такое впечатлѣніе, что я захворалъ и въ тотъ-же день прислалъ письмо съ отказомъ отъ уроковъ и просьбой прислать слѣдуемыя мнѣ деньги.

На другой день, утромъ, я получилъ въ маленькомъ, изящномъ конвертѣ раздушенное письмо, въ которомъ Софья Павловна Бриммеръ горячо и убѣдительно просила меня зайти къ ней вечеромъ, между 6 и 7 часами, для переговоровъ по весьма важному дѣлу. Хотя подобный визитъ не былъ мнѣ особенно пріятенъ, но я не рѣшился отвѣчать отказомъ и въ назначенный часъ отправился къ m-me Бриммеръ. Меня видимо ожидали. Какъ только я позвонилъ, горничная тотчасъ-же отворила дверь, сняла пальто и провела прямо къ барынѣ, въ будуаръ.

Софья Павловна приняла меня лежа на кушеткѣ, извиняясь тѣмъ, что она совсѣмъ больна и до чрезвычайной степени разстроена. Пожавъ протянутую, холодную какъ ледъ крошечную ручку, я помѣ-

стился въ креслѣ у ногъ красавицы, и съ жгучею, сердечною болью смотрѣлъ на эту блѣдную, больную, съ явными признаками чахотки несчастную женщину, которая въ своемъ домашнемъ капотѣ, съ печатью глубокаго на лицѣ страданія была еще симпатичнѣе и привлекательнѣе.

— Извините, ради Бога, что я васъ потревожила, но я не хотѣла, чтобы вы оставили насъ безъ всякаго объясненія причины— *почему* мой мужъ поступилъ съ вами такъ грубо и дерзко. Тутъ Софья Павловна довольно пространно, хотя и не совсѣмъ понятно, стала объяснять мнѣ, что ея мужъ, получивъ крайне суровое воспитаніе въ семьѣ деспота-отца, невольно унаслѣдовалъ его крутой, необузданный характеръ, что въ дѣйствительности онъ чрезвычайно добрый и сердечный человѣкъ, который горячо любитъ свою семью, но все несчастье заключается въ томъ, что онъ необыкновенно вспыльчивъ и не въ состояніи сдерживать своихъ порывовъ. Я внимательно выслушалъ все это неудачное оправданіе и, когда Софья Павловна кончила, возразилъ:

— У вашего мужа очень оригинальный способъ выражать свою любовь; я полагаю, что и вы, и ваши дѣти навѣрно предпочли-бы, чтобы онъ поменьше и даже совсѣмъ не любилъ васъ, лишь-бы только онъ не нарушалъ вашего семейнаго спокойствія. Во всякомъ случаѣ я не совсѣмъ понимаю, какое все это имѣетъ отношеніе лично ко мнѣ и для какой надобности вамъ было угодно пригласить меня къ себѣ.

— А вотъ видите-ли въ чемъ дѣло. Въ виду того, что мой Саша подъ вашимъ руководствомъ сдѣлалъ такіе большіе успѣхи, что онъ такъ искренно и горячо къ вамъ привязался, я съ сыномъ убѣдительно просимъ васъ не прекращать уроковъ, тѣмъ болѣе, что моему Сашѣ не много времени осталось быть дома: въ эту осень онъ непремѣнно долженъ поступить въ кадетскій корпусъ.

Я согласился продолжать уроки, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Эдуардъ Ивановичъ не только не вмѣшивался, но даже не входилъ во время занятій въ нашу комнату, и чтобы я былъ избавленъ отъ повторенія тѣхъ сценъ, которыхъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

Софья Павловна дала честное слово, что все это будетъ въ точности исполнено, и мои занятія возобновились. Но для такихъ людей, какъ Бриммеръ, не существуетъ и не можетъ существовать никакихъ обязательствъ.

Хотя онъ обѣщалъ женѣ не дѣлать никакихъ сценъ и даже избѣ-

гать со мной встрѣчи, но не прошло и недѣли, какъ онъ во время обѣда потребовалъ къ себѣ повара, сталъ ругать его за отвратительный супъ, и когда поваръ позволилъ себѣ какое-то возраженіе, Бриммеръ моментально схватилъ со стола миску съ горячимъ супомъ, вылилъ его на повара, а миску разбилъ объ его голову. Послѣ этого эпизода Бриммеръ какъ будто нѣсколько присмирѣлъ, въ ученическую комнату не заглядывалъ и почти никогда не бывалъ дома.

Пользуясь такимъ отсутствіемъ хозяина и любезнымъ приглашеніемъ хозяйки, я нерѣдко засиживался у Софьи Павловны до поздней ночи, велъ оживленную бесѣду о разныхъ разностяхъ, или читалъ вслухъ какую-нибудь интересную книгу. Нечего и говорить, что я былъ очень радъ такому затишью. Нервы мои успокоились, и я надѣялся, что мнѣ удастся довести свои занятія съ Сашей до конца. Какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, когда мы съ Сашей занимались русскимъ языкомъ и мирно бесѣдовали, дверь съ шумомъ отворилась, взбѣшенный Бриммеръ влетѣлъ въ комнату точно сумасшедшій и, обращаясь прямо ко мнѣ, закричалъ:

— Вы что-же это затѣяли, милостивый государь, а? Вы ухаживаете за моей женой и въ то-же время распускаете про меня грязныя сплетни, что я звѣрь, тиранъ, грубый, неотесанный солдатъ! Да знаете-ли вы, любезнѣйшій мой, что за такія вещи...

— Эдя, Эдя! подумай, что ты говоришь! воскликнула вбѣжавшая на крикъ Софья Павловна, опускаясь на колѣни и хватая мужа за руки.—Успокойся ты, ради самаго Создателя. Сядь, выпей воды, на тебѣ лица нѣтъ!

— Ахъ, убирайся ты къ чорту! Ты за одно съ этимъ господиномъ затѣяла шашни и воображаешь, что я ничего не вижу! Такъ я вамъ покажу, какъ меня дурачить! и Бриммеръ съ такой силой толкнулъ свою жену, что она вскрикнула и упала на полъ. Это отрезвило обезумѣвшаго Бриммера; я-же, взволнованный до послѣдней степени, чувствуя близость обморока, поспѣшилъ выбѣжать на улицу, съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться въ эту несчастную семью и прекратить съ нею всякія сношенія.

Такъ печально окончились мои занятія съ даровитымъ мальчикомъ, къ которому я искренно привязался и который въ короткій срокъ сдѣлалъ большіе успѣхи.

Въ тотъ-же вечеръ г. Бриммеръ прислалъ мнѣ коротенькое, извинительное письмо, въ которомъ, прилагая слѣдуемыя за уроки деньги, выражалъ сожалѣніе о случившемся и предлагалъ удовлетвореніе въ какой мнѣ угодно формѣ и въ какое угодно время.

Я отвѣтилъ также коротко и сухо, что считаю себя выше незаслуженныхъ оскорбленій г. Бриммера, не желаю никакого удовлетворенія и прошу оставить меня въ покоѣ.

Спустя нѣсколько дней я получилъ другое, необыкновенно любезное письмо отъ Софьи Павловны, которая сердечно, въ теплыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ благодарила меня за все, что я сдѣлалъ для ея сына, предупредила, что Саша, тоскуя о нашей разлукѣ, будетъ изрѣдка и, разумѣется, секретно навѣщать меня, и заключила письмо слѣдующимъ образомъ: «Больная, измученная, рѣшительно нигдѣ не бывающая и отвыкшая отъ общества живыхъ людей, я давно примирилась съ своимъ положеніемъ и покорно жду смерти, какъ избавительницы отъ всѣхъ земныхъ страданій. Одно, что меня страшитъ, тревожитъ и волнуетъ—это бѣдныя дѣти, которыя—боюсь—останутся безъ всякаго призора и родительской ласки. Я утѣшаю себя мыслью, что Богъ не безъ милости и свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Позвольте надѣяться, что вы будете въ числѣ этихъ послѣднихъ и не оставите моихъ дорогихъ малютокъ безъ своего вниманія и покровительства. Примите мои искреннія и горячія пожеланія вамъ всего, всего хорошаго, и когда я умру—что, кажется, будетъ скоро—помолитесь за грѣшную душу сердечно преданной, уважающей и вѣчно благодарной вамъ С. Бриммеръ».

Глубоко тронутый этимъ задушевнымъ письмомъ, я былъ очень радъ придуманному способу не прерывать съ Сашей моихъ отношеній, съ нетерпѣніемъ ждалъ его посѣщенія и когда, наконецъ, онъ пришелъ, мы встрѣтились какъ старые закадычные друзья.

— Ну что, Сашукъ, какъ ты поживаешь, что подѣлываешь, какъ здоровье мамы? Разсказывай все по порядку.

— Да что разсказывать! У насъ творятся такія вещи, что просто ужасъ.

— Что такое?

— Да вотъ не далѣе какъ въ прошлую среду отецъ пришелъ съ ученья страшно злой, увидя, что въ гостиной насорено соломой, вышелъ изъ себя, позвалъ истопника и такъ ударилъ его кочергой по головѣ, что тотъ вышелъ изъ комнаты, обливаясь кровью. А вчера было еще хуже: онъ побилъ маму.

— Какъ такъ?

— Очень просто! За ужиномъ зашелъ разговоръ о васъ, причемъ папа, по обыкновенію, бранилъ васъ, а мама, наоборотъ, горячо защищала. Слово за слово, и кончилось тѣмъ, что папа схватилъ тарелку и швырнулъ ее мамѣ прямо въ лицо. Та вскрикнула и упала

въ обморокъ, а папа, переколотивъ всю посуду, взялъ фуражку и вышелъ изъ дому.

Слушая этотъ безъискуственный разсказъ возмутительнаго самодурства, я ходилъ по комнатѣ и дрожалъ отъ волненія и негодованія, между тѣмъ какъ Саша, жуя пряникъ, передавалъ мнѣ разныя подробности съ такимъ спокойствіемъ и холоднымъ равнодушіемъ, какъ будто это самое обыкновенное и заурядное дѣло, о которомъ не стоитъ волноваться. Очевидно, что бѣдный, забитый, привыкшій къ такимъ сценамъ ребенокъ нравственно огрубѣлъ и потому нисколько не возмущается звѣрствомъ отца, нисколько не жалѣетъ свою несчастную мать.

На мое по этому поводу замѣчаніе и горькій упрекъ, Саша посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и конфузливо отвѣтилъ:

— Развѣ я не люблю маму? *разумѣется* люблю; но отвѣтилъ такимъ тономъ, какъ если-бы его спросили: сколько у тебя на рукѣ пальцевъ—пять?—*разумѣется*, пять. Хотя Саша навѣщалъ меня не часто и оставался у меня не долго, тѣмъ не менѣе я всякій разъ успѣвалъ провѣрить его познанія въ пройденномъ и по возможности руководилъ его учебными занятіями. Однажды Саша пришелъ ко мнѣ весь сіяющій и я, взглянувъ на его физіономію, тотчасъ-же догадался, что онъ поступаетъ въ кадетскій корпусъ.

— Ну что, Сашукъ, можно поздравить? Будущій кадетъ?

— Да, да. Вчера вечеромъ получена бумага и черезъ недѣлю я уѣзжаю.

— Тебѣ не жаль разставаться съ домашнимъ гнѣздомъ?

— Кому, мнѣ? Да я не могу дождаться отъѣзда, и когда поступлю въ корпусъ, то перекрещусь.

— А мамы? Неужто и ея не жаль?

— Маму?.. ну, конечно, жаль.

Спустя двѣ недѣли, раннимъ утромъ, у подъѣзда Бриммеръ стояла почтовая тройка, возлѣ которой бѣгала и суетилась прислуга, укладывая въ тарантасъ дорожныя вещи. Саша, одѣтый по дорожному и уже совсѣмъ готовый, увидя меня изъ окна квартиры, выбѣжалъ на улицу, крѣпко обнялъ, расцѣловалъ, затѣмъ простился съ прислугой, дворовой собакой, быстро вскочилъ въ тарантасъ, усѣлся рядомъ съ отцомъ и, снявъ шапку, обернулся къ блѣдной, полуживой матери, которая, стоя на крыльцѣ, точно плачущая Ніобея, смотрѣла на сына съ чувствомъ невыразимой душевной муки и крестила его до тѣхъ поръ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. Бѣдный ребенокъ! Несчастная мать! . . . .

Это было мое послѣднее свиданіе съ семьей Бриммеръ. Съ тѣхъ поръ я никого изъ нихъ не видѣлъ и никогда не встрѣчалъ, но слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Софья Павловна, почти вслѣдъ за отъѣздомъ сына, слегла въ постель и въ тотъ-же годъ скончалась отъ скоротечной чахотки. Саша кончилъ курсъ, вышелъ въ офицеры, женился и сдѣлался такимъ-же домашнимъ тираномъ, какъ и его отецъ. Наташа блистательно окончила институтъ, по прежнему ссорилась съ отцомъ и на зло ему вышла замужъ за ненавистнаго человѣка, лишь-бы только уйти изъ подъ родительскаго крова; а самъ Бриммеръ, разогнавъ дѣтей, вышелъ въ отставку маіоромъ, сталъ пить и сошелся съ какой-то старой нѣмкой, которая забрала его въ руки, держитъ въ строгой субординаціи, колотитъ по щекамъ истоптанными туфлями и безбожно воруетъ все, что только можно спрятать въ свои объемистые сундуки...

А. Молотовъ.

(Окончаніе будетъ).

О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ.

Вторымъ видомъ болѣзни, которою ученики заражаются въ школахъ, или заносятъ таковую изъ семьи въ школы, является корь. Несомнѣнно, что эта болѣзнь, извѣстная уже въ древности, была смѣшиваема съ оспой, и замѣчательно, что даже до самаго начала XVIII столѣтія эта ошибка повторяется у нѣкоторыхъ писателей, хотя уже въ 1670 и 1674 годахъ англійскіе врачи Сиденгамъ и Моригонъ описали корь, какъ болѣзнь самостоятельную, неимѣющую никакого отношенія къ оспѣ. Гдѣ родина кори, гдѣ она впервые появилась—еще совершенно неизвѣстно. Безспорно только одно, что она постоянная спутница культуры и проникаетъ вмѣстѣ съ нею повсюду. Вѣроятно, многое темное въ исторіи кори объясняется столь долго господствовавшимъ неправильнымъ взглядомъ старыхъ врачей на сыпныя заразныя болѣзни, смотрѣвшихъ и на корь, какъ на процессъ произвольно зарождающійся, какъ-бы очистительный для тѣла. Новѣйшія-же историческія изслѣдованія относительно болѣзни этой до такой степени обширны, спеціальныхъ монографій по ней такъ много, что одно перечисленіе всего этого уже моглобы утомить читателя. Современная наука держится того взгляда, что корь обусловливается специфическимъ ядомъ, который, однако, еще не удалось доселѣ изолировать. Часто проявляясь эпидемически, она никогда не исчезала въ большихъ городахъ Европы, какъ, напр., у насъ въ Петербургѣ, и несомнѣнно, что она разносится больными, или находившимися въ соприкосновеніи съ ними, не только здоровыми людьми, но и вещами, окружавшими больнаго. Еще Галліеръ (Hallieir) дѣлалъ попытки къ изолированію яда, но только онѣ ни къ чему не привели; опыты-же прививокъ крови (Speranza, Katon), носовой слизи, слезъ, слюны дали положительные результаты. Такимъ образомъ выяснилось вполнѣ, что коревая зараза держится въ крови и во всѣхъ выдѣленіяхъ организма. Когда-же именно наиболѣе заразительна корь?

Тогда, когда она проявилась уже заболѣваніемъ, по крайней мѣрѣ, слизистыхъ оболочекъ, и во всѣ дальнѣйшіе періоды болѣзни. Есть мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ, что корь заразительна только въ самомъ началѣ; но это взглядъ совершенно произвольный и односторонній. Такой авторитетный изслѣдователь, какъ Панумъ, наблюдалъ заразительность кори во всѣхъ періодахъ. Послѣдній періодъ, періодъ шелушенія, въ противоположность другимъ заразительнымъ болѣзнямъ, оказывается для кори менѣе заразительнымъ. Предрасположеніе къ заболѣванію описываемою формою сыпной болѣзни такъ велико, что можно считать его всеобщимъ. И въ самомъ дѣлѣ, врачамъ рѣдко приходится видѣть взрослаго субъекта, который въ дѣтствѣ не перенесъ-бы кори. Нѣтъ климата, нѣтъ мѣстности, которая была-бы изъята отъ кори, и громадная эпидемія, описанная на Ферскихъ островахъ Панумомъ, доказываетъ это, ибо здѣсь изъ 7.782 жителей 6.000 сдѣлалось жертвою кори. Даже старческій возрастъ, если данный субъектъ не болѣлъ корью ранѣе, не свободенъ отъ нея. Только первый годъ дѣтской жизни, и преимущественно первые мѣсяцы, повидимому, не располагаютъ къ воспріятію кореваго яда. Намъ не разъ приходилось наблюдать, что въ семьяхъ, всѣ члены которыхъ были одновременно больны корью, только грудныя дѣти, не смотря на полную возможность зараженія, не заболѣвали ею, оставались здоровыми. Однако, въ наукѣ извѣстны наблюденія Томаса и др., свидѣтельствующія, что даже у новорожденныхъ наблюдалась корь. Бонъ (Bohn) приводитъ интересный случай кори у мальчика 9 лѣтъ, котораго мать, будучи беременной, имѣла эту болѣзнь. Значитъ, не смотря на беременность, этотъ ребенокъ не былъ зараженъ въ утробной жизни корью.

Выше мы уже сказали, что болѣзнь всегда гнѣздится въ большихъ городахъ; по крайней мѣрѣ, со времени начала нашей продолжительной врачебной дѣятельности не было такого года въ Петербургѣ, въ который мы не наблюдали-бы кори. Но по временамъ, въ силу условій, причины коихъ мало изучены, эта болѣзнь достигаетъ значительнаго развитія и проявляется въ видѣ обширныхъ, подчасъ злокачественныхъ эпидемій. Такія эпидеміи иногда повторяются черезъ промежутки 2—4 лѣтъ. Продолжительность эпидеміи кори, вообще говоря, коротка, равняясь нѣсколькимъ мѣсяцамъ, не болѣе. Такъ, Лёшнеръ говоритъ, что эпидемія кори въ Прагѣ началась въ концѣ октября, а окончилась уже въ мартѣ мѣсяцѣ *). Субъектъ, разъ

*) Aus dem Franz-Ioseph Kinderspitale in Prag. Bd. II. Epidemiologische und klin. Studien aus dem Gebiete der Podiatrik. 1868 г., стр. 26 и слѣд.

уже перенесшій корь, дѣлается почти навсегда свободнымъ отъ воспринятія коревой заразы. Конечно, въ наукѣ описаны случаи исключенія изъ этого правила; но для громаднаго большинства лицъ, уже болѣвшихъ корью, нерасположеніе къ вторичному заболѣванію остается несомнѣннымъ.

Наибольшее расположеніе къ заболѣванію корью замѣчается въ школахъ, какъ это справедливо указываетъ Унгеръ, въ своемъ новѣйшемъ трудѣ *). Воспринятіе коревой заразы совершается путемъ вдыханія воздуха около кореваго больнаго; стало быть, черезъ посредство слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ органовъ.

Но если корь принадлежитъ къ числу столь распространенныхъ болѣзней, если перенести ее разъ въ жизни почти неизбѣжно для каждаго человѣка, если она такъ заразительна, то, спрашивается, нужны-ли предупредительныя мѣры и могутъ-ли онѣ тутъ въ чемъ-нибудь помочь? Отвѣчать на всѣ эти вопросы можно лишь ознакомившись хотя немного съ проявленіемъ кори и съ тѣми опасностями, которыя она вызываетъ, иногда только лишь своею злокачественностью, но чаще всего осложненіями, или послѣдствіями. Если судить по проценту смертности отъ кори, который, по всѣмъ новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, равенъ лишь тремъ, то, конечно, корь можно причислить къ доброкачественнымъ заразнымъ болѣзнямъ. Но, взвѣшивая послѣдствія, особенно для дѣтей слабыхъ, плохо развитыхъ, золотушныхъ и находящихся въ первомъ періодѣ, приходишь къ несомнѣнному убѣжденію въ необходимости принятія строгихъ предохранительныхъ мѣръ. Но, ранѣе изложенія этого, считаемъ необходимымъ хотя вкратцѣ ознакомить читателя съ проявленіемъ кори у дѣтей, съ тѣми припадками, которыми она сопровождается.

Въ кори должно различать нѣсколько періодовъ, которые мы и разсмотримъ въ порядкѣ ихъ постепенности. Тотъ періодъ, въ который болѣзнь скрывается, такъ сказать, въ крови и въ другихъ тканяхъ больнаго, не обнаруживаясь никакими рѣзкими, очевидными проявленіями, называется скрытымъ періодомъ зарожденія (incubatio) и равняется 9—10 днямъ. Періодъ этотъ, именно при кори, чаще чѣмъ при другихъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, уже обнаруживается, однако, кое-какими болѣзненными явленіями, которыя можно кратко назвать недомоганіемъ. Ребенокъ, такъ сказать, тотъ да не тотъ: слабъ, блѣденъ, не веселъ, сонливъ. Дѣти старшаго возраста жалуются на головную боль, недомоганіе и неохотно кушаютъ. Внима-

*) Lehrb. der Kinderkrankheiten. 1890. Bd. II, стр. 351.

тельныя матери не разъ указывали на то, что у дѣтей замѣчается по временамъ летучій жарокъ и сами распоряжались назначеніемъ хинина. Всѣ эти явленія въ теченіе сказаннаго времени то усиливаются, то ослабляются и въ общемъ обозначаются какою-то невыраженною болѣзнью, не представляющею ничего опредѣленнаго, характеристичнаго, типичнаго. Опытный врачъ, зная, что въ домѣ имѣются больные корью, встрѣчаясь съ такимъ недомоганіемъ, начинаетъ догадываться о *вѣроятномъ* зараженіи коревымъ ядомъ, но высказываетъ это лишь какъ предположеніе, а не какъ твердо установившійся, несомнѣнный фактъ. Въ легкихъ случаяхъ кори такого недомоганія въ скрытомъ періодѣ не бываетъ, но во многихъ тяжелыхъ случаяхъ мы не разъ его наблюдали. *Второй періодъ кори* прежде называли катарральнымъ, потому что на нѣкоторыхъ слизистыхъ оболочкахъ видимымъ образомъ развивается катарръ, но только, при ближайшемъ изслѣдованіи, этотъ катарръ является совершенно особеннымъ, типичнымъ для кори и характеристичнымъ. Поэтому-то его правильнѣе, научнѣе назвать періодомъ кореваго пораженія слизистыхъ оболочекъ. Онъ-же именуется періодомъ предвѣстниковъ (продромальнымъ). Особенность его состоитъ въ томъ, что онъ сопровождается лихорадкою—легкою, среднею или тяжелою, но непремѣнно лихорадкою, т.-е. замѣчается жаръ. Продолжительность этого періода чаще всего бываетъ трехдневная. Онъ можетъ затянуться и до 6—8 дней, но въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть и короткимъ, равнымъ одному, двумъ днямъ. Въ послѣднее время врачи, при помощи термометра, очень хорошо изучили ходъ лихорадки въ этомъ періодѣ, и изученіе это дало очень цѣнные результаты для опредѣленія болѣзни. Но мы не будемъ останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи хода температуры, а обратимъ вниманіе читателя на то, что въ этомъ періодѣ у дѣтей старшаго возраста замѣчаются явственные ознобы, иногда повторяющіеся, послѣ которыхъ наблюдается жаръ, безпокойство, ускореніе пульса. Кожа, при тщательномъ осмотрѣ, не представляетъ еще ничего замѣчательнаго въ этомъ періодѣ. Но пораженіе слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ путей уже имѣетъ нѣчто выразительное: глаза краснѣютъ, вѣки опухаютъ, дѣти избѣгаютъ свѣта (свѣтобоязнь), чихаютъ, дышатъ съ открытымъ ртомъ (вслѣдствіе пораженія носа), жалуются на боль въ горлѣ (вслѣдствіе заболѣванія глотки), кашляютъ сухо и часто, по причинѣ кореваго процесса въ дыхательномъ горлѣ и дыхательныхъ трубкахъ. Кашель этотъ коротокъ, сухъ, у маленькихъ дѣтей очень звонокъ, съ лающимъ оттѣнкомъ. Голосъ—хриплый, или сиплый. По-

раженіе носа можетъ быть такъ сильно, что отъ напора крови лопаются мелкіе волосные сосуды, и у дѣтей случаются носовыя кровотеченія. Жаръ, пораженіе названныхъ дыхательныхъ органовъ производятъ то, что самое дыханіе ускоряется, затрудняется. Все перечисленное можетъ быть или слабо выражено, при легкихъ заболѣваніяхъ, или-же очень сильно, даже опасно, при заболѣваніяхъ тяжелыхъ. При ближайшемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, глотки и полости рта оказывается, что и та и другая явственно поражены. Вся слизистая оболочка кажется болѣе красной, языкъ представляется обложеннымъ, а зѣвъ опухшимъ, въ особенности миндалины. Обыкновенно въ публикѣ думаютъ, что ужъ если поражено горло, то непремѣнно это скарлатина или дифтеритъ. Но надо знать, и это мы указываемъ въ особенности сельскимъ учителямъ и деревенскимъ жителямъ, не могущимъ прибѣгнуть къ помощи врача, что и при кори горло всегда поражается, подчасъ очень сильно, выразительно. Присматриваясь ближе къ этому заболѣванію горла, мы увидимъ въ немъ коревыя особенности: краснота не такъ сплошна, не такъ равномѣрна, какъ при скарлатинѣ, и на такъ называемомъ мягкомъ нёбѣ весьма ясно можно замѣтить отдѣльныя крапины, которыя болѣе выдаются и возвышаются, чѣмъ другія, и характеризуютъ такъ называемую коревую жабу. Такое пораженіе горла, въ связи съ заболѣваніемъ носа, глазъ, дыхательныхъ трубокъ, а также въ связи съ ходомъ температуры, даетъ намъ, врачамъ, возможность уже въ этотъ періодъ, до появленія сыпи на тѣлѣ, весьма точно опредѣлить заболѣваніе именно корью. Да и многія наблюдательныя матери, наученныя опытомъ на одномъ ребенкѣ, по этимъ признакамъ безошибочно опредѣляли корь у остальныхъ заболѣвшихъ своихъ дѣтей. Когда-же появляется такое выразительное пятнистое заболѣваніе глотки? Обыкновенно, уже на второй день рѣзко обозначившагося лихорадочнаго состоянія. Такія-же характеристичныя пораженія найдены и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ гортани, и т. д., но только тамъ они менѣе уловимы для непосвященнаго въ медицину наблюдателя, а потому мы о нихъ распространяться не станемъ. Намъ очень хотѣлось-бы услужить сельскимъ учителямъ и деревенскимъ жителямъ болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ остальныхъ явленій этого періода, но мы боимся подробностями лишь затемнить дѣло и ввести въ нѣкоторое сомнѣніе читателей, не спеціалистовъ въ медицинѣ. Скажемъ только, что существуетъ несомнѣнно при кори не только одна внѣшняя сыпь, но, если такъ можно выразиться, и *внутренняя*. Это важно знать именно потому, что въ этомъ періодѣ корь наиболѣе заразительна. Вслѣдствіе

этого не слѣдуетъ допускать такихъ больныхъ въ школы и вообще учебныя заведенія. Затѣмъ наступаетъ *третій періодъ*—высыпанія и цвѣтенія. Высыпь при кори обыкновенно обнаруживается прежде всего на лицѣ, на которомъ она въ первые часы является очень разбросанною и состоитъ изъ малой величины красноватыхъ пятенъ, появляющихся прежде всего на лбу, на щекахъ, въ окружности губъ и на подбородкѣ. Уже по прошествіи 6—8 часовъ высыпаніе на лицѣ становится замѣтнѣе, сильнѣе, гуще и выразительнѣе. На второй день сыпь обыкновенно появляется на груди, спинѣ, и, распространяясь мало-по-малу, переходитъ на верхнія и нижнія конечности, словомъ—на всю кожу. Лицо какъ-бы опухаетъ, свѣтобоязнь усиливается, глаза, вслѣдствіе отека вѣкъ, становятся какъ-бы меньше. Всматриваясь ближе, находимъ, что чаще всего при кори пятна въ серединѣ нѣсколько возвышены, что технически называется папулой. Это возвышеніе пятна по срединѣ болѣе красно, чѣмъ по окружности, и между отдѣльными высыпями ясно замѣтенъ цвѣтъ здоровой кожи. Высыпь можетъ быть слабѣе или сильнѣе, большей или меньшей окраски, чаще или рѣже, по мѣстамъ сливающаяся, особенно на лицѣ, но во всякомъ случаѣ пятна и папула въ теченіе вторыхъ сутокъ достигаютъ наибольшей своей выразительности и типичности. Это и можно назвать періодомъ цвѣтенія. Уже на третій день начинается уменьшеніе окраски, и прежде всего на томъ мѣстѣ, которое первымъ-же было поражено, т.-е. на лицѣ. Итакъ, коревая сыпь начинаетъ блѣднѣть сначала на лицѣ, а потомъ постепенно и на всемъ тѣлѣ. Среднимъ числомъ, высыпаніе занимаетъ продолжительность четырехъ сутокъ. Увеличеніе времени продолжительности сыпи на сутки или болѣе встрѣчается при кори рѣже, чѣмъ укороченіе этой продолжительности. Въ это время нерѣдко замѣчается повышеніе температуры тѣла до очень высокихъ цыфръ. Пульсъ вообще ускоряется и дѣлаетъ 120—140 ударовъ въ минуту. Когда сыпь достигаетъ наибольшаго развитія на тѣлѣ, явленія раздражительности и возбужденія у дѣтей уменьшаются, дѣти дѣлаются покойнѣе. Но всѣ перечисленные припадки со стороны слизистыхъ оболочекъ остаются во время высыпанія и цвѣтенія въ той-же силѣ и выразительности. По мѣрѣ-же поблѣдненія сыпи и всѣ коревыя явленія, если нѣтъ осложненій, становятся слабѣе: иногда мы замѣчали, что это улучшеніе шло очень быстро. Особенно замѣтно ослабленіе лихорадки и облегченіе приступовъ кашля, часто очень мучительныхъ. Когда исчезнутъ всѣ слѣды бывшей сыпи и дальнѣйшее теченіе кори не имѣетъ осложненій, то въ состояніи больныхъ дѣтей, кромѣ небольшой сла-

бости, боязни свѣта и покашливаній, не замѣчается ничего особеннаго. Дитя вступаетъ въ періодъ выздоровленія, а на кожѣ начинается то явленіе, которое состоитъ въ отдѣленіи какъ-бы мелкихъ отрубей кожицы, которое и называется *шелушеніемъ*. Это и есть періодъ шелушенія. Вообще онъ при кори не очень рѣзко выраженъ, менѣе продолжителенъ и менѣе характеристиченъ, чѣмъ при скарлатинѣ. Продолжительность его можно считать при нормальной кори, среднимъ числомъ, въ 10 дней, такъ что на 14-й день, считая отъ періода высыпанія, шелушеніе уже незамѣтно.

Въ высшей степени поучительно и интересно знать, какъ протекаетъ правильная, только-что нами описанная, корь и въ чемъ именно состоятъ отклоненія при неправильной кори. А уклоненія эти чрезвычайно разнообразны и зависятъ отъ силы и степени лихорадки, картины общаго заболѣванія, времени развитія всѣхъ періодовъ, самаго начала проявленія и вида сыпи, порядка выступленія ея и степени интензивности самой коревой заразы. Намъ приходилось наблюдать *необыкновенно* легкія формы, при которыхъ быстро исчезаетъ сыпь и наблюдается едва замѣтное повышеніе температуры, ничтожныя катарральныя проявленія, съ едва уловимымъ кашлемъ, весьма ничтожнымъ пораженіемъ глазъ и слабымъ насморкомъ. Такія дѣти лишь съ трудомъ удерживались въ постели, просили кушать, спокойно почивали и цѣлый день играли въ постелькѣ, жалуясь на дурного дядю, который ихъ насильно держитъ въ кроваткѣ. За то приходилось, къ несчастью, наблюдать и тяжелыя эпидеміи, изъ которыхъ особенно памятною осталась эпидемія въ 1868—1869 годахъ. Всѣ явленія были необыкновенно бурныя, температура достигала опасныхъ цыфръ—до 41 градуса и выше. У дѣтей были конвульсіи, безпамятство, съ постояннымъ горячечнымъ бредомъ. Интензивность окраски достигала крайнихъ предѣловъ. Кровь выступала въ видѣ багровыхъ пятенъ; это была такъ-называемая кровавая корь. Всѣ слизистыя оболочки представлялись необыкновенно сильно пораженными, и дѣти умирали, когда болѣзнь достигала своего наивысшаго развитія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалось удлиненіе періода предвѣстниковъ и сыпной лихорадки. Дѣти обезсиливали, пульсъ у нихъ становился очень частымъ и слабымъ. Все это сопровождалось мучительною рвотою и ослабляющими поносами. Очевидно, въ наблюдавшихся нами нѣкоторыхъ эпидеміяхъ былъ злокачественный характеръ, который даже и при счастливыхъ исходахъ сопровождался нерѣдко тяжелыми осложненіями.

Мы не можемъ касаться здѣсь всѣхъ осложненій, бывающихъ при

кори, но, для полноты, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ. Гортань можетъ быть поражена не только такъ сильно и мучительно, что дѣлается безпрерывный сухой кашель и хриплый или сиплый голосъ, но даже можетъ дойти дѣло до приступовъ настоящаго крупа, со всѣми его ужасающими опасностями задушенія ребенка. Катарръ можетъ распространиться на мелкія трубки и вызвать тяжелыя формы, особенно для маленькихъ дѣтей, бронхитовъ, спаденія легкихъ и катарральнаго ихъ воспаленія. Менѣе опасно, но все-же серьезно крупозное воспаленіе. Желудочнокишечный каналъ при кори можетъ быть разнообразно пораженъ, начиная отъ язвеннаго воспаленія рта, кончая даже дифтеритическимъ процессомъ и гангреною. Пораженіе почекъ, внѣшней и внутренней оболочки сердца хотя и рѣдко, но все-таки встрѣчается. Вѣки и всѣ части глаза могутъ сильно поражаться, даже до степени язвеннаго разрушенія роговицы и потери зрѣнія. А тутъ еще безчисленное можество всякихъ хроническихъ процессовъ и послѣдовательныхъ заболѣваній, съ бичемъ человѣчества—бугорчаткой—во главѣ, могущей или быстро убить дитя, или медленно свести его въ могилу. Мы уже не говоримъ о такихъ тяжелыхъ случаяхъ, не рѣдкихъ, однако, у золотушныхъ дѣтей, какъ хроническія воспаленія вѣкъ, воспаленія средняго уха, съ гнойнымъ выдѣленіемъ, прободеніемъ барабанной перепонки, временной или постоянной глухотой, хроническимъ пораженіемъ носа и т. д. Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе всѣхъ проявленій и разнообразныхъ, многочисленныхъ осложненій кори—отъ пораженія глазъ до послѣдовательныхъ психическихъ разстройствъ, описанныхъ, напр., у Гервуда, Кассона и др.; но уже и сказаннаго достаточно, чтобы понимающій человѣкъ остерегался отправить своего ребенка, болѣвшаго хотя-бы даже и легкою корью, въ школу, гдѣ онъ можетъ сдѣлаться невольнымъ и неизбѣжнымъ источникомъ зараженія другихъ. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ необходимость для всякаго строго соблюдать при развитіи кори мѣры предупредительныя—профилактическія. Можно, конечно, согласиться съ нѣкоторыми авторитетными дѣтскими врачами, напр., проф. Генохомъ въ Берлинѣ, что такого строгаго отдѣленія—изоляціи, какъ при скарлатинѣ, при кори въ отдѣльныхъ семьяхъ предпринимать не нужно. Но это можетъ быть допустимо только при доброкачественныхъ эпидеміяхъ и для дѣтей крѣпкихъ, вышедшихъ уже изъ перваго дѣтства, и не иначе, какъ въ отдѣльныхъ семьяхъ. Вообще-же учебныя заведенія должны имѣть въ виду лишь одну цѣль, а именно предохранить своихъ питомцевъ, по возможности, отъ всякой зарази-

тельной болѣзни, въ какой-бы слабой формѣ она ни проявлялась. Такимъ образомъ, *обязанности родителей*, принимая въ соображеніе необыкновенную заразительность кори, должны быть сведены къ слѣдующему:

1) Ни подъ какимъ видомъ, даже при самой легкой кори, не пускать заболѣвшаго ребенка ранѣе опредѣленнаго срока въ школу.

2) Если посѣщающій школу ученикъ уже имѣлъ ранѣе корь, но въ семействѣ, гдѣ онъ живетъ, есть больной корью, то все-таки такого ученика не слѣдуетъ допускать къ общенію съ другими и къ посѣщенію классовъ до тѣхъ поръ, пока въ его семьѣ не выздоровѣютъ всѣ заболѣвшіе члены ея и не будутъ соблюдены всѣ санитарныя мѣры.

Обязанности-же школы суть слѣдующія:

1) Заболѣвшій корью ребенокъ, или-же пребывающій въ семьѣ, гдѣ есть корь, ни въ какомъ случаѣ не допускается въ школу.

2) Срокъ изоляціи долженъ быть не менѣе трехъ недѣль, а если у выздоровѣвшаго еще продолжается кашель, или-же замѣтны малѣйшіе слѣды шелушенія, то и долѣе трехъ недѣль.

3) Необходимо врачебное свидѣтельство о томъ, что ученикъ выздоровѣлъ вполнѣ, что въ семьѣ, въ которой онъ живетъ, нѣтъ другихъ больныхъ корью и что произведена дезинфекція (обеззараживаніе) всѣхъ учебныхъ принадлежностей и платья ученика, равно и той квартиры, въ которой онъ живетъ.

4) Если самъ ученикъ и не имѣетъ кори, или-же перенесъ уже ее ранѣе, но если кто-либо изъ членовъ его семьи заболѣлъ корью, то онъ не иначе можетъ быть допускаемъ къ посѣщенію школы, какъ послѣ соблюденія всѣхъ мѣръ къ обеззараживанію его платья и школьныхъ принадлежностей, а также по переѣздѣ его на жительство въ семью, гдѣ нѣтъ кори.

Н. Быстровъ.

Изъ лекцій по педагогической психологіи А. Я. Герда *).

Представленіе. — Законъ ассоціаціи. — Воображеніе.

Представленіе. Если-бы мы могли перенестись въ умъ новорожденнаго ребенка, мы нашли-бы его въ состояніи полнаго отчужденія отъ всего окружающаго міра. Его умъ, получая впервые внушенія извнѣ, вовсе не сознаетъ еще внѣшнихъ предметовъ, вызывающихъ ощущенія. Для младенца внутренній міръ—все, внѣшній міръ—ничто. Намъ, взрослымъ, крайне трудно отдѣлить какое-либо изъ ощущеній отъ его внѣшней причины, такъ какъ въ то самое мгновеніе, какъ мы испытываемъ ощущеніе и обращаемъ на него вниманіе, предметъ, возбудившій вниманіе, немедленно является передъ нами; тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально, въ младенчествѣ, мы сознаемъ только извѣстное внутреннее состояніе, извѣстное измѣненіе прежней сознательности.

Итакъ, вначалѣ младенецъ получаетъ только ощущенія отъ внѣшняго міра, не сознавая его предметовъ. Спрашивается: удерживаются-ли въ душѣ эти ощущенія, или не удерживаются, исчезаютъ, какъ будто-бы ихъ и не было? Въ послѣднемъ случаѣ наши душевныя способности остались-бы такими-же, какими они были при рожденіи дитяти, потому что онѣ ничего себѣ не усваивали-бы, не пріобрѣтали, а слѣдовательно, не развивались-бы. Но наблюденія доказываютъ совершенно противное. Явленіе или звукъ, которые въ началѣ возбуждали въ ребенкѣ только движеніе, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ вызываютъ улыбку или осмысленный взглядъ. Ребенокъ мало-помалу начинаетъ узнавать мать, отца, сестеръ, различные голоса, чего онъ въ самомъ началѣ своего земнаго существованія не могъ

*) Лекціи эти, не предназначавшіяся очевидно для печати, найдены въ посмертныхъ бумагахъ покойнаго А. Я. Герда и получены нами, благодаря любезности вдовы покойнаго, Н. М. Гердъ. *Ред.*

дѣлать. Умъ его дѣлаетъ попытки выйти изъ самаго себя, обращается къ окружающимъ предметамъ и начинаетъ жить въ мірѣ внѣшнихъ реальностей.

Итакъ, впечатлѣнія, производимыя предметами внѣшняго міра на нашу душу, воспринимаются, усваиваются ею, остаются въ ней. Получивъ различныя впечатлѣнія отъ какого-нибудь предмета, мы можемъ представить себѣ его внутренно и тогда, когда уже никакія ощущенія отъ этого предмета не дѣйствуютъ на нашу душу, когда мы его болѣе не видимъ, не осязаемъ и т. д.

Такъ какъ мы можемъ припомнить себѣ предметъ, можемъ внутренно, въ мысляхъ нашихъ, представить его себѣ, то, слѣдовательно, впечатлѣнія отъ него не пропали, не изгладились, а остались и хранятся въ душѣ нашей въ несознаваемомъ состояніи. Эти-то безсознательно остающіяся и пребывающія въ душѣ впечатлѣнія видѣнныхъ, слышанныхъ и прочихъ предметовъ психологъ Бенеке назвалъ *слѣдами* предметовъ.

Итакъ, отъ каждаго дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на нашу душу, если только это дѣйствіе было достаточно сильно, обратило на себя вниманіе, въ душѣ человѣческой остается—*слѣдъ*.

Какъ долго могутъ подобные слѣды оставаться въ душѣ нашей—трудно обозначить. Слѣды даже самыхъ сильныхъ впечатлѣній младенчества совершенно изглаживаются въ душѣ нашей, точно у насъ и не было этого богатаго впечатлѣніями періода жизни. Изъ того, что случается до трехлѣтняго возраста, рѣдко кто выноситъ хоть малѣйшія воспоминанія, потому что въ это время душа еще не можетъ вполнѣ отчетливо и твердо усваивать себѣ образы внѣшнихъ предметовъ. Духъ ребенка не можетъ еще самъ собою, однѣми своими силами приводить въ сознаніе, представлять себѣ видѣнное и слышанное: для этого необходимо почти каждый разъ новое появленіе знакомаго предмета. Если-же видѣнное и слышанное не появляется или не повторяется долгое время, то не твердо усвоенныя впечатлѣнія исчезаютъ изъ души, т.-е. ребенокъ скоро совершенно позабываетъ ихъ. Чѣмъ тверже усвоились слѣды душою, тѣмъ дольше они пребываютъ въ ней. Чтò душа усвоила себѣ совершенно полно, отчетливо, ясно, то навсегда, на всю жизнь, остается въ ней, если только какая-нибудь внѣшняя причина (болѣзнь мозга) не уничтожитъ слѣдовъ.

Всѣ представленія, всѣ образы, которые составились въ душѣ съ нѣкоторою опредѣленностью и ясностью, изъ соединенія одинаковыхъ или подобныхъ слѣдовъ, остаются въ ней въ сознательномъ или безсознательномъ состояніи.

Представленія, находящіяся въ безсознательномъ состояніи, могутъ быть вновь возбуждены, приведены въ сознаніе, какъ только они понадобятся. Только весьма немногія изъ тѣхъ представленій, которыми мы обладаемъ, находятся въ душѣ нашей въ сознаніи въ извѣстное время. Вотъ, хоть въ настоящую минуту, когда вы записываете за мною эти строки, много-ли представляется вашему сознанію изъ всего того, что вы видѣли, слышали, словомъ, изъ того, что образовалось въ душѣ вашей въ продолженіе вашей жизни? Вы не представляете себѣ, напр., ни всѣхъ вашихъ знакомыхъ, ни всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ побывали, ни того, что дѣлали, говорили, слышали и пр. Навѣрное нѣтъ: вамъ нужно прежде припомнить все это, т.-е. привести въ сознаніе.

Итакъ, въ каждое извѣстное время мы сознаемъ только очень ограниченное число всѣхъ тѣхъ образовъ, представленій, которыя составились и пребываютъ въ душѣ нашей. Иначе и быть не можетъ. Если-бы всѣ мысли, понятія, образы, чувства, желанія, хранящіяся въ душѣ нашей, пришли разомъ въ сознаніе, то произошла-бы страшная путаница.

Вообще, мы по опыту можемъ сказать, что въ душѣ нашей пробуждается столько представленій, сколько намъ нужно въ извѣстное время; всѣ-же прочія остаются въ ней безсознательными. То, что мы теперь сознаемъ, о томъ мы въ слѣдующую минуту, быть можетъ, и не думаемъ больше. Такимъ образомъ, въ душѣ постоянно исчезаютъ и снова являются представленія: сознательныя дѣлаются безсознательными, а безсознательныя вновь приходятъ въ сознаніе, т.-е. въ душѣ происходитъ постоянное чередованіе сознанія различныхъ представленій съ безсознательностью ихъ.

Для того, чтобы безсознательное представленіе перешло въ сознаніе, необходимы возбудители. Возбудители-же бываютъ внѣшніе и внутренніе.

Во время какой-нибудь работы вы слышите, положимъ, пѣніе канарейки—и тотчасъ-же представленіе объ этой птицѣ приходитъ въ ваше сознаніе. Вамъ въ эту минуту никакъ не пришло-бы на умъ представленіе канарейки, которую вы видѣли гораздо раньше, если-бы образовавшееся въ душѣ вашей представленіе о ней не было снова приведено въ сознаніе звуковыми впечатлѣніями отъ пѣнія канарейки. Слѣдовательно, въ этомъ примѣрѣ безсознательное представленіе перешло въ сознаніе дѣйствіемъ внѣшняго возбудителя.

Я сижу одинъ въ комнатѣ; вокругъ меня все тихо и темно; никакія впечатлѣнія извнѣ не дѣйствуютъ на мою душу. Казалось-бы

никакія представленія не должны придти въ сознаніе мое. А между тѣмъ, въ такомъ одиночествѣ каждой изъ васъ, навѣрное, являлось множество представленій, и одни безпрестанно смѣнялись другими. Такъ, нерѣдко, вовсе не желая, вспоминаемъ мы о разныхъ приключеніяхъ въ нашей жизни, о мѣстностяхъ, видѣнныхъ нами, о людяхъ, съ которыми мы давно не видались, и многое другое само собой приходитъ въ голову въ часы совершеннаго уединенія.

Въ этомъ случаѣ прежнія представленія, очевидно, возбуждались, приводились снова въ сознаніе не внѣшними впечатлѣніями, потому что ихъ не было, но припоминаніемъ или воспоминаніемъ, т.-е. внутреннимъ возбудителемъ.

Припоминаніе это можетъ быть также волевое, и тогда въ сознаніи являются такія представленія, которыя мы сами желаемъ возобновить. Вы желаете, напр., представить себѣ тотъ домъ, тотъ садъ, въ которыхъ вы провели ваше дѣтство, и вамъ удается это безъ особенныхъ трудностей, хотя въ эту минуту никакія внѣшнія впечатлѣнія на васъ не дѣйствуютъ.

Слѣдовательно, представленія, находящіяся въ душѣ нашей безсознательными, могутъ быть приведены въ сознаніе не только посредствомъ повторенныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, но и посредствомъ воспоминанія, которое можетъ произойти само собою, безъ всякаго намѣренія и желанія съ нашей стороны, или можетъ быть вызвано нами самими.

Когда-же дѣйствіе возбудителя, внѣшняго или внутренняго, прекращается, то представленія возвращаются снова въ состояніе безсознательное.

Образовавшіяся въ душѣ представленія не существуютъ въ ней отдѣльно, изолированно одно отъ другаго, а находятся въ связи между собою, образуютъ извѣстныя сочетанія, *содружества*, *ассоціаціи*. Поэтому, одинъ какой-либо образъ вызываетъ въ сознаніи и рядъ другихъ образовъ. Вы вспоминаете какой-нибудь фактъ изъ дѣтства— и вмѣстѣ съ тѣмъ въ васъ воскресаетъ полная, живая картина его, вся обстановка: родные и люди, окружавшіе васъ, домъ, въ которомъ вы жили, садъ, поля, луга, рощи, словомъ, вся родная мѣстность и вся счастливая дѣтская жизнь ваша. Вы выучили твердо какое-нибудь стихотвореніе—и какъ только вы произнесете первый стихъ, *всѣ* слѣдующіе стихи, какъ-бы сами собою, послѣдуютъ за первымъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ вы ихъ заучили. То-же самое и со словами, представляющими исключеніе изъ какого-нибудь грамматическаго пра-

вила: какъ только скажутъ слово «сѣдло»—вамъ тотчасъ-же вспомнятся слова: сѣдлы, цвѣлъ, пріобрѣлъ...

Представленія связываются другъ съ другомъ—или *послѣдовательностью* ихъ, или *одновременностью*, или *сходствомъ*, или *противоположностью*.

1) Связь представленій по ихъ послѣдовательности выражается тѣмъ, что при воспроизведеніи въ памяти какого-либо образа вмѣстѣ съ нимъ воспроизводятся и другіе образы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были восприняты. Такъ, при воспоминаніи какого-либо факта, очевидцами котораго мы были, въ нашей памяти воскресаетъ и рядъ послѣдующихъ фактовъ.

2) Связь представленій по ихъ одновременности выражается тѣмъ, что все, воспринятое нами въ одно и то-же время, воспроизводится одновременно. Такъ, вспоминая послѣднія минуты разставанія съ близкими намъ людьми, мы припоминаемъ и мѣсто, гдѣ оно происходило, и время и всю обстановку разлуки.

3) Однородныя, сходныя по характеру представленія подобнымъ-же образомъ тѣсно связаны между собою: они воспроизводятся нашею памятью часто невольно. Такъ, видъ какой-либо новой мѣстности напоминаетъ намъ и другія, подобныя ей, мѣстности; гроза, буря, вьюга и другія выдающіяся явленія природы заставляютъ насъ вспоминать о другихъ подобныхъ явленіяхъ, когда-то совершившихся.

4) Бываетъ часто, что, наоборотъ, какое-либо представленіе вызываетъ въ памяти совершенно противоположное ему представленіе: пасмурный, холодный день осени напоминаетъ намъ иногда о ясныхъ, свѣтлыхъ, теплыхъ весеннихъ дняхъ; карликъ напоминаетъ намъ рослаго человѣка. Жестокое обращеніе съ дѣтьми вызываетъ въ нашемъ сознаніи представленіе нашего собственнаго *счастливаго* дѣтства.

Такая правильность въ воспроизведеніи представленій извѣстна подъ именемъ *законовъ ассоціаціи представленій*.

Изъ единичныхъ, отдѣльныхъ представленій возникаютъ цѣлыя группы, ряды и вереницы представленій, причемъ отдѣлы представленій взаимно проясняются, становятся болѣе опредѣленными и сознательными и тверже залегаютъ въ нашей памяти, такъ что и самое воспроизведеніе ихъ становится легче, быстрѣе и полнѣе.

Непосредственнымъ органомъ душевной жизни служитъ, какъ мы уже знаемъ, нервная система. При повтореніи однихъ и тѣхъ-же душевныхъ актовъ повторяется одна и та-же дѣятельность въ соотвѣтствующихъ нервныхъ центрахъ и нитяхъ, вслѣдствіе чего нервная

система, такъ сказать, пріучается, привыкаетъ къ этой дѣятельности и можетъ совершать ее быстрѣе, легче, отчетливѣе и полнѣе. Приступая къ какимъ-нибудь новымъ гимнастическимъ движеніямъ, мы ихъ совершаемъ сначала съ большимъ трудомъ и весьма неловко, а потомъ, при дальнѣйшихъ упражненіяхъ и повтореніяхъ тѣхъ-же движеній, мы выполняемъ ихъ все быстрѣе и отчетливѣе и не чувствуемъ при этомъ никакого особеннаго труда и напряженія. Выполненіе каждаго новаго дѣла сначала обыкновенно представляетъ бо̀льшія или мѐньшія затрудненія, которыя мы преодолѣваемъ постепенно, упражняясь въ совершеніи этого дѣла, привыкая къ нему, а потомъ уже оно становится для насъ легкимъ. Точно также и воспроизведеніе душевныхъ представленій и ихъ сочетаній, при каждомъ повтореніи, становится все легче, быстрѣе, отчетливѣе и полнѣе, и именно въ *томъ направленіи, въ которомъ оно чаще вызывается и повторяется.*

Вотъ почему человѣкъ, занимающійся преимущественно математикою, все легче и легче усваиваетъ себѣ различныя математическія комбинаціи и быстрѣе производитъ вычисленія, а занимающійся преимущественно исторіею, зоологіею и т. п. легче усваиваетъ и запоминаетъ новыя свѣдѣнія по этимъ предметамъ; вотъ почему у различныхъ людей образуются различныя памяти: математическая, лингвистическая, историческая и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ новыя математическія, лингвистическія, историческія и пр. свѣдѣнія находятъ въ душѣ уже готовыя ассоціаціи, съ которыми они и соединяются. Ботаникъ, напримѣръ, легко замѣчаетъ десятки и сотни растеній и запоминаетъ названія ихъ, между тѣмъ какъ для человѣка, не занимающагося ботаникою, это составляетъ большой трудъ, и притомъ, выучивъ названія растеній, онъ быстро ихъ забываетъ. Тотъ же ботаникъ оказывается иногда совершенно безпамятнымъ въ отношеніи другихъ предметовъ. Такъ, Линней, обладавшій нѐобыкновенною ботаническою памятью, живя три года въ Голландіи, не могъ научиться голландскому языку, хотя усердно занимался имъ.

И не только развитіе памяти, но и все духовное развитіе человѣка можетъ принять одностороннее направленіе, если съ самаго начала ученія его способности будутъ упражняться на одномъ предметѣ. Вотъ почему общее образованіе должно предшествовать спеціальному и курсъ общаго образованія долженъ состоять изъ различныхъ предметовъ и въ такомъ объемѣ, чтобы онъ могъ доставить весь матеріалъ, необходимый для всесторонняго развитія способностей учащагося.

Итакъ, дитя рождается со способностями видѣть, слышать, осязать, вкушать и обонять. Эти врожденныя основы всѣхъ душевныхъ

способностей посредствомъ своихъ внѣшнихъ органовъ воспринимаютъ впечатлѣніе отъ внѣшнихъ предметовъ, дѣйствующихъ на нихъ, и новорожденный получаетъ свои первыя ощущенія. Первыя ощущенія ребенка сознаются только какъ нѣкоторое внутреннее измѣненіе, какъ толчекъ безъ всякаго представленія о внѣшнихъ предметахъ. Только мало-по-малу ребенокъ сознаетъ различіе между собою и внѣшнимъ міромъ, между ego и non ego, между субъектомъ и объектомъ. Новорожденный видитъ разъ, два, три раза, десять разъ одинъ и тотъ же предметъ. Послѣ каждаго впечатлѣнія остается слѣдъ. Первый слѣдъ, конечно, слабъ, неясенъ. Второй слѣдъ присоединяется къ первому, третій—ко второму и т. д. Такъ составляется мало-по-малу изъ соединенія многихъ слѣдовъ болѣе или менѣе ясный образъ видѣннаго предмета—и дитя узнаетъ этотъ предметъ, т.-е. онъ становится сознательнымъ для ребенка.

Если въ душѣ соединилось столько одинаковыхъ слѣдовъ въ одинъ образъ, что мы тотчасъ-же узнаемъ предметъ, производившій впечатлѣнія, какъ только онъ вновь появляется передъ нами, или мы можемъ представить его себѣ внутренно, посредствомъ воспоминанія, то мы говоримъ, что получили представленіе объ этомъ предметѣ.

Способностью *представленія*, или *перцепціей*, называется воспроизведеніе образовъ, временно изгладившихся изъ сознанія.

Намъ трудно представить себѣ, что можно смотрѣть на предметъ— и не имѣть о немъ полнаго представленія, но несомнѣнно, что у ребенка такое состояніе длится нѣсколько мѣсяцевъ. Это всего лучше доказывается взрослыми слѣпорожденными, которымъ счастливая операція возвратила зрѣніе. Сначала они вовсе не знаютъ того, что видятъ; все для нихъ неясно, всѣ предметы сливаются: глаза ихъ не различаютъ отдѣльныхъ предметовъ, не смотря на то, что они ясно сознаютъ все слышимое и осязаемое. Но чѣмъ болѣе они упражняются въ смотрѣніи и пріобрѣтаютъ слѣдовъ посредствомъ повторяемыхъ свѣтовыхъ впечатлѣній отъ окружающихъ предметовъ, тѣмъ яснѣе они научаются видѣть и различать эти предметы.

Мы говорили о законахъ ассоціаціи представленій и видѣли, что законы эти даютъ намъ важныя указанія относительно значенія и состава курса общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Эти-же законы даютъ много весьма точныхъ указаній для преподаванія различныхъ отдѣльныхъ предметовъ.

Такъ, законъ ассоціаціи по противоположности показываетъ намъ, что ничто такъ не уясняетъ намъ особенности какого-нибудь представленія, какъ противоположность его съ другимъ представленіемъ.

Поэтому, если мы хотимъ запечатлѣть въ душѣ дитяти особенность какой-нибудь картины, то лучше всего прибѣгнуть къ сравненію съ другой картиной, въ которой, по возможности, было-бы болѣе сгруппировано противоположныхъ признаковъ. Напримѣръ, если мы хотимъ, чтобы дитя вполнѣ постигло и усвоило преимущества мѣстности, обильно орошенной рѣками, покрытой богатой растительностью, то мы достигнемъ этого всего лучше, если рядомъ представимъ противоположную картину песчаной пустыни, гдѣ недостатокъ влаги ведетъ за собою отсутствіе растительности, животныхъ и людей. Если мы хотимъ выставить ученику преимущества цивилизаціи какого-нибудь народа, то поставимъ рядомъ картину жизни дикарей и т. п. Такимъ сопоставленіемъ противоположностей мы достигаемъ нѣсколькихъ цѣлей: мы не только даемъ ученику вмѣсто одной картины двѣ, но каждая изъ этихъ картинъ становится яснѣе въ его душѣ и укореняется глубже, чѣмъ укоренилась-бы одна,—по тому общему закону, что два слѣда, вызывающіе въ душѣ одинъ другой, укореняются лучше, чѣмъ одинъ. Противоположности, связываясь, взаимно дополняютъ и укореняютъ другъ друга.

Такое-же значеніе для педагога имѣютъ и ассоціаціи представленій по сходству. Еще важнѣе ассоціаціи по единству мѣста. Предметы, размѣщенные въ пространствѣ одинъ возлѣ другаго, въ такомъже порядкѣ оставляютъ и слѣды въ нашей памяти. Припоминая предметъ, мы припоминаемъ и сосѣдній съ нимъ. Эти ассоціаціи, конечно, схватываются болѣе всего органомъ зрѣнія, а потому весьма сильны у людей, у которыхъ природою и упражненіемъ тонко развитъ органъ зрѣнія; онѣ особенно сильны у живописцевъ. У дѣтей вообще преимущественно развита память зрѣнія, и часто цѣлые уроки укореняются въ памяти ребенка такими ассоціаціями мѣста. Отвѣчая урокъ, дѣти видятъ передъ собою развернутую книгу или развернутую тетрадь—и переходятъ со строки на строку, со страницы на страницу. Вотъ почему полезно печатать въ дѣтскихъ книгахъ крупными буквами собственныя имена и подчеркивать въ тетрадяхъ тѣ слова или названія, которыя должны быть твердо замѣчены.

Всѣ предметы въ мірѣ расположены группами, а не рядами, и у каждаго предмета не только два сосѣда — передній и задній, но множество: и справа, и слѣва, и сверху, и снизу. Умѣнье видѣть умственными глазами нашими предметъ въ центрѣ всѣхъ его отношеній составляетъ отличительный признакъ великихъ умовъ. Поэтому, очень важно сообщить дѣтямъ такой способъ представленія, который позволилъ-бы имъ обнимать разомъ много предметовъ вмѣстѣ и созерцать

ихъ внутренно, не раздѣляя. Ассоціаціи по мѣсту всего болѣе и способствуютъ установленію въ насъ цѣлыхъ группъ представленій, въ которыхъ съ однимъ срединнымъ звеномъ связано множество другихъ, идущихъ въ разныя стороны. Но, конечно, описывая на словахъ такую группу, мы не можемъ разомъ идти въ разныя стороны. Вотъ почему, для удаленія этого неудобства, полезно сколько возможно прибѣгать къ ученію, обращающемуся къ чувству зрѣнія. На этомъ основана рисовка плановъ комнаты, зданія, улицы, черченіе географическихъ картъ. Но не только въ географіи слѣдуетъ прибѣгать къ этому методу. Вообще, въ высшей степени полезно черченіе схемъ всякаго рода, какъ только приходится дать замѣтить дѣтямъ соотношеніе частей какого-нибудь предмета или нѣсколькихъ предметовъ, составляющихъ одну группу. На основаніи того-же самаго психическаго закона полезно изучать историческія происшествія, имѣя передъ собою карту мѣстности, въ которой эти происшествія совершались, чертить походы, о которыхъ разсказывается, чертить постепенное расширеніе какого-нибудь государства, родословныя таблицы, словомъ—все, что можетъ быть начерчено.

Воображеніе. Мы разсмотрѣли способность воспроизводить образы, временно изгладившіеся изъ сознанія, и назвали эту способность души *представленіемъ.* Но мы обладаемъ способностью не только воспроизводить прежніе образы, но и представлять ихъ себѣ въ измѣненномъ видѣ. Такое свойство души измѣнять свои прежнія представленія присоединеніемъ къ нимъ новыхъ признаковъ называется *воображеніемъ.*

Послѣ многихъ лѣтъ мы возвращаемся на родину; мы живо представляемъ себѣ родное жилище, товарищей дѣтства, всю родную мѣстность въ томъ видѣ, какъ мы ихъ оставили. Мы воспроизводимъ въ нашемъ сознаніи то, что прежде видѣли. Слѣдовательно, при этомъ дѣйствуетъ *воспоминаніе*, которое, какъ мы уже знаемъ, есть не что иное, какъ свойство души нашей приводить въ сознаніе прежде образовавшіяся представленія, находившіяся въ ней въ безсознательномъ состояніи. Но, положимъ, что при этомъ воспоминаніи въ насъ невольно возбуждается вопросъ: какими-то теперь найдемъ мы родныхъ, товарищей дѣтства, самый домъ, садъ, въ которомъ мы бѣгали дѣтьми? И вотъ—въ душѣ нашей возникаютъ и рисуются новые, измѣнившіеся образы всѣхъ этихъ близкихъ сердцу нашему лицъ и предметовъ и нерѣдко мы бываемъ недовольны этими образами, передѣлываемъ ихъ, представляемъ ихъ себѣ въ иномъ видѣ и т. д. Тутъ мы уже не только воспроизводимъ въ нашемъ сознаніи преж-

ніе образы, но представляемъ ихъ себѣ въ измѣненномъ видѣ, присоединяемъ къ нимъ новыя черты, которыя замѣняютъ прежнія, однимъ словомъ, мы воображаемъ ихъ себѣ иными. Здѣсь уже дѣйствуетъ не воспоминаніе, а другая сила души, которую и называютъ *воображеніемъ*.

Вы путешествуете, видите различныя страны, народы—и потомъ мастерски описываете свое путешествіе. Я читаю ваше сочиненіе—и такъ живо представляю себѣ описанныя въ немъ мѣстности, что даже могу нарисовать ихъ. При чтеніи вашего путешествія, я не могъ вспоминать описанныхъ вами мѣстностей, потому что никогда ихъ не видалъ, но я представлялъ, воображалъ ихъ себѣ по вашему описанію; слѣдовательно, и въ этомъ примѣрѣ дѣйствовало во мнѣ *воображеніе*.

Замѣтьте это различіе между воображеніемъ и воспоминаніемъ. Эти двѣ способности души часто смѣшиваются. И въ вашемъ учебникѣ Бобровскаго воображеніе опредѣляется какъ способность души воспроизводить живые образы. Это невѣрно.

Иногда мы воспроизводимъ въ сознаніи нашемъ видѣнный образъ съ такою яркостью, что насъ самихъ поражаетъ необыкновенная живость представляемаго нами лица, предмета, происшествія и т. п. Но если воспроизводится только то, что было сохранено нашею памятью, то это, безъ сомнѣнія, будетъ только воспоминаніе—очень живое, но все-же воспоминаніе. Слѣдовательно, степенью живости нельзя отличать представленія воспоминаемыя отъ представленій воображаемыхъ.

Воображеніе есть свойство души нашей измѣнять свои прежнія представленія присоединеніемъ къ нимъ новыхъ признаковъ. Воображеніе отличается отъ воспоминанія *новостью* производимыхъ имъ ассоціацій изъ тѣхъ представленій, которыя сохранялись въ памяти. Память сохраняетъ намъ слѣды и идеи представленій; воспоминаніе передаетъ ихъ сознанію въ формѣ представленій, а воображенію принадлежитъ новая комбинація этихъ элементовъ, сохраненныхъ памятью.

Сильно развитое воображеніе, способное создавать изъ образовъ дѣйствительнаго міра свои собственные образы, коихъ не было и нѣтъ въ дѣйствительности, называется *фантазіею*.

Фантазія, впрочемъ, не можетъ создавать первоначальныхъ, элементарныхъ частей своихъ образовъ, именно первоначальныхъ слѣдовъ впечатлѣній внѣшняго міра. Мы не можемъ создать ни невиданнаго нами цвѣта, ни неслыханнаго нами звука, ни вообразить какое-либо свойства въ вещахъ, которое мы предварительно не наблюдали нашими чувствами. Возьмемъ, напримѣръ, изображеніе сфинкса, не су-

ществующее въ природѣ и созданное фантазіею древнихъ египтянъ: каждая составная часть этого фантастическаго животнаго взята изъ природы. Точно также различныя чудовища, являющіяся въ народныхъ сказкахъ, представляютъ созданіе фантастическаго воображенія, но, тѣмъ не менѣе, всѣ составныя части ихъ заимствованы изъ природы. Слѣдовательно, фантазія приводитъ въ различныя новыя сочетанія и комбинаціи уже образовавшіяся въ душѣ нашей представленія и составныя части ихъ и такимъ образомъ создаетъ новые образы, новыя формы; и такъ какъ разнообразіе сочетаній можетъ быть безконечно, то, слѣдовательно, для дѣятельности фантазіи представляется обширное поле.

Воображеніе и фантазія представляютъ очень важныя, творческія силы души, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти силы могутъ творить только изъ готоваго, даннаго матеріала; создавать-же самаго матеріала они не могутъ. Поэтому-то человѣкъ, обладающій отъ природы живымъ воображеніемъ, сильною фантазіею, но не получившій хорошаго общаго образованія и не имѣющій достаточныхъ знаній, ограничивается въ своей творческой дѣятельности весьма тѣснымъ кругомъ, и созданія его обыкновенно бываютъ весьма однообразны, или представляютъ уродливыя, безобразныя явленія. Изъ этого мы видимъ, какъ ошибочно и вредно то мнѣніе, которое часто высказывается еще и въ наше время, что для таланта не нужно никакого глубокаго образованія.

Фантазія-же, руководимая широко, всесторонне развитымъ умомъ, есть источникъ всякаго рода открытій и изобрѣтеній. Она создаетъ и тѣ высоко-нравственные образы, тѣ идеалы, которые возбуждаютъ въ человѣкѣ высокія чувства и стремленія дѣйствовать и жертвовать собою на благо общества.

Воображеніе начинаетъ развиваться въ дѣтяхъ очень рано, хотя мы въ первое время не можемъ замѣтить его скрытой работы. Образы, надъ которыми работаетъ младенческое воображеніе, немногочисленны, но за то необыкновенно ярки, такъ что дитя увлекается ими какъ бы дѣйствительностью. Причина этого заключается, съ одной стороны, въ чрезвычайной впечатлительности дѣтскаго мозга, а съ другой стороны — въ неумѣньи отличать дѣйствительность отъ созданій воображенія, такъ какъ умѣнье это дается только опытомъ. Дѣти очень часто считаютъ свои сновидѣнія за дѣйствительность и требуютъ той игрушки, которую они видѣли во снѣ. Незнаніе самыхъ обыкновенныхъ законовъ природы, съ которыми потомъ самособою познакомится дитя, заставляетъ его вѣрить самой нелѣпой сказкѣ.

Слушая о самыхъ необыкновенныхъ чудесахъ, ребенокъ вовсе не удивляется этимъ чудесамъ: онъ прямо сочувствуетъ говорящимъ козламъ, принцу, превращающемуся въ муху, и вовсе не спрашиваетъ о томъ, какъ козлы могутъ говорить или принцы превращаться въ мухъ; для ребенка не существуетъ невозможнаго, потому что онъ не знаетъ, что̀ возможно и что̀ нѣтъ. За-то вы напрасно пожелали-бы удивить младенца какимъ-нибудь фокусомъ,—для того, чтобы понять, что исчезновеніе шарика есть фокусъ, нужно убѣжденіе въ невозможности исчезновенія вещи. Ребенокъ, можетъ быть, смѣется, смотря на фокусъ, потому что ему доставляетъ удовольствіе и шарикъ, и движеніе рукъ, но онъ вовсе не понимаетъ, что тутъ есть фокусъ.

Живость дѣтскаго воображенія и вѣра дитяти въ дѣйствительность его собственныхъ представленій лучше всего проявляются въ играхъ ребенка и въ его отношеніяхъ къ игрушкамъ. Вылѣпите какую угодно фигуру изъ воску или изъ хлѣба, лишь былъ-бы какой-нибудь признакъ рукъ и ногъ и шарикъ на мѣстѣ головы—и ваша работа будетъ совершеннымъ человѣкомъ въ глазахъ ребенка. Потеря руки или ноги ничего не измѣнитъ въ любимцѣ, и онъ будетъ прекрасно исполнять всѣ роли, какія даетъ ему ребенокъ. Ребенокъ видитъ не дурную модель, а образъ, который сохраняется у него въ головѣ.

Въ играхъ ребенка можно замѣтить еще и другую особенность: дѣти не любятъ игрушекъ неподвижныхъ, хорошо отдѣланныхъ, которыхъ они не могутъ измѣнить по своей фантазіи; ребенку нравится именно живое движеніе представленій въ его головѣ, и онъ хочетъ, чтобы игрушки его хоть сколько-нибудь соотвѣтствовали ассоціаціямъ его воображенія Опрокинутый стулъ представляетъ для ребенка лодку или коляску; поставленный на ноги, онъ является лошадью или столомъ. Кусочекъ картона для него то домъ, то шкафъ, то экипажъ—все, что дитя хочетъ. Дитя искренно привязывается къ своимъ игрушкамъ, любитъ ихъ нѣжно и горячо, и любитъ въ нихъ не красоту ихъ, а тѣ картины воображенія, которыя само-же къ нимъ привязало. Новая кукла, какъ-бы она ни была хороша, почти никогда не дѣлается сразу любимицей дѣвочки, и она будетъ продолжать любить старую, хотя у той давно нѣтъ носа и лицо все вытерлось.

Такая живость дѣтскаго воображенія и такая вѣра дитяти въ дѣйствительность его собственныхъ представленій показываетъ уже, какъ осторожно нужно относиться къ дѣтскому воображенію и къ дѣтской безграничной довѣрчивости. До сихъ поръ продолжаются пуганья дѣтей домовыми, стучащими въ стѣну, волками, влѣзающими въ окошко, и т. п., особенно со стороны нянюшекъ, которыя не на-

ходятъ лучшаго средства, чтобы заставить уняться дитя, раскричавшееся ночью, или заставить его послушаться, когда оно упрямится. Стуча въ стѣну и говоря при этомъ «вотъ идетъ волкъ» съѣсть ребенка, няня, конечно, не понимаетъ, что дитя видитъ и этого волка, и какъ онъ къ нему приближается. Разувѣрить ребенка въ томъ, во что онъ уже повѣрилъ, невозможно, потому что тутъ дѣйствуетъ не вѣра, а живость представленія. Тутъ одно средство—развлечь дитя другими представленіями и избѣгать всякаго напоминанія о томъ, что его напугало. Если ребенокъ знаетъ даже, что его пугаютъ нарочно, то и это не мѣшаетъ ему испугаться: онъ знаетъ очень хорошо, напр., что это братъ его спрятался въ уголъ темной комнаты и хочетъ испугать его, но кричитъ и проситъ, чтобы его не пугали. Такъ невольно и такъ сильно потрясаются нервы дитяти. При раздражительности нервовъ дѣйствіемъ страха можно сдѣлать дѣтей безумными, тупыми и разстроить нервы на всю жизнь. Вліяніе ужаса на нравственность — безгранично: оно дѣлаетъ ребенка трусливымъ, притворщикомъ, иногда лживымъ, и дитя можетъ потеряться при малѣйшей опасности.

Очень часто говорятъ и пишутъ, что у дѣтей воображеніе сильное, богатое, могучее, но что съ возрастомъ оно слабѣетъ, теряетъ живость и разнообразіе. Это большая ошибка. Воображеніе ребенка и бѣднѣе, и слабѣе, и однообразнѣе, чѣмъ у взрослаго человѣка. Дѣло въ томъ, что и слабое дѣтское воображеніе имѣетъ такую власть надъ слабой и еще неорганизовавшейся душой дитяти, какого не можетъ имѣть развитое воображеніе взрослаго человѣка надъ его развитой душой. Не воображеніе у дѣтей сильно, а воля слаба и власть ея надъ воображеніемъ ничтожна.

Чтобы узнать, какое направленіе принимаютъ работы дѣтскаго воображенія, слѣдуетъ наблюдать внимательно за играми ребенка. Мы хорошо познакомились бы съ душою взрослаго человѣка, если-бы могли заглянуть въ нее свободно; но въ дѣятельности и словахъ взрослаго намъ приходится только угадывать его душу, и мы часто ошибаемся, тогда какъ дитя въ своихъ играхъ обнаруживаетъ безъ притворства всю свою душевную жизнь. Для дитяти игра — дѣйствительность...

ЕРЕТИЧЕСКІЯ МЫСЛИ ПО ВОПРОСАМЪ ПЕДАГОГИКИ *).

I.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ благосклонный и въ особенности не вполнѣ благосклонный читатель найдетъ, вѣроятно, больше педагогическихъ парадоксовъ и педагогической ереси, чѣмъ педагогики. Если при этомъ читатель будетъ имѣть въ виду педагогику схоластическую, цеховую, то я съ нимъ совершенно согласенъ, такъ какъ этой послѣдней, т.-е. педагогики цеховой, читатель не найдетъ и слѣдовъ въ предлагаемой его вниманію педагогической бесѣдѣ.

По вопросамъ педагогики написано очень много превосходныхъ объемистыхъ и ученыхъ сочиненій; во всякомъ университетѣ каждый семестръ читаются прекрасныя лекціи по этому предмету. Я курсъ этого предмета прослушалъ у извѣстнаго профессора, пользовавшагося выдающимся педагогическимъ авторитетомъ въ одномъ изъ первостепенныхъ нѣмецкихъ университетовъ, и долго восторгался богатствомъ его мыслей, его ученостью, начитанностью и многими другими качествами, сквозившими изъ всѣхъ щелей этихъ глубокомысленныхъ лекцій. Но въ одинъ прекрасный день я внезапно и разъ навсегда отрезвился, и я доселѣ еще помню, какъ сильно подѣйствовало на меня это отрезвленіе. Дѣло въ томъ, что у высокоученаго педагога оказались, какъ я объ этомъ узналъ совершенно случайно, крайне неудавшіяся и невоспитанныя дѣти, уже и одинъ этотъ фактъ былъ достаточною причиной для того, чтобы я потерялъ всякій вкусъ

*) Предлагаемая вниманію читателей статья представляетъ переводъ изданной еще въ 1889 г. въ Цюрихѣ на нѣмецкомъ языкѣ брошюры д-ра Эрмана подъ заглавіемъ «Pädagogische Ketzereien» von Dr. H. Ehrmann. Важность затрагиваемыхъ въ этой талантливо написанной брошюрѣ вопросовъ побудила насъ дать здѣсь переводъ этой брошюры, сдѣлавъ въ немъ лишь нѣкоторыя незначительныя сокращенія. *Ред.*

къ ученой педагогикѣ. Можетъ быть, я поступилъ опрометчиво, отвернувшись отъ всей педагогики, благодаря только одному факту; но явное противорѣчіе между словомъ и жизнью, между теоріей и практикой было для меня слишкомъ очевидно, слишкомъ рѣзко для того, чтобы я могъ совершенно успокоиться на этомъ.

Долго меня занимала загадка, какъ это могло случиться, чтобы прославленный учитель воспитательнаго искусства могъ имѣть дурно-воспитанныхъ дѣтей; мнѣ казалось, что если гдѣ-либо справедливо изреченіе: «Познается древо по плодамъ его», то именно въ дѣлѣ воспитанія; на самомъ-же дѣлѣ, хотя въ занимающемъ насъ случаѣ «древо» должно быть признано несомнѣнно хорошимъ, плодъ оказался все-таки изъ рукъ вонъ плохъ. Въ юности, въ студенческіе годы, все, выдаваемое за науку и ея ученія, принимается на вѣру. Самая манера, съ которою иные профессора съ каѳедры выдаютъ свои мнѣнія, взгляды и даже гипотезы за неоспоримыя истины, вселяетъ въ юныхъ слушателяхъ непоколебимую вѣру въ непогрѣшимость каѳедры, — вѣру, которая утрачивается только въ болѣе зрѣлые годы.

Спокойно и объективно разсматривая прошлое и пользуясь опытомъ, доставшимся мнѣ отъ воспитанія собственныхъ дѣтей, я научился относиться болѣе серьезно къ задачѣ воспитанія и сталъ, какъ это ни странно съ перваго взгляда, еретикомъ въ дѣлѣ и въ вопросахъ воспитанія. Прежде всего я нашелъ, что указанное явленіе, а именно, дурныя дѣти у хорошихъ родителей, вовсе не единично, и что во всякомъ случаѣ оно не настолько рѣдко, какъ это мнѣ казалось въ молодости. Съ той поры много и много разъ я безмолвно останавливался предъ тѣмъ явленіемъ, что у прекрасныхъ и образованныхъ родителей часто бываютъ совершенно неудавшіяся дѣти. Но это частое повтореніе факта, если и ставило меня въ тупикъ, все-таки значительно расширяло кругъ моихъ наблюденій, и такимъ образомъ, почти при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, оно указывало мнѣ на то, въ чемъ именно слѣдуетъ искать разрѣшенія этой загадки и въ чемъ можно его найти.

При этомъ замѣчательно, что, съ теченіемъ времени, увѣренность въ доброкачественности характера и взглядовъ моего профессора совершенно во мнѣ пошатнулась... Въ нашемъ саду растетъ грушевое дерево, которое съ замѣчательною послѣдовательностью ежегодно не приноситъ плодовъ, между тѣмъ какъ на остальныхъ деревьяхъ, въ другихъ частяхъ сада, красуются болѣе или менѣе обильные и роскошные плоды. Садовникъ мой объясняетъ это явленіе тѣмъ, что почва въ томъ мѣстѣ слишкомъ жирна, и скептикамъ напоминаетъ о вредномъ вліяніи овса на здоровье лошадей, прокармливаемыхъ ис-

ключительно овсомъ. Если въ интересахъ наибольшей ясности допустить такое тривіальное сравненіе, то мы и въ нашемъ профессорѣ встрѣчаемся съ аналогичнымъ случаемъ. Профессоръ слишкомъ ученый педагогъ,—настолько ученый, что не можетъ быть въ то-же время хорошимъ практикомъ-педагогомъ. Его строго размѣренная серьезность, его холодное академическое спокойствіе, его остроумные и глубоко продуманные психологическіе и философскіе выводы, каждая изъ его прелестныхъ лекцій кажутся мнѣ теперь тяжелыми, или во всякомъ случаѣ—неудобными для практическаго примѣненія къ воспитанію дѣтей. Я не могу представить себѣ этого прославленнаго ученаго, совершенно ушедшаго въ свою аккуратно сколоченную, искусно пригнанную педагогическую систему, дѣйствующимъ въ живомъ общеніи со своими дѣтьми. Подобно хозяйкѣ, начинающей свои упражненія въ благородномъ поваренномъ искусствѣ съ поваренною книгою въ рукахъ у плиты, нашъ сухой книжникъ со своими университетскими тетрадками подъ мышкой, въ кругу своихъ дѣтей, отыскивающій для каждаго конкретнаго случая въ своемъ дидактическомъ зданіи примѣнимое къ этому случаю правило, долженъ былъ точно также испортить своихъ дѣтей, какъ неопытная еще хозяйка, съ поваренною книгою въ рукахъ, часто портитъ почти весь приготовляемый ею для семьи обѣдъ. Какъ она, за усерднымъ чтеніемъ поваренной книги, не замѣчаетъ того, что сливки свернулись и половина супа выкипѣла, такъ и нашъ профессоръ, при своей учености, не замѣчаетъ, что его дѣти невѣжественны, лживы и являются истиннымъ противорѣчіемъ его педагогическимъ идеаламъ и фантазіямъ. Къ тому-же, въ его семьѣ дѣйствовалъ еще другой факторъ, который то-же не мало способствовалъ неудавшемуся воспитанію дѣтей; это—мать (на самомъ дѣлѣ не второстепенный, а едва-ли не первостепенный факторъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей). Госпожа профессорша ни мало не заботилась о своихъ дѣтяхъ и даже физическій уходъ за малолѣтками предоставляла нянькамъ и горничнымъ, а если иногда лично и вмѣшивалась въ дѣло воспитанія, то не во-время и некстати пускала въ ходъ то брань, то похвалу, то награжденіе, то наказаніе; она гораздо больше портила, чѣмъ сколько десять отцовъ (даже не профессоровъ педагогики) могутъ поправить. Пока отецъ читалъ и преподавалъ педагогику, а мать блистала въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ, дѣти почти исключительно находились на рукахъ прислуги. При такой обстановкѣ, скорѣе слѣдовало-бы удивляться удавшемуся воспитанію, чѣмъ неудавшемуся. Впрочемъ, въ другихъ семействахъ встрѣчаются подобныя-же явленія, которыхъ причину, однако, не такъ легко оты-

скать. Рѣшительно неудавшихся дѣтей встрѣчается мало, но и особенно удавшихся не много; мало такихъ дѣтей, о которыхъ посторонніе могли-бы сказать, что они благодарили-бы небо, еслибъ имъ удалось такъ-же хорошо воспитать своихъ дѣтей. Но удивительно при этомъ то обстоятельство, что это малое число удавшихся дѣтей мы находимъ какъ разъ въ такихъ семействахъ, гдѣ менѣе всего можно было-бы этого ожидать. Удавшееся воспитаніе является въ этихъ случаяхъ большею частью послѣдствіемъ не воспитательной мудрости родителей, но болѣе или менѣе счастливыхъ способностей и даже послѣдствіемъ просто благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Многіе родители вполнѣ серьезно, беззавѣтно и твердо вѣрятъ въ такую случайность, такъ что прямо довѣряютъ ей всю, такъ сказать, духовную будущность своихъ дѣтей. Это удобнѣйшій путь для избѣжанія безплодной борьбы и скорбныхъ сожалѣній, напередъ себѣ пріуготовляемыхъ заботливыми родителями. Кто не знаетъ отцовъ и матерей, которые съ лучшими предначертаніями и серьезнѣйшими намѣреніями приступали къ дѣлу воспитанія, но уже въ первые его годы вполнѣ сознавали свое полное безсиліе противъ строптивой воли пяти или шестилѣтняго ребенка. Они вступали въ борбу съ самовольствомъ и непослушаніемъ своего маленькаго упрямца; но упрямецъ оставался побѣдителемъ. Не находя исхода, они стояли подъ началомъ сильнѣе ихъ власти,—подъ властью, которой должны были уступить, хотя тутъ-же предвидѣли легіонъ грѣховъ, грозившихъ развиться изъ этихъ оставшихся непобоpенными и все болѣе разроставшихся дѣтскихъ недостатковъ. Подъ конецъ они совершенно стали отчаяваться въ возможности благотворнаго воздѣйствія на своего ребенка и ограничились однимъ физическимъ уходомъ за нимъ, на остальное-же махнули рукой. Они предались весьма рискованному педагогическому, если можно такъ выразиться, «манчестерству», и всѣ свои надежды относительно поворота къ лучшему возлагали уже только на школу и на вліяніе позднѣйшаго опыта въ жизни.

На школу! Можетъ-ли ей удаться достигнуть того, чего не могли достигнуть сами родители? Вѣдь наши школы прежде всего только учебныя заведенія; онѣ слишкомъ заняты усвоеніемъ, передачею разнообразныхъ знаній; такимъ образомъ, для нравственнаго воспитанія, для образованія характера дѣтей у школы остается весьма мало времени и досуга. Эта важнѣйшая отрасль образованія человѣка ждетъ своего усовершенствованія отъ домашняго очага. Если домашній очагъ не можетъ разрѣшить этой задачи, то какимъ-же образомъ сдѣлаетъ это школа? Еслибъ къ тому-же образованіе было знаніемъ, еслибъ

дѣйствительно было такъ, что тотъ человѣкъ éсть человѣкъ «образованный», котораго въ общежитіи такъ называютъ! Человѣка, умѣющаго читать, писать, знающаго ариѳметику, языки и многое другое, конечно,принято называть человѣкомъ образованнымъ; но тотъ фактъ, что человѣкъ, говорящій и пишущій красно, что опытный учитель, отличный счетчикъ или лингвистъ, все-таки, при всѣхъ этихъ познаніяхъ, можетъ быть совершенно неотесаннымъ и совершенно необразованнымъ человѣкомъ, ясно доказываетъ, что знаніе еще не есть образованіе. Знаніе—дѣло выучки, дѣло головы, разума; образованіе-же—дѣло сердца, дѣло всей души. Легче быть знающимъ человѣкомъ, нежели образованнымъ, и, при всѣхъ стараніяхъ педагоговъ, есть болѣе умныхъ дѣтей и дѣтей-умницъ, нежели дѣтей добрыхъ и нравственныхъ, болѣе обученныхъ и выдрессированныхъ въ извѣстномъ направленіи людей, нежели людей истинно-добрыхъ и хорошихъ.

Было-бы легко привести еще цѣлый рядъ бьющихъ въ глаза явленій, несомнѣнно доказывающихъ, что педагогика далеко еще не достигла той цѣли, какую она себѣ намѣтила, что въ примѣненіи предлагаемыхъ ею средствъ и путей для достиженія этой цѣли несомнѣнно должно заключаться очень много, что въ состояніи оправдать педагогическаго еретика, скептически относящагося ко многимъ ея ученіямъ. Въ ней найдется не мало такихъ сторонъ, которыя даютъ право судить о подобномъ еретикѣ и отступникѣ съ бóльшею или мéньшею снисходительностью.

Надѣюсь, что даже сказаннаго достаточно для того, чтобы обезпечить нижеслѣдующимъ размышленіямъ нѣкоторое вниманіе со стороны тѣхъ отцовъ и матерей, которые видятъ въ своихъ дѣтяхъ свое величайшее счастіе, а хорошее воспитаніе своихъ дѣтей считаютъ главнѣйшей задачей и цѣлью своей жизни.

II.

Если у прекрасныхъ, честныхъ родителей часто оказываются дурно воспитанныя дѣти, то это скорѣе всего происходитъ отъ того, что дѣло воспитанія слишкомъ *поздно* начато. Съ какого момента начинается дѣло духовнаго воспитанія ребенка? «Съ перваго вдыханія воздуха», отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Жанъ-Поль, «но не прежде», прибавляетъ онъ, и хочетъ этимъ противодѣйствовать преувеличенной оцѣнкѣ вліяній на человѣческій зародышъ, часто приписываемыхъ состоянію духа и душевнымъ настроеніямъ матери во время утробной жизни ребенка. Для того, чтобы доказать, что это вліяніе все-таки

существуетъ и что оно начинается гораздо ранѣе, необходимы были-бы отдѣльныя изслѣдованія, выходящія изъ рамокъ нашего этюда.

Конечно, далеко зашелъ Лихтенбергъ, ратующій за законъ, по которому разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ должно зависѣть отъ предварительнаго испытанія брачущихся лицъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Считайте это воззрѣніе парадоксальнымъ, но лежащій въ его основѣ взглядъ выражаетъ, хотя и въ странной формѣ, глубокую истину, къ которой намъ придется еще вернуться: именно, что воспитаніе дѣтей должно начаться съ воспитанія родителей?

Теперь остановимся нѣсколько на отвѣтѣ, выработанномъ большею частью родителей по вопросу о времени начала воспитанія на практикѣ. Большая часть родителей, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, полагаетъ, что съ совершенной точностью начала воспитанія нельзя опредѣлить, но что обыкновенно воспитанію полагается начало на второмъ или на третьемъ году жизни, когда дитя становится болѣе разумнымъ, когда можно съ нимъ уже разговаривать; такимъ образомъ, по ихъ словамъ, въ этомъ дѣлѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ ту или другую сторону не играютъ роли. На самомъ-же дѣлѣ начало воспитанія, по большей части, совпадаетъ съ четвертымъ, а то и съ пятымъ или шестымъ годомъ жизни; до того времени дитя будто-бы еще неразумное существо, а отъ неразумнаго существа ничего будто-бы и требовать нельзя.

Но если сказать людямъ серьезно, что духовное воспитаніе фактически должно начаться *съ самаго рожденія* ребенка, то они сочтутъ это не только за парадоксъ, но и за извѣстнаго рода сумасшествіе и вы прочтете въ ихъ глазахъ, что хотите, но ужъ никакъ не согласіе съ этимъ взглядомъ.

Тѣмъ не менѣе это такъ, и этотъ взглядъ на начало воспитанія и на многіе другіе вопросы его выясненъ въ твореніяхъ великихъ педагоговъ. Впрочемъ, кто ихъ читаетъ, и много-ли такихъ читателей педагогическихъ сочиненій, которые вмѣстѣ съ тѣмъ изучаютъ излагаемыя въ нихъ положенія и подвергаютъ ихъ фактической критикѣ и провѣркѣ?.. Для массы—прекрасныя мысли, идеи великихъ людей представляются какъ-бы безполезными серебряными слитками до тѣхъ поръ, пока ихъ не обратятъ въ звонкую ходячую монету. Ознакомившись со многими ложными взглядами на воспитаніе, приходишь къ печальному заключенію, что для популяризаціи науки о воспитаніи слишкомъ мало сдѣлано и до сихъ поръ мало дѣлается...

Книгъ по педагогикѣ довольно; но кромѣ того люди, на самомъ дѣлѣ интересующіеся благосостояніемъ и горемъ людскимъ, должны-бы без-

престанно возбуждать разговоры объ этомъ предметѣ въ различныхъ собраніяхъ; пресса, въ свою очередь, должна отводить этой темѣ постоянную рубрику. Словомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, эти вопросы должны-бы подвергаться обсужденію, пока всѣ они будутъ всесторонне разработаны и проведены въ сознаніе массы.

Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи принято снабжать ежегодные отчеты о ходѣ учебнаго дѣла въ заведеніи научными трактатами, въ коихъ обстоятельно, съ чрезвычайною основательностью разрабатываются философскія, филологическія и археологическія темы. Результаты этихъ изысканій, конечно, весьма полезны для небольшаго кружка ученыхъ спеціалистовъ по той или другой отрасли знанія; но именно къ публичному акту въ учебномъ заведеніи заготовленныя рѣчи или статьи были-бы болѣе пригодны, если-бы служили для руководства къ практическому воспитанію дѣтей, такъ какъ такія статьи, прежде всего, обращаются къ родителямъ ввѣренныхъ училищу дѣтей, и поэтому слѣдуетъ предполагать, что къ нимъ родители отнесутся съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ случайной статьѣ или брошюрѣ педагогическаго содержанія. А школа не можетъ не интересоваться этимъ вниманіемъ. Вѣдь именно въ школѣ то и убѣдились на опытѣ, что величайшія произведенія человѣческаго духа покоятся на воспитательной и нравственной почвѣ. Вѣдь школа возлагаетъ большія надежды на семью, какъ на значительнѣйшій разсадникъ чистонравственнаго направленія воли, и упорно требуетъ, чтобы ввѣренныя ей родительскимъ домомъ человѣческія души не попадали въ школу безъ всякаго нравственнаго закала, такъ какъ только этотъ закалъ гарантируетъ ей истинный, дѣйствительный успѣхъ.

Пріятное исключеніе среди отчетовъ о состояніи среднихъ учебныхъ заведеній находится теперь предъ моими глазами, а именно работа, приложенная къ давнишнему годичному отчету училища еврейскаго общества въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Работа эта, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя указанія относительно пользованія первыми годами жизни для успѣха воспитанія», содержитъ о занимающемъ насъ предметѣ множество прекрасныхъ мыслей. Ниже я не премину воспользоваться нѣкоторыми взглядами и воззрѣніями, изложенными въ этой программѣ.

Но вернемся къ нашей темѣ и уяснимъ себѣ, въ простыхъ и краткихъ словахъ, какую цѣль имѣетъ въ виду всякое воспитаніе? Эта цѣль—образованіе хорошихъ, добрыхъ, честныхъ дѣтей. Что значитъ быть «*хорошимъ человѣкомъ*»? Рискуя вооружить противъ себя тѣхъ педагоговъ, которые повсюду чуютъ ересь и еретиковъ, отвѣчаемъ:

Быть хорошимъ человѣкомъ—это великое искусство. Вотъ та единственная посылка, которою можно оживить нашъ вопросъ. Повторяю: быть хорошимъ, честнымъ человѣкомъ есть искусство, и наитруднѣйшее изъ всѣхъ, какія приходится человѣку изучать и блюсти въ жизни. Въ чемъ-же заключается идеалъ нравственности, обобщаемый популярнымъ названіемъ «быть честнымъ и хорошимъ человѣкомъ», если этотъ идеалъ не смѣшивать легкомысленно съ тѣми идеалами, которые у насъ такъ легко исключаются изъ области дѣйствительнаго міра и практическихъ стремленій? Не есть-ли этотъ идеалъ нравственности то высшее искусство, которое съ вѣчно бодрствующею энергіей, ничего не исключая, налагаетъ узду на всѣ силы, способности, дарованія, стремленія, склонности, инстинкты и вожделѣнія собственнаго существа, ни одной изъ нихъ не даетъ переступить за предѣлъ чистоты и справедливости, и опять-же никакую изъ этихъ силъ не забрасываетъ и не подавляетъ, а напротивъ того, всѣхъ ихъ направляетъ къ достиженію разнообразныхъ цѣлей блага и добра, поставленныхъ, въ силу назначенія человѣка, конечною цѣлью всего его существованія. Это высшее искусство владѣть собой, какъ и всѣ другія способности, не есть врожденное умѣнье. Для достиженія его недостаточно одного знанія блага и добра. Какъ повсюду, такъ и здѣсь, между знаніемъ и умѣньемъ лежитъ пропасть, чрезъ которую можно перешагнуть только при помощи вошедшаго въ привычку постояннаго упражненія. Но всякое, только долгимъ навыкомъ достигаемое умѣнье есть искусство, и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ: «быть хорошимъ человѣкомъ— есть искусство».

III.

Отнесеніе честнаго образа жизни къ числу искусствъ прямо наталкиваетъ насъ на нѣкоторые неожиданные выводы, которые, на случай, если противники этого мнѣнія способны уступать передъ разумными доводами, мы должны еще, какъ captatio benevolentiae, предпослать изложенію дѣйствительной пользы этого основнаго положенія.

Легко понять, почему въ какомъ-либо умственномъ или механическомъ навыкѣ успѣвать гораздо легче, чѣмъ хотя-бы сколько-нибудь усовершенствоваться въ нравственномъ искусѣ. Поэтому, и мы съ гораздо большею надеждой на удачу можемъ приняться за воспитаніе нашего будущаго человѣка и образовать изъ него тонкаго знатока какой-либо науки или искусства, нежели сдѣлать изъ него добродѣтельнаго человѣка. Всякое пріобрѣтенное знаніе и искусство веселитъ духъ,

возвышаетъ самоувѣренность успѣвающаго въ немъ адепта, и, разъ усвоенное, встрѣчаетъ мало противорѣчивыхъ элементовъ въ человѣкѣ и не можетъ не остаться какъ-бы его всегдашнею принадлежностью. Возможность достиженія даже только относительнаго совершенства въ знаніи и умѣньи представляетъ для каждаго нормально сложившагося человѣка неотразимую прелесть. Отъ простаго рабочаго, съумѣвшаго расколоть на равныя части и искусно расположить рядами свой «дровяной урокъ», до архитектора, построившаго римскій Колизей; отъ простаго бухгалтера, сведшаго свой дневной или годичный балансъ, до мастера въ тончайшихъ математическихъ исчисленіяхъ,— всякій смотритъ съ воодушевленіемъ на свой оконченный трудъ; человѣкъ радуется всякой своей удачѣ, а признаніе мастерства другими людьми есть такая благотворная награда, противъ прелестей которой никто устоять нѐ можетъ.

Но нравственное искусство требуетъ навыка въ спокойномъ и радостномъ выполненіи непріятнаго. Этотъ навыкъ однако никогда разъ на всегда не достигается; при всякомъ новомъ случаѣ онъ требуетъ, всегда, обновленной энергіи нравственнаго хотѣнія. Вѣдь всякая способность, временами становящаяся даже помѣхой и изрѣдка подлежащая даже удержанію и остановкѣ, не должна искажаться и подавляться, такъ какъ она можетъ, пожалуй, уже въ ближайшій моментъ быть призвана къ наиболѣе соотвѣтствующему примѣненію. Нравственное искусство не должно поэтому никогда дремать, никогда не можетъ беззаботно довѣрять уже достигнутой ступени *искуса*, рѣдко разсчитываетъ на совершенствованіе, никогда не увѣрено въ своей будущности и лишено заманчивой прелести одобренія со стороны соревнователей. Какъ разъ *оно*, возвышеннѣйшее и высшее искусство, празднуетъ свои величайшіе тріумфы въ тиши и какъ разъ его величайшіе мастера часто шествуютъ по землѣ въ рубищѣ и на незамѣчаемомъ поприщѣ, безъизвѣстные, неузнанные и презираемые безсмысленными спутниками. Къ счастью, оно легко обходится безъ всякаго поощренія, и радостное отреченіе отъ похвалы считается прежде всего существенной принадлежностью его прекраснѣйшихъ стремленій.

Но въ цѣляхъ возможности привлеченія бо̀льшаго числа послѣдователей нельзя не пожалѣть, что нравственное искусство не было съ большою рѣшительностью признано именно *искусствомъ* и что оно ни въ жизни, ни въ подготовленіи къ ней не находило и не находитъ, въ качествѣ искусства, должнаго ему уваженія и почитанія. Воспитанію нравственнаго искусства мѣшаетъ то обстоятельство, что въ обществѣ

ограниченность и неловкость встрѣчаютъ гораздо менѣе снисхожденія, нежели пронырство, вредная изворотливость и бездѣльническая дѣловитость, что сдѣлать глупость—опаснѣе, чѣмъ поступить несправедливо, что гораздо сильнѣе развита у насъ чувствительность къ ошибкѣ въ языкѣ или къ недостатку въ познаніяхъ, нежели къ нравственнымъ проступкамъ и недостаткамъ, что счастливо достигнутый успѣхъ оправдываетъ нравственную испорченность и позорный, но приведшій къ успѣху путь; что виртуозности генія, во всякомъ искусствѣ, напередъ выдается carte-blanche на безнадежнѣйшій неуспѣхъ въ человѣческомъ искусствѣ нравственности; что всякому искусству вьются вѣнки славы; для честной-же и безукоризненной жизни едва цвѣтетъ фіалка общественной доброй памяти; а между тѣмъ легче расхаживать на канатѣ чрезъ бушующій Ніагарскій водопадъ, нежели совершить на узкой тропѣ долга самую несложную жизненную карьеру...

Все это отзывается неблагопріятно въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго искусства, такъ какъ все это путаетъ понятія воспитываемыхъ, ложно освѣщая ходячими взглядами первые элементы ихъ искусства. Если быть честнымъ человѣкомъ есть искусство и если мы дѣтей нашихъ оставлять въ невѣжествѣ готовы скорѣе во всякомъ другомъ искусствѣ, чѣмъ въ этомъ, то наши дѣти достигнутъ мастерства въ нравственномъ искусствѣ, слѣдуя по одному только пути, именно тому, который ведетъ къ мастерству и во всякой другой области. Извѣстно, что никто не родится мастеромъ, что мастеръ обрѣтаетъ мастерство въ упражненіи.

Эти положенія житейской мудрости находятъ полное примѣненіе и въ области нравственнаго искусства. И здѣсь мастеръ не родится, и здѣсь всѣ мы являемся на свѣтъ только съ задатками способностей, и воспитатель нравственности имѣетъ передъ другими товарищами по профессіи только то преимущество, что талантъ и способности онъ можетъ предполагать *во всякомъ* смертномъ. Нравственное самоопредѣленіе—вотъ способность, неразлучная съ понятіемъ о человѣкѣ. Изъ рукъ Творца не вышло ни одной человѣческой души, не получившей именно способности къ нравственно-свободному опредѣленію, какъ облагораживающій поцѣлуй Божества.

Но этотъ даръ, эта способность нуждается въ уходѣ, и въ благовременномъ и раннемъ уходѣ, какъ всякая другая способность во всякой другой области, гдѣ идетъ дѣло о достиженіи мастерства. Нигдѣ одно знаніе само по себѣ не творитъ мастера, во всемъ должно упражнять силы, и такъ долго продолжать упражнять, пока совершенное

управленіе силами станетъ почти второю натурою, т.-е. войдетъ въ привычку, и тогда соотвѣтствующія силы сами собою являются готовыми къ усовершенствованной работѣ, и только къ усовершенствованной. Но упражненіе должно начинаться рано, чтобы успѣть достигнуть вѣнца зрѣлаго мастерства. Тамъ, гдѣ мастерство обусловливается приведеніемъ въ дѣйствіе извѣстныхъ силъ въ извѣстномъ направленіи, никто не станетъ ждать, пока эти силы, или носители ихъ, органы, ослабнутъ и окостенѣютъ вслѣдствіе неупотребленія ихъ, или же, вслѣдствіе частаго ненадлежащаго употребленія, примутъ совершенно противоположное направленіе. Кто, напр., захочетъ видѣть сына своего мастеромъ въ музыкальномъ искусствѣ, а между тѣмъ станетъ откладывать начало его музыкальнаго образованія до тѣхъ поръ, пока ухо его совсѣмъ отупѣетъ и не въ состояніи будетъ болѣе различать тончайшіе звуки съ ихъ оттѣнками, а пальцы лишатся гибкости и окажутся уже неспособными къ быстрому оживленію клавишей или струнъ? Да и по отношенію къ самымъ обыкновеннымъ видамъ ученія мы всегда постараемся выслѣдить ту силу, отъ своевременнаго упражненія которой зависитъ наибольшій успѣхъ дѣла, и заранѣе, далеко прежде, чѣмъ можетъ начаться работа систематическаго обученія, подготовить почву предварительнымъ упражненіемъ этой силы.

Прежде чѣмъ приступить къ заботливому упражненію какой-либо силы или способности для какой-бы то ни было образовательной цѣли, прежде чѣмъ обратить вниманіе на даръ слова и способность къ языку для будущаго витійства, прежде чѣмъ развить способности наблюдательную и мыслительную для будущаго яснаго и вѣрнаго полета мысли, глазъ для оглядки, руку для технической ловкости, прежде чѣмъ на всѣ эти силы и органы будетъ обращено надлежащее вниманіе и заботливость, даже фактически съ первымъ крикомъ новаго земнаго пришельца, тотчасъ представляется именно та сила и способность, на вѣрномъ руководительствѣ которой въ дѣйствительности покоится все споспѣшествованіе нравственной образцовой выдержки (exellence morale), которая безъ заранѣе заведеннаго и искуснаго руководительства рано гибнетъ или-же получаетъ такое дурное направленіе, которое послѣ уже и лучшему педагогу едва-ли удастся исправить. Желая и сопротивляясь, мы появляемся на свѣтъ. Свободно подчинить высшему велѣнію все наше хотѣніе—вотъ въ чемъ состоитъ все превосходство, какого требуетъ отъ насъ задача нравственнаго закона. Чѣмъ свободнѣе, радостнѣе и совершеннѣе происходитъ это подчиненіе, тѣмъ превосходнѣе бу-

детъ виртуозность нравственнаго искусства. Зрѣлый человѣкъ носитъ это велѣніе въ самомъ себѣ. У формирующагося человѣка, ребенка, велѣніе нравственнаго закона замѣщаютъ родители, пока дитя, въ ихъ рукахъ и благодаря ихъ воздѣйствію, созрѣетъ, и тогда они могутъ отдать ему на руки скрижали нравственнаго закона и сдѣлать его самого представителемъ этого закона по отношенію къ самому-же себѣ.

IV.

Практическое примѣненіе всѣхъ этихъ посылокъ бьетъ прямо въ глаза. Силы и инстинкты, обладаніе которыми должно составить нравственное достоинство будущаго юноши и мужа, лежатъ уже въ ребенкѣ. Божественно свободное начало, которое позднѣе, неизбѣжно должно завершить подчиненіе воли законамъ нравственности, заключается въ человѣкѣ съ появленіемъ его на свѣтъ. Первый крикъ юнаго существа говоритъ: «Я хочу!» и «Я не хочу»; значитъ, проявляетъ желаніе, ищущее удовлетворенія въ удовольствіи и бѣгущее отъ неудовольствія. Съ каждой недѣлей это желаніе выступаетъ энергичнѣе, и развѣ уже здѣсь не было-бы опасно цѣлыхъ пятьдесятъ, сто, двѣсти недѣль заниматься преимущественно лишь удовлетвореніемъ хотѣній этого алчущаго существа, то изъ дурно-понятой нѣжности, то изъ чистаго эгоизма, въ виду избавленія только отъ непріятнаго крика и капризовъ ребенка, однимъ словомъ, во всемъ потворствовать ему?..

Годъ, два, три мы систематически образовывали изъ маленькаго существа—властелина, привыкшаго, чтобъ его волѣ безпрекословно повиновались всѣ его близкіе, окружали колыбель грядущаго дѣятеля опаснымъ заблужденіемъ, что ему стоитъ только захотѣть—и все совершится, нужно только немного побушевать и покапризничать, чтобъ «провести свою волю»—и вдругъ, сразу, мы могли-бы помѣняться съ нимъ ролями и потребовать отъ пятилѣтняго, напр., человѣка того повиновенія, которое за все пятилѣтнее существованіе этого маленькаго человѣка не нашло себѣ мѣста въ реестрѣ всего прожитаго имъ времени? Пять лѣтъ сряду мы были предупредительными трусами, либо неохотно повинующимися, а отнынѣ—намъ-ли повелѣвать, а ему-ли слушаться нашихъ приказаній? Пять лѣтъ сряду мы сѣяли прихотливость, нетерпѣніе, горячность, строптивость и непослушаніе; все это лелѣяли, и, наконецъ, развили въ малюткѣ даже смѣтливость, когда именно ему нужно настойчиво покричать, чтобы провести свою волю, чтобы истребовать отъ насъ все, въ томъ числѣ и самое несбыточное. Слѣдуетъ-

ли намъ послѣ всего этого удивляться, если этотъ посѣвъ, произведенный нашимъ неразумѣніемъ, далъ такой зловредный плодъ, что мы теперь именно, когда должно начаться надлежащее воспитаніе, должны либо въ отчаяніи бросить все начатое дѣло воспитанія, или-же тратить свои силы въ безумной и безнадежной борьбѣ, обвиняя природу ребенка тамъ, гдѣ мы должны пенять только на наше собственное неразумѣніе?

Какъ ни просты и ни понятны эти замѣчанія, все-таки, какъ видно изъ повседневнаго опыта, мы постоянно грѣшимъ противъ этихъ первыхъ составныхъ элементовъ искусства быть человѣкомъ. Пропускаются подготовительныя упражненія съ ребенкомъ; кромѣ того, онъ систематически пріучается къ погрѣшностямъ,—до того, что всѣ послѣдующія затѣмъ попытки къ ихъ удаленію остаются безплодными.

Правила для этихъ раннихъ подготовительныхъ годовъ воспитанія выражены въ помянутой программѣ въ нѣсколькихъ слѣдующихъ положеніяхъ:

Пусть дитя привыкнетъ съ перваго года жизни къ разумному послушанію.

Пусть оно заранѣе какъ можно рѣже, а далѣе затѣмъ еще менѣе позволяетъ себѣ нетерпѣливо и съ горячностью требовать чего-нибудь такого, въ чемъ ты ему прежде уже отказывалъ, какъ въ неподходящемъ и вредномъ.

Привыкай терпѣливо переносить выраженія его нетерпѣнія и горячности, его крики, дабы ты, изъ эгоистическихъ видовъ, ради твоего личнаго спокойствія, не согласился на что-нибудь такое, въ чемъ, изъ любви къ твоему-же ребенку, ты долженъ ему отказать.

Будь, однако, во всякомъ случаѣ разуменъ, предусмотрителенъ и экономенъ какъ въ приказываніи, такъ и въ отказываніи. Не приказывай никогда ничего лишняго или совершенно ненужнаго. Не отказывай никогда ни въ чемъ безвредномъ и невинномъ. То, что ты однажды приказалъ, должно быть исполнено; главнѣе-же всего: то, что ты однажды запретилъ, не должно никогда и ни разу—и одного раза слишкомъ много для будущаго—быть вымучено у тебя никакими мольбами и надоѣданіями; такъ будь-же прежде всего остороженъ съ словомъ «нѣтъ». Давай своему ребенку все то, что можешь ему давать безъ вреда для его тѣлеснаго и нравственнаго блага; ничего не приказывай и не запрещай изъ одного только каприза или нерасположенія. Не приказывай ничего такого, что ты легко затѣмъ можешь вздумать отмѣнить; не отмѣняй ничего такого, что легко послѣ того пришлось-бы опять пустить въ ходъ. Вотъ весь кодексъ

морали, которую ты долженъ постоянно преподавать ребенку, начавъ это преподаванiе *какъ можно раньше.*

Разумное употребленiе этихъ простыхъ правилъ уже въ первые годы жизни ребенка заставитъ его рано привыкнуть къ подчиненiю его желанiй высшему авторитету, и такимъ образомъ разовьетъ въ немъ до относительнаго совершенства именно ту силу, которая такъ существенно обусловливаетъ все дѣло развитiя и совершенствованiя въ ребенкѣ нравственнаго искусства. Весело и радостно развиваются тогда духъ и душа ребенка на глазахъ родителей, и едва-ли придется имъ, въ годы собственно воспитанiя, повелѣвать или запрещать. Непринужденно душа ребенка ждетъ тогда отъ отца или матери малѣйшаго мановенiя, чтобъ скорѣе понять, что именно оно должно исполнить, чего не дѣлать; онъ повинуется родителямъ по собственному побужденiю, охотно слѣдуя по пути, ведущему его къ высотѣ нравственнаго искусства.

Однако, первые годы нашихъ дѣтей, въ особенности первый годъ нашего новорожденнаго, должны быть въ такой-же высокой мѣрѣ временемъ серьезнаго подготовленiя для насъ самихъ, будущихъ воспитателей. Здѣсь мы находимся у новой Харибды, о которую разбивается дѣло воспитанiя такъ часто.

Вѣдь наша цѣль—умѣнье, а не голое знанiе; быть человѣкомъ—искусство, а не знанiе, и именно къ совершеннѣйшему исполненiю *этого* искусства мы должны и желаемъ воспитать нашихъ дѣтей.

Но никто не обучаетъ искусству, ему самому непонятному, съ которымъ ученикъ не могъ-бы познакомиться по возможно законченнымъ, на его-же глазахъ совершаемымъ дѣйствiямъ учителя. Если учитель недоучка, то и ученикъ навѣрное не будетъ мастеромъ. Чего не знаетъ учитель, того ужъ навѣрное не будетъ знать ученикъ, и недостатки, свойственные учителю въ дѣлѣ обученiя данному искусству, будутъ въ ученикѣ только множиться и укореняться.

Утверждаемъ это по отношенiю ко всякому искусству и никогда не отдадимъ нашего ребенка въ ученье къ недоучкѣ. А къ искусству быть нравственнымъ, къ этому труднѣйшему изъ всѣхъ искусствъ, слѣдуетъ-ли относиться иначе, предаваясь заблужденiю, что наши, нами-же руководимыя, дѣти должны черезъ насъ дѣлаться мастерами въ такомъ искусствѣ, въ которомъ мы сами еще недоучки? Не должны ли-мы пройти всю гамму добродѣтелей и нравственнаго совершенствованiя, которыя мы желали-бы привить въ полной мѣрѣ нашимъ образовывающимся дѣтямъ? И прежде всего мы должны работать и стремиться изо всѣхъ силъ къ тому, чтобы дойти самимъ во всемъ

этомъ до возможнаго усовершенствованія, дабы быть въ состояніи *показать* нашимъ питомцамъ—какъ исполнять то искусство, которому они должны у насъ выучиться... Прежде всего, отвратительные недостатки и пороки, какіе мы не потерпимъ у нашихъ дѣтей, мы должны искоренить въ насъ самихъ,—искоренить ихъ совершенно изъ нашихъ воззрѣній и убѣжденій, изъ нашихъ словъ и дѣлъ, дабы такимъ образомъ наши дѣти не научались отъ насъ самихъ отступленіямъ отъ правилъ морали, въ которой мы должны довоспитать ихъ до художественности. Съ перваго ребенка, котораго Господь довѣряетъ нашимъ рукамъ, содѣлывая насъ этимъ счастливыми, мы обязаны дать Ему священный обѣтъ довоспитать себя самихъ, чтобы, въ свою очередь, стать воспитателями нашихъ питомцевъ въ страхѣ Божіемъ.

Воспитывать значитъ довести воспитываемаго до той точки развитія, на которой сами находимся. Только благодаря тому, что мы сами ходимъ и говоримъ, дѣти наши выучиваются ходить и говорить; тѣмъ-же путемъ они должны научиться быть терпѣливыми, предупредительными, кроткими, искренними, правдивыми, умѣренными, скромными, справедливыми и любвеобильными; такимъ-же путемъ должны они научиться самообладанію, привыкнуть легко переносить непріятное и, гдѣ высшія соображенія этого требуютъ, свободно отказываться отъ желаній; однимъ словомъ, они должны научиться отъ насъ бодро и охотно исполнять самыя труднѣйшія обязанности. Мы-же, всегда и постоянно должны подавать имъ примѣры этихъ добродѣтелей, составляющихъ счастіе человѣка.

V.

На основаніи приведенныхъ соображеній, легко объяснить, почему родители и воспитатели, пользующіеся значительнымъ, такъ-называемымъ, умственнымъ образованіемъ, но не соединяющіе въ себѣ вмѣстѣ съ этимъ внутреннее дѣйствительное образованіе сердца, переживаютъ болѣе горькихъ опытовъ при воспитаніи своихъ дѣтей, нежели семьи простаго обывателя или рабочаго. Не выступаетъ-ли тѣмъ ярче недостатокъ въ истинномъ нравственномъ образованіи тамъ, гдѣ, въ виду лоска просвѣщенія, казалось-бы, менѣе всего слѣдовало этого ожидать? Но ни на комъ не отзывается такъ глубоко эта дисгармонія между словомъ и дѣломъ, между жизнью и ученіемъ, между умомъ и характеромъ, какъ именно на нашихъ дѣтяхъ.

У дѣтей глазъ острый; слухъ еще болѣе обостренный; ихъ духовное чутье, воспринимающее всѣ впечатлѣнія въ ихъ нагой дѣйствительности и симпатично вызывающее подобные-же тоны и на-

строенія въ ихъ собственномъ существѣ, безконечно глубоко. Никакія ученье и наставленіе не могутъ сравниться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ образецъ родителей; какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ примѣромъ они всего сильнѣе дѣйствуютъ на своихъ дѣтей. Не воспитаетъ въ своемъ воспитанникѣ терпѣнія тотъ, кто самъ нетерпѣливъ; вспыльчивый не воспитаетъ тихаго, пошлый не воспитаетъ серьезнаго, дикій не воспитаетъ благовоспитаннаго, скрытный не создастъ въ своемъ питомцѣ искренности, жадный не возроститъ довольнаго своимъ удѣломъ, а грубый не пробудитъ въ своемъ воспитанникѣ благородства,—развѣ только въ томъ случаѣ, если всѣ эти порочныя наклонности и привычки будутъ проявляться уже въ такой поражающей массѣ и сопровождаться такими печальными послѣдствіями, что послужатъ самою лучшею иллюстраціею къ наставленіямъ учителя и вызовутъ къ себѣ въ воспитываемомъ ужасъ и отвращеніе, а, вмѣстѣ, и твердую рѣшимость жить и дѣйствовать прямо противуположно тѣмъ образцамъ, которыхъ онъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ.

Счастливо дитя, у колыбели котораго родители многими безсонными ночными, часами втеченіи первыхъ лѣтъ его жизни пользуются для серьезнаго изученіи собственнаго *я*, чтобы прежде всего въ самихъ себѣ искоренить всякій недостатокъ, всякую слабость, всякую ложь,—все, что даже только *граничитъ* съ неправдой и низостью, дабы ихъ дитя, когда пробудится въ немъ самосознаніе, видѣло въ родительскихъ поступкахъ и словахъ чистое отраженіе только того, что достойно подражанія. Любовь къ нашимъ дѣтямъ въ сущности вѣдь такъ могущественна, что всякая жертва становится для насъ легкою. Надлежащая любовь къ нашимъ дѣтямъ только еще поможетъ намъ побѣждать и искоренять недостатки, надъ порабощеніемъ которыхъ мы до того времени безплодно трудились многіе годы.

Вы спросите, почему это наилучшимъ родителямъ такъ трудно бываетъ привить своимъ дѣтямъ основную добродѣтель всѣхъ добродѣтелей: безропотное, свободное повиновеніе? Можетъ быть, по той-же причинѣ въ указанномъ выше трактатѣ приведенъ отвѣтъ одного остряка, объяснившаго вельможѣ, почему добродѣтель, называемая благодарностью, такъ рѣдко встрѣчается. Креатуры этого вельможи,—люди, которые ему-же были обязаны своимъ счастливымъ положеніемъ, — были впослѣдствіи прямой причиной его паденія, и онъ горько жаловался на неблагодарность, которую пришлось ему испытать. «Ваше превосходительство,—сказалъ острякъ,— всѣ добродѣтели человѣкъ имѣетъ отъ своего Творца, и всѣ эти добродѣтели только слабый отблескъ Его безпредѣльнаго совершенства; единую только доб-

родѣтель Творецъ не далъ отъ себя человѣку, такъ какъ, въ Его совершенствѣ, Самому Ему она не присуща; эта добродѣтель — благодарность. Богъ никогда не можетъ относиться къ человѣку съ благодарностью». Такъ точно и повиновеніе, можетъ быть, единственная добродѣтель, которую дѣти никогда не встрѣчаютъ у родителей въ живомъ примѣрѣ. Наши дѣти слышатъ и видятъ только приказанія, которыя они должны исполнять, но вѣдь они должны бы также перенимать отъ насъ и послушаніе...

Настоящая педагогическая мудрость должна заботиться о томъ, чтобы мы сами подчинялись какъ нашимъ приказаніямъ, такъ и запрещеніямъ. По манерѣ нашихъ приказаній и запрещеній и по готовности, съ какою мы всегда и вообще предоставляемъ нашимъ дѣтямъ свободу и самораспоряженіе во всемъ позволительномъ, они легко поймутъ и прочувствуютъ, что наши повелѣнія и запрещенія не суть результаты каприза, властолюбія и упрямства, но что мы сами, повелѣвая или запрещая, въ свою очередь, повинуемся только велѣніямъ разума; приказываемъ другимъ только то, что намъ самимъ возбранять или дозволять повелѣваютъ долгъ и обязанность.

Какъ разъ именно малѣйшія наши погрѣшности противъ нравственнаго закона суть самыя опасныя по отношенію къ нашимъ дѣтямъ. Если по неловкости разбитая чашка, въ неосторожной игрѣ разбитый стаканъ, изорванная одежда, напримѣръ, повергаютъ насъ въ бо̀льшее негодованіе, нежели отказъ брата сестрицѣ въ какомъ-либо одолженіи или мстительный ударъ маленькому братцу; если мы неохотно исполняемъ долгъ; если съ насмѣшливымъ слово относимся къ бѣдняку или нищему; если дерзко и грубо обращаемся съ прислугою; если скрываемъ совсѣмъ или искажаемъ истину: то мы нашимъ послѣдователямъ въ нравственномъ искусствѣ, нашимъ дѣтямъ, даемъ знать, что собственно нравственныя цѣнности находятся у насъ не въ очень-то высокомъ курсѣ, такъ какъ онѣ ставятся даже ниже ничтожной цѣны какой-нибудь посудины. Вообще, если въ кругу, въ которомъ выростаютъ наши дѣти, вопросы одежды, стола, любостяжанія и т. п. пользуются гораздо бо̀льшимъ вниманіемъ и обсуждаются съ гораздо бо̀льшею важностью, нежели дѣла познанія нравственности и преуспѣянія въ ней; если и знаніе, и добросовѣстность мы главнѣйше лишь потому чтимъ, что познанія даютъ хлѣбъ и богатство, а добросовѣстность не всегда безполезна для пріобрѣтенія положенія въ свѣтѣ; если изъ всѣхъ нашихъ разговоровъ и дѣйствій не станетъ ясна нашимъ дѣтямъ увѣренность, что мы выше всего ставимъ оцѣнку по умственнымъ и нравственнымъ отношеніямъ и цѣлямъ: то опять таки

атмосфера, въ которой наши дѣти должны упражняться въ нравственномъ искусствѣ, переполнится элементами, которые окажутъ серьезное противодѣйствіе всѣмъ стремленіямъ морали.

Какое вредное вліяніе должно имѣть на нашихъ дѣтей перениманіе отъ матери нѣкотораго тщеславія или страсти нравиться, нѣкотораго пристрастія къ яствамъ разнаго рода отъ отца. Даже такія, напр., обстоятельства, что въ домѣ какое-нибудь особое блюдо готовится исключительно для отца, или исключительно для господъ, тонъ, съ которымъ обращаются въ домѣ къ прислугѣ и т. п. даютъ право думать, что должное человѣку почтеніе начинается только съ извѣстной ступени имущественной независимости. А сколько еще другихъ безнравственныхъ элементовъ, допускаемыхъ въ присутствіи дѣтей, гибельно отзываются на нихъ впослѣдствіи!.. Для каждаго изъ этихъ элементовъ потребовалась-бы особая оцѣнка, если-бы мы не упускали изъ виду возможность быть зачисленнымъ, по милости нѣкоторыхъ родителей, въ число педагоговъ-еретиковъ. Упомянемъ только еще о крайней заботливости, съ которой мы должны стараться не давать нашимъ дѣтямъ примѣра ни даже малѣйшаго отступленія отъ правды или правдолюбія. Въ этомъ заключается не послѣдній камень преткновенія, о который такъ часто разбивается все дѣло воспитанія еще до настоящаго своего начала. Вѣдь, на ряду съ повиновеніемъ, правдолюбіе нашихъ дѣтей есть именно та добродѣтель, отъ которой зависитъ весь успѣхъ другихъ добродѣтелей. Вѣдь, малѣйшій слѣдъ лживости, какъ пагубный туманъ, убиваетъ въ зародышѣ богатѣйшій цвѣтъ молодаго растенія... А все-таки мы сами прежде всѣхъ даемъ дѣтямъ нашимъ, съ самаго ранняго возраста, примѣръ кажущейся намъ самой невинной, но на самомъ дѣлѣ всегда вредной неискренности. Сколь многое, напримѣръ, ребенку все только обѣщается, но не исполняется, сколько игривыхъ намековъ ему дѣлается и сколько лживыхъ фантасмагорій ему рисуютъ, а между тѣмъ ему постоянно потомъ приходится во всемъ этомъ разочаровываться!

Но если такимъ образомъ истинная честность есть искусство, владѣть которымъ наши дѣти должны научиться только посредствомъ ранняго и разумнаго упражненія, подъ наблюденіемъ образцовыхъ учителей, то мы можемъ считать счастливыми тѣхъ дѣтей, которыя съ молокомъ матери, вмѣстѣ съ источникомъ тѣлесной пищи, получили ничѣмъ незамѣнимый материнскій уходъ въ дѣлѣ образованія навыковъ нравственнаго искусства. По истинѣ дѣти-счастливцы тѣ, которыхъ глазъ матери и чуткое сердце ея ни на минуту не упускаютъ изъ виду, всегда присутствуютъ въ ихъ дѣтской, и, какъ добрый геній, стерегутъ

постоянно упражняя и образовывая въ нихъ ранніе зародыши нравственной человѣческой природы.

VI.

Гоббсъ гдѣ-то сказалъ: еслибъ аксіома «сумма двухъ сторонъ треугольника больше третьей стороны» мѣшала-бы чѣмъ-либо удобству и привычкамъ человѣка, то она непремѣнно настолько-же была-бы оспариваема и опровергаема, на сколько теперь она повсюду общепринята. То-же самое замѣчается, когда дѣло идетъ о разсмотрѣніи и соблюденіи педагогическихъ истинъ. Между разсмотрѣніемъ и соблюденіемъ лежитъ громадная зіяющая пропасть. Не при теоретическомъ разговорѣ, а при практическомъ исполненіи наталкиваешься на опаснѣйшихъ еретиковъ. Пока еще только идутъ толки о воспитаніи, отцы и матери весьма охотно и съ великимъ интересомъ соглашаются со всѣми правилами воспитанія; разговоръ о воспитаніи есть даже любимый предметъ разговоровъ всѣхъ отцовъ и матерей. Пока о воспитаніи идутъ только толки, пока оно не входитъ въ самую жизнь и не затрогиваетъ ее, до тѣхъ поръ очень легко заручиться ихъ согласіемъ на всякую педагогическую и мудрость, и глупость. Но коль скоро дѣло дойдетъ до практики, такъ дѣло и захромаетъ, такъ какъ она-то именно слишкомъ сильно не сходится съ удобною жизнью и себялюбіемъ.

Кто не знаетъ той категоріи родителей, которые въ обществѣ—воплощенная любезность и предупредительность, дома-же настоящіе тираны? Вѣчно мрачны и угрюмы эти властелины своихъ сыновей и дочерей. Только со страхомъ и трепетомъ рѣшаются дѣти взглянуть на нихъ, а сердце родителей для нихъ не отверзается. Ни одного ласковаго слова! Ни одного дружескаго взгляда! Властное слово сильнѣйшаго, приказаніе и угроза наказанія! «Дѣтей своихъ я воспиталъ такъ, что они по одному взгляду меня понимаютъ», хвастаетъ отецъ. Такую практику онъ называетъ воспитаніемъ. Но это не болѣе, какъ насмѣшка надъ воспитаніемъ; это варварство—и ничего болѣе. Настоящій воспитатель не властвовать желаетъ; онъ даже не находитъ удовольствія въ необходимости повелѣвать. Его слово не есть велѣніе субъективнаго рѣшенія; не изъ каприза и угожденія себѣ самому вытекаютъ его приказанія. Серьезность задачи воспитанія, мысль о призваніи стать руководителемъ и воспитателемъ богоподобной человѣческой души охраняютъ его отъ такого поведенія; уваженіе къ человѣку, въ лицѣ его ребенка, не позволяетъ ему дѣйствовать такимъ

образомъ. Только то, что, по его убѣжденію, является велѣніемъ объективной, безусловной необходимости, — только то онъ прикажетъ дѣлать или не дѣлать. Поэтому-то онъ и не ставитъ свое слово на подножіе страха и угрожающаго превосходства власти. Онъ этого не желаетъ и не нуждается въ этомъ. Чувство довѣрія дѣтей къ родителямъ, сохраненіе котораго есть первая задача родителей; уваженіе, любовь и пробужденіе сознанія разумности и необходимости приказаній—все это истинное и обдуманное воспитаніе будетъ *блюсти*, какъ основу, на коей зиждется повиновеніе. Спокойная, привѣтливая строгость въ приказаніяхъ и запрещеніяхъ — вотъ основной тонъ обхожденія съ воспитываемымъ. Спокойное приказываніе даетъ ребенку возможность прозрѣвать соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ приказаніе и его необходимость. Строгость, растворенная привѣтливостью, даетъ побѣду въ подчиненіи авторитету родительской любви, а потому это есть мощный рычагъ для достиженія сознательно-охотнаго послушанія. Приказаніе извѣстно ребенку только какъ печальное ultima ratio; онъ будетъ въ немъ нуждаться только очень и очень рѣдко, а можетъ быть, и никогда въ немъ не будетъ нуждаться.

Иной отецъ утверждаетъ, что ему достаточно только *взглянутъ* на своихъ дѣтей, чтобы заставить ихъ ему повиноваться. Но въ дѣйствительности они будутъ повиноваться его угрожающему взгляду, а не отцу, какъ таковому; это не есть духовное превосходство повелѣвающаго, лежащее въ основѣ повелѣнія, которое, возбуждая довѣріе, способствуетъ свободному послушанію. Раціонально даваемое родительское повелѣніе или запрещеніе должны укрѣплять нравственную силу ребенка посредствомъ нравственнаго-же упражненія; здѣсь-же вся эта сила сломана. Веселый духъ и живость исчезли изъ дѣтской комнаты и изъ дѣтскаго сердца. Послушаніе ребенка тогда уже не есть повиновеніе, не есть актъ самообладанія, но есть не болѣе какъ печальный актъ физическаго насилія. Такое воспитаніе переноситъ недостатки родителей на ребенка, а непосредственное чувство пущенной противъ ребенка въ ходъ несправедливости вселяетъ въ него ядъ, составляющій орудіе безсилія:—злость, кичливость и мстительность; а горечь и досада порождаютъ строптивость и упрямство. Такъ ослабѣваетъ юный духъ и привыкаетъ развивать свою энергію только тамъ, гдѣ нужно тайно обойти родительскую волю, хватается за хитрость и пронырство. Подъ постояннымъ протестомъ не можетъ процвѣтать здоровая жизнь...

«Его дѣти повинуются его взгляду». Да, дѣйствительно, потому что его взоръ и присутствіе документируютъ угрожающее «если же нѣтъ,

то...» Но что-же тогда, когда ребенку не угрожаетъ его присутствіе? Тогда ребенокъ свободно вздохнетъ, и такъ какъ въ веленіяхъ родителей онъ видитъ только произвольно наложенныя узы, то тогда воля ребенка выходитъ изъ всякихъ границъ и шалостямъ его нѣтъ конца. Въ планъ такого воспитателя не входило ознакомленіе своего питомца съ законами разума: его самаго не научили ограничивать собственную волю, самому себѣ ставить границы, и все это не успѣло войти у него въ привычку. Что-жъ тогда, когда взглядъ родителей перестанетъ угрожать?.. Тогда, разумѣется, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ надзора родителей безвозвратно исчезаетъ и послушаніе ребенка...

Бросимъ еще одинъ только взглядъ на другаго рода воспитаніе, являющееся полною противоположностью только-что описаннаго. Этотъ родъ воспитанія встрѣчается чаще; причина, что только-что описанные воспитательные пріемы встрѣчаются не такъ часто, лежитъ, разумѣется, ни въ чемъ иномъ, какъ въ любвеобильномъ, отъ природы, родительскомъ сердцѣ.

Вотъ, мы входимъ въ домъ. Все полно слезъ. Голосъ шестилѣтней дочки:—«Но, мама, я *хочу*, чтобъ это было такъ». Плачъ усиливается и, наконецъ, переходитъ въ крикъ; маленькая ножка силится, подобно Помпею, вызвать изъ земли легіоны. Это ультиматумъ дочурки; ультиматумъ подѣйствовалъ, и дочурка счастливо провела свое требованіе. Не будемъ распространяться, мы отлично знаемъ уже эту другую «систему» воспитанія,—систему старую и всегда имѣющую весьма многихъ представителей и порождающую многосложныя уродливости. Любовь родителей не отказываетъ ни въ чемъ маленькимъ шалунамъ, спускаетъ имъ все, если они съумѣютъ только кстати поплакать или постоять на своемъ. Они вполнѣ владѣютъ искусствомъ получать отъ родителей разрѣшеніе на все, ими задуманное, какъ-бы оно ни было глупо или вредно. Здѣсь царствуетъ любовь, не правда-ли?... Насколько-бы этотъ способъ воспитанія ни отличался отъ прежде описаннаго, оба способа все-таки на столько-же и сходны, и именно не только по послѣдствіямъ, но и по своей основѣ. Только роли мѣняются: тамъ тираны воспитываютъ рабовъ, здѣсь — рабы воспитываютъ тирановъ.

Тамъ кругъ волевыхъ дѣйствій, безъ права на то и безъ повода, съуживается для молодаго ума; поэтому воля его постарается развернуться повсюду, гдѣ только она въ состояніи будетъ это сдѣлать, гдѣ она только будетъ находиться внѣ наблюденія. Такъ что, когда онъ получитъ возможность хотѣть, то его воля уже будетъ лишена руководства и тѣмъ легче будетъ принимать тогда превратное направленіе,

чѣмъ менѣе подходяще, чѣмъ менѣе разумно и чѣмъ чаще повторяется и чѣмъ сильнѣе налагаемое принужденіе.

Здѣсь кругъ волевыхъ дѣйствій остается *неограниченнымъ;* волѣ дитяти нигдѣ не полагается разумной преграды. Оно можетъ желать и получать все, что ему вздумается. Значитъ, и здѣсь воля ребенка не пользуется нравственнымъ на нее воздѣйствіемъ, не привыкаетъ къ свободному послушанію, самоограниченію, преданности, покорности... Ребенокъ, пожалуй, и знаетъ эти побужденія, но только съ другой стороны: онъ знаетъ, что они руководятъ другими относительно исполненія его, ребенка, желаній. Тогда не слѣдуетъ удивляться, если самонадѣянность, надменность, властолюбіе, самомнѣніе, строптивость и жестокосердіе—всѣ тѣ дурныя привычки и пороки, которые лишаютъ человѣка лучшихъ цвѣтовъ его жизни, лучшихъ плодовъ его бытія—уже съ раннихъ лѣтъ безпрепятственно внѣдряются въ ребенка. Всякое неразумное попустительство, всякое исполненіе желанія, исторгнутое ребенкомъ отъ родителей вопреки ихъ убѣжденію, есть преступленіе противъ ребенка-же, есть ударъ заступа надъ могилой его нравственности.

Итакъ, и подобное воспитаніе не порождаетъ повиновенія, а отъ этого зависитъ все. Вотъ почему оба рода воспитанія своими послѣдствіями ничѣмъ между собой не разнятся. Но еще болѣе того: они имѣютъ, какъ уже было замѣчено, общій корень: *себялюбіе!* Тамъ себялюбіе ведетъ къ угрозамъ и принужденію, а здѣсь—къ попустительству. Не всегда, даже, можно сказать, довольно рѣдко, родителями пускается въ ходъ, по образцу строгаго отца, постоянное командованіе, но когда оно проявляется, то всегда оно есть только результатъ себялюбія. Отецъ попросту себялюбивъ, не въ состояніи себя пересилить, либо пристрастенъ къ удобству, горячится и полагаетъ добиться повиновенія скорѣе и легче посредствомъ внушенія, нежели, конечно, не столь легкимъ, требующимъ времени и размышленія путемъ,—путемъ терпѣнія и спокойствія, т.-е. путемъ настоящаго воспитанія. А здѣсь? Эта всегда потворствующая мать... Она «не можетъ рѣшиться отказать», «не можетъ видѣть слезъ своего ребенка»—это-ли не себялюбіе? «Дитяти въ угожденіе»—вотъ чѣмъ прикрашиваютъ родители свою неразумность. Это неправда, все то дѣлается въ угожденье *себѣ.* Та тиранія и эта неразумная нѣжность—все это не что иное, какъ слабости въ квадратѣ. Можетъ-ли тотъ воспитать нравственно-мощныхъ людей, кто на самомъ себѣ не испыталъ дѣйствія самопобоpенія?

Между всѣми этими неудачниками въ дѣлѣ воспитанія встрѣчается множество разновидностей. Есть родители, которые то вспыльчивы, даже жестоки, то опять податливы до крайности, смотря по измѣняющимся пе-

рипетіямъ жизни и постоянно варіирующему душевному настроенію. Одни родители—либо сами воспитываютъ своихъ дѣтей, либо оставляютъ ихъ постоянно на попеченіе прислуги; но вдругъ ихъ охватываетъ воспитательное повѣтріе. Тогда, какъ дождь, сыпятся запреты и повелѣнія, и тогда, въ ослѣпленіи своимъ рвеніемъ, малѣйшій проступокъ они неминуемо казнятъ строгимъ наказаніемъ. Удивленныя дѣти глядятъ и не понимаютъ, что это за напасть нашла на нихъ... А затѣмъ воспитательное рвеніе снова надолго исчезаетъ... Въ другомъ мѣстѣ—неразумная нѣжная мать рядомъ съ вспыльчивымъ строгимъ отцомъ, который долженъ, разумѣется, взять на себя роль bête noire, либо въ обратномъ порядкѣ. Затѣмъ бываетъ и такъ, что отецъ дѣлаетъ для воспитанія дѣтей все, что можетъ, матери-же нѣкогда: вѣдь она должна поспѣвать въ разныя общества, въ родѣ, напримѣръ жены г-на профессора, неудавшіяся дѣти котораго дали поводъ къ написанію настоящихъ парадоксовъ.

Этимъ я и заключаю ихъ. Я высказалъ далеко не все, ибо они настолько-же неисчерпаемы, насколько разноцвѣтны и разношерстны несообразности, встрѣчаемыя въ дѣлѣ воспитанія. Всякое здравое сужденіе относительно воспитанія нашихъ дѣтей, будучи противопоставлено рутинѣ и удобству, рискуетъ прослыть ересью. Поворотъ къ лучшему можно будетъ констатировать только тогда, когда предложенная на этихъ страницахъ и ей подобныя ереси перестанутъ считаться таковыми.

Г. Эрманъ.

Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть?

(Статья вторая *).

Въ журналахъ для дѣтей беллетристическому отдѣлу почти всегда отводится наибольшее мѣсто, и совершенно правильно, такъ какъ чтеніе прежде всего должно служить для дѣтей отдыхомъ послѣ учебныхъ занятій. Дѣтскихъ писателей-беллетристовъ немного, талантливыхъ между ними еще того меньше, а такихъ талантовъ, творенія которыхъ пережили-бы столѣтія, почти и совсѣмъ нѣтъ, такъ что, ставъ на точку зрѣнія лучшаго современнаго французскаго эстетика, Ипполита Тэна, утверждающаго, что геніальность того или другаго художественнаго произведенія опредѣляется количествомъ пережитаго этимъ произведеніемъ времени **), пришлось-бы усомниться въ

---

*) См. «Русская Школа» за 1891 г. Апрѣль.

**) «Въ мірѣ фантазіи, точно также какъ и въ мірѣ дѣйствительномъ, реальномъ, есть различныя ступени или мѣста, потому что есть и цѣнности различныя. Публика и знатоки указываютъ первыя и опредѣляютъ послѣднія. Произносимые потомствомъ окончательные приговоры оправдываютъ признанный за ними (за художественными произведеніями) авторитетъ самымъ способомъ своей постановки. Во-1-хъ, въ судѣ о художникѣ сошлись современники, и это мнѣніе, родившееся изъ взаимнодѣйствія такого множества различныхъ умовъ, темпераментовъ и воспитаній, само по себѣ уже значительно, такъ какъ недостаточность каждаго отдѣльнаго вкуса восполнилась въ немъ разнообразіемъ другихъ, спорящіе между собою предразсудки наконецъ уравновѣшиваются, и эта постоянная взаимная наверстка приводитъ понемногу окончательное мнѣніе все ближе и ближе къ истинѣ. За этимъ насталъ другой вѣкъ, съ совсѣмъ новымъ уже духомъ, а вслѣдъ за нимъ и опять другой; каждый изъ нихъ разсматриваетъ и провѣряетъ тяжбу со своей точки зрѣнія; все это—и глубокія поправки, и сильныя, вмѣстѣ, подтвержденія. Когда произведеніе, перебывавъ такимъ образомъ передъ разными судами, выйдетъ изъ нихъ съ одинаковою оцѣнкою, и судьи, стоящіе непрерывной цѣпью въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, согласятся въ одномъ и томъ-же приговорѣ, тогда очень вѣроятно, что приговоръ ихъ справедливъ: не будь произведеніе дѣйствительно выше другихъ, оно не

правѣ дѣтской литературы на какое-либо самостоятельное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ: самою долговѣчною книгою въ дѣтской литературѣ всѣми долженъ быть признанъ Робинзонъ, породившій нѣсколько сотъ подражаній—робинзонадъ, а между тѣмъ произведеніе Фоэ написано совсѣмъ не для дѣтей и относится къ циклу тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя воплощаютъ въ себѣ идеи вѣка и извѣстнаго народа, а потому и живутъ въ теченіе столѣтій. Но великіе, геніальные писатели, открывающіе новые горизонты, говорящіе міру новое слово, указывающіе на появленіе въ обществѣ новыхъ типовъ, новыхъ героевъ вѣка, непонятны дѣтямъ; всѣ эти литературныя сокровища будутъ прочтены ими и оцѣнены въ свое время, когда умственныя силы ихъ раскроются для ихъ пониманія, а пока, въ дѣтствѣ, пусть дѣти подготовляются къ этому предстоящему имъ впослѣдствіи наслажденію, во-1-хъ, школою, а во-2-хъ, своею особою литературою для дѣтей. Эта послѣдняя, какъ мы уже сказали, и появилась въ силу потребности подготовить юношество, служить для него переходомъ къ чтенію классическихъ произведеній; въ этомъ ея спеціальное назначеніе, и поэтому-то она и существуетъ и будетъ существовать, какъ и всякая спеціальная литература, напримѣръ, народная. Какъ изъ того обстоятельства, что имѣются высшія учебныя заведенія, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы не было заведеній среднихъ и низшихъ,—напротивъ—чѣмъ болѣе будетъ заведеній послѣднихъ категорій, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать первыя,—такъ точно, чѣмъ богаче и обширнѣе будетъ дѣтская литература, тѣмъ болѣе читателей подготовитъ она для художественной литературы взрослыхъ.

Въ архитектоникѣ беллетристическихъ произведеній, предназначаемыхъ для дѣтей, есть, конечно, нѣкоторыя особенности, вызываемыя или обусловливаемыя возрастомъ ихъ читателей, но въ общемъ къ этимъ произведеніямъ примѣнимы всѣ тѣ эстетическія требованія, которыя предъявляются художественною критикою произведеніямъ авторовъ, пишущихъ для взрослыхъ, и чѣмъ полнѣе, лучше будутъ соблюдены эти требованія въ произведеніи, предназначенномъ спе-

---

соединило-бы на себѣ столько разныхъ сочувствій. Если ограниченность ума, свойственная извѣстнымъ эпохамъ и народамъ, и приводитъ ихъ подчасъ, какъ и отдѣльныя личности, къ невѣрному сужденію и пониманію, то и тутъ частныя розни во взглядахъ исправляются, колебанія уничтожаются одни другими; и постепенно приходятъ къ такому постоянству и къ такой правильности, что мы можемъ разумно довѣриться мнѣнію, опирающемуся на столь прочныя и законныя основанія». (Чтенія объ искусствѣ, стр. 167—168).

ціально для дѣтскаго чтенія, тѣмъ это послѣднее будетъ совершеннѣе, тѣмъ охотнѣе будетъ оно читаться дѣтьми. Но прежде всего и отъ писателя для дѣтей требуется талантъ *).

---

*) «Должно *родиться* (говоритъ В. Г. Бѣлинскій, въ III т. соч., по поводу сказокъ Гофмана и кн. Одоевскаго), а не *сдѣлаться* дѣтскимъ писателемъ. Это своего рода призваніе... Много, много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя: нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески простодушная, умъ возвышенный, образованный; взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ. Разумѣется, что любовь къ дѣтямъ, глубокое знаніе потребностей, особенностей и оттѣнковъ дѣтскаго возраста есть одно изъ важнѣйшихъ условій. Цѣлію дѣтскихъ книжекъ должно быть не столько занятіе дѣтей какимъ-нибудь дѣломъ, не столько предохраненіе ихъ отъ дурныхъ привычекъ и дурнаго направленія, сколько развитіе данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа,—развитіе чувства любви и чувства безконечнаго. Прямое и непосредственное дѣйствіе такихъ книжекъ должно быть обращено на чувство дѣтей, а не на ихъ разсудокъ. Чувство предшествуетъ знанію; кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея... Конечно, односторонность вредна и въ воспитаніи, и дѣтскій разсудокъ требуетъ развитія, какъ и чувство; но развитіе разсудка въ дѣтяхъ предоставляется другой сторонѣ воспитанія—ученію, школѣ... Если вы хотите писать для дѣтей, не забывайте, что они еще не могутъ мыслить, но могутъ только разсуждать, или лучше сказать резонерствовать, а это очень худо... Дѣтскія книжки развиваютъ въ нихъ эту несчастную способность резонерства, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ея возникновенію и развитію... Обыкновенно, повѣсти для дѣтей отличаются дурно склееннымъ разсказомъ, пересыпаннымъ моральными сентенціями. Цѣль такихъ повѣстей—обманывать дѣтей, искажая въ ихъ глазахъ дѣйствительность. Тутъ обыкновенно хлопочутъ изъ всѣхъ силъ, чтобы убить въ дѣтяхъ всякую живость, рѣзвость и шаловливость, которыя составляютъ необходимое условіе дѣтскаго возраста, вмѣсто того, чтобы стараться дать имъ хорошее направленіе и сообщить характеръ доброты, откровенности и граціозности. Потомъ стараются пріучить дѣтей обдумывать и взвѣшивать всякій свой поступокъ, словомъ—сдѣлать ихъ благоразумными резонерами, которые годятся только для классической комедіи или трагедіи; а не думаютъ о томъ, что все дѣло во внутреннемъ источникѣ духа, что если онъ полонъ любовію и благодатію, то и внѣшность будетъ хороша, и что, наконецъ, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ мальчишка-резонеръ, свысока разсуждающій о морали, заложивъ руки въ карманъ... Стараются увѣрять дѣтей, что всякій проступокъ наказывается и всякое хорошее дѣйствіе награждается. Истина святая—не споримъ; но объяснять дѣтямъ наказаніе и награжденіе въ буквальномъ, внѣшнемъ, а слѣдовательно и случайномъ смыслѣ, значитъ обманывать ихъ... Но дѣти только неопытны и простодушны, а отнюдь не глупы—и отъ всей души смѣются надъ своими мудрыми наставниками. И это еще спасеніе для дѣтей, если они не позволятъ такъ грубо обманывать себя; но горе имъ, если они повѣрятъ: ихъ разувѣритъ горькій опытъ... Да, къ несчастію, каждый изъ нихъ узнаетъ это, но не каждый изъ нихъ узнаетъ, что наказаніе за худое

Если авторъ одаренъ эстетическою способностью, т.-е. такою (какъ опредѣляетъ ее Прудонъ въ своемъ сочиненіи «Объ искусствѣ») способностью, «на основаніи которой онъ можетъ открывать, или отличать, какъ въ себѣ, такъ и во всѣхъ предметахъ, красивое отъ уродливаго, пріятное отъ безобразнаго, возвышенное отъ пошлаго, получая отъ этихъ впечатлѣній новый источникъ наслажденія и усовершенствованія въ жизни»,—то и произведеніе этого автора пробудитъ или разовьетъ и укрѣпитъ тѣ-же самыя чувствованія въ юномъ читателѣ, доставитъ ему эстетическое наслажденіе. Какъ умъ его будетъ развиваться посредствомъ ученія, такъ его чувство будетъ развиваться путемъ чтенія. Писатель-художникъ творитъ образы, картины, выражая ими свои чувства и мысли, тогда какъ человѣкъ, лишенный эстетической способности, или резонируетъ, или доказываетъ; это совершенно различныя категоріи писательскихъ талантовъ, а потому писатель, не обладающій эстетическою способностью, и не долженъ браться за перо для беллетристическихъ произведеній,

дѣло производится самымъ этимъ дѣломъ и состоитъ въ отсутствіи изъ души благодатной любви, мира и гармоніи — единственныхъ источниковъ истиннаго счастія; что награда за доброе дѣло происходитъ отъ самаго этого дѣла, которое даетъ человѣку сознаніе своего достоинства, сообщаетъ его душѣ спокойствіе, гармонію, чистую радость, и черезъ то дѣлаетъ ее храмомъ Божіимъ, потому что Богъ тамъ, гдѣ безмятежная, чистая радость, гдѣ любовь... Дѣтскія книжки должны внушать дѣтямъ, что счастіе не во внѣшнихъ и призрачныхъ случайностяхъ, а въ глубинѣ души, что не блестящій, не богатый, не знатный человѣкъ любимъ Богомъ, но «сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнномъ украшеніи кроткаго и спокойнаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ», какъ говоритъ Св. апостолъ Павелъ. Онѣ должны показать имъ, что міръ и жизнь прекрасны такъ, какъ они суть, но что независимость отъ ихъ случайности состоитъ не въ коврѣ-самолетѣ, не въ волшебномъ прутикѣ, мановеніе котораго воздвигаетъ дворцы и т. п., но въ свободѣ духа, который силою божественной, христіанской любви торжествуетъ надъ невзгодами жизни и бодро переноситъ ихъ, почерпая силу въ этой любви. Онѣ должны знакомить ихъ съ таинствомъ страданія, показывая его, какъ другую сторону одной и той-же любви, какъ блаженство своего рода, какъ необходимое состояніе духа, не извѣдавъ котораго, человѣкъ не извѣдаетъ и истинной любви, а слѣдовательно и истиннаго блаженства. Онѣ должны показать имъ, что въ добровольномъ и свободномъ страданіи, вытекающемъ изъ отреченія отъ своей личности и своего эгоизма, заключается твердая опора противъ несправедливости судьбы и высшая награда за нее. И все это дѣтскія книжки должны передавать читателямъ не въ истертыхъ сентенціяхъ, не въ холодныхъ нравоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ одушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотою чувства, написанныхъ языкомъ легкимъ въ самой простотѣ своей,—и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для воспитанія».

хотя бы даже и для дѣтей. Авторъ долженъ брать матеріалъ изъ дѣйствительной жизни, но не копировать эту жизнь рабски, буквально, ибо въ такомъ случаѣ лучшія картины давала-бы намъ фотографія, а лучшія комедіи и драмы—стенографія. «Истинныя происшествія—тонко замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ писателей (соч. Ѳ. Достоевскаго, т. IX. «Дневн. Писат.» стр. 260)—описанныя со всею исключительностію ихъ случайности, почти всегда носятъ на себѣ характеръ фантастическій, почти невѣроятный. Задачи искусства — не случайности быта, а общая ихъ идея, зорко угаданная и вѣрно снятая со всего многоразличія жизненныхъ явленій». Въ произведеніи, чтобы оно было болѣе или менѣе художественно, должны быть точнѣе соблюдаемы соотношенія частей его и зависимость ихъ другъ отъ друга. Давая сцены изъ жизни того или другаго общественнаго слоя, слѣдуетъ въ выводимомъ вами лицѣ указать на преобладающія черты и стремленія въ его характерѣ — тщеславія или скупости, гордости или эгоизма, пылкости или равнодушія и т. под., смотря по тому, что именно желаетъ сказать писатель, въ чемъ именно обнаружить существенный характеръ предмета, слѣдовательно— ту общую *идею*, которую онъ составилъ себѣ о немъ. Для этого-то онъ и ставитъ избранное имъ лицо въ такія условія, беретъ при такихъ обстоятельствахъ, приводитъ въ такія столкновенія съ окружающимъ, при которыхъ онъ обнаруживается вполнѣ. Такимъ образомъ, цѣль художественнаго произведенія — выставить какой-либо выдающійся характеръ полнѣе, точнѣе, яснѣе, нежели онъ проявляется въ повседневной жизни. Составивъ себѣ идею задуманнаго характера, авторъ по этой идеѣ и преобразовываетъ дѣйствительный предметъ, который, въ силу этого, становится соотвѣтственнымъ идеѣ, или *идеальнымъ*.

Эстетическія требованія, на которыя мы намекнули, находятъ себѣ болѣе или менѣе полное примѣненіе, конечно, только въ первоклассныхъ художественныхъ произведеніяхъ, но во всякомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду и писателямъ-беллетристамъ для дѣтей. Можетъ быть, въ дѣтской беллетристической литературѣ потому именно и преобладаютъ очерки, картинки, наброски, что авторы этой литературы пренебрегаютъ художественными требованіями, по малому знакомству съ ними, или даже прямо по незнанію ихъ. Они мало знакомы и съ техническими литературными пріемами — не умѣютъ располагать частей, вести разговоры, разнообразить событія, разграничивать положенія, противупоставлять характеры одинъ другому и т. п. Къ техникѣ-же беллетристики должно отнести также и слогъ,

весьма нерѣдко сильно хромающій въ писаніяхъ дѣтскихъ беллетристовъ, что опять-таки объясняется неудовлетворительною ихъ подготовкою въ литературномъ отношеніи. Правильные эпитеты, метафоры, сравненія и т. п., живое и вѣрное изображеніе предметовъ и точная передача впечатлѣній создаютъ художественный слогъ, обаятельно дѣйствующій на читателя.

По отношенію къ собственно дѣтской беллетристикѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что вообще чѣмъ болѣе ранній возрастъ дѣтей имѣетъ въ виду авторъ, тѣмъ проще долженъ быть его разсказъ по замыслу, тѣмъ меньшее количество можетъ фигурировать въ немъ событій и лицъ, дабы тѣмъ легче было юному читателю сосредоточить на нихъ свое вниманіе, тѣмъ основательнѣе вникнуть въ характеры персонажей. Нѣкоторая рѣзкость, иногда даже легкая утрировка въ очертаніяхъ послѣднихъ необходима, чтобы юный читатель свободно, самостоятельно, безъ надоѣдливыхъ подсказываній со стороны автора, опредѣлилъ свои симпатіи и антипатіи къ выведеннымъ въ разсказѣ лицамъ и ихъ дѣяніямъ. Если авторъ самъ прямо говоритъ, что этотъ—человѣкъ добрый, а вотъ этотъ злой, вотъ—скупецъ, вотъ тщеславный и т. п., то у читателя пропадаетъ всякій интересъ къ изображаемому лицу; онъ уже заранѣе знаетъ, что добрый будетъ дѣлать добрыя дѣла, дурной—злыя. Такимъ образомъ, умъ читателя останется бездѣятельнымъ, ибо тотъ выводъ, который онъ долженъ-бы былъ сдѣлать на основаніи рѣчей и поступковъ изображаемаго лица, уже сдѣланъ за него самимъ авторомъ; чувство читателя тоже останется безучастнымъ, ибо вмѣсто образовъ и картинъ, дѣйствующихъ на воображеніе, онъ имѣетъ дѣло лишь съ названіями, словами. Читатель не находитъ опоры въ своемъ умѣ, въ собственномъ чувствѣ, а вслѣдствіе этого, встрѣчаясь въ жизни съ тѣми или другими людьми и явленіями, онъ не въ состояніи самостоятельно опредѣлить ихъ качества и дать имъ надлежащую оцѣнку.

Мы сочли небезполезнымъ указать на этотъ недостатокъ потому, что онъ встрѣчается у большинства дѣтскихъ беллетристовъ, даже у лучшихъ изъ нихъ. Другой недостатокъ, противъ котораго особенно ратовалъ Бѣлинскій, а именно искаженіе дѣйствительности въ угоду ложнымъ требованіямъ морали, въ силу чего добродѣтель всегда торжествуетъ, а порокъ всегда наказывается, нынѣ у дѣтскихъ беллетристовъ встрѣчается уже рѣже. Подъ вліяніемъ здороваго реализма нашихъ знаменитыхъ писателей, и дѣтскіе беллетристы, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, поняли, что моральная цѣль будетъ достигнута вполнѣ, если симпатіи ихъ юныхъ читателей будутъ не на сто-

ронѣ торжествующихъ злыхъ, а на сторонѣ тѣхъ обиженныхъ и страждущихъ, которыхъ призывалъ къ себѣ и обѣщалъ успокоить самъ Христосъ. Простота, естественность, а потому и доступность для пониманія, увлекательность разсказа для дѣтей — суть лучшія его качества.

Насколько обязываютъ насъ къ тому наши свѣдѣнія въ области дѣтской беллетристической литературы, мы не можемъ не признать, что въ послѣднія два-три десятилѣтія она, въ общемъ, сдѣлала большой шагъ впередъ, значительно улучшилась въ своемъ качествѣ. Въ произведеніяхъ своихъ лучшихъ представителей, она можетъ теперь считать себя свободною отъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлалъ ей въ свое время нашъ знаменитый критикъ В. Г. Бѣлинскій. Такой прогрессъ, помимо поднятія общаго уровня образованія въ нашемъ обществѣ, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что въ русской литературѣ, не говоря уже о періодѣ пушкинско-гоголевскомъ, въ послѣднія десятилѣтія дѣйствовали такіе великіе таланты, поборники правды въ искусствѣ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Писемскій, Салтыковъ, Гончаровъ, Л. Толстой, а вмѣстѣ съ ними цѣлая фаланга, хотя и второстепенныхъ, но все-таки весьма крупныхъ писателей; вліяли, конечно, и первостепенные иностранные писатели, а также и литературные критики, въ особенности Бѣлинскій, написавшій много десятковъ талантливыхъ страницъ спеціально о явленіяхъ дѣтской литературы. Литературная дѣятельность всѣхъ этихъ писателей неизбѣжно должна была отразиться на беллетристикѣ для дѣтей и благотворно повліять на нее. Въ настоящее время въ нашей дѣтской литературѣ уже невозможенъ успѣхъ повѣствованій съ такимъ направленіемъ и качествами, какія мы видимъ въ повѣствованіяхъ, напримѣръ, Чистякова, съ ихъ приторною сантиментальностью, резонерствомъ, шумихою риторическихъ фразъ и восклицаній и т. п. антихудожественными пріемами, на которые мы отчасти уже указывали выше, а между тѣмъ еще въ 50-хъ и даже 60-хъ годахъ повѣсти Чистякова и т. п. дѣтскихъ писателей были въ большомъ ходу.

Но дѣтская беллетристика развилась не только качественно, она возросла и количественно, хотя большею частію въ ущербъ художественнымъ достоинствамъ. Вина въ этомъ случаѣ падаетъ, главнымъ образомъ, на дѣтскіе журналы, ибо почти все, что появляется въ отдѣльныхъ изданіяхъ, предварительно было помѣщаемо именно въ дѣтскихъ журналахъ. При сравнительномъ обиліи у насъ этихъ послѣднихъ и при незначительномъ числѣ порядочныхъ беллетристическихъ произведеній для дѣтей, намъ думается, что дѣтскіе журналы

могли-бы выйти изъ затрудненія, если-бы не гнались непремѣнно за яко-бы оригинальными русскими произведеніями, а болѣе черпали изъ богатыхъ европейскихъ литературъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Тѣ произведенія второстепенныхъ европейскихъ писателей, сюжеты которыхъ пригодны и для дѣтскаго возраста, могли-бы быть съ успѣхомъ переводимы на русскій языкъ или-же даваемы въ передѣлкахъ, лишь-бы эти послѣднія стояли возможно ближе къ подлинникамъ, были-бы именно *передѣлками*, т.-е., не смотря на опущеніе нѣкоторыхъ сценъ и даже персонажей, сохраняли-бы букетъ подлинника, а не были-бы *пересказами* лицъ, нерѣдко совершенно лишенныхъ художественнаго чутья, и потому только портящихъ, искажающихъ недурной оригиналъ. Но за-то мы не находимъ словъ для достаточно строгаго осужденія передѣлывателей и пересказчиковъ *великихъ, классическихъ* художественныхъ произведеній иностранныхъ авторовъ. Обыкновенно, за подобнаго рода работы берутся люди, лишенные всякаго художественнаго дарованія, (люди, одаренные хотя нѣкоторою художественною способностью, могутъ писать оригинальные разсказы) и потому ихъ грубыя копіи не могутъ быть интересны для читателей. Искажая красоты подлинника, кастрируя содержаніе, убивая внутренній смыслъ того или другаго произведенія иностраннаго автора, признаннаго классическимъ, эти передѣлки и пересказы поселяютъ въ умѣ юнаго читателя ложное представленіе какъ объ извѣстномъ авторѣ, такъ и о томъ или иномъ художественномъ его произведеніи. Передѣлки, читанныя въ дѣтствѣ, нерѣдко отбиваютъ у читателя охоту прочесть впослѣдствіи, въ лѣта возмужалости, самый данный оригиналъ, въ подлинникѣ или въ полномъ переводѣ, такъ какъ читатель полагаетъ, что онъ уже достаточно ознакомился съ произведеніемъ, или-же, вспоминая читанную имъ въ дѣтствѣ уродливую передѣлку, думаетъ, что не стоитъ читать подлинникъ, что онъ плохъ, не интересенъ, устарѣлъ и т. п. И съ такими невѣрными, превратными представленіями иной остается во всю свою послѣдующую жизнь, если только случай или какія-либо благопріятныя обстоятельства не выведутъ его изъ печальнаго заблужденія. Мы увѣрены, что многія изъ тѣхъ лицъ, которыя читали въ дѣтствѣ передѣлки или пересказы, напр., Сервантесова Донъ-Кихота, подтвердятъ нашъ взглядъ, припомнивъ, что до тѣхъ поръ, пока они не прочли полнаго перевода этого классическаго произведенія, или не прочли о немъ отзыва въ какомъ-либо хорошемъ курсѣ исторіи всеобщей литературы, или въ отдѣльной статьѣ,—они имѣли о немъ совершенно ложное понятіе, считая Донъ-Кихота, этого представителя

чистѣйшаго идеализма въ жизни, только смѣшнымъ «рыцаремъ печальнаго образа», а автора—забавнымъ разсказчикомъ и балагуромъ. А сколькимъ лицамъ эти пошлыя передѣлки помѣшали познакомиться съ подлиннымъ Донъ-Кихотомъ! Многіе-ли изъ читавшихъ дѣтскіе передѣлки Робинзона прочли впослѣдствіи самое твореніе Фоэ?! Мы считали умѣстнымъ обратить особенное вниманіе на эти передѣлки, потому что дѣтскіе журналы, при скудости матеріала, охотно прибѣгаютъ къ нимъ и этимъ, по нашему мнѣнію, впадаютъ въ одно изъ важнѣйшихъ и эстетическихъ, и педагогическихъ прегрѣшеній. Намъ случалось встрѣчать въ дѣтскихъ журналахъ, а затѣмъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, даже передѣлки пьесъ Шекспира, и притомъ лицомъ, носящимъ, оффиціально, конечно, титулъ педагога; встрѣчались передѣлки для дѣтей даже Гоголя... Повторяемъ, по нашему мнѣнію, такія уродливыя явленія, какъ посягательство передѣлывать или пересказывать классическія художественныя произведенія иностранныхъ и отечественныхъ авторовъ, которые должны быть прочтены каждымъ человѣкомъ, претендующимъ на предикатъ образованнаго, въ свое время, при возможно полномъ развитіи умственныхъ силъ, являются большимъ преступленіемъ противъ требованій разумной педагогики и даже вообще противъ требованій здраваго смысла. Передѣлки-же и пересказы второстепенныхъ писателей, которыхъ человѣкъ образованный можетъ знать или не знать безъ всякаго ущерба для его литературнаго образованія, мы считаемъ вполнѣ умѣстными какъ въ дѣтской литературѣ вообще, такъ и въ дѣтскихъ журналахъ въ частности. Послѣдніе, по нашему мнѣнію, могутъ также свободно пользоваться передѣлками, въ вышеуказанномъ смыслѣ, т.-е. возможно ближе къ подлиннику и лишь съ опущеніемъ мѣстъ или эпизодовъ, почему-либо неподходящихъ для чтенія въ дѣтскомъ возрастѣ, — изъ богатой области эпоса всѣхъ культурныхъ народовъ; къ этому вопросу мы надѣемся обратиться въ послѣдующихъ нашихъ статьяхъ.

Что касается стихотвореній, то, за неимѣніемъ дѣйствительно хорошихъ стиховъ, рѣдкихъ вообще и въ журналахъ для взрослыхъ, или какихъ-либо шуточныхъ, въ комическомъ жанрѣ, лучше совсѣмъ никакихъ не давать, нежели давать стихи плохіе, какіе обыкновенно печатаются въ нашихъ дѣтскихъ журналахъ. Дѣло въ томъ, что даже 7—8-лѣтнія дѣти уже знакомятся, по своимъ книгамъ для чтенія, а иногда даже и азбукамъ, съ прекрасными стихотвореніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, заучиваютъ многіе изъ этихъ стиховъ наизусть; слѣдовательно, у дѣтей, съ ранняго школьнаго возраста, развивается уже вкусъ къ хорошему стиху, и они могутъ до извѣстной степени

даже критически относиться къ тому стихотворному хламу, который находятъ въ дѣтскихъ журналахъ, смотрѣть на этотъ хламъ съ пренебреженіемъ. Дѣтскіе журналы, поэтому, поступятъ благоразумно, если, не помѣщая плохихъ или посредственныхъ стишковъ на своихъ страницахъ, тѣмъ самымъ отнимутъ одинъ изъ доводовъ противъ законности ихъ существованія.

Подводя итогъ сказанному по отношенію къ главнѣйшему отдѣлу дѣтскихъ журналовъ—отдѣлу беллетристическому, скажемъ слѣдующее. Беллетристическій отдѣлъ долженъ способствовать развитію, на конкретныхъ образахъ, нравственныхъ понятій; знакомить съ дѣйствительною жизнью, не скрывая ея печальныхъ сторонъ, но и не давая этимъ сторонамъ преобладающаго значенія, не выдвигая ихъ на первый планъ; интересъ внѣшній (какія-либо «чудесныя» приключенія) не долженъ брать перевѣса надъ внутреннимъ, т.-е. надъ интересомъ въ выводимыхъ въ повѣстяхъ и разсказахъ личностяхъ; разсказъ долженъ быть несложенъ по замыслу, простъ, естественъ; дѣйствующія въ повѣствованіяхъ лица не должны быть многочисленны; очерчены они, въ ихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, должны быть настолько опредѣленно, ярко, что юный читатель наглядно могъ-бы видѣть достоинства и недостатки дѣйствующихъ лицъ, понять ихъ характеры и свободно, самостоятельно опредѣлить свои симпатіи или антипатіи къ тѣмъ или другимъ характерамъ и поступкамъ; наконецъ, требуется если не художественный, то во всякомъ случаѣ правильный слогъ, чистая литературная русская рѣчь. Такое чтеніе, давая отдыхъ дѣтямъ послѣ ихъ учебныхъ занятій, ибо является на смѣну ихъ, въ то-же время требуетъ нѣкоторой постоянной работы ума и чувствъ или сердца юнаго читателя; это будетъ чтеніе дѣятельное (активное), вдумчивое, а потому разумное и благотворно, воспитательно вліяющее на развитіе характера подростающаго поколѣнія.

На границѣ между статьями чисто беллетристическаго характера и статьями дидактическаго или научнаго содержанія стоятъ статьи, или разсказы, или повѣствованія—не умѣемъ точнѣе назвать ихъ,— въ которыхъ фантастическое перемѣшано съ яко-бы научнымъ, которые имѣютъ, такъ сказать, научно-беллетристическую форму. Тѣ изъ читателей, которые болѣе или менѣе знакомы съ явленіями дѣтской литературы, поймутъ насъ, если мы назовемъ двухъ главнѣйшихъ представителей отрасли этой литературы, принадлежащихъ къ числу иностранныхъ писателей, но имѣющихъ, въ многочисленныхъ переводахъ, большой кругъ читателей и среди нашихъ дѣтей. Мы разумѣемъ произведенія Жюля Верна и Майнъ-Рида, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и многочисленныхъ подражателей ихъ, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ. Подражать имъ выгодно съ точки зрѣнія коммерческой, но насъ занимаетъ здѣсь вопросъ о томъ—на сколько существованіе подобнаго рода произведеній законно съ педагогической точки зрѣнія. Противъ элемента фантастическаго, взятаго самого по себѣ, мы ничего не имѣемъ сказать. Это—совершенно законный видъ литературы, коль скоро вымышлены только событія и подробности, но не вымышлены, не искажены природа человѣка, его жизнь; когда вымыселъ еще болѣе способствуетъ къ уразумѣнію внутренняго строя людей. Таковы, напримѣръ, великіе продукты народнаго эпоса. Можно, конечно, передавать дѣтямъ и научныя свѣдѣнія въ той или иной формѣ. Тутъ дѣло зависитъ отъ таланта, отъ педагогическаго такта, отъ умѣнья не давать формѣ преобладанія надъ внутреннимъ научнымъ содержаніемъ, мудро уравновѣсить одно съ другимъ. Дѣло трудное, очень трудное, при талантѣ, однако, возможное. Съ педагогической-же точки зрѣнія къ повѣствователямъ этого сорта должно быть предъявлено одно непремѣнное условіе, а именно, чтобы тѣ научныя свѣдѣнія, которыя желаютъ здѣсь сообщить дѣтямъ, были не гадательныя, не гипотетическія, а всегда—какъ и вообще при обученіи,—положительныя, точныя, достовѣрныя, твердо наукою уже обоснованныя. У Верна-же и ему подобныхъ писателей научная сторона ихъ повѣствованій обыкновенно построена именно на гипотезахъ, а часто даже просто на совершенно произвольныхъ предположеніяхъ и допущеніяхъ. При этомъ, писатели этого сорта всегда отводятъ слишкомъ много мѣста внѣшнимъ событіямъ, беллетристической обстановкѣ, которая, будучи сама по себѣ крайне слаба въ художественномъ отношеніи, мѣшаетъ читателю сосредоточить вниманіе на научномъ содержаніи произведенія, а потому онъ и не усваиваетъ никакихъ научныхъ свѣдѣній, кромѣ развѣ хаоса кое-какихъ научныхъ терминовъ и техническихъ словъ и выраженій. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, это служитъ къ лучшему. Научныя данныя у Ж. Верна и ему подобныхъ писателей таковы, что, усвоивъ ихъ, юный читатель подвергался-бы опасности извратить тѣ положительныя научныя свѣдѣнія, которыми онъ, можетъ быть, уже запасся въ школѣ, или-же, вмѣсто того, чтобы пріучаться различать истину, законъ отъ гипотезы, допущенія, онъ, видя, что писатель, на котораго онъ смотритъ, какъ на нѣкоторый авторитетъ, обращается съ наукою столь непочтительно, выворачиваетъ ее на изнанку, ставитъ вверхъ ногами, и самъ пріучился-бы къ небрежному обращенію съ данными науки. Равнымъ образомъ, по разсказамъ Майнъ-Рида и ему подобныхъ, юный читатель не

пріобрѣтетъ никакихъ положительныхъ географическихъ или этнографическихъ свѣдѣній. Читая подобнаго рода разсказы, онъ все свое вниманіе устремляетъ на сложныя, запутанныя похожденія героевъ разсказа, съ увлеченіемъ забывая о дѣлѣ, объ урокахъ, манкируя игрой или прогулкою; будетъ слѣдить за ними, съ нетерпѣніемъ опуская тѣ страницы, на которыхъ сообщаются кое-какія научныя данныя; будетъ искать развязки этихъ похожденій и, наконецъ, узнавъ, чѣмъ вся эта путаница окончилась, успокоится. Замѣчательно, что произведенія Ж. Верна, Майнъ-Рида и т. п. писателей дѣти читаютъ обыкновенно только *одинъ разъ;* все, что было для нихъ интереснаго—именно чѣмъ окончились похожденія героя—они уже узнали и сразу запомнили, а до остальнаго—имъ нѣтъ никакого дѣла, остальное, именно научная сторона, въ сравненіи съ «чудесными приключеніями» героя или героевъ, лишь скучная матерія, Богъ вѣсть чего ради сюда вплетенная и только понапрасну занимающая мѣсто и мѣшающая «интересному» чтенію. Хорошая повѣсть или занимательный научный разсказъ читается дѣтьми по нѣскольку разъ сподрядъ, или-же они охотно возвращаются къ ней черезъ извѣстные промежутки времени.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о дидактической или научной части дѣтскихъ журналовъ, въ которой обыкновенно царитъ полный хаосъ, рѣзко бросается въ глаза отсутствіе какой-бы то ни было извѣстной системы.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣтяхъ рано пробуждается интересъ къ явленіямъ окружающей ихъ природы и что они съ жадностью слушаютъ всякаго рода объясненія взрослыхъ—и относительно звѣздъ, и облаковъ, и электричества, и относительно жизни и нравовъ различныхъ животныхъ, и о моряхъ и рѣкахъ, и о народахъ, населяющихъ части свѣта, и т. д. и т. д.—поспѣвай только отвѣчать, а они готовы замучить васъ вопросами, и притомъ нерѣдко такими, которые поставятъ въ тупикъ человѣка, даже очень разносторонне и основательно образованнаго,—частію потому, что онъ не найдетъ въ арсеналѣ своихъ знаній подходящаго отвѣта, частію потому, что затруднится, въ какой именно формѣ, какъ-бы понятнѣе, доступнѣе отвѣтить ребенку на его вопросъ. Вопросъ задавать вообще легко, извѣстно, что, ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten... Дѣти, конечно, въ правѣ дѣлать всякаго рода вопросы, но дѣло въ томъ, какъ слѣдуетъ взрослымъ относиться къ такимъ вопросамъ? Вѣдь, если вы станете отвѣчать на *каждый* вопросъ ребенка относительно окружающихъ его природы и ея явленій, то этимъ вы его все-таки не удовлетворите; онъ все будетъ дѣлать новые и новые вопросы, особенно ребенокъ, отъ природы раз-

говорчивый, болтливый, да и пользы никакой ему не принесете, ибо, при множествѣ и разнообразіи вопросовъ, ваши отвѣты и разъясненія будутъ въ одно ухо входить, а въ другое выходить. Вы внесете въ умъ ребенка только хаосъ и смуту, пріучите его безцѣльно болтать, не воспитывая въ немъ навыка къ болѣе или менѣе сосредоточенному мышленію. Предметовъ и явленій, вызывающихъ вопросы въ умѣ ребенка,—если только онъ задаетъ ихъ не потому, что любитъ болтать,—очень много и они такъ разнородны, что для того, чтобы знать, о чемъ можно и стоитъ говорить и о чемъ лучше умолчать, необходима путеводная нить, извѣстная руководящая идея. Область нашихъ знаній для того и дѣлится на науки, чтобы эти разнородныя знанія было-бы удобнѣе собирать, приводить въ связь и затѣмъ уже передавать желающимъ. Важнѣйшее условіе успѣшнаго преподаванія, и вообще польза въ передачѣ знаній, въ томъ именно и заключается, чтобы изъ безчисленнаго множества разнородныхъ предметовъ и явленій систематически избирать однородныя, отыскивать законы этихъ явленій и уже въ такомъ систематизированномъ видѣ передавать ихъ учащимся или вообще желающимъ изучить тотъ или другой учебный предметъ, ту или другую отрасль вѣдѣнія, извѣстную науку. Если журналъ для дѣтей будетъ давать свѣдѣнія, то, напримѣръ, по астрономіи или физикѣ, то изъ естественныхъ наукъ, то предлагать продѣлывать какіе-либо домашніе опыты по химіи и физикѣ, будетъ давать всевозможныхъ родовъ полезныя свѣдѣнія; далѣе—если журналъ въ одномъ нумерѣ дастъ нѣчто изъ исторіи Франціи, въ слѣдующемъ—изъ исторіи Греціи, потомъ изъ отечественной исторіи; сегодня помѣститъ описаніе вороны, завтра—коровы, поговоритъ о зырянахъ, а затѣмъ о французахъ, готтентотахъ и т. д. и т. д., обо всемъ на свѣтѣ, то все это, разумѣется, будутъ свѣдѣнія, сами по себѣ полезныя, во всякомъ случаѣ, не безполезныя и ужъ несомнѣнно разнообразныя, но каково-же юному читателю распутываться, отыскивать единообразіе въ такомъ хаосѣ разнородныхъ свѣдѣній? Гдѣ у него путеводная нить, могущая вывести изъ подобнаго лабиринта? Не будетъ-ли въ этомъ случаѣ дѣтскій журналъ уподобляться тому наивному родителю или воспитателю, который, будучи человѣкомъ даже основательно и многосторонне образованнымъ, рѣшился-бы отвѣчать на *всякіе* вопросы, предлагаемые ему ребенкомъ? Причемъ-же тутъ пріученіе дѣтей къ сосредоточенному мышленію, причемъ требованіе сообщать познанія въ нѣкоторой системѣ, требованія посильности, постепенности въ обученіи и т. п. требованія дидактики?.. Для дѣтскаго журнала, равно какъ и для всякой дѣтской книги, составители которыхъ желаютъ добро-

совѣстно помочь дѣлу воспитанія и обученія, прежде всего слѣдуетъ ясно сознать свою задачу, поставить себѣ цѣль, а затѣмъ опредѣлить средства къ ея выполненію.

Матеріалъ, которымъ располагаетъ дѣтскій журналъ, по содержанію своему почти тожественъ съ матеріаломъ, предлагаемымъ также и школою; разница главнымъ образомъ заключается въ формѣ изложенія. Журналъ для дѣтей можетъ давать статьи: по исторіи, отечественной и всеобщей, по исторіи литературы, по географіи съ этнографіею, по естествовѣдѣнію, о нѣкоторыхъ техническихъ производствахъ; наконецъ, давать матеріалъ для игръ, занятій, работъ дѣтей; задачи, шарады, шутки и т. п. Весь этотъ матеріалъ, за исключеніемъ, конечно, послѣднихъ отдѣловъ, долженъ быть предлагаемъ въ системѣ, обусловливаемой системою изложенія учебныхъ предметовъ въ средней общеобразовательной школѣ, для которой такимъ образомъ дѣтскій журналъ, въ своемъ научномъ отдѣлѣ, долженъ оказывать помощь и служить для этой школы какъ-бы дополненіемъ.

Историческія событія и лица имѣютъ для дѣтей интересъ не по мѣрѣ значенія этихъ событій и лицъ въ исторіи, а по-стольку, по скольку ихъ дѣятельность допускаетъ или даетъ матеріалъ для художественной обработки, особенно если эта обработка сдѣлана самимъ народомъ, въ его преданіяхъ. Творенія дѣйствительно идеальныя появляются обыкновенно въ изобиліи главнымъ образомъ въ первобытныя эпохи существованія народа. Дѣтскія грезы человѣка создаютъ героевъ и боговъ; у каждаго народа они свои; таковы: Зигфридъ въ Нибелунгахъ, Роландъ—въ древнихъ французскихъ поэмахъ, Сидъ—въ романсеро испанцевъ, Рутемъ—въ книгѣ царей, Антаръ—въ Аравіи, Одиссей и Ахиллъ—въ Греціи, наконецъ, герои нашего богатырскаго эпоса—у насъ. Еще выше эпическихъ героевъ стоятъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣкоторыхъ народовъ, успѣвшихъ развить болѣе или менѣе богатую космогенію, прорицатели, полубоги, боги, уже прямо небожители. Грецiя изобразила ихъ въ поэмахъ Гомера, Индія—въ ведійскихъ гимнахъ, въ древнихъ эпопеяхъ, въ буддійскихъ легендахъ и т. д. «Преображенный и возвышенный, человѣкъ выступаетъ здѣсь—говоритъ Тэнъ—въ совершенной полнотѣ и цѣлостности; въ немъ, обоготворяемомъ или напрямикъ божественномъ, нѣтъ уже никакого недостатка; на взглядъ его времени, его умъ, сила, доброта—безпредѣльны». Знакомство съ эпическими сказаніями, отечественными и другихъ культурно-историческихъ народовъ,—знакомство, конечно, въ формѣ хорошей и возможно близкой къ подлиннику, безъ нарушенія его красотъ и подробностей, особенно интересныхъ для дѣтей,

можетъ служить для нихъ лучшими пропилеями къ исторіи этихъ народовъ, можетъ ввести ихъ во вкусъ пріобрѣтенія историческихъ свѣдѣній. Затѣмъ, біографіи историческихъ дѣятелей наиболѣе пригодная форма, какъ образная, конкретная, для пробужденія въ дѣтяхъ интереса и любви къ исторіи. Если выборъ лицъ сдѣланъ удачно, если взяты личности съ высокою нравственностью, съ сильными волею и характеромъ, если разсказъ живъ, увлекателенъ, проникнуть одною мыслью, то такого рода біографіи будутъ дѣйствовать на чувство юныхъ читателей возвышающимъ душу образомъ, поселять въ нихъ стремленіе къ дѣятельности, полезной для блага родины, развивать чистый патріотизмъ. Наконецъ, хорошимъ историческимъ чтеніемъ и прекраснымъ подспорьемъ для школьнаго преподаванія исторіи могутъ служить очерки изъ исторіи культуры извѣстныхъ народовъ или эпохъ. Дѣтскому журналу слѣдуетъ только предлагать такого рода статьи въ извѣстной системѣ, такъ, напр., чтобы каждый годъ давалъ нѣчто законченное, цѣлое или по исторіи одного, двухъ культурныхъ народовъ, или-же такимъ или инымъ образомъ, т.-е. или въ формѣ біографіи, или въ формѣ очерковъ культуры, была изображена та или другая эпоха въ исторіи. Здѣсь весьма умѣстно пользоваться наблюденіями, съ надлежащими, конечно, исправленіями и дополненіями,—современниковъ, оставленными ими въ запискахъ, хроникахъ, мемуарахъ, путешествіяхъ по извѣстному государству. Такъ, напр., для ознакомленія съ Россіею XVI—XVII столѣтій прекрасный матеріалъ можетъ быть извлеченъ изъ записокъ пословъ Олеарія, Герберштейна, и т. п. историческихъ повѣстей и разсказовъ, но опять-таки изображающій болѣе или менѣе крупный періодъ въ исторіи извѣстнаго народа, весьма умѣстны въ дѣтскомъ журналѣ; припомнимъ только, съ какимъ наслажденіемъ зачитывались и еще и нынѣ зачитываются историческими романами В. Скотта, но, конечно, не въ пересказахъ, какіе нынѣ, къ сожалѣнію, существуютъ и на русскомъ языкѣ. По отечественной исторіи любимымъ чтеніемъ дѣтей были историческіе романы нашихъ второстепенныхъ беллетристовъ, какъ, напр., романы Загоскина, Лажечникова; нынѣ охотно читаются, или могли-бы читаться, историческіе разсказы Ал. Толстого (Князь Серебряный), Карновича, Костомарова, Данилевскаго, Сальяса и мн. др. Дѣтскому журналу трудно противопоставить что-либо равное этимъ писателямъ, но тѣмъ не менѣе, отъ времени до времени, они могли-бы давать историческіе повѣсти и разсказы изъ русской исторіи, но обнимающіе значительные періоды.

Такую-же систематичность мы желали-бы видѣть въ дѣтскихъ журналахъ, ради пользы ихъ самихъ и ихъ читателей, по другимъ

рубрикамъ научнаго содержанія: по этнографіи, географіи, путешествіямъ, естествовѣдѣнію, по области техническихъ производствъ, насколько послѣднія поддаются отвлеченному изложенію, безъ ознакомленія съ ними на дѣлѣ—на фабрикахъ и заводахъ. Дѣтскій журналъ долженъ давать свѣдѣнія не отрывочныя, такъ сказать, лоскутныя, но предлагаемыя въ извѣстной послѣдовательности, системѣ, обобщающія отдѣльные факты.

Такимъ образомъ, задача дѣтскаго журнала та-же, что и вообще литературы для дѣтей, о чемъ мы уже говорили выше. Уяснивъ себѣ цѣль, журналу остается затѣмъ избрать ту степень дѣтскаго возраста, которую онъ только пожелаетъ имѣть въ виду, опредѣлить силы и потребности этого возраста, памятовать, что именно въ этомъ возрастѣ проходятъ дѣти въ школѣ, что̀ изъ изучаемаго ими воспринимается легко, что̀, сравнительно, съ бо̀льшимъ трудомъ, по какимъ предметамъ, или какимъ отдѣламъ послѣднихъ, было-бы желательно ихъ свѣдѣнія углубить, расширить, обобщить и т. п. Дѣтскому журналу нечего бояться повтореній, ибо читатели его постоянно мѣняются и, приблизительно, черезъ 5—6 лѣтъ составъ читателей совершенно обновляется. Сообразно съ данными приведеннаго характера, редакція журнала должна постоянно имѣть опредѣленный планъ статей хотя-бы на годъ впередъ, и по этому плану вести научную часть журнала. Ведомый въ извѣстной системѣ, журналъ для дѣтей, въ своемъ научномъ отдѣлѣ, и юныхъ читателей своихъ будетъ пріучать къ упорядоченію ихъ свѣдѣній, къ сосредоточенному мышленію, т.-е. будетъ дѣйствительно способствовать ихъ умственному развитію, а потому получитъ нѣкоторое право на самостоятельное существованіе.

К. Модзалевскій.

Европейскія школы по описанію американца Клемма.

(International Education Series Klemm. European schools. New-York 1890).

Въ этой книгѣ изложены наблюденія и впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ отъ посѣщенія европейскихъ школъ въ зиму 1887—1888 г. По происхожденію, Клеммъ собственно нѣмецъ, но, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги, онъ уже лѣтъ двадцать живетъ въ Америкѣ, давно сдѣлался американскимъ гражданиномъ и смотритъ на Соединенные Штаты, какъ на свое отчество. Въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ Америкѣ Клеммъ обстоятельно ознакомился съ положеніемъ школьнаго дѣла Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ онъ самъ учитель. Кромѣ того, въ своихъ поѣздкахъ по разнымъ штатамъ, онъ вездѣ знакомился съ мѣстными школами. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ каждый штатъ совершенно самостоятельно устраиваетъ школьное дѣло; здѣсь нѣтъ центральнаго управленія, которое вѣдало-бы учебное дѣло, нѣтъ однообразныхъ программъ, нѣтъ и одинаковыхъ требованій для лицъ, желающихъ избрать профессію учителя. Вашингтонское Bureau of Education занимается главнымъ образомъ статистикой народнаго образованія. Такимъ образомъ, Клеммъ былъ хорошо подготовленъ для путешествія по Европѣ, и ему было съ чѣмъ сравнивать европейскія школы. Описывая осмотрѣнныя въ Европѣ школы, Клеммъ постоянно имѣетъ въ виду своихъ американскихъ соотечественниковъ, постоянно проводитъ параллели между школами Стараго и Новаго Свѣта. Вслѣдствіе этого, читая книгу Клемма, знакомишься не только съ европейской школой, но и съ американской,—съ послѣдней, конечно, по скольку она сходится съ европейской или разнится отъ нея. Клеммъ изучалъ главнымъ образомъ германскую школу, причемъ наибольшее вниманіе удѣлилъ школѣ прусской; значительно менѣе онъ изучилъ народное образованіе во Франціи; австрійскія школы онъ наблюдалъ только въ Вѣнѣ; въ

Швейцаріи онъ посѣтилъ школы только въ трехъ городахъ и не захотѣлъ продолжать свой осмотръ, будучи совершенно разочарованъ постановкой дѣла въ странѣ, гдѣ, какъ на родинѣ Песталоцци, онъ разсчитывалъ найти особенно много поучительнаго.

Клеммъ изучилъ главнымъ образомъ начальное образованіе, и только изрѣдка посѣщалъ гимназіи въ городахъ, въ которыхъ подолгу останавливался. Онъ привыкъ въ Америкѣ къ тому взгляду, что важнѣйшая часть народнаго образованія—низшее образованіе, въ Америкѣ и въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы для всѣхъ доступное и даже для всѣхъ обязательное. Впрочемъ, была еще причина, вслѣдствіе которой Клеммъ обратилъ такъ мало вниманія на образованіе среднее. Посѣтивъ нѣсколько нѣмецкихъ гимназій, Клеммъ порѣшилъ, что среднее образованіе вообще плохо поставлено въ Европѣ. По его мнѣнію, въ нѣмецкихъ гимназіяхъ относительно гораздо менѣе способныхъ учителей, онъ нашелъ, что ученики въ нихъ переутомляются, что кончаетъ курсъ несообразно малый процентъ поступающихъ, что въ классахъ занимаются преимущественно съ наиболѣе способными, большинство-же лишь перетаскивается изъ класса въ классъ и по дорогѣ таетъ, какъ воскъ (стр. 169—170). Того-же мнѣнія Клеммъ и о французскихъ лицеяхъ; ихъ онъ считаетъ даже хуже германскихъ гимназій. Французы, по его мнѣнію (стр. 102—103), думаютъ о своихъ лицеяхъ такимъ-же образомъ.

Для изученія народнаго образованія Клеммъ посѣтилъ главные города Германіи, забирался иногда и въ глушь провинцій, перебывалъ во многихъ деревенскихъ школахъ. Отовсюду онъ вынесъ самыя хорошія впечатлѣнія. Клеммъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о германскихъ народныхъ учителяхъ и считаетъ ихъ вообще много лучше американскихъ; всѣ они получаютъ спеціальную подготовку, что въ Америкѣ случается не часто, всѣ совершенно самостоятельны въ методахъ преподаванія, такъ какъ надъ ними нѣтъ ближайшаго мѣстнаго контроля, который могъ-бы безпрестанно вмѣшиваться въ ихъ дѣятельность. Въ Америкѣ, напротивъ того, всегда есть именно такой контроль, т.-е. мѣстный, такъ какъ не только каждый штатъ, но даже отдѣльныя части штатовъ—графства, большіе города—самостоятельно организуютъ и контролируютъ школы. Наконецъ, въ Америкѣ народное образованіе находится преимущественно въ рукахъ женщинъ, всегда склонныхъ, по мнѣнію Клемма, безусловно выполнять всѣ малѣйшія требованія и распоряженія инспектора школъ, если только послѣдній будетъ человѣкомъ энергичнымъ, настойчивымъ.

Клеммъ говоритъ также объ уваженіи, съ которымъ относятся въ

Германіи къ школьнымъ учителямъ, о вліяніи, какимъ они пользуются, въ особенности въ деревняхъ. Онъ придаетъ громадное значеніе прочности положенія школьнаго учителя, который можетъ лишиться мѣста развѣ лишь въ случаѣ явной небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей. «Борьба политическихъ партій не отражается на школѣ, какъ это постоянно бываетъ въ Америкѣ», говоритъ Клеммъ, вслѣдствіе чего американскій народный учитель никогда не можетъ поручиться за прочность своего положенія. Германскій-же учитель обыкновенно увѣренъ въ своемъ положеніи, а потому прочно устраивается на своемъ мѣстѣ: украшаетъ, сколько возможно, свое жилище, составляетъ себѣ понемногу библіотеку; если живетъ въ деревнѣ, то занимается хозяйствомъ, разводитъ садъ, огородъ и т. п. Поэтому-же во всякой германской школѣ, какъ въ маленькомъ городѣ, такъ и въ деревнѣ, можно всегда найти школьную библіотеку и, такъ называемый Клеммомъ, «школьный музей», состоящій изъ пособій для преподаванія естественныхъ наукъ, географіи. «Это совершенно не похоже на то, что видишь въ Америкѣ—говоритъ Клеммъ—гдѣ сельскія школы крайне бѣдны всякими пособіями, въ особенности въ южныхъ штатахъ». Нѣкоторые предметы для музея, напр., простѣйшіе физическіе приборы, учитель дѣлаетъ самъ, часть предметовъ получается въ обмѣнъ отъ другихъ школъ, растенія собираются на ботаническихъ экскурсіяхъ и лишь самая небольшая часть растеній для гербарія пріобрѣтается покупкой. Въ Германіи, какъ извѣстно, родители обязаны посылать дѣтей въ школу отъ 6 до 14-лѣтняго возраста; въ случаѣ небрежности родителей въ этомъ отношеніи ихъ преслѣдуютъ судомъ, и наказаніе можетъ возрасти постепенно до тюремнаго заключенія. Вообще говоря, за обученіе дѣтей вездѣ взимается плата, лишь въ немногихъ мѣстностяхъ обученіе вполнѣ безплатно *).

Хотя въ нѣмецкія гимназіи и высшія женскія школы можно поступать изъ народныхъ училищъ, тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ классахъ общества не принято посылать дѣтей въ эти училища, вслѣдствіе чего при гимназіяхъ обыкновенно существуютъ особые приготовительные классы. Такому сословному характеру школъ, конечно, не сочувствуетъ Клеммъ, освоившійся съ совершенно иными нравами Новаго Свѣта. Въ общемъ, по мнѣнію Клемма, въ германской народной школѣ учатъ лучше и даютъ больше свѣдѣній, чѣмъ въ американ-

*) По возвращеніи Клемма въ Америку, закономъ 14 іюля 1888 г. и 31 марта 1889 г. школьная плата уничтожена (см. Шейманъ: Начальное образованіе въ Пруссіи. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1890 г., ноябрь).

ской. «Дѣти выносятъ изъ школы много полезныхъ свѣдѣній по физикѣ, физіологіи, гигіенѣ, естественной исторіи, географіи и т. п.» (163 стр.). Отдавая такимъ образомъ предпочтеніе германской школѣ, авторъ упоминаетъ иногда, что и американская школа имѣетъ свои преимущества, однако, ни разу не указываетъ ихъ опредѣленно.

Трудно передать впечатлѣнія Клемма по поводу преподаванія отдѣльныхъ предметовъ. Онъ нигдѣ не даетъ общихъ выводовъ и заключеній, онъ только описываетъ, одну за другой, школы Гамбурга, Кёльна, Берлина и другихъ городовъ, разсказываетъ содержаніе уроковъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, даетъ рисунки классной мебели, приборовъ и т. п. Если ему понравился какой-нибудь урокъ—а это случалось часто—онъ почти стенографически передаетъ его содержаніе, предоставляя самому читателю судить, насколько замѣчателенъ тотъ или другой урокъ изъ понравившихся ему—Клемму. Автору стоило не малыхъ трудовъ услышать дѣйствительные уроки. Обыкновенно, когда онъ появлялся въ классѣ, учитель спѣшилъ закончить текущій урокъ и начиналъ спрашивать учениковъ,—конечно, съ цѣлью показать размѣръ ихъ знаній. Присутствуя однажды на собраніи учителей въ Берлинѣ, Клеммъ благодарилъ ихъ за радушный пріемъ, но постарался объяснить, что цѣль его при посѣщеніи школъ состоитъ не столько въ томъ, чтобы узнать, чему ученики успѣли выучиться, сколько въ ознакомленіи съ тѣмъ, какъ ихъ учить. «Послѣ этого—говоритъ Клеммъ—мои посѣщенія школъ сдѣлались гораздо плодотворнѣе».

Въ начальной нѣмецкой школѣ обучаютъ, конечно, только отечественному языку, причемъ обходятся совершенно безъ учебника грамматики; когда Клеммъ однажды спросилъ про такой учебникъ, онъ этимъ только вызвалъ улыбку у учителя. Точно также безъ помощи учебника обходятся и при изученіи ариѳметики, ограничиваясь лишь небольшимъ задачникомъ.

Физика проходится посредствомъ ряда опытовъ. Вмѣсто учебниковъ зоологіи и ботаники, Клеммъ вездѣ нашелъ гербаріи, чучела животныхъ, стѣнные зоологическіе и ботаническіе атласы. Географія изучается съ атласомъ въ рукахъ, текстъ отдѣльно не учатъ; исторія, всеобщая и германская, проходится въ біографіяхъ. «Ни разу мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы ученики, какъ попугаи, повторяли прочитанное въ учебникѣ. Наизустъ учатъ только стихи».

Орѳографія отечественнаго языка изучается сначала посредствомъ списыванья съ книги, затѣмъ идутъ диктовки, писанье наизустъ выученныхъ стихотвореній, басенъ; на шестомъ или седьмомъ году обу-

ченія въ народной школѣ дѣтямъ задаютъ писать своими словами прочтенный разсказъ или выслушанный урокъ. Клеммъ часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ послѣ урока ботаники, географіи, исторіи учитель задавалъ къ слѣдующему дню пересказать прослушанное, а это дѣтей не затрудняло, такъ какъ урокъ усваивался ими вполнѣ.

Такимъ-же образомъ, безъ всякой грамматики, путемъ разбора отрывковъ въ своей книгѣ для чтенія, дѣти знакомятся съ употребленіемъ знаковъ препинанія, съ частями рѣчи и частями предложенія. На стр. 114—119 приведенъ образецъ такого урока.

Ни въ Германіи, ни во Франціи на чистописаніе не удѣлено особаго времени: ученики обязаны тщательно писать все, что имъ задается, для чего учителя не должны никогда ихъ торопить. Только въ одной школѣ (около Гамбурга) Клеммъ нашелъ у учениковъ тетради для чистописанія, причемъ оказалось, что это была штрафная работа цѣлаго класса за дурное письмо. Если, говорили Клемму, учениковъ обязывать писать старательно 2 или 3 часа въ недѣлю, а въ остальное время предоставить имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, то едва-ли кто-либо изъ нихъ будетъ имѣть хорошій почеркъ.

Посѣщая уроки ариѳметики, Клеммъ убѣдился, какое преимущество имѣетъ преподаваніе ея въ странахъ, гдѣ введена метрическая система, какъ легко усваиваются десятичныя, а затѣмъ и простыя дроби; не менѣе легко усваивается и глава объ именованныхъ числахъ. Почти вся ариѳметика проходится въ первыя шесть лѣтъ пребыванія въ народной школѣ. Умственное или, лучше сказать, устное рѣшеніе задачъ значительно преобладаетъ надъ письменнымъ.

Даже въ деревенскихъ школахъ Клеммъ всегда находилъ физическіе приборы, правда, большею частью сдѣланные самимъ учителемъ, изъ самаго простого матеріала; въ книгѣ помѣщены рисунки нѣкоторыхъ такихъ приборовъ.

Зоологію и ботанику въ нѣмецкихъ школахъ называютъ описаніемъ животныхъ и растеній (Thier-Beschreibung, Pflanzen-Beschreibung). Клеммъ приводитъ, какъ образцы, три урока по зоологіи. Въ первомъ учитель говорилъ ученикамъ объ орангутангѣ. Ученики по находящейся передъ ними картинѣ описали его, сравнили съ другими обезьянами и съ человѣкомъ; затѣмъ учитель связалъ полученныя такимъ образомъ при его помощи свѣдѣнія и разсказалъ ученикамъ объ образѣ жизни обезьяны. Еще интереснѣе описанный Клеммомъ (стр. 163—164) урокъ о китѣ, въ теченіе котораго ученики ознакомились съ анатоміей кита, съ образомъ его жизни, узнали, почему китъ

не рыба, а млекопитающее, узнали, наконецъ, способы ловли кита. Но особенно замѣчателенъ прослушанный Клеммомъ урокъ о хомякѣ (cricctus frumentarius), въ образцовыхъ школахъ Франке въ Галле. Мальчики 8—10 лѣтъ, побывавшіе передъ тѣмъ въ полѣ съ учителемъ и поймавшіе тамъ хомяка, не только описали его, имѣя передъ собой и чучело его, и рисунокъ, но и кстати приводили впечатлѣнія отъ своей экскурсіи, описывали и рисовали устройство норы этого животнаго, а учитель объяснялъ цѣлесообразность этого устройства по отношенію къ образу жизни его.

Одинъ учитель очень удачно охарактеризовалъ Клемму такой способъ изученія зоологіи, сравнивъ его съ элементарнымъ біографическимъ курсомъ исторіи. «Мы изучаемъ главныхъ представителей различныхъ животныхъ и около нихъ группируемъ всѣ остальныя зоологическія познанія дѣтей». Такъ-же наглядно преподается и ботаника. Напримѣръ, изучаются формы листьевъ: ученики приносятъ въ классъ массу разнообразныхъ листьевъ, учитель рисуетъ на доскѣ типичныя формы листьевъ, ученики срисовываютъ и располагаютъ по даннымъ типамъ принесенные экземпляры. Учитель повѣряетъ, затѣмъ ученики срисовываютъ типичные листья уже прямо съ натуры, съ принесенныхъ экземпляровъ. Такой урокъ описанъ Клеммомъ на стр. 49—53, причемъ, для нагляднаго ознакомленія читателей съ успѣшностью такого рода занятій въ нѣмецкой школѣ, приведены и предварительные рисунки учителя, и копія съ рисунковъ одного изъ учениковъ.

На урокахъ географіи Клеммъ нашелъ у учениковъ только атласы, составленные строго методически. На первой страницѣ атласа, видѣннаго Клеммомъ у учениковъ въ Берлинѣ, помѣщается перспективный видъ и планъ класса, затѣмъ, всей школы, далѣе — планъ Берлина, карта Потсдамскаго округа и т. д., до карты полушарій и звѣзднаго неба. Никогда Клеммъ не слышалъ, чтобы учениковъ спрашивали, напр., какіе мысы, какіе острова въ Европѣ? Дѣти учатся главнымъ образомъ тогда, когда чертятъ карты, и отвѣчаютъ также, нанося на особую карту требуемыя учителемъ свѣдѣнія. На стр. 309 — 312 Клеммомъ приведенъ примѣръ очень осмысленнаго урока, въ теченіе котораго учитель объяснялъ своимъ 13-ти-лѣтнимъ слушателямъ, отъ чего зависятъ климатъ, богатство растительныхъ и животныхъ формъ данной мѣстности.

Такое-же стремленіе осмыслить факты, сообщаемые ученикамъ, Клеммъ замѣтилъ и на урокахъ исторіи. Ученики слушаютъ разсказъ учителя, повторяютъ его, сравниваютъ новые факты съ прежде изу-

ченными и, наконецъ, излагаютъ прослушанный урокъ своими словами. Какъ преподаванie исторiи возможно бываетъ иногда сдѣлать нагляднымъ, видно изъ разсказа Клемма о прогулкѣ учениковъ реальной гимназiи города Д. (стр. 58—61). «Меня пригласили—говоритъ онъ—принять участiе въ прогулкѣ учениковъ реальной гимназiи въ окрестности города, верстъ за пять. Ученики шли военнымъ строемъ, отдѣльными ротами, впереди шло нѣсколько барабанщиковъ, учителя замѣняли офицеровъ. За плечами ученики несли удѣльчики (жестяныя коробки), въ которыхъ хранились: завтракъ, молоточки для разбиванiя камней, пинцеты для анатомированiя растенiй, пробки и булавки для насаживанiя бабочекъ; нѣкоторые несли веревки, лопаты и заступы... Какъ только вышли за городъ, учитель пѣнiя началъ какую-то патрiотическую пѣсню, и всѣ ученики подхватили ее. Позавтракать остановились у одной гостинницы, гдѣ имъ подали молока; ученики продолжали путь и, подойдя къ лѣсу, разошлись группами, каждый классъ отдѣльно: одни пошли въ лѣсъ ботанизировать, другiе пошли искать минераловъ, третьи занялись изученiемъ топографiи мѣстности и т. д. Я присоединился къ классу учителя исторiи. Учитель привелъ насъ на вершину холма и далъ намъ весьма интересный урокъ мѣстной исторiи... «Здѣсь—говорилъ онъ — принцъ Фердинандъ прогналъ французовъ за Рейнъ... Тамъ, вдали, вы видите башни Кёльнскаго собора, начатыя въ XIV столѣтiи и оконченныя только въ XIX стол... Здѣсь развалины зáмка, въ которомъ жилъ владѣтель всей мѣстности, которую вы теперь передъ собой видите». Далѣе онъ очень картинно представилъ своимъ слушателямъ феодальный строй общества. «Рыцари и бароны жили въ своихъ укрѣпленныхъ зáмкахъ, какъ разбойники, грабили по большимъ дорогамъ, нападали на небольшiя поселенiя и даже на укрѣпленные города, въ которыхъ уже имѣлись зачатки самоуправленiя и гражданскихъ правъ и т. д.»... По звуку рожка собрались всѣ классы. Теперь предложили всѣмъ ученикамъ разыграть «Ѳермопильскую битву». Ученики, выбравъ подходящую мѣстность, воспроизвели всѣ дѣйствiя персовъ и спартанцевъ. Послѣ примѣрнаго сраженiя всѣмъ захотѣлось отдохнуть. Затѣмъ началось хоровое пѣнiе. Послѣ пѣнiя ученики принесли учителямъ всю свою утреннюю добычу. Камни, растенiя, животныя — все было разсмотрѣно, опредѣлено и отложено въ сторону. Послѣ этого нѣкоторые классы устроили общiя игры. Наконецъ, когда солнце стало садиться, ученики собрались, вновь выстроились и отправились въ городъ, распѣвая по дорогѣ пѣсни»...

Столь-же подробно и такъ-же наглядно Клеммъ знакомитъ чита-

телей и съ преподаваніемъ рисованія, пѣнія, наконецъ—съ обученіемъ ручному труду. На этомъ послѣднемъ Клеммъ останавливается довольно долго, описываетъ нормальную школу ручнаго труда въ Лейпцигѣ, сообщаетъ о положеніи обученія ручному труду во всей Германіи, пользуясь для этого отчетомъ двухъ вѣнскихъ учителей, объѣхавшихъ, для ознакомленія съ этимъ дѣломъ, всю Германію. Клеммъ находитъ, что въ Германіи дѣло обученія ручному труду поставлено вполнѣ разумно; въ школѣ преслѣдуютъ исключительно образовательныя цѣли: воспитываютъ глазъ, руку, органы чувствъ, не спеціализируютъ обученія настолько, чтобы заранѣе болѣе или менѣе приготовить учениковъ къ извѣстному ремеслу, какъ это, напр., дѣлается во Франціи.

Клеммъ насчитываетъ 30 часовъ занятій въ недѣлю въ нѣмецкой народной школѣ, включая въ это число и уроки гимнастики, рисованія и ручнаго труда; въ учебномъ году всего шесть недѣль каникулъ (по недѣлѣ—на Пасху, Рождество и Троицу и 3 недѣли осенью, обыкновенно въ сентябрѣ). Итого дѣти учатся 46 недѣль въ году. Въ Америкѣ дѣти уже давно привыкли считать въ числѣ праздниковъ каждую субботу; кромѣ того, въ Соединенныхъ Штатахъ весьма немного школъ, въ которыхъ ученье продолжается болѣе 40 недѣль въ годъ. «Конечно—говоритъ Клеммъ—можно сдѣлать гораздо больше въ 46 недѣль, по шести дней каждая, чѣмъ въ 40 недѣль, состоящихъ изъ 5 дней». Клеммъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ о германскихъ народныхъ учителяхъ и выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что ихъ становится слишкомъ мало для полнаго удовлетворенія потребностей народнаго образованія. Учительскія семинаріи пустѣютъ. Осматривая одну изъ такихъ семинарій въ Пруссіи, Клеммъ узналъ, что въ послѣдній годъ поступило вдвое менѣе, чѣмъ было вакансій, и почти столько-же держало экзаменъ. Насколько велика потребность въ учителяхъ, видно, напримѣръ, изъ того, что въ одной изъ прусскихъ провинцій число учениковъ народныхъ школъ 682 тысячи, а учителей 7.960, т.-е. на каждаго учителя приходится 85—86 учениковъ. «Конечно, только увеличеніе вознагражденія учителямъ, при которомъ они могли-бы безбѣдно жить со своими семействами, можетъ положить предѣлъ такому порядку вещей», говоритъ Клеммъ *).

---

*) Болѣе подробныя данныя о современномъ матеріальномъ положеніи прусскихъ народныхъ учителей приведены въ замѣткѣ, помѣщаемой нами въ этой-же книжкѣ «Русской Школы» (См. Педаг. хроника «Статистическія данныя по народному образованію въ Пруссіи за послѣднее время») и составленной на основаніи послѣднихъ оффиціальныхъ данныхъ по этому предмету. Ср. также Обозрѣніе иностр. педаг. журналовъ, помѣщенное въ мартовской книжкѣ «Русской Школы» за текущій годъ. *Ред.*

Это-же обстоятельство, т.-е. недостатокъ въ учителяхъ, заставило правительство назначать на мѣста учителей женщинъ. Въ обществѣ, однако, въ особенности между учителями, господствуетъ предубѣжденіе противъ женщинъ, очень удивившее Клемма, привыкшаго въ Америкѣ видѣть начальную школу преимущественно въ рукахъ женщинъ *). Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время въ Германіи уже тысячи женщинъ занимаются преподаваніемъ, но онѣ не могутъ быть начальниками школъ. «Мужчина долженъ быть начальникомъ школы, какъ мужъ долженъ быть главой семьи», сказалъ Клемму одинъ изъ инспекторовъ народныхъ школъ (стр. 35). По окончаніи курса въ народной школѣ молодые люди, желающіе быть учителями, поступаютъ, на три года, въ особые приготовительные школы, и затѣмъ уже идутъ въ учительскія семинаріи, гдѣ остаются еще три года. Описавъ прекрасное устройство заведеній и того и другаго рода, Клеммъ говоритъ, что неудивительно, если при такихъ условіяхъ Германія имѣетъ хорошихъ учителей. Клеммъ описываетъ въ своей книгѣ съѣздъ учителей одного изъ округовъ Прирейнской Пруссіи. Онъ съ величайшимъ удовольствіемъ прослушалъ доклады и былъ очень удивленъ, какъ вѣрно одинъ изъ учителей доложилъ съѣзду «О воспитаніи въ Америкѣ». Вообще Клеммъ часто убѣждался, что нѣмецкіе учителя нерѣдко прекрасно знаютъ Америку, тогда какъ для американцевъ Германія вполнѣ terra incognita. Еще лучшее впечатлѣніе на него произвело собраніе учителей третьяго школьнаго участка города Берлина. «Собраніе происходило въ залѣ 107-й школы города. Это была великолѣпная высокая, прекрасно вентилируемая зала, украшенная фресками, стѣнной живописью, бюстами. Я нашелъ здѣсь 200—300 учителей Берлина. Одинъ молодой учитель докладывалъ товарищамъ «о реформѣ преподаванія естественныхъ наукъ», гдѣ онъ, имѣя въ виду только-что появившуюся книгу Юнге (Junge) «Деревенскій прудъ» **), рекомендовалъ внести больше непосредственнаго наблюденія природы въ преподаваніе естественной исторіи. Докладъ и пренія продолжались около трехъ часовъ; пренія велись такъ толково, умѣло и содержательно, всѣ рѣчи были такъ чужды всякихъ личныхъ намековъ, что Клеммъ удивился, встрѣтивъ въ Германіи такое умѣнье парламентски обсуждать вопросы.

---

*) Chumlers's Encyclopedia, Art. Education.

**) Объ этой книгѣ и вообще о преподаваніи естествовѣдѣнія въ нѣмецкой начальной школѣ см. «Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ», помѣщенное въ вышеназванной книжкѣ «Русской Школы». *Ред.*

Между германскими учителями особенно выдаются берлинскіе, которые съумѣли себя высоко поставить въ общественномъ мнѣніи и добились хорошаго вознагражденія за свой трудъ. Нигдѣ въ Германіи Клеммъ не нашелъ между учителями такого esprit de corps, нигдѣ онъ не нашелъ также такого живаго отношенія къ дѣлу, какъ въ Берлинѣ. Здѣсь учителя имѣютъ свою ежедневную газету, нѣсколько еженедѣльныхъ изданій и, кромѣ того, дѣятельно сотрудничаютъ въ ежемѣсячныхъ спеціальныхъ журналахъ. Въ Берлинѣ Клеммъ нашелъ два педагогическихъ музея: одинъ городской, другой, содержимый на счетъ общества берлинскихъ учителей. Въ этомъ послѣднемъ собрана вся литература по народному образованію; книги и пособія, когда-либо употреблявшіяся въ школѣ, собраны и расположены хронологически по предметамъ.

Таково, въ общемъ, содержаніе той части книги Клемма, въ которой описываются германскія школы, а имъ посвящено 320 страницъ изъ 420. Есть въ ней и еще много интереснаго; таково, напр., описаніе школы для слабоуспѣвающихъ въ Берлинѣ, описаніе женскихъ и мужскихъ учительскихъ семинарій, образцовыхъ школъ учрежденія Франке въ Галле, нормальной школы (учительской семинаріи) ручнаго труда въ Лейпцигѣ, нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью такъ или иначе помогать учащимся; но мы и такъ уже слишкомъ долго остановились на германской школѣ.

Французскимъ школамъ Клеммъ посвящаетъ 75 страницъ, и изъ нихъ большая часть занята описаніемъ парижскихъ школъ. Во Франціи Клеммъ обратилъ главное вниманіе на обученіе ручному труду, на преподаваніе рисованія, черченія и географіи. Но предоставимъ слово самому Клемму.

«На послѣдующихъ страницахъ я думаю дать тщательный отчетъ о томъ, что сдѣлали французы въ дѣлѣ обученія ручному труду... Въ моихъ словахъ, можетъ быть, покажется слишкомъ много энтузіазма, но видѣнныя мною работы учениковъ парижскихъ школъ дѣйствительно великолѣпны... Однако, все обученіе ручному труду выходитъ изъ совершенно невѣрныхъ соображеній, которыя можно выразить приблизительно такимъ образомъ: въ школѣ слѣдуетъ обучать нѣкоторымъ ремесламъ, чтобы сократить впослѣдствіи годы ученичества и дать возможность юношамъ стать ранѣе на свои ноги... Изъ 174 школъ для мальчиковъ въ Парижѣ, въ 99 (по отчету за 1887 г.) устроены мастерскія, гдѣ дѣтей обучаютъ столярному, токарному и кузнечному ремесламъ» (317—8). «Теперь, дорогой читатель,—продолжаетъ Клеммъ—подумайте о послѣдствіяхъ такого порядка вещей...

Въ 99 школахъ Парижа, съ 500 учениками каждая, ведется обученіе перечисленнымъ ремесламъ. Дѣти знакомятся съ ними на столько, что естественно пріобрѣтаютъ склонность, по выходѣ изъ школы, заняться однимъ изъ нихъ. Что-же будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда предложеніе труда въ этихъ профессіяхъ значительно превзойдетъ спросъ на него?» (стр. 319).

Оговорившись такимъ образомъ, Клеммъ далѣе разсказываетъ, какія работы онъ нашелъ въ мастерскихъ при своемъ посѣщеніи школъ, даетъ много рисунковъ съ этихъ работъ, снятыхъ тутъ-же, на мѣстѣ. «Обученіе идетъ такъ обдуманно и методично, что получаются результаты, превышающіе всякія ожиданія» (320). Замѣчательные успѣхи, достигаемые учениками французскихъ школъ, Клеммъ приписываетъ въ значительной степени тому, что для всякой работы долженъ быть заранѣе составленъ чертежъ, безъ котораго даже не приступаютъ къ ней. Такимъ образомъ, сужденія Клемма о характерѣ обученія ручному труду во французскихъ школахъ сходятся съ мнѣніемъ К. К. Сентъ-Илера, высказаннымъ въ «Замѣткахъ о педагогическомъ отдѣлѣ парижской выставки» («Русская Школа» 1890, № 1). Но г. Сентъ-Илеръ, повидимому, судилъ главнымъ образомъ по работамъ, присланнымъ на выставку; Клеммъ, бывшій въ Парижѣ годомъ раньше, руководствовался исключительно наблюденіями при личномъ посѣщеніи школъ.

Съ величайшими похвалами Клеммъ говоритъ о преподаваніи рисованія въ начальныхъ школахъ Парижа. «Если-бы я посѣтилъ сначала Парижъ—говоритъ онъ—я съ меньшей похвалой отозвался-бы о преподаваніи рисованія въ Германіи,—до такой степени видѣнное мной въ Парижѣ превосходитъ все, что я встрѣтилъ по ту сторону Рейна»... «Копированіе совсѣмъ не практикуется на урокахъ рисованія: начинаютъ прямо со срисовыванья съ натуры... Съ 12-ти-лѣтняго возраста, уроки рисованія происходятъ въ особо приспособленной для этого залѣ, болѣе похожей на студію артиста, чѣмъ на классную комнату... Изъ нѣкоторыхъ школъ я ушелъ, нагруженный ученическими рисунками, и я надѣюсь, что всякій, кто взглянетъ на эти рисунки, вполнѣ признаетъ справедливость моихъ словъ» (стр. 354). На ряду съ риссованіемъ, и такъ-же успѣшно, идетъ обученіе геометрическому черченію. «Умѣнье французскихъ школьниковъ набросать скоро и вѣрно чертежъ прибора, нарисовать животное, растеніе, начертить карту—превосходитъ все, что я видѣлъ въ другихъ странахъ», говоритъ Клеммъ.

Далѣе Клеммъ описываетъ методъ преподаванія географіи. Какъ

и въ Германіи, обращается много вниманія на черченіе географическихъ картъ; въ школѣ занимаются также коммерческой географіей: ученики хорошо знакомятся съ существующими путями сообщенія и даже съ главными статистическими данными. Въ книгѣ подробно изложенъ также методъ обученія грамотѣ. Очень интересно описаніе завтрака въ парижскихъ начальныхъ школахъ. Въ каждой школѣ есть большой залъ, гдѣ происходятъ занятія гимнастикой и военными упражненіями. Здѣсь-же на время завтрака ставятся складные столы и скамейки. Послѣ окончанія утреннихъ уроковъ ученики медленно выходятъ изъ классовъ и одинъ за другимъ проходятъ передъ окномъ въ кухню. На столѣ передъ окномъ положено до 400 оловянныхъ тарелокъ и чашекъ. Каждый школьникъ, проходя мимо стола, получаетъ чашку великолѣпнаго супа и тарелку съ мясомъ, приправленнымъ зеленью и овощами. Получивъ свою порцію, школьникъ приходитъ въ залъ и садится на свое мѣсто. Дѣти приносятъ изъ дома кусокъ хлѣба и фляжку вина. Клеммъ успокаиваетъ американскихъ читателей относительно послѣдняго обстоятельства, говоря, что это превосходное красное вино, нисколько не опьяняющее, и что вообще вино есть такая-же принадлежность французскаго обѣда, какъ вода—американскаго. Пища—великолѣпная, и завтракъ предоставляется даромъ тѣмъ, кто не можетъ заплатить, что случается крайне рѣдко. Въ однѣхъ школахъ за завтракъ платятъ 10 сантимовъ, въ другихъ 15.

Затѣмъ Клеммъ говоритъ объ обученіи гимнастикѣ, о школьныхъ батальонахъ, формируемыхъ изъ старшихъ по возрасту учениковъ. Дѣтей учатъ фехтованью; для обученія строю раздаютъ ружья, по размѣрамъ нѣсколько меньше солдатскихъ. Какъ во время уроковъ, такъ и во время рекреацій, соблюдается строгая дисциплина; все это дѣлается, говоритъ Клеммъ, на случай войны съ нѣмцами, когда націи понадобятся пріученные къ дисциплинѣ солдаты. Всѣ школы хорошо вентилируются; помѣщенія и вентиляція школъ вообще лучшія, нежели въ Германіи. Во всѣхъ школахъ Клеммъ нашелъ массу всевозможныхъ пособій, ибо правительство не жалѣетъ денегъ на народное образованіе. Кромѣ парижскихъ, Клеммъ посѣщалъ еще школы сѣверо-восточной Франціи и убѣдился, какъ и можно было ожидать, что провинціальныя школы много хуже парижскихъ и значительно уступаютъ американскимъ. Но, продолжаетъ Клеммъ, вездѣ школьное дѣло быстро идетъ впередъ, вездѣ чувствуются результаты героическихъ усилій Поля Бэра и его менѣе извѣстныхъ, но столь-же энергичныхъ преемниковъ. Мертвящему вліянію католическихъ орде-

новъ положенъ предѣлъ, обученіе скоро будетъ находиться исключительно въ рукахъ свѣтскихъ учителей.

Къ сожалѣнію, Клемму пришлось узнать также, что во французскихъ школахъ еще практикуется физическое наказаніе, и онъ, конечно, справедливо негодуетъ на эти слѣды варварскихъ нравовъ среди столь цивилизованнаго народа. Предъ отъѣздомъ изъ Парижа Клеммъ посѣтилъ Musée Pédagogique и съ величайшими похвалами отзывается обо всемъ видѣнномъ тамъ; но мы не будемъ останавливаться на этомъ, такъ какъ читатели «Русской Школы» уже знакомы съ этимъ музеемъ по описанію г. Сентъ-Илера («Р. Ш.» 1890, № 2).

Какъ я уже сказалъ, Клеммъ познакомился съ австрійскими начальными школами только въ Вѣнѣ. Онъ описываетъ прослушанные имъ уроки грамматики, физики и знакомитъ подробно съ обученіемъ ручному труду, которое въ Вѣнѣ поставлено превосходно. Еще меньше Клеммъ останавливается на швейцарскихъ школахъ. Въ нихъ онъ не нашелъ ничего хорошаго: методы устарѣли, учителя плохи, ученики знаютъ чрезвычайно мало. «Впрочемъ—говоритъ Клеммъ—можетъ быть, мнѣ особенно не повезло въ Швейцаріи, и такъ какъ каждый кантонъ самостоятельно организуетъ школьное дѣло, то возможно, что въ другихъ мѣстахъ дѣло идетъ лучше, нежели въ тѣхъ трехъ городахъ, которые я посѣтилъ».

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе книги Клемма. Читатель могъ убѣдиться, что авторъ имѣетъ здравыя понятія о томъ, чѣмъ должна быть начальная школа и какъ должно вестись въ ней преподаваніе, а потому, по нашему мнѣнію, его книга заслуживаетъ вниманія каждаго, интересующагося дѣломъ народнаго образованія.

П. Мижуевъ.

„URANIA“,

Берлинское общество для распространенія естественно-научныхъ знаній *).

Въ мартѣ 1887 года образовалось въ Берлинѣ *акціонерное общество* «Уранія», имѣющее цѣлью, какъ сказано въ его уставѣ, «распространеніе любви къ изученію природы».

Странно звучитъ съ первыхъ словъ это сочетаніе акціонернаго предпріятія съ любовью къ природѣ. Однако, нѣкоторое знакомство съ исторіей возникновенія, цѣлями и дѣятельностью этого учрежденія, приводитъ къ выводу, что оно должно занять очень выдающееся мѣсто среди образовательныхъ учрежденій. Мы имѣемъ здѣсь въ виду познакомить нашихъ читателей съ этой оригинальной затѣей, пользуясь отчасти имѣющимся печатнымъ матеріаломъ, отчасти основываясь на личныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ при посѣщеніи учрежденія вскорѣ послѣ его открытія и въ мартѣ нынѣшняго года.

Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію общества послужило то, что Берлинская астрономическая обсерваторія уже нѣсколько лѣтъ подрядъ была осаждаема массою посѣтителей, искавшихъ знакомства съ великими явленіями надъ-облачнаго міра; наплывъ публики начиналъ уже причинять помѣху въ ходѣ научныхъ работъ обсерваторіи. Это обстоятельство давно подало директору обсерваторіи Фёрстеру мысль объ основаніи особой общедоступной обсерваторіи,—мысль, встрѣтившую большое сочувствіе со стороны министра нар. просв. Къ обсерваторіи, по плану астронома Вильгельма Мейера, теперешняго директора общества «Уранія», должно было присоединиться еще нѣ-

*) Содержаніе этой статьи, въ главныхъ чертахъ, было предметомъ сообщенія, сдѣланнаго въ собраніи отдѣла физики при Педагогическомъ музеѣ въ сентябрѣ 1889 года. Нынѣ статья является переработанной и пополненной новыми данными, частью по печатному матеріалу (см. только-что вышедшую брошюру В. Мейера «Die Urania zu Berlin», 1891), частью на основаніи личныхъ впечатлѣній.

сколько помѣщеній, въ которыхъ въ общедоступной и завлекательной формѣ сообщались-бы публикѣ знанія и изъ другихъ областей естествознанія. Въ особенности представлялось желательнымъ, для цѣлей популяризаціи знанія въ возможно широкомъ кругу, устройство «научнаго театра», или «діорамы природы», опытъ которой былъ прежде уже сдѣланъ В. Мейеромъ въ Вѣнѣ. Кромѣ того, чтобы роль «театра» не ограничивалась лишь показываніемъ картинъ природы, а могла быть образовательной, предполагалось устроить коллекцію приборовъ изъ главныхъ отраслей физики, которыя служили-бы для подготовленія посѣтителей къ пониманію явленій, показываемыхъ въ научномъ театрѣ. Таковы главныя мысли, руководившія основателями общества, которое и было объявлено открытымъ въ общемъ собраніи 3-го марта (н. ст.) 1887 года. Въ этомъ собраніи присутствовало 122 члена, которые считаются собственно «членами-основателями»; вмѣстѣ съ 21, не принимавшими личнаго участія въ собраніи, общее число первыхъ акціонеровъ составило 143 человѣка. Основной капиталъ общества въ 205.000 герм. марокъ раздѣленъ былъ на 410 именныхъ акцій, по 500 марокъ каждая. Въ ноябрѣ 1888 г. капиталъ увеличенъ до 400.000 марокъ, съ раздѣленіемъ на 800 акцій, по 500 марокъ, а затѣмъ въ составъ общества вошло еще 212 акціонеровъ, что составляетъ съ прежними 355. Въ настоящее время основной капиталъ общества составляетъ уже полмилліона марокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и число членовъ.

Цѣль общества и способы ея достиженія лучше всего характеризуются слѣдующими выдержками (съ сокращеніями) изъ нѣсколькихъ §§ его статута *).

Цѣль общества—распространеніе любви къ изученію природы (der Freude an der Naturerkenntniss). Цѣль эта должна достигаться:

1. Устройствомъ и содержаніемъ помѣщенія, въ которомъ, путемъ представленій и лекцій, въ завлекательной и общедоступной формѣ, посѣтители знакомились-бы съ важнѣйшими результатами изслѣдованія природы—главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, доставляемыхъ намъ астрономическими трубами.

2. Изданіемъ ежемѣсячнаго популярно-научнаго журнала «Himmel und Erde».

3. Выставкою такихъ аппаратовъ и инструментовъ, которыхъ назначеніе связано съ предметомъ упомянутыхъ выше представленій и

---

*) Полный экземпляръ статута высылается по требованію безплатно.

лекцій, и которые доставлялись-бы обществу производителями для осмотра, испытанія и продажи.

Членомъ общества считается всякій владѣлецъ по крайней мѣрѣ одной акціи. Каждый членъ получаетъ для себя (а если онъ владѣлецъ болѣе одной акціи, то для нѣсколькихъ лицъ—по числу принадлежащихъ ему голосовъ) право свободнаго входа на всѣ представленія, лекціи и всякія особыя учрежденія общества. Каждый членъ получаетъ безплатно одинъ экз. журнала «Himmel und Erde». Каждый членъ имѣетъ право на ежегодное полученіе дивиденда, который, однако, не долженъ превышать 5%.

Акціи общества—именныя и могутъ быть передаваемы не иначе, какъ съ согласія совѣта и общаго собранія.

Заручившись содѣйствіемъ министра народнаго просвѣщенія и встрѣтивъ поддержку со стороны городского управленія, общество пріобрѣло на выгодныхъ условіяхъ клочекъ земли и построило собственное зданіе *), которое открыто для посѣтителей 2 іюля (н. ст.) 1889 года. Оно состоитъ изъ 5-ти отдѣленій, каждое въ завѣдываніи спеціалиста.

Отдѣленіе I: астрономическая обсерваторія. Къ услугамъ посѣтителей имѣется шесть зрительныхъ трубъ, изъ которыхъ наибольшая имѣетъ объективъ въ 32½ сантиметра (1 футъ) и съ фокуснымъ разстояніемъ въ 5 метровъ (2½ сажени), а вторая—объективъ въ 17 м. и длину 4 м. При благопріятной погодѣ тутъ показываются: днемъ—солнце съ его пятнами, вечеромъ—луна съ ея горами и кратерами, планеты, двойныя звѣзды, звѣздныя кучи, туманныя пятна и пр. Каждый часъ совершается обходъ по обсерваторіи, при которомъ объясняется устройство и назначеніе инструментовъ.

Отдѣленіе II: собраніе физическихъ приборовъ. Рядъ приборовъ, служащихъ для объясненія физическихъ законовъ и явленій. Между прочимъ, по электричеству выставлены: модель электрической желѣзной дороги; большая электрофорная самозаряжающаяся машина; гальванопластическіе аппараты; большой электромагнитъ, сильные электрическіе индукторы; Гейсслеровы и Круксовы трубки; аппараты, служащіе для объясненія дѣйствія телефона; динамо-машины (передача работы). По свѣту: большое вогнутое зеркало; поляризаціонные аппараты; спектроскопы (спектръ солнца, спектры металлическихъ паровъ, газовъ и спектры поглощенія). По звуку: аппаратъ для

---

*) Invalidenstrasse, 57—62.

производства Хладніевыхъ фигуръ; резонаторы; рядъ каммертоновъ Аппуна (высшій предѣлъ слышимыхъ звуковъ) и много другихъ.

Каждый изъ этихъ аппаратовъ такъ установленъ, что всегда готовъ къ дѣйствію.

Собраніе физическихъ приборовъ находится въ завѣдываніи специалиста профессора Гольдштейна (E. Goldstein).

Отдѣленіе III: собраніе микроскопическихъ препаратовъ. Здѣсь установлено 50 микроскоповъ съ увеличеніемъ отъ 50 до 1.000 разъ, съ готовыми препаратами, которые мѣняются еженедѣльно. Между прочимъ, показываются низшіе организмы съ большихъ морскихъ глубинъ (до 9.000 метровъ), камерныя (Foraminifera), радіоларіи, діатомеи. Холерныя и другія болѣзнетворныя бактеріи; свѣтящіяся бактеріи; живыя инфузоріи и полипы изъ Берлинскаго зоологическаго сада. Препараты насѣкомыхъ, паразитовъ человѣка и животныхъ. Препараты по микроскопической анатоміи человѣка и позвоночныхъ животныхъ, напр., препараты слухового органа, разрѣзы человѣческой кожи, ногтя; препараты крови. Микроскопическое строеніе и жизненные процессы растеній. Водоросли и грибы; дрожжи. Собраніе тонкихъ разрѣзовъ черезъ различные сорты деревъ. Разрѣзы различныхъ горныхъ породъ въ поляризованномъ свѣтѣ (берлинская мостовая) и пр.

Микроскопическимъ отдѣломъ завѣдуетъ профессоръ Прейеръ (W. Preyer).

Отдѣленіе IV: выставка точныхъ инструментовъ. Зрительныя трубы, микроскопы, микротомы, принадлежности для препарированія подъ микроскопомъ, спектроскопы, проэкціонные приборы, глазныя зеркала, различные электрическіе аппараты и многіе другіе выставлены для осмотра и продажи. Всѣ эти вещи изготовлены солиднѣйшими нѣмецкими фирмами. По желанію покупателя, онѣ подвергаются безплатно еще особому осмотру и испытанію въ самомъ учрежденіи «Уранія». Цѣны выставлены на приборахъ по прейсъ-курантамъ самихъ производителей.

Отдѣленіе V: научный театръ. Ежедневно въ 7½ часовъ вечера въ немъ дается представленіе изъ области астрономіи, астрофизики и геологіи. Рядъ декоративныхъ сценъ, сопровождаемыхъ объясненіями лектора. Въ томъ-же театральномъ залѣ (и частью также въ особомъ, небольшихъ размѣровъ, проэкціонномъ залѣ) отъ 6 до 6½ час. читаются коротенькія лекціи по предметамъ физики, астрономіи и микроскопіи, сопровождающіяся опытами или проэкціонными картинами.

Въ подвальномъ этажѣ зданія находятся лабораторіи, мастерскія

и машинное помѣщеніе. Отсюда всѣ отдѣлы снабжаются водою, газомъ и электрическимъ токомъ. Газовый 12-сильный двигатель приводитъ въ движеніе, во-1-хъ, динамо-машину, дающую токъ силою до 70 амперовъ, а во-2-хъ, водяной насосъ, накачивающій воду въ резервуаръ подъ давленіемъ до 50 атмосферъ и доставляющій такимъ образомъ источникъ работы, расходуемой въ обсерваторіи (о чемъ ниже), на сценѣ театра и въ другихъ частяхъ зданія. Зимою послѣ 5 часовъ вечера, когда запросъ на свѣтъ увеличивается, начинаетъ работать еще динамо-машина на 500 амперовъ (при 75-сильномъ паровомъ двигателѣ), находящаяся въ 300 метрахъ разстоянія—на машинной станціи Сименса и Гальске. Начинаясь въ подвалѣ, весьма сложная сѣть трубокъ и электрическихъ проводовъ пронизываетъ все строеніе подобно нервамъ и сосудамъ живаго организма.

Давъ въ предыдущихъ строкахъ бѣглый обзоръ цѣлей «Ураніи», ея средствъ и предлагаемаго ею матеріала, мы намѣрены теперь сдѣлать съ читателемъ обходъ по нѣкоторымъ ея отдѣламъ, при чемъ зададимся цѣлью обращать наше вниманіе лишь на наиболѣе существенное и оригинальное. Тогда и самая дѣятельность учрежденія,—котораго отдѣльныя части, судя по сдѣланному выше краткому перечню предметовъ, могли-бы показаться недостаточно связными,—представится въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Сперва два слова о внѣшности самаго зданія «Ураніи». Одноэтажное строеніе съ его тремя куполами сразу напоминаетъ обсерваторію и, надо замѣтить, нѣсколько обманываетъ посѣтителя своею кажущеюся миніатюрностью: подходя къ нему, никакъ нельзя предполагать въ немъ такого множества помѣщеній, въ особенности-же сравнительно большого театральнаго зала.

Въ астрономическомъ отдѣлѣ, конечно, прежде всего привлекаетъ вниманіе огромный рефракторъ съ объективомъ въ 12 дюймовъ и длиною въ $2^1/_2$ саж. слишкомъ, открытый для посѣтителей лишь въ концѣ декабря 1889 г. Онъ помѣщается подъ среднимъ, главнымъ, куполомъ и представляетъ собою, по выраженію директора «Ураніи», какъ-бы глазъ этого учрежденія, чрезъ который посѣтителямъ дана возможность заглядывать въ таинственные уголки мірозданія. По размѣрамъ, этотъ рефракторъ въ настоящее время второй въ Германіи (его превосходитъ лишь Страсбургскій) и построенъ со всѣми усовершенствованіями современной техники. Рядъ окуляровъ къ нему даютъ увеличеніе отъ 70 до 1.300 разъ. Нѣсколько вспомогательныхъ аппаратовъ (изъ которыхъ фотографическіе и спектральные, впрочемъ, еще не установлены), должны сдѣлать инструментъ пригоднымъ для

самыхъ разнообразныхъ астрономическихъ наблюденій. Изъ интересныхъ новинокъ, сравнительно съ другими подобными инструментами, слѣдуетъ упомянуть объ освѣщаемомъ электрически микрометрѣ трубы и о механизмѣ, вращающемъ трубу вслѣдъ за суточнымъ движеніемъ свѣтилъ,—механизмѣ, который то-же работаетъ электрическимъ токомъ: маленькая динамо-машина, приводимая въ дѣйствіе токомъ отъ батареи аккумуляторовъ, вращаетъ центробѣжный регуляторъ, которымъ автоматически размыкается токъ, когда шары регулятора слишкомъ раздвинутся; такимъ образомъ вращеніе центробѣжнаго регулятора, передающееся трубѣ, можно поддерживать равномѣрнымъ въ требуемой степени. Замѣчательны еще гидравлическія приспособленія при инструментѣ: пользуясь напоромъ воды (для чего въ подвалѣ зданія находится особый резервуаръ, въ который накачивается вода подъ давленіемъ 50 атмосферъ), можно безъ всякихъ усилій поворачивать куполъ, открывать въ немъ разрѣзъ (щель) для наблюденій и поднимать полъ съ 20 посѣтителями на высоту, удобную для наблюденія въ трубу. Установка самого инструмента такова, что для перемѣщенія его въ любое положеніе почти достаточно силы ребенка, хотя труба по размѣрамъ очень напоминаетъ собою артиллерійское орудіе среднихъ размѣровъ. Рефракторъ съ установкой (но безъ зданія съ куполомъ) обошелся въ 50.000 германскихъ марокъ.

Кромѣ главнаго рефрактора, обсерваторія располагаетъ еще пятью меньшими трубами, которыми посѣтители, конечно, пользуются гораздо чаще, чѣмъ только-что описаннымъ гигантомъ.

Главные часы «Ураніи» состоятъ въ электрическомъ сообщеніи съ хронометромъ Берлинской обсерваторіи и провѣряются еженедѣльно съ точностью до $^1/_{100}$ секунды. Они автоматически заводятся водою обыкновеннаго водопровода и помощью системы воздухоносныхъ трубокъ регулируютъ ходъ цѣлой дюжины второстепенныхъ часовъ въ разныхъ отдѣлахъ зданія.

Заглянувъ на обсерваторію, гдѣ описанные только-что предметы удобнѣе всего обозрѣвать днемъ (въ часы обхода съ разъясненіями), мы направляемся въ физическій залъ. Характерная особенность выставки физическихъ приборовъ, какъ упомянуто выше, состоитъ въ томъ, что каждый выставленный приборъ предоставленъ въ распоряженіе посѣтителя и всегда готовъ къ дѣйствію. По счастливой мысли завѣдующаго этимъ отдѣломъ профессора Гольдштейна, «Уранія» впервые рѣшилась отступить отъ обычнаго пріема всякихъ выставокъ: запрещать прикосновеніе къ предметамъ и даже запирать ихъ въ шкафъ. Здѣсь возлѣ каждаго прибора находится краткое, но ясно

изложенное описаніе его назначенія (устройство прибора большею частью не объясняется, потому что его можно видѣть во всѣхъ подробностяхъ на выставленномъ экземплярѣ) и указаніе, какъ надо поступить, чтобы приборъ пришелъ въ дѣйствіе; нажавъ указанную въ описаніи кнопку, перемѣстивъ ту или другую рукоятку и пр., посѣтитель можетъ наблюдать соотвѣтствующее явленіе или рядъ явленій, выясняющихъ какой-нибудь физическій законъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на важнѣйшіе аппараты, составляющіе, напр., коллекцію по гальванизму. Коллекція начинается нѣсколькими аппаратами, на которыхъ можно наблюдать важнѣйшія дѣйствія электрическаго тока. Въ первомъ приборѣ длинная платиновая спираль раскаляется, какъ скоро нажатіемъ указанной въ объясненіи кнопки токъ будетъ замкнутъ. Въ слѣдующемъ аппаратѣ мы видимъ цѣпь, составленную попеременно изъ серебряныхъ и платиновыхъ проволочекъ: при пропусканіи тока, платиновыя части раскаливаются, а серебряныя остаются темными—различіе, сводящееся къ различію въ электропроводности серебра и платины. На обоихъ аппаратахъ попутно можно наблюдать и расширеніе металловъ отъ тепла (на что и обращено вниманіе въ объясненіи), такъ какъ проволоки въ накаленномъ состояніи дѣлаются замѣтно длиннѣе (свѣшиваются). Въ слѣдующемъ затѣмъ аппаратѣ можно видѣть разложеніе подкисленной воды дѣйствіемъ тока. Химическое дѣйствіе тока продолжается далѣе на примѣрахъ осажденія металловъ изъ растворовъ солей; здѣсь въ особомъ аппаратѣ можно наблюдать, какъ пузырьки кислорода, выдѣляющіеся въ изобиліи изъ подкисленной воды въ случаѣ мѣднаго анода, почти исчезаютъ, если взять анодъ изъ свинца (образованіе анодной пластинки аккумулятора). Затѣмъ слѣдуютъ аппараты, въ которыхъ, наоборотъ, химическія дѣйствія даютъ начало току, т.-е. разнообразные гальваническіе элементы и аккумуляторы. Эта группа приборовъ заканчивается гальванопластическими аппаратами и образцами гальванопластическихъ работъ. Далѣе мы имѣемъ приборъ Ампера, показывающій взаимодѣйствіе токовъ: мы наблюдаемъ или притяженіе, или отталкиваніе, смотря по направленію токовъ. Затѣмъ слѣдуютъ приборы для наблюденія магнитныхъ дѣйствій тока и ихъ примѣненій: спираль, втягивающая желѣзный цилиндръ, большой электромагнитъ, различные гальваноскопы и гальванометры, модели электрическихъ телеграфовъ, звонковъ (и другихъ сигнальныхъ аппаратовъ, напр., пожарнаго сигнала) и большая модель телефона. Коллекція заканчивается приборами для наблюденія основныхъ явленій индукціи и большой динамо-машиной, которая, смотря по тому или иному поло-

женію рукоятки переводчика тока, или накаливаетъ нѣсколько Эдисоновскихъ лампочекъ, или приводитъ въ движеніе другую динамо-машину.

Электрическій токъ, необходимый для этихъ опытовъ, доставляется десятью большими аккумуляторами, которые питаются установленной въ подвальномъ помѣщеніи динамо-машиной (см. выше), и отъ которыхъ идутъ проволоки съ отвѣтвленіями, позволяющими имѣть токъ той или другой силы, смотря по аппарату.

Изъ этого перечня (въ которомъ кое-что менѣе существенное, конечно, опущено) можно видѣть, что коллекція аппаратовъ по гальванизму, хотя и не отличается полнотою хорошаго физическаго кабинета, однако, содержитъ почти все наиболѣе важное по гальванизму. Сходнымъ образомъ составлены и прочіе отдѣлы. (По теплотѣ пока не имѣется особаго отдѣла). Не перечисляя всѣхъ предметовъ, остановимся лишь на нѣсколькихъ болѣе интересныхъ.

Въ отдѣлѣ свѣта, расположенномъ противъ отдѣла гальванизма, по другую сторону зала, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе большое вогнутое зеркало, дающее превосходное дѣйствительное изображеніе статуэтки, скрытой отъ зрителя въ ящикѣ. Вслѣдъ за разными оптическиии стеклами идутъ двѣ остроумныя модели близорукаго и дальнозоркаго глаза, назначенныя для выясненія роли очковъ. Въ обѣихъ моделяхъ на матовомъ стеклѣ, соотвѣтствующемъ сѣтчатой оболочкѣ глаза, мы видимъ расплывчатыя изображенія внѣшнихъ предметовъ, которые тотчасъ становятся отчетливыми, если передъ глазомъ будетъ помѣщено въ первой модели разсѣевающее, во второй—собирательное стекло. Очень любопытно далѣе стереоскопическое изображеніе луны: нашъ спутникъ является здѣсь настоящимъ шаромъ, благодаря тому, что въ стереоскопѣ находятся два не совсѣмъ тождественныхъ снимка луны, сдѣланныхъ въ разное время (припомнимъ явленіе такъ-называемой либраціи луны). Изъ числа явленій болѣе спеціальнаго характера обращаютъ на себя вниманіе эффектныя разноцвѣтныя фигуры, наблюдаемыя въ поляризованномъ свѣтѣ. Роль анализаторовъ весьма наглядно представлена, между прочимъ, на Николевой призмѣ, направленной на писанную масляными красками лакированную картину; картина поставлена такъ, что отраженіе дневного свѣта отъ лакировки мѣшаетъ видѣть рисунокъ, если смотрѣть на картину простымъ глазомъ; но стоитъ лишь взглянуть на нее сквозь (установленную надлежащимъ образомъ) Николеву призму,—и рисунокъ выступаетъ вполнѣ отчетливо. Въ спектроскопическомъ отдѣлѣ можно видѣть спектры паровъ важнѣйшихъ легкихъ металловъ,

спектры газовъ, спектры поглощенія. Круксовы трубки съ веществами, свѣтящимися при пропусканіи электрическаго тока, представляютъ для глаза необыкновенно красивые цвѣтовые эффекты и т. д. Здѣсь, какъ и въ отдѣлѣ по гальванизму, аппараты по большей части крупные, наглядные и приспособлены такъ, что для приведенія ихъ въ дѣйствіе нѣтъ надобности въ опытной рукѣ. Приспособленія эти, имѣющія въ виду обезпечить надежное дѣйствіе аппарата и преслѣдующія вмѣстѣ съ тѣмъ экономическія цѣли, иногда въ высшей степени практичны. Такъ, напр., въ сахарометрѣ, потянувъ за указанный въ описаніи шнуръ, вы прямо вводите трубку съ сахарнымъ растворомъ, и она опять сама собою отводится въ сторону дѣйствіемъ пружины, какъ скоро шнуръ будетъ отпущенъ. Отъ возможныхъ толчковъ трубка хорошо защищена резиновыми кольцами и подкладками, такъ что приборъ положительно является неуязвимымъ, и понадобилось-бы извѣстное стараніе, чтобы его испортить. Другой любопытный примѣръ этого рода представляютъ аппараты для наблюденія спектровъ металлическихъ паровъ. Въ довольно помѣстительномъ стаканчикѣ налитъ растворъ соли металла, и въ этотъ растворъ погружается платиновая кисточка, а рядомъ стоитъ Бунзеновская горѣлка, которая теплится лишь едва замѣтно; при нажиманіи на указанную въ описаніи рукоятку, горѣлка вспыхиваетъ сильнымъ пламенемъ, въ которое тотчасъ-же сама собою вводится смоченная солянымъ растворомъ платиновая кисточка: спектръ наблюдается затѣмъ въ направленный на пламя прямой спектроскопъ.

Кромѣ многихъ другихъ физическихъ приборовъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе посѣтителей (и частью упомянутыхъ въ сдѣланномъ выше перечнѣ), въ физическомъ залѣ находится также коллекція микроскоповъ съ препаратами и шкафъ съ приборами, выставленными для продажи. Стѣны зала украшены множествомъ занимательныхъ рисунковъ, фотографій и картинъ; таковы, напр., нѣкоторые оптическіе обманы, фотографіи планетъ, кометъ и пр., великолѣпный фотографическій снимокъ молніи, свѣтовые спектры, дополнительные цвѣта, фотографіи фигуръ Антолика (фигуръ, получающихся при скольженіи электрической искры по закопченному стеклу); рисунки любопытныхъ формъ минеральнаго, растительнаго и животнаго міра; географическія и другія карты и рельефы. Словомъ, любознательный посѣтитель и тутъ найдетъ богатый образовательный матеріалъ, разсчитанный въ то-же время и на его эстетическія чувства. Если ему понадобятся какія-либо разъясненія помимо вывѣшенныхъ у самихъ предметовъ, то онъ во всякое время получитъ ихъ отъ любезныхъ и свѣдущихъ

объяснителей (помощники завѣдующихъ отдѣлами), которые постоянно присутствуютъ въ залѣ.

Но оставимъ выставку физическихъ приборовъ и направимся въ залу научнаго театра, гдѣ въ 6 часовъ начинается такъ-называемое получасовое дневное чтеніе, о чемъ звонокъ извѣщаетъ посѣтителей. Эти чтенія, которыхъ въ первое полугодіе существованія «Ураніи» было произнесено слишкомъ 500, имѣютъ характеръ пояснительнаго текста къ систематическому ряду опытовъ или картинъ по тому или другому предмету, имѣющему связь съ задачами «Ураніи», и черпаютъ свой матеріалъ главнымъ образомъ изъ данныхъ астрономіи, физики (отчасти химіи) и микроскопіи; біологическихъ вопросовъ они касаются постольку, поскольку это нужно для построенія цѣльной картины мірозданія. Для примѣра, вотъ темы нѣкоторыхъ чтеній: о спектральномъ анализѣ, о звукѣ, о теплотѣ, объ электричествѣ, о строеніи міра, о составѣ атмосферы, о лунѣ, о первобытной природѣ, о жизни на большихъ глубинахъ океановъ, о явленіи сожительства растеній съ животными, о бактеріяхъ и ихъ изученіи, о фотографіи и ея примѣненіяхъ къ искусству и наукѣ, о волнахъ и лучахъ и т. д. и т. д. Для проектированія картинъ на экранѣ (особая занавѣсь театральной сцены) служитъ фонарь съ источникомъ электрическаго свѣта силою до 6.000 свѣчей—при токѣ въ 40 амперовъ. Фонарь помѣщается не спереди, а позади зрителей, и такое расположеніе надо признать чрезвычайно удобнымъ: во-первыхъ, имѣется возможность поставить фонарь далеко отъ экрана безъ затраты мѣста спереди, а во-вторыхъ, при такомъ расположеніи фонарь—представляющій довольно большую машину—и завѣдующій имъ служитель не заслоняютъ собою экрана.

Внутренность театральнаго зала,—въ которомъ, кромѣ партера, имѣется одинъ ярусъ мѣстъ въ ложахъ,—отличается простотою и изяществомъ. Передъ началомъ чтенія электрическая люстра гаснетъ, въ темной залѣ воцаряется тишина, и передъ зрителемъ проходитъ рядъ превосходныхъ картинъ, сопровождающихся громкимъ и яснымъ объяснительнымъ чтеніемъ лектора. Эти полчаса или 35 минутъ чтенія, нисколько не утомляя читателя, доставляютъ большое удовольствіе, и, досмотрѣвъ всѣ картины до послѣдней, не сразу захочется покинуть свое уютное мѣсто, чтобы снова направиться въ физическій залъ.

Послѣдній тѣмъ временемъ измѣнилъ картину: все освѣщено и электричество здѣсь царствуетъ. Часъ времени, остающійся до начала вечерняго представленія въ театрѣ, можно посвятить или даль-

нѣйшему обзору физическихъ приборовъ (представляющихъ теперь, при электрическомъ освѣщеніи, и нѣкоторые новые эффекты), или пойти въ отдѣльное помѣщеніе — послушать усовершенствованный (хотя еще довольно далекій отъ совершенства) Эдиссоновскій фонографъ

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера звонокъ извѣщаетъ о началѣ представленія въ театрѣ. Эти вечернія представленія, составляющія предметъ особеннаго вниманія учредителей, не смотря на отдѣльную плату за мѣста, всегда привлекаютъ много публики. Отъ упомянутыхъ выше дневныхъ чтеній они отличаются и большей продолжительностью ($1^1/_2$ часа), и значительнымъ преобладаніемъ чисто художественнаго элемента. Картины, предлагаемыя зрителямъ, здѣсь не проективныя, а декоративныя, какъ на настоящей театральной сценѣ. Постановка ихъ, въ связи съ богатыми свѣтовыми эффектами, какіе доставляются лишь электрическимъ освѣщеніемъ, подчасъ можетъ удовлетворить требованіямъ самаго прихотливаго вкуса. По настоящее время было поставлено на сцену три декоративныхъ чтенія этого рода (принадлежащія самому директору «Ураніи», В. Мейеру), а именно: «Отъ земли до луны» (произнесено 164 раза), «Исторія земли» (200 разъ) и «Работа воды» (75 разъ). Пишущему эти строки удалось видѣть изъ нихъ первое и послѣднее.

Для характерности этихъ оригинальныхъ театральныхъ пьесъ не лишнее будетъ бросить взглядъ на рядъ сценъ, составляющихъ, напр., чтеніе «Отъ земли до луны». Первая сцена представляетъ пейзажъ изъ окрестностей Берлина при наступленіи и во время полнаго солнечнаго затмѣнія. Вторая сцена изображаетъ то-же явленіе такъ, какъ оно представилось-бы зрителю, смотрящему изъ не очень отдаленной точки небеснаго пространства. Передъ вами земной шаръ (нѣчто въ родѣ большого глобуса, около сажени діаметромъ), освѣщенный сбоку сильнымъ пучкомъ лучей электрическаго свѣта и медленно вращающійся вокругъ оси. На его поверхности появляется темное пятно—тѣнь луны,—которое постепенно перемѣщается, приблизительно, по пути послѣдняго солнечнаго затмѣнія (въ августѣ 1887 г.). Третья сцена изображаетъ лунное затмѣніе въ пространствѣ. Четвертая переноситъ зрителя уже къ самой лунѣ и дастъ картину лунной поверхности. Затѣмъ, послѣ антракта минутъ въ 10, слѣдуетъ рядъ сценъ, изображающихъ интереснѣйшія горныя мѣстности нашего спутника при разныхъ условіяхъ освѣщенія (свѣтомъ солнца и земли), восходъ солнца и затмѣніе солнца на лунѣ. Въ заключеніе, послѣ короткой паузы, показываются зрителямъ нѣкоторые эффекты свѣта

и тѣней на земной поверхности, а именно: закатъ солнца, восходъ луны и лунное затмѣніе въ альпійской мѣстности и закатъ солнца близъ Этны—великолѣпныя картины, представляющія рѣзкій контрастъ съ аналогичными явленіями на лунѣ и служащія для выясненія важной роли атмосферы въ произведеніи свѣтовыхъ эффектовъ. Толковое и внятное чтеніе, сопровождающее сцены, въ связи съ красотой и наглядностью самыхъ картинъ, оставляютъ въ зрителѣ глубокое впечатлѣніе и, только прослушавъ одно изъ такихъ декоративныхъ чтеній, можно понять, какъ удачна была мысль соединить, при помощи театральной сцены, научный элементъ предмета съ чисто художественнымъ.

Разъ или два въ недѣлю вечернія «представленія» въ театрѣ замѣняются настоящими лекціями (экспериментальными или съ проекціонными картинами) по предметамъ, соотвѣтствующимъ задачамъ «Ураніи».

Въ 9 часовъ слишкомъ кончается представленіе въ научномъ театрѣ, и въ хорошіе дни публика устремляется въ обсерваторію, чтобы воспользоваться яснымъ небомъ для наблюденія луны, планетъ, туманныхъ пятенъ и т. п. диковинокъ надъ-облачнаго міра. Наблюденіе предметовъ въ трубы и здѣсь сопровождается вполнѣ удовлетворительными поясненіями.

Остается еще прибавить, что съ 7 часовъ вечера и до окончанія представленія въ Берлинскомъ оперномъ театрѣ, можно за особую плату слушать передачу оперы по телефону (на 3 километра разстоянія).

Въ 10½ часовъ «Уранія» закрываетъ свои двери для посѣтителей.

Изъ сказаннаго выше, надѣемся, читатель составилъ себѣ хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какъ много образовательнаго матеріала и художественнаго наслажденія можетъ доставить посѣщеніе «Ураніи». И это отражается на посѣтителяхъ, которыхъ всегда много. «Уранія» открывается нынѣ въ 5 часовъ, и уже черезъ какихъ-нибудь полчаса въ залахъ становится тѣсно, такъ что приходится выжидать очереди, чтобы добраться до того или другого аппарата. Публика довольно разнообразная, но, очевидно, учащіеся—подростки и юноши—преобладаютъ. Любо смотрѣть на идущую здѣсь оживленную работу, на внимательныя выраженія лицъ, любо слушать разспросы и споры молодыхъ посѣтителей.

Правда, при богатомъ содержаніи «Ураніи», *однократное* посѣщеніе ея оставляетъ впечатлѣніе нѣкоторой пестроты и разрозненности. Но такъ бываетъ со всякими выставками, и быть иначе не

можетъ. Имѣя это въ виду, дирекція «Ураніи» предлагаетъ посѣтителямъ абонементъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Заплатившій 10 марокъ (по курсу 4 руб. слишкомъ) получаетъ право на ежедневное посѣщеніе учрежденія въ теченіе полугода, включая всякія представленія и вечернія лекціи въ научномъ театрѣ; каждое слѣдующее лицо одного и того-же семейства приплачиваетъ 6 марокъ. За полугодовое посѣщеніе «Ураніи» безъ театра абонентъ платитъ только 6 марокъ. Вообще-же входная плата нынѣ 50 пфенниговъ, т.-е. 20 коп. слишкомъ; плата за мѣста въ театрѣ особая—не ниже 1 марки. Съ учащихся берется лишь половинная входная плата, а городскіе учителя допускаются безплатно. Наконецъ, «Уранія» дѣлаетъ значительную уступку различнымъ группамъ лицъ, въ особенности рабочимъ и другимъ обществамъ (ферейнамъ). При такихъ условіяхъ, конечно, въ «Ураніи» можно научиться многому.

Идя на встрѣчу болѣе серьезнымъ запросамъ нѣкоторой части посѣтителей, «Уранія» въ ближайшемъ будущемъ намѣрена организовать рядъ систематическихъ научныхъ курсовъ, относящихся до астрономическихъ наблюденій, экспериментированію съ физическими приборами и работъ съ микроскопомъ; къ нимъ долженъ примкнуть рядъ болѣе обстоятельныхъ лекцій по математической географіи, по физикѣ въ приложеніи къ явленіямъ и потребностямъ обыденной жизни и по біологіи микроскопическаго міра. Въ настоящее время нѣчто подобное въ зачаткѣ уже существуетъ въ формѣ такъ-называемыхъ «астрономическихъ вечеровъ съ большимъ рефракторомъ» для небольшого кружка посѣтителей—по четвергамъ (при ясномъ небѣ).

По отношенію къ выставкѣ физическихъ приборовъ, составляющихъ одну изъ самыхъ важныхъ коллекцій «Ураніи», весьма любопытенъ вопросъ: какъ воспользовалась публика предоставленнымъ ей правомъ не только трогать приборы, но и экспериментировать съ ними? На этотъ вопросъ, предложенный пишущимъ эти строки директору В. Мейеру, послѣдовалъ отвѣтъ, нѣсколько неожиданный. Неожиданна была именно въ отвѣтѣ крайне нелестная аттестація берлинской публики: по словамъ В. Мейера, берлинская публика едва-ли не худшая публика въ свѣтѣ, которая признаетъ за собой только права и никакихъ обязанностей. Поэтому не мудрено, что въ началѣ обращеніе съ выставленными аппаратами было самое безцеремонное: ихъ калѣчили и ломали безпощадно. Но дирекція продолжала держаться разъ принятаго начала, исправляла аппараты, усилила надзоръ и составъ объяснителей, обращалась къ публикѣ съ увѣщаніями—и въ два года достигла того, что теперь случаи поломокъ и серьезной порчи при-

боровъ уже довольно рѣдки. Невольно хочется спросить: что было-бы въ подобномъ случаѣ, напр., у насъ въ Петербургѣ? И, право, кажется, что у насъ уже есть, хотя малочисленная, но достаточно подготовленная публика, которая то-же съумѣла-бы, если не сразу, оцѣнить всю выгоду осторожнаго и внимательнаго обращенія съ чужимъ добромъ...

Литературнымъ органомъ «Ураніи» является упомянутый выше ежемѣсячный журналъ «Himmel und Erde» (выходитъ съ октября 1887 г.), ставящій себѣ задачей популяризацію знаній по физикѣ земли и неба. Въ немъ пять отдѣловъ: 1) очерки (Essais) — статьи спеціалистовъ по разнымъ вопросамъ физики земли и неба, 2) фельетонъ, назначающійся для такъ-называемой «образованной публики» (für das grosse gebildete Publicum), 3) научныя сообщенія, 4) библіографія и 5) отдѣлъ сношеній съ читателемъ (Sprechsaal). Журналъ превосходно иллюстрированъ. Что касается авторитетности его содержанія въ научномъ смыслѣ, то она обезпечена хорошимъ подборомъ сотрудниковъ, между которыми встрѣчается не мало весьма видныхъ именъ. По отзыву астронома Гольдена (Edward S. Holden), директора Ликской обсерваторіи въ Калифорніи, «журналъ принесъ чрезвычайно большую услугу наукѣ, не только своими серьезными статьями, но и превосходно воспроизведенными астрономическими и другими рисунками и фотографіями. Въ этомъ отношеніи журналъ уже успѣлъ завоевать себѣ совершенно исключительное положеніе (an absolutely unique position)».

Правда, до сихъ поръ можно было требовать отъ журнала нѣсколько бо̀льшаго въ отношеніи *популяризаціи* знаній. Чувствуя это, редакція обѣщаетъ въ скоромъ времени въ бо̀льшей степени удовлетворить этого рода требованію помѣщеніемъ ряда систематическихъ статей и курсовъ,—тѣхъ именно курсовъ, чтеніе которыхъ въ ближайшемъ будущемъ предполагается въ «Ураніи» (см. выше). Вмѣстѣ съ тѣмъ, расширивъ нѣсколько рамки своей программы, редакція надѣется—и не безъ основанія—сдѣлать журналъ «Himmel und Erde» настоящимъ посредникомъ между учеными и ищущими знанія, т.-е. въ истинномъ смыслѣ органомъ популяризаціи науки о природѣ.

Дѣятельность общества «Ураніи» уже успѣла вызвать сочувствіе не только въ разныхъ частяхъ Германіи, но и далеко за ея предѣлами. Въ недалекомъ будущемъ можно ожидать основанія такихъ-же институтовъ въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ, и берлинское учрежденіе всегда готово оказать свое содѣйствіе подобнымъ начинаніямъ.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ. Если въ немъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго посѣщенія, не отведено достаточно мѣста критической оцѣнкѣ, то это обстоятельство должно говорить лишь въ пользу того впечатлѣнія, которое оставляетъ «Уранія» въ посѣтителѣ. Намъ остается высказать искреннее пожеланіе, чтобы всякій, кому случится, хотя-бы проѣздомъ, быть въ Берлинѣ, непремѣнно заглянулъ въ это оригинальное молодое учрежденіе.

Н. Дрентельнъ.

Мартъ 1891.

Профессіональная школа Чарльза Пратта въ Нью-Іоркѣ.

(Переводъ съ англійскаго).

Въ Америкѣ, какъ и въ европейскихъ государствахъ, хотя и существуютъ спеціальныя ремесленныя училища, откуда выпускаются сапожники, портные, столяры, маляры и т. п., но, на ряду съ ними, есть и такія профессіональныя школы, цѣль которыхъ состоитъ не только въ томъ, чтобы приготовить простыхъ ремесленниковъ, но также пополнить разнаго рода полезными свѣдѣніями образованіе каждаго американца, посѣщающаго такую школу.

Подобная профессіональная школа открыта, въ 1887 году, въ Бруклинѣ—Нью-Іоркѣ. Это одно изъ самыхъ обширныхъ заведеній, существующихъ не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ.

Мысль объ устройствѣ этого учрежденія явилась у Чарльза Пратта, извѣстнаго богача въ Бруклинѣ, пожелавшаго увѣковѣчить свое имя и пожертвовавшаго огромный капиталъ на постройку зданій, въ которыхъ и помѣщается школа. Эти зданія поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, роскошнымъ внутреннимъ убранствомъ, просторными помѣщеніями для рабочихъ классовъ, прекрасными машинами. Спустя три года, эта школа, на которую истрачено два милліона долларовъ, была открыта, и въ настоящее время ее посѣщаютъ 2.200 человѣкъ.

Въ рабочій день зданіе напоминаетъ собою улей, гдѣ, какъ пчелы, копошится масса учащихся. Описаніе всѣхъ 9-ти отдѣловъ школы, занимающихъ 84 комнаты, вышло-бы черезчуръ обширнымъ, а потому мы займемся лишь нѣкоторыми, наиболѣе интересными отдѣлами ея.

Одинъ изъ отдѣловъ, носящій названіе «Техническаго», устроенъ спеціально для юношей и дѣвушекъ, уже прошедшихъ курсъ средняго учебнаго заведенія и желающихъ пополнить свое образованіе полезными свѣдѣніями. Изъ этого отдѣленія они не выходятъ кузне-

цами, столярами или портнихами и кухарками, но пріучаются владѣть руками настолько, чтобы, въ случаѣ нужды, быть въ состояніи помочь самимъ себѣ.

Учебный курсъ состоитъ изъ алгебры, геометріи, тригонометріи, реторики, англійской литературы, политической экономіи, физики, химіи, латинскаго и французскаго языковъ. Какъ для юношей, такъ и для дѣвицъ курсъ почти одинаковъ. Кромѣ того, мальчики занимаются въ теченіе дня рисованіемъ и работами въ мастерскихъ, а дѣвочки—кухней, шитьемъ, выпиливаніемъ изъ дерева.

Въ одной изъ большихъ просторныхъ комнатъ размѣщены 48 скамеекъ (хотя допускается въ одно время только половинное число учениковъ) съ подставками для инструментовъ, которые потомъ убираются въ небольшіе шкафики, стоящіе подъ скамейками. У каждаго ученика свой шкафикъ и каждый самъ заботится о своихъ инструментахъ. Въ этой комнатѣ юноши учатся столярничать и работаютъ здѣсь два раза въ день. Надъ скамейками виситъ всегда рисунокъ заданной работы.

Изъ обширной кладовой, помѣщающейся въ другомъ этажѣ, приносятся необходимыя доски; ученики въ сосѣдней комнатѣ снимаютъ съ себя лишнее платье и убираютъ подъ замокъ, а затѣмъ приступаютъ къ работѣ по извѣстной модели. Предварительно, каждаго ученика, поочередно, обучаютъ, какъ владѣть молоткомъ, долотомъ, пилой, стругомъ, наугольникомъ и т. п. Положимъ, что нужно сдѣлать скамейку или оконную раму. Ученикъ работаетъ надъ заданною вещью, внимательно посматривая на изображеніе на данномъ рисункѣ, и результаты получаются весьма удовлетворительные. Каждый ученикъ долженъ представить 30 различныхъ образцовъ своей работы, и если они одобрены учителемъ, то онъ получаетъ право перехода въ другое отдѣленіе. Удовлетворительный отзывъ по этимъ работамъ необходимъ такъ-же, какъ и, напримѣръ, по геометріи или по химіи. Получивъ удовлетворительный отзывъ въ первомъ отдѣленіи, ученики переходятъ во второе, гдѣ, кромѣ 48 скамеекъ, стоятъ еще 48 токарныхъ станковъ, на которыхъ они работаютъ и выдѣлываютъ разныя вещи: цилиндры, деревянныя чаши и т. п. Часто ученики по окончаніи урока остаются здѣсь дольше и работаютъ какую-нибудь вещицу въ подарокъ родителямъ, напримѣръ, этажерку для книгъ, или для сестеръ—кукольную мебель и т. под.

Конецъ перваго года посвящается исключительно выдѣлкѣ различныхъ моделей, идущихъ въ литейное отдѣленіе. На второмъ году начинаются работы въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ, помѣщеніе котораго имѣетъ 66 фут. въ длину и 29—въ ширину; вышина помѣще-

нія равняется 18 фут.; освѣщается оно 12-ю большими окнами, сдѣланными въ потолкѣ. Въ литейномъ отдѣленіи помѣщаются: горнъ для отливки чугунныхъ котловъ, два горна для отливки мѣдныхъ издѣлій и одинъ для болѣе тонкихъ вещей. Юноши съ удовольствіемъ учатся плавить металлъ и отливать различныя издѣлія по собственнымъ моделямъ. Вторую половину втораго года работаютъ въ кузницѣ. Кузница занимаетъ пространство еще большее, нежели литейный отдѣлъ, въ потолкѣ сдѣлано еще больше оконъ, необходимыхъ здѣсь также и для вентиляціи. Здѣсь не забыта ни одна кузнечная принадлежность. Каждый изъ 25 учениковъ имѣетъ свой горнъ и наковальню. Въ комнатѣ, не смотря на такія работы, воздухъ замѣчательно чистъ, благодаря вентиляторамъ и трубамъ, проведеннымъ также подъ поломъ, прекрасно вытягивающимъ весь дымъ. Учителямъ здѣсь не приходится дѣлать замѣчаній ученикамъ за невниманіе или лѣнь; всѣ они отлично знаютъ пословицу: «куй желѣзо, пока горячо». Когда желѣзо достаточно накалено, его надо быстро положить на наковальню и, ударяя по немъ молотомъ, придать ему ту или другую форму; если-же ученикъ промедлитъ, то все дѣло будетъ испорчено и желѣзо надо снова накаливать. Каждый ученикъ самъ разводитъ огонь въ своемъ горнѣ и пріучается поддерживать жаръ, необходимый для работы. Здѣсь-же ученики, между прочимъ, знакомятся съ качествами и цѣнами различнаго рода топлива. Къ концу втораго года они выучиваются закаливать сталь, ковать, паять и т. д. У каждаго имѣется свой занумерованный ящикъ, въ которомъ хранятся и показываются посѣтителямъ первыя работы юныхъ кузнецовъ, какъ-то: задвижки, винты, цѣпочки и другія вещицы изъ желѣза.

Послѣдній годъ посвящается изученію выдѣлки болѣе сложныхъ металлическихъ издѣлій, каковы: устройство разныхъ рабочихъ станковъ и машинъ, между прочимъ, паровой машины, опыты надъ которой производятъ въ машинномъ помѣщеніи; учащіеся знакомятся также съ устройствомъ телеграфовъ, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и т. п., изучаютъ свойства и качества подлежащаго обработкѣ матеріала.

Машинное отдѣленіе, которымъ особенно интересуются всѣ посѣтители и ученики, содержится такъ-же чисто и опрятно, какъ любая гостиная. Здѣсь находится великолѣпная машина Гаррисъ-Корлисса, въ 40 лошадиныхъ силъ, приводящая въ движеніе всѣ остальныя машины въ зданіи. Здѣсь-же стоитъ быстро вращающаяся машина, соединенная съ Эдиссоновою динамо-машиною и дающая свѣтъ двумъ тысячамъ электрическихъ лампочекъ. Одна динамо-машина въ 800

свѣчей снабжаетъ свѣтомъ мастерскія и другія учебныя помѣщенія. Въ сосѣднемъ помѣщеніи находятся два огромныхъ паровыхъ котла, каждый въ 100 лошадиныхъ силъ. Котлы нагрѣваются нефтью и служатъ для отопленія всего зданія, а также и для привода въ движеніе различныхъ машинъ, элеваторовъ, электрическаго освѣщенія и т. д. Въ недѣлю расходуется до 1.800 ведеръ нефти.

Изъ перваго этажа главнаго зданія можно быстро, посредствомъ элеватора, перенестись въ 6-й этажъ, гдѣ помѣщаются кулинарные классы для дѣвицъ, посѣщающихъ техническую школу. Желающая выучиться кулинарному искусству, предварительно должна узнать, какъ слѣдуетъ обращаться съ плитой; какъ содержать въ чистотѣ кухню, кухонную посуду и столы; должна умѣть выбирать мясо и другіе съѣстные припасы. Все это и объясняется на первомъ-же курсѣ, затѣмъ слѣдуетъ изученіе приготовленія болѣе сложныхъ кушаній. Уроки ведутся въ такомъ, примѣрно, родѣ:

«Принеси растопки и уголь. Открой отдушины. Затопи плиту. Вынь золу для просѣиванія. Вымети кругомъ плиты. Начерни плиту. Наполни кубъ свѣжей водой. Вымой листъ подъ плитой. Вымой суконную тряпку и повѣсь ее сушиться. Просѣй золу. Принеси золу въ кухню. Осмотри огонь подъ плитой. Вымети кругомъ плиты. Долей кубъ. Вымой грязную посуду. Вымой листъ подъ плитой горячей водой. Вылей воду изъ чайнаго куба и опрокинь его для просушки. Оставь огонь, чтобы потомъ не пришлось вновь разводить его, или потуши его, смотря по требованію. Тщательно вымети соръ въ комнатѣ. Вытри пыль сукномъ и не вытряхивай его въ комнатѣ. Вытряхни сукно, вымой и высуши. Мети съ одной стороны къ другой. Не отнимай щетку отъ полу, когда метешь, и собирай соръ въ одну кучу». Далѣе: «Подай учителямъ и ученикамъ кушанья. Вычисти учительскій столъ. Собери грязную посуду и отнеси на кухню. Поставь чистую посуду на свое мѣсто». Всѣ эти работы обязательно исполняются каждой ученицей, за-то полъ въ ихъ отдѣленіи блеститъ чистотой и маленькія газовыя кухни содержатся въ замѣчательномъ порядкѣ, кухонные шкафы—то-же; въ каждомъ ящикѣ находится извѣстное количество ножей, вилокъ, ложекъ, тёрокъ и т. д., и все это содержится въ величайшей чистотѣ. Сквозь стеклянныя дверцы буфета виденъ прелестный фарфоровый столовый сервизъ.

По окончаніи шести-мѣсячнаго курса, для молодыхъ хозяекъ наступаетъ самое трудное испытаніе, состоящее въ приготовленіи пробнаго обѣда. Въ этотъ день приглашается небольшой кругъ гостей; между ними находятся и преподавательницы молодыхъ хозяекъ. Ученицѣ

даютъ подробную роспись кушаній, состоящую изъ супа, рыбы, жаркаго, зелени, дессерта и кофе. Гостей просятъ дѣлать относительно каждаго блюда особыя замѣтки; такъ, напримѣръ, если супъ вполнѣ удаченъ, то ставятъ число 100, если въ рыбѣ или жаркомъ есть какой-нибудь недостатокъ, то ставятъ 90; если зелень чуть-чуть недоварена или переварена—ставятъ 98. Допустимъ, что четвертое блюдо нехорошо выпечено, и тогда за пробный обѣдъ никто не помѣтитъ ученицѣ больше 60, и развѣ только кто-нибудь, изъ сожалѣнія къ стараніямъ ея, поставитъ за неудавшееся блюдо 80. Но обыкновенно гости всегда остаются довольны кулинарнымъ искусствомъ юныхъ ученицъ, и имъ выдаются дипломы.

Существуютъ еще дополнительные курсы для обученія приготовленію обѣдовъ изъ болѣе замысловатыхъ блюдъ, легкихъ обѣдовъ для больныхъ и т. п.

Масса взрослыхъ дѣвушекъ Бруклина посѣщаетъ это полезное учрежденіе, въ которомъ устроены также вечерніе классы, хотя и съ болѣе краткою программою для лицъ, занятыхъ днемъ.

Иногда въ кулинарные классы является мясникъ изъ Фультонскаго рынка съ огромнымъ узломъ и всевозможными ножами. Въ узлѣ находится четверть быка или половина бараньей туши. Мясникъ, въ присутствіи ученицъ, разрѣзаетъ мясо на части и поясняетъ достоинства и названіе каждой изъ нихъ, указывая, какая часть идетъ на супъ, какая—на жаркое, на котлеты и т. д., а также учитъ распознавать свѣжесть мяса. Въ классѣ, на стѣнѣ, виситъ большая раскрашенная картина, изображающая быка, раздѣленнаго на части; каждая ученица изучаетъ эту картину и должна разсказать, какую часть и сколько именно ей слѣдуетъ купить, чтобы состряпать извѣстный обѣдъ.

Въ третьемъ этажѣ помѣщаются рукодѣльные классы. Особенно интересенъ отдѣлъ вышиванья. Начальница этого отдѣла недавно ѣздила въ Европу, откуда она вывезла много старинныхъ и интересныхъ вышивокъ изъ южнаго Кенсингтона, образцы нѣмецкихъ вышивокъ, съ ихъ остроумными надписями, образцы вышивокъ для церковныхъ вещей и мн. др., по которымъ теперь и работаютъ ученицы ея отдѣла. Въ первый періодъ занятій ученицы учатся составлять разные узоры и вышиваютъ по нимъ, постепенно изучая различный шовъ, переходя отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, такъ что подъ конецъ могутъ работать надъ самыми замысловатыми гобеленами, ткать каемку, выдѣлывать appliqué и т. п. Каждая ученица при выходѣ изъ этого отдѣла должна представить четыре законченныя работы и самостоятельно составленный ею узоръ.

Въ другомъ отдѣленіи, въ продолженіи всего учебнаго года, пять разъ въ недѣлю занимаются изученіемъ различныхъ предметовъ: сочетаніемъ цвѣтовъ, рисованіемъ узоровъ съ натуры и по образцамъ, изученіемъ растеній, употребляемыхъ для рисунковъ на дорогія кружева и т. д.; все это усваивается ученицами съ большимъ интересомъ.

Ни одна ученица не принимается въ отдѣлъ вышиванья или въ отдѣлъ готовыхъ платьевъ, если она предварительно не прошла первоначальной школы шитья и кройки. Это отдѣленіе находится въ томъ-же этажѣ, и ученицы, не подготовленныя къ шитью дома, здѣсь выучиваются аккуратно шить, подрублять, запошивать, выметывать петли, шить на машинкѣ и т. д. Надо при этомъ замѣтить, что швейныя машинки здѣсь различныхъ системъ, и ученицы обучаются работать на любой изъ нихъ.

Отдѣлъ платьевъ и костюмовъ занимаетъ просторныя комнаты, снабженныя всѣмъ необходимымъ, начиная съ манекеновъ для примѣрки и кончая тряпками для вытиранія пыли. Здѣсь ученицы занимаются кройкой, шитьемъ и драпировкой дѣтскихъ и дамскихъ платьевъ. Къ концу года выставляются манекены съ различными модными платьями и костюмами работы ученицъ. Въ первый періодъ курса онѣ выучиваются шить и кроить по даннымъ выкройкамъ; во второй —сами снимаютъ мѣрку и примѣряютъ платья; въ третій-же изучаютъ приготовленіе наиболѣе трудныхъ костюмовъ, каковы: вечернія платья, дѣтскіе наряды, бальные и т. д. Положимъ, что урокъ идетъ о рукавахъ. Въ классѣ выставлены всевозможные образцы рукавовъ, начиная съ самыхъ простыхъ гладкихъ и кончая наиболѣе замысловатыми. Учительница объясняетъ выкройку рукава, и каждая ученица, имѣя на своемъ столикѣ необходимый матеріалъ и центиметръ, принимается за выкраиваніе и шитье рукава. Учительница обходитъ всѣхъ ученицъ, осматриваетъ и поправляетъ ихъ работы. Здѣсь-же ученицы слушаютъ лекціи о наиболѣе здоровой одеждѣ и о гармоніи цвѣтовъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ ученицы заняты исключительно отдѣлкою шляпъ и шапочекъ. Начинаютъ онѣ съ самыхъ простыхъ фасоновъ, и такъ какъ вначалѣ случается часто портить работу, то имъ дается наиболѣе дешевый матеріалъ — фланель; къ тому-же она очень мягка и пріятна для работы. Во второй учебный періодъ дѣлаютъ уже болѣе сложныя шляпы. Но наиболѣе дорогія отдѣлки, какъ-то: бархатъ, перья, ленты употребляются только въ концѣ учебнаго сезона, когда выставляются каждой ученицей изготовленныя ею наиболѣе изящныя и нарядныя шляпы.

Модели шляпъ выписываются изъ профессіональныхъ школъ Па-

рижа, гдѣ надъ ними работаютъ сотни маленькихъ рукъ бѣдныхъ парижанокъ. Онѣ такъ искусно знаютъ сочетаніе цвѣтовъ и такъ мило умѣютъ положить отдѣлку изъ кружевъ и лентъ, что лучшія портнихи всѣхъ странъ прибѣгаютъ къ ихъ моделямъ; въ профессіональную-же школу Пратта ежегодно высылается цѣлый ящикъ моделей, и американки въ концѣ года выставляютъ свои работы, пользующіяся то-же большимъ успѣхомъ.

Вообще, въ хозяйственномъ отдѣлѣ этого учрежденія для профессіональнаго обученія молодыя дѣвушки могутъ научиться всему, чему пожелаютъ. Такъ, кромѣ всего описаннаго выше, въ прошломъ году 50 ученицъ слушали лекціи о первой подачѣ помощи въ несчастныхъ случаяхъ, объ уходѣ за больными, о перевязкахъ, о припаркахъ, объ уборкѣ комнаты больнаго, о приготовленіи кашъ и бульона для больныхъ и т. п. Изъ больницы приходитъ старшая сестра милосердія и показываетъ ученицамъ, какъ убирать постель больнаго, не потревоживъ его, и вообще учитъ различнымъ пріемамъ ухода за больными.

Недавно открылся еще новый курсъ, обѣщающій сдѣлаться очень популярнымъ, а именно курсъ вентилированія и отопленія комнатъ, ухода за погребами, кладовыми, садами, дворами; уборки спальни, гостиной и т. д., мытья половъ, сметанія пыли такимъ образомъ, чтобы какъ можно меньше нарушать семейное спокойствіе и чтобы эта работа не была въ тягость хозяйкѣ дома; затѣмъ, курсъ веденія ежедневныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ, обращенія съ прислугой, даже пріема гостей и другихъ общепринятыхъ правилъ, такъ-называемаго, «хорошаго тона».

Въ пятомъ этажѣ главнаго зданія находятся двѣ обширныя комнаты, гдѣ помѣщается «Техническій музей». Это любимое мѣсто посѣщенія учениковъ и ученицъ и даже посторонней публики; сторожа, показывающіе посѣтителямъ все зданіе, говорятъ, что изъ 10.000 посѣтителей, большинство посвятили наибольшее время осмотру именно этого музея.

Цѣль музея—показать, при помощи правильной классификаціи образцовъ, послѣдовательный ходъ развитія въ обработкѣ различныхъ матеріаловъ. Такъ, напримѣръ, одна витрина посвящена желѣзу; тутъ находятся, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, образцы желѣзной руды, невыдѣланнаго желѣза, причемъ показано, какъ его очищаютъ, потомъ выставлены образцы расплавленнаго чугуна, кованаго желѣза и стали. При внимательномъ осмотрѣ всѣхъ образцовъ посѣтитель получаетъ болѣе или менѣе полное представленіе о выдѣлкѣ желѣза и стали.

Въ другомъ отдѣленіи музея собраны издѣлія изъ стекла, глины и фарфора. Здѣсь находятся очень рѣдкіе и дорогіе образцы, за которыми спеціально былъ командированъ одинъ извѣстный ученый, который и вывезъ эти образцы изъ Англіи, Франціи, Германіи, Голландіи и Бельгіи. Въ отдѣленіи имѣются великолѣпныя вазы и кувшины, сдѣланныя изъ каолина или простой глины, великолѣпные образцы изъ Севра, Дультона, Копеланда, Ментона, фаянсовые образцы изъ Рима, Милана и Неаполя. Нѣкоторыя вещи сдѣланы въ Новомъ Джерсеѣ. Въ одной изъ витринъ находятся великолѣпные образцы хрусталя,—гладкіе, шлифованные, съ гравюрами и др. Нѣкоторые образцы вывезены изъ Австріи, Богеміи, Франціи и Венеціи. Прелестны то-же римскія и флорентійскія мозаичныя работы. Вообще, этотъ музей заключаетъ въ себѣ лучшіе образцы по различнымъ отраслямъ производствъ, и хотя въ городѣ существуетъ много другихъ музеевъ, гораздо болѣе обширныхъ, но они далеко не столь изящны и не столь систематически подобраны.

Отдѣленія изящныхъ искусствъ—живописи, скульптуры, рѣзьбы по дереву — занимаютъ нѣсколько обширныхъ комнатъ. Почти всѣ ученики этого огромнаго учрежденія перебывали въ этомъ отдѣлѣ, модистки и портнихи рисуютъ здѣсь свои модели, то-же дѣлаютъ молодые столяры, кузнецы и прочіе.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ отдѣловъ, существуютъ еще помѣщенія для литографской и типографской школъ, для каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ. Все это—классы спеціальные, изъ которыхъ выходятъ рабочіе-спеціалисты.

Въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія помѣщается обширная даровая библіотека, доступная не только ученикамъ этого учрежденія, но и постороннимъ лицамъ. Особенно много посѣщается библіотека въ праздничные дни, когда масса учащихся свободна отъ школьныхъ занятій. Они охотно являются въ библіотеку и, при помощи каталога или указаній библіотекарши, выбираютъ себѣ книги для чтенія. Въ теченіе трехъ лѣтъ въ библіотекѣ собрано до 30.000 экземпляровъ лучшихъ сочиненій. Вечеромъ библіотека освѣщается электричествомъ.

Въ этомъ-же этажѣ находится просторная столовая съ накрытыми отдѣльными столиками, гдѣ учителя, ученики и посторонніе могутъ получать завтраки за очень небольшую плату.

Продолженіемъ этой столовой является помѣщеніе, гдѣ недавно устроена для учащихся и для всѣхъ желающихъ ссудо-сберегательная касса, съ цѣлью пріучать юныхъ посѣтителей къ бережливости и экономіи. Каждый ученикъ вноситъ ежемѣсячно свои маленькія

сбереженія, въ какомъ угодно размѣрѣ, и въ теченіе 10 лѣтъ на нихъ идутъ проценты, а также выдается премія въ 10 доллар., такъ что у каждаго учащагося, черезъ десять лѣтъ, при выпускѣ его, образуется небольшая сумма для первоначальнаго обзаведенія, на экипировку, путешествія и т. п. Такъ, напримѣръ, ученикъ, вносящій 1 долларъ ежемѣсячно, по истеченіи 10 лѣтъ получаетъ сумму въ 160 шил.; вносящій 2 дол.—320 шил., 4 дол.—640 шил., 20 дол.—3.200 шил. Это особенно важно въ томъ отношеніи, что пріучаетъ юношество уже съ ранняго возраста къ бережливости. Ссуда дается для покупки собственности: дома, лавки и земли. Выплачивая ссуду ежемѣсячно небольшими суммами, заемщикъ постепенно и незамѣтно освобождается отъ долга.

Надо замѣтить, что стѣны всѣхъ помѣщеній украшены прекрасными картинами, картами, планами; лѣстницы увѣшаны иллюстраціями, огромныя окна уставлены пальмами, разнообразными цвѣтами и ползучими растеніями. Въ день моего посѣщенія зданія, въ залѣ машинныхъ издѣлій стояли три большія камеліи въ полномъ цвѣту. Вообще, вся обстановка новая и очень роскошная. Элеваторъ поднимаетъ васъ во всѣ этажи, а сторожа сопровождаютъ посѣтителей, показывая имъ зданіе, со всѣми его достопримѣчательностями.

Передъ зданіемъ имѣется плацъ (350 фут. длины и 200 ширины) для дѣвушекъ, на которомъ устроено нѣсколько сѣтокъ для игры въ lown-tennis; позади зданія находится такая-же площадка для игръ мальчиковъ.

Этотъ институтъ существуетъ всего три года; число учащихся въ немъ ежегодно значительно увеличивается, а щедрый учредитель постоянно доставляетъ своему учрежденію все необходимое и полезное. Институту Чарльза Пратта, вообще, предсказываютъ блестящую будущность.

А. Г.

Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ *).

Докладъ мой я начну краткимъ очеркомъ преподаванія географіи въ школьный періодъ моей жизни, а затѣмъ во все время моей преподавательской дѣятельности, начавшейся въ 1845 году.

Преподаваніе географіи въ тридцатыхъ годахъ велось преимущественно по учебнику Арсеньева. Стѣнныхъ картъ было мало, изъ атласовъ, русскихъ, наиболѣе былъ распространенъ атласъ Максимовича; въ немъ горы изображались черточками, на подобіе елочекъ; о рельефѣ-же странъ онъ не давалъ никакого представленія. Таковы были существовавшія тогда немногія стѣнныя карты. Зазубриваніе именъ острововъ, морей, заливовъ, мысовъ, рѣкъ, горъ, провинцій и городовъ составляло главную задачу обученія географіи. Въ числѣ городовъ называлось множество такихъ, въ которыхъ были заключены памятные въ исторіи миры, трактаты и договоры, много такихъ, при которыхъ происходили замѣчательныя сраженія и въ которыхъ поставлены памятники великихъ людей; въ городахъ назывались замѣчательныя зданія и даже лучшія улицы. Въ географіи Россіи заучивались всѣ уѣздные города безъ исключенія и даже многія села, замѣчательныя въ историческомъ или въ экономическомъ отношеніяхъ; но при этомъ объ экономическомъ состояніи страны не говорилось ни слова. Вся эта масса именъ не связывалась никакою общею мыслью; не было ни выводовъ, ни заключеній. Ученикъ, не начинавшій еще учиться исторіи, твердо заучивалъ, что въ Утрехтѣ въ 1713 году былъ заключенъ миръ, окончившій войну за испанское наслѣдство, что въ Ахенѣ замѣчателенъ соборъ съ гробницею Карла Великаго и

*) Докладъ, читанный въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ собраніи преподавателей географіи и членовъ VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей.

множество тому подобныхъ примѣчаній. Надо удивляться, какъ память учениковъ удерживала такую массу именъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою. Прибѣгали мы даже къ заучиванію именъ въ риѳму. Послѣднее явленіе не должно, однако-же, удивлять насъ, потому что и въ настоящее время между нѣмецкими педагогами находятся такіе, которые, для легчайшаго заучиванія географическихъ именъ, совѣтуютъ подбирать ихъ подъ риѳму.

Въ этотъ темный періодъ преподаванія географіи, однако-же, можно было встрѣтить нѣкоторыхъ преподавателей, которые въ основу преподаванія географіи ставили черченіе картъ наизустъ, съ обозначеніемъ на нихъ очертаній береговъ, рѣкъ, направленія горныхъ хребтовъ, раздѣленія частей свѣта на государства и государствъ на провинціи. Среди этихъ преподавателей болѣе другихъ выдѣлялись Валеріанъ Христіановичъ Нейманъ и Александръ Ивановичъ Самойловичъ. Обязательно было разставить на картѣ всѣ города, которые помѣщались и даже не помѣщались въ принятыхъ тогда учебникахъ. Позднѣе изъ числа учебниковъ мѣсто географіи Арсеньева въ военно-учебныхъ заведеніяхъ занялъ учебникъ Соколовскаго, а еще позже во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлался господствующимъ учебникъ географіи Ободовскаго, содержаніе котораго всякому изъ насъ, болѣе или менѣе, извѣстно. По содержанію оба эти учебника мало отличались другъ отъ друга. Учебникъ Соколовскаго отличался картиннымъ изображеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, мѣстами красотою этнографическихъ очерковъ и живымъ языкомъ; учебникъ-же Ободовскаго отличался, напротивъ, весьма сжатымъ и сухимъ слогомъ, голымъ перечнемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точностью указанныхъ фактовъ. Въ большинствѣ заведеній занимались заучиваніемъ только учебника; знакомство-же съ картою было весьма поверхностное. Но въ заведеніяхъ, гдѣ преподаваніе велось лицами, подобными Нейману и Самойловичу, изучалась главнымъ образомъ карта: на чистой доскѣ преподаватель чертилъ сначала очертаніе страны, потомъ, послѣдовательно, рѣки, горы, границы и города. Все это преподаватель чертилъ на столько медленно, что ученики успѣвали счерчивать въ свои тетради начерченное преподавателемъ на доскѣ и записывать названія всѣхъ начерченныхъ географическихъ фактовъ. Карта, счерченная съ доски, перечерчивалась на чисто въ неклассное время. Лучшіе ученики исправляли свои работы по атласу и помогали въ этомъ отношеніи товарищамъ, менѣе способнымъ и менѣе прилежнымъ. Такія карты, заключавшія весь преподанный учебный матеріалъ, составляли почти исключительное руководство. Всѣ эти карты чертились

безъ градусной сѣти, и степень ихъ точности зависѣла всецѣло отъ свойствъ глаза. На однѣхъ картахъ очертанія были весьма близки къ точнымъ очертаніямъ, на другихъ были весьма искажены; но это искаженіе не мѣшало, однако-же, угадать, что было изображено на картѣ. Если подобную искаженную карту ученикъ на урокѣ воспроизводилъ на доскѣ, то и по ней преподаватель могъ составить себѣ ясное понятіе о степени знанія ученика, отвѣчавшаго урокъ. Географическую сѣтку мы видѣли только на печатныхъ картахъ, и многіе вовсе не понимали ея значенія. При черченіи съ печатныхъ картъ мы или копировали ее со стекла, или скалывали географическую сѣть, чтобы, пользуясь клѣточками, образуемыми меридіанами и параллелями, вѣрнѣе счертить очертанія, а если надо было уменьшить масштабъ, то печатную карту раздѣляли на квадраты продольными и поперечными линіями; подобныя-же линіи въ болѣе близкомъ разстояніи дѣлались на бумагѣ, и получалась точно счерченная карта. Затѣмъ она раскрашивалась по всѣмъ правиламъ картографическаго искусства. Такъ, лучшими учениками составлялись цѣлые атласы, которые иногда въ теченіе многихъ лѣтъ составляли руководство для товарищей, переходя изъ рукъ въ руки. При этомъ патріархальномъ способѣ черченія картъ многіе могли наизустъ начертить карту всей Европы со всѣми выученными рѣками, горами, городами и съ раздѣленіемъ не только на государства, включая въ это число 38 тогдашнихъ германскихъ государствъ, но и съ раздѣленіемъ Швейцаріи на кантоны, а прочихъ государствъ на провинціи. Провинціи вычерчивались не только на картахъ такихъ государствъ, какъ Пруссія и Австрія, но даже и такихъ, какъ Баварія, Саксонія, Виртембергъ. Хотя подобныя карты чертились на доскѣ на глазъ, но вѣрность ихъ, однако-же, часто достигла того, что концы съ концами сходились весьма удачно. Значительныя погрѣшности въ очертаніяхъ являлись преимущественно только на юго-востокѣ Россіи, чѣмъ обыкновенно заканчивалось черченіе Европы. Изученная, такимъ образомъ, карта дѣлала ученика способнымъ разбираться во всякомъ подробномъ атласѣ, легко усваивать картографическую технику и даже находить въ картахъ погрѣшности, если таковыя въ нихъ оказывались.

Такое значеніе карты достигалось, конечно, умѣніемъ преподавателей вести дѣло и частью настойчивымъ ихъ требованіемъ, чтобы ученики постоянно удерживали въ памяти весь матеріалъ, пройденный не только въ текущемъ учебномъ году, но и за все время преподаванія географіи. Преподаватель, приходя на урокъ, вызывалъ къ доскѣ человѣкъ восемь, а иногда и десять, если досокъ было достаточно;

одного заставлялъ чертить Америку, другаго—Германію, третьяго—Балканскій полуостровъ, четвертаго—губерніи по Окѣ и т. п., подходя то къ одному, то къ другому. Каждый, около котораго останавливался преподаватель, обязанъ былъ вслухъ называть имена мѣстъ, которыя чертилъ, начиная съ той точки, на которой остановился мѣлъ на доскѣ, и такимъ образомъ въ одно время спрашивалось 10 человѣкъ. Оставшіеся на скамейкахъ чертили на аспидныхъ доскахъ или на бумагѣ. Наименѣе преслѣдовалось незнаніе послѣднихъ уроковъ, но незнаніе давно пройденнаго каралось нещадно.

По окончаніи изученія карты какой-либо страны, или даже цѣлой части свѣта, задавалось разучиваніе этой части по учебнику. Это большею частью не представляло для учениковъ особенной трудности, потому что, кромѣ историческихъ и другихъ достопримѣчательностей городовъ, учебники того времени давали немного больше, чѣмъ классная карта. Къ тому-же, преподаватели, державшіеся исключительно картографическаго метода, смотрѣли на знаніе учебника, какъ на обстоятельство весьма второстепенной важности.

Учебникъ географіи Ивана Петровича Шульгина, изданный для Императорскаго Царскосельскаго лицея въ тридцатыхъ годахъ и представлявшій собою почти буквальный переводъ Роона, по своему тяжелому слогу и вслѣдствіе слишкомъ подробнаго изложенія, почти нигдѣ не былъ принятъ въ руководство, и сами преподаватели не были тогда достаточно подготовлены, чтобы преподавать по этому учебнику. Только въ 40-хъ годахъ немногіе, изъ числа болѣе молодыхъ учителей, однако-же, воспользовались имъ и ввели въ преподаваніе, по тогдашнему времени, довольно точное изображеніе рельефа странъ, что составляло характеристическую особенность географа Роона, сравнительно съ другими современными ему руководствами. Особенно точно и подробно въ немъ былъ изображенъ рельефъ западной Европы. Второе изданіе учебника Шульгина, съ чертежами, изображающими рѣчныя системы, изданное въ 50-хъ годахъ для военно-учебныхъ заведеній, умерло при самомъ рожденіи, потому что весь матеріалъ, взятый преимущественно изъ перваго изданія, явился совершенно устарѣлымъ.

Въ началѣ моей преподавательской дѣятельности атласъ у ученика составлялъ большую рѣдкость, а преподаватели пользовались школьными атласами Штиллера, Штейна; нѣсколько позднѣе въ употребленіе вошли атласъ и стѣнныя карты фонъ-Сидова. На изображеніе вида поверхности преподаватели стали уже обращать нѣкоторое вниманіе; но, къ сожалѣнію, описаніе рельефа въ преподаваніи не

было органически связано съ обзоромъ климата страны, съ ея орошеніемъ и органическою природою, а также и съ образомъ жизни ея населенія. Впервые у насъ на этотъ предметъ обратилъ вниманіе Бѣлоха, а за нимъ Вержбиловичъ; они преподаваніемъ своимъ и своими учебниками внесли жизнь въ школьную географію и указали значеніе большей части элементовъ, входящихъ въ составъ учебнаго географическаго матеріала. Въ то-же время они, какъ преподаватели, вмѣстѣ съ другими своими сотрудниками пятидесятыхъ годовъ, придерживались и картографическаго метода; черченіе картъ наизустъ на классной доскѣ они считали обязательнымъ и для себя, и для своихъ учениковъ.

Въ бытность мою преподавателемъ географіи сначала въ бывшемъ Дворянскомъ полку, а потомъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ я поставилъ въ основу преподаванія географіи изученіе горизонтальныхъ и вертикальныхъ проэкцій земнаго шара. При черченіи картъ я требовалъ не только знанія очертаній, но и изображенія профилей материковъ по данному направленію на картѣ. Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что изученіе однѣхъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ проэкцій, да политическаго раздѣленія и городовъ не дастъ достаточнаго знанія географіи, если все это не будетъ связано съ понятіемъ о географической широтѣ мѣста и если не будетъ выяснено вліяніе географической широты на природу страны, какъ по направленію горизонтальному, такъ и по вертикальному. Имѣя это въ виду, я ввелъ черченіе картъ по географической сѣти и сталъ требовать отъ учениковъ приблизительнаго знанія широты всякаго мѣста, указаннаго на картѣ. Способъ черченія по сѣткамъ значительно упростилъ запоминаніе очертаній, а черченіе по глазомѣру (свойства глаза) значительно отодвинулъ на задній планъ Многіе преподаватели до этого времени доказывали вредъ черченія картъ наизустъ потому только, что сами, по свойствамъ своего глаза, не въ состояніи были преодолѣть тѣхъ трудностей, которыя представлялись при черченіи картъ безъ градусной сѣтки. Методъ, предложенный мною, довольно быстро распространился между преподавателями, сочувствовавшими тогда картографическому методу преподаванія. Сперва литографскимъ путемъ отпечатывались учебныя карты для пособія ученикамъ, а послѣ парижскаго международнаго географическаго конгресса я издалъ атласъ, въ которомъ изложилъ пріемы класснаго черченія картъ по градусной сѣти.

Имѣя въ виду, что точную географическую сѣть, въ теченіе урока, при обыкновенныхъ средствахъ школы начертить нельзя, я предло-

жилъ упрощенныя прямолинейныя сѣтки, которыя при помощи линейки, а иногда нитки, въ нѣсколько минутъ можно начертить на классной доскѣ. Затѣмъ я предложилъ заучиваніе и нанесеніе нѣсколькихъ точекъ на сѣтку по ихъ географической широтѣ и долготѣ. Точки эти избирались изъ числа такихъ, которыя лежатъ на замѣчательныхъ изгибахъ очертаній, или на пересѣченіи 10-хъ меридіановъ и параллелей. Указанныя точки соединялись почти прямолинейными чертами и такимъ образомъ получалось приблизительное схематическое очертаніе страны. Затѣмъ схематическій очеркъ исправлялся нанесеніемъ замѣчательнѣйшихъ изгибовъ очертанія береговъ, рѣкъ и направленія горныхъ хребтовъ. Нѣкоторые, вѣроятно, не сознавая той пользы, которую приноситъ умѣніе наизустъ схематически изобразить изучаемую мѣстность, и теперь еще находятъ, что схематическое изображеніе страны на память укореняетъ въ ученикѣ неправильныя и даже искаженныя формы дѣйствительныхъ очертаній. Но они не хотятъ понять, что нѣтъ и быть не можетъ такого учебнаго атласа, въ которомъ всѣ изображенныя очертанія были-бы вполнѣ правильны; нельзя въ обыкновенномъ масштабѣ класснаго атласа помѣстить всѣ изгибы береговъ суши и рѣкъ; многіе изгибы будутъ меньше, чѣмъ черта, изображающая рѣку. Они не хотятъ понять, что на учебной картѣ вовсе не важны изгибы, напримѣръ, рѣки Волхова, и что для ея изображенія совершенно достаточно прямой линіи, соединяющей сѣверную часть озера Ильменя съ юго-восточною частью Ладожскаго озера, что озеро Ладожское можетъ быть начерчено четырехъугольникомъ, наклоненнымъ къ сѣверу-западу, такъ чтобы южная его часть была противъ Петербурга, т.-е. на параллели 60°, а меридіанъ 50-ый проходилъ по восточной части озера. Такихъ примѣровъ можно привести множество. Противники схематическаго метода черченія картъ проповѣдуютъ изученіе карты исключительно по атласамъ и не принимаютъ во вниманіе, что для начинающихъ учиться всякій сложный чертежъ представляетъ чрезвычайное затрудненіе, разобраться въ которомъ начинающему очень трудно. Сравненіе мѣстъ по ихъ географической широтѣ, если карты разныхъ странъ начерчены въ разныхъ масштабахъ, есть дѣло трудно преодолимое. Это станетъ вполнѣ ясно, если мы представимъ себѣ, что учащійся изучаетъ геометрическую теорему по готовому чертежу, гдѣ уже проведены всѣ линіи, необходимыя для ея доказательства; ему изученіе теоремы будетъ несравненно труднѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если на чертежѣ всѣ линіи, необходимыя для доказательства, будутъ возникать по мѣрѣ необходимости въ нихъ. Это должно отнести и къ географическимъ чертежамъ. Эти

чертежи будутъ усваиваться несравненно лучше, если всѣ географическіе элементы будутъ наноситься на чистую доску или на бумагу послѣдовательно; всѣ другіе факты, нанесенные на карту, о которыхъ еще не говорено, будутъ только затемнять карту и отуманивать воображеніе учащагося. Когда-же всѣ факты въ порядкѣ, указанномъ въ учебникѣ, будутъ послѣдовательно нанесены на классный чертежъ, карта ученику станетъ вполнѣ ясна. По атласамъ, исключительно, мнѣ кажется, можетъ изучить всѣ очертанія только человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ и имѣющій уже нѣкоторую подготовку къ этому дѣлу. Но и такіе люди при изученіи карты легко могутъ, напримѣръ, принять за начало рѣки не тотъ источникъ, который составляетъ дѣйствительное ея начало. Мнѣ случилось разъ видѣть карту Сибири, срисованную преподавателемъ съ печатной карты, въ которой рѣка Иркута была принята за начало Ангары.

На опытѣ мнѣ приходилось убѣдиться, что только при черченіи схематическихъ картъ по градусной сѣти учащіеся легко могутъ сравнивать различныя мѣста на земномъ шарѣ по ихъ географической широтѣ. Если въ числѣ основныхъ точекъ для черченія, напримѣръ, карты Европейской Россіи, ученикъ заучитъ, что на параллели 60° сѣверной широты лежатъ Петербургъ, южная часть Ладожскаго озера, озеро Бѣлое и верховья Печоры, а на 55 параллели—устье Нѣмана, Витебскъ, часть Оки, лежащая на южной границѣ Московской губерніи, что эта параллель пересѣчетъ Волгу, при устьѣ Камы, и Уральскія горы—у Златоустовскаго узла, то, очевидно, онъ легко скажетъ приблизительную широту губерніи Витебской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской и т. д.; опредѣлитъ времена года, свойственныя этимъ губерніямъ, свойства лѣсовъ и замѣчательнѣйшія культурныя растенія. Совершенно точное знаніе широтъ и долготъ по однимъ атласамъ, мнѣ кажется, можетъ понадобиться только при кабинетной работѣ, при которой подъ руками есть всегда хорошій атласъ, а въ школѣ точное ихъ заучиваніе на память скорѣе вредно, чѣмъ полезно.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ во многихъ заведеніяхъ достигались довольно порядочныя, по тогдашнему времени, знанія географіи, многіе ученики знали карту положительно хорошо. Этому не мало способствовало то, что для преподаванія географіи отведены были четыре старшихъ класса при двухъ полуторачасовыхъ урокахъ въ недѣлю, что составляетъ тоже, что теперь три часовыхъ урока. Главный недостатокъ преподаванія (къ сожалѣнію, общій) состоялъ въ томъ, что ученика заставляли заучивать массу именъ, не мало обременявшихъ

его память. Это отнимало много времени, которое могло-бы быть употреблено болѣе производительно, если-бы, взамѣнъ множества мелочныхъ подробностей, было больше обращено вниманія на природу земнаго шара и Россіи въ особенности.

Въ концѣ 60-хъ годовъ произошелъ крупный переворотъ во всемъ педагогическомъ дѣлѣ. Въ Мин. Нар. Просвѣщенія были выработаны новые планы преподаванія. Древніе языки вмѣстѣ съ математикою поставлены были въ основу обученія, географія отодвинута на второстепенный планъ. Кадетскіе корпуса преобразованы были въ военныя гимназіи съ реальнымъ направленіемъ, новые языки въ нихъ заняли то-же мѣсто, какое отведено было классическимъ языкамъ въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для преподаванія географіи отведены были четыре младшіе класса, при двухъ часовыхъ урокахъ въ недѣлю, и предметъ положено было оканчивать въ 4-мъ классѣ, т.-е. почти въ томъ классѣ, гдѣ прежде въ военно-учебныхъ заведеніяхъ начиналось преподаваніе его. Кромѣ того, для повторенія предмета и усвоенія пройденнаго въ младшихъ классахъ отведено въ двухъ старшихъ классахъ министерскихъ гимназій по одному уроку, а въ военныхъ гимназіяхъ одинъ урокъ въ старшемъ классѣ.

Люди, стоявшіе тогда во главѣ преобразованій, нашли, не безъ основанія, прежнее преподаваніе географіи вполнѣ неудовлетворительнымъ по отношенію къ умственному развитію учащихся. Сознавая, однако-же, необходимость преподаванія этого предмета въ школѣ, они не рѣшились совершенно изъять его изъ числа учебныхъ предметовъ, но прежній методъ пожелали замѣнить новымъ, который, какъ оказалось впослѣдствіи, не далъ у насъ ни знанія географіи, ни умственнаго развитія учащихся.

Преподаваніе географіи (въ военныхъ гимназіяхъ) въ младшемъ классѣ рекомендовалось начинать съ родиновѣдѣнія, и затѣмъ переходить къ отчизновѣдѣнію. Въ первый годъ чертили планъ классной комнаты съ разстановкою классной утвари, толковали о всемъ, что въ классѣ попадало на глаза,—о печкѣ, о паркетѣ и т. п. Затѣмъ ученики съ учителемъ бродили по улицамъ съ компасомъ, наносили улицы на планы, «нагляднымъ образомъ» опредѣляли правый и лѣвый берегъ рѣки, ходили на окраины города, чтобы увидѣть островъ, полуостровъ, перешеекъ и т. д. За этимъ курсомъ начиналось отчизновѣдѣніе, въ которомъ говорилось кое-что объ Алаунской возвышенности, которая у многихъ преподавателей стала любимымъ объектомъ отчизновѣдѣнія, о тундрѣ, степи; называлось нѣсколько губерній и городовъ, а о сельской жизни въ Россіи или вовсе не говорилось,

или говорилось очень мало. Такъ проходилъ цѣлый годъ, а иногда и больше. Многіе молодые преподаватели, мало знакомые съ сущностью преподаванія географіи, съ радостью ухватились за этотъ методъ, и нѣкоторые изъ нихъ прослыли даже замѣчательными педагогами и преподавателями географіи. Но въ концѣ-концевъ они довели это дѣло до такого крайняго увлеченія, что въ обществѣ и даже между учениками этотъ отдѣлъ географіи стали называть «комнатовѣдѣніемъ» и разными другими подобными названіями. Методъ этотъ, вѣроятно вслѣдствіе стремленія къ новшеству и недовольства прежнимъ способомъ преподаванія, какъ зараза быстро распространился во множествѣ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Явился этотъ методъ у насъ вслѣдствіе слѣпаго подражанія нѣмецкой школѣ, гдѣ въ начальныхъ школахъ для дѣтей не свыше 8-ми и 9-ти-лѣтняго возраста введено Heimatskunde и весьма полезныя экскурсіи учениковъ съ воспитателями и преподавателями. Этимъ путемъ дѣти на мѣстѣ знакомились съ разнообразными явленіями природы, развивалась въ нихъ способность къ наблюденію и къ отыскиванію связи между наблюдаемыми явленіями; словомъ, они привыкали къ анализу; и такимъ образомъ совершался незамѣтный переходъ въ область явленій, составляющихъ предметъ географіи. Но наши тогдашніе педагоги, заимствуя у нѣмцевъ этотъ въ дѣйствительности прекрасный методъ и вводя его въ составъ гимназическаго курса, упустили только изъ вида, что все то, что хорошо для 8-ми и 9-ти-лѣтнихъ дѣтей въ Германіи, не можетъ быть удовлетворительно для 11-ти и 12-ти-лѣтняго возраста нашихъ дѣтей, вступающихъ въ гимназіи, особенно, если принять во вниманіе нашъ климатъ, однообразіе мѣстности, господствующее въ Европейской Россіи, и помѣщеніе учебныхъ заведеній въ столицахъ и въ большихъ городахъ, гдѣ экскурсіи въ классное время года немыслимы безъ сильнаго нарушенія порядка, установленнаго росписаніемъ занятій въ каждомъ учебномъ заведеніи.

Не стану говорить о томъ, что родиновѣдѣніе, изучаемое въ предѣлахъ классной комнаты, ученикамъ 11-ти-лѣтняго возраста казалось забавою и не пріучало ихъ съ начала гимназическаго курса серьезно относиться къ учебному дѣлу.

Что касается до курса отечествовѣдѣнія, то, по моему мнѣнію, этотъ предметъ не могъ быть поставленъ въ началѣ курса: воспитанники перваго класса не стоятъ еще на томъ уровнѣ развитія, чтобы сознательно изучать географію Россіи, территорія которой занимаетъ шестую долю поверхности суши, а природа зависитъ отъ явленій, общихъ для всей поверхности земнаго шара. Преподаваніе

отечественной географіи въ младшихъ классахъ поведетъ только къ заучиванію фактовъ и не дастъ пищи для развитія ума, что такъ необходимо въ началѣ ученія въ школѣ.

Все преподаваніе всеобщей географіи и до сихъ еще поръ скучено во 2-мъ и 3-мъ классахъ гимназіи, а въ 4-мъ классѣ проходится географія Россіи, для которой отведено только два часовыхъ урока въ недѣлю. Такого количества времени для изученія нашего отечества положительно недостаточно, особенно, если принять во вниманіе, что и у нѣмцевъ для изученія ихъ отечества отведено столько-же, если не болѣе, времени. Это станетъ совершенно ясно, если принять во вниманіе, во-первыхъ, что изученіе страны начинается съ ея очертанія и вида поверхности ея территоріи; чтобы изучить поверхность бо̀льшую, сравнительно съ Германіей, въ 40 разъ, нужно и больше времени, если для русскаго надо знать свое отечество такъ-же хорошо, какъ нѣмцу Германію. Кромѣ того, на нашемъ обширномъ пространствѣ разнообразія въ климатѣ частей имперіи несравненно больше, чѣмъ въ Германіи. Этнографическій обзоръ нашего отечества, гдѣ болѣе ста народностей, представляетъ, сравнительно съ Германіей, еще болѣе трудностей. Въ составѣ населенія Германіи весьма мало такихъ рѣзкихъ различій, какія существуютъ у насъ между русскимъ, финномъ, горцемъ, калмыкомъ, татариномъ, киргизомъ, сартомъ, тунгузомъ и т. п. Наконецъ, и экономическій бытъ народа тамъ несравненно однообразнѣе, чѣмъ у насъ; тамъ нѣтъ ни кочевой, ни патріархальной жизни, и нѣтъ того разнообразія промысловъ, которое является у насъ вслѣдствіе разнообразія природы и историческаго развитія племенъ, вошедшихъ въ составъ нашего населенія. Поэтому, если русскому для изученія его отечества отводится столько-же времени, сколько нѣмцу для изученія Германіи, то невольно является вопросъ: возможно-ли упрекать насъ за то, что мы знаемъ свое отечество несравненно хуже нѣмцевъ; проще сказать, знаемъ его весьма мало, а многихъ его частей совсѣмъ не знаемъ? Кромѣ того, изученіе Западной Европы требуетъ у насъ значительно бо̀льшаго времени, чѣмъ изученіе Европы восточной для западныхъ народовъ. Россія для запада не представляетъ такого интереса, какой представляетъ для насъ остальная Европа, знаніе историческаго и экономическаго развитія которой такъ важно для всего русскаго интеллигентнаго общества, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Знаніе Европы, слѣдовательно, намъ болѣе нужно, чѣмъ иностранцамъ знаніе Россіи. Мало того: на обширномъ протяженіи нашихъ границъ, владѣнія наши внѣ Европы прикасаются къ Турціи, Персіи, Афганистану, Китаю и

весьма близко къ Японіи и Индіи. Знакомство съ сосѣдними странами, безъ сомнѣнія, необходимо.

На эту жалобу о недостаткѣ времени для надлежащаго прохожденія географіи Россіи и всеобщей географіи нѣкоторые возражаютъ, что для повторенія географіи Россіи и первоклассныхъ государствъ Европы отведено еще по одному уроку въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи. Но такое расчлененіе курса географіи въ высокой степени неудобно потому, что въ преподаваніи географіи является двухгодовой пробѣлъ. Въ эти два промежуточныхъ года все пройденное въ младшихъ классахъ фактически и поверхностно, безъ надлежащаго освѣщенія, совершенно улетучивается изъ памяти учащихся, а въ старшихъ двухъ классахъ одинъ урокъ въ недѣлю, удѣляемый на повторенія географіи, признаваемой къ тому-же второстепеннымъ предметомъ, приноситъ очень мало пользы *). Бываетъ иногда на недѣлѣ праздникъ, случайная манкировка со стороны преподавателя и учениковъ, и часто выходитъ, что ученикъ видитъ своего преподавателя разъ въ мѣсяцъ. При такой постановкѣ дѣла, въ старшихъ классахъ, вмѣсто того, чтобы освѣщать факты, пройденные въ младшихъ, приходится только восполнять нѣкоторые пробѣлы, допущенные почему-либо въ курсѣ низшихъ четырехъ классовъ.

Во всякомъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что курсъ географіи абитуріентъ гимназіи знаетъ хуже, чѣмъ остальные предметы курса. Можетъ быть, на это возразятъ, что есть еще университетъ, который можетъ обогатить студента географическими познаніями; но, какъ извѣстно, университетъ доступенъ лишь для меньшинства, а большая часть довольствуется среднимъ образованіемъ, которое должно давать образованіе законченное и закругленное, безъ всякаго разсчета на пріобрѣтеніе знаній въ университетѣ, а слѣдовательно, на среднемъ учебномъ заведеніи лежитъ обязанность ознакомить учащагося съ землею, какъ жилищемъ человѣка. Даже, если смотрѣть на среднеучебное заведеніе, какъ на подготовительное къ университету, то и въ такомъ случаѣ оно должно дать достаточныя понятія изъ географіи, чтобы можно было продолжать занятія по этому предмету въ университетѣ. Такъ это дѣлается по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса: по языкамъ, по математикѣ, по исторіи и по другимъ пред-

*) Согласно новымъ учебнымъ планамъ и программамъ мужскихъ гимназій и прогимназій, утвержденнымъ 20 іюля 1890 г., повторительные уроки географіи въ старшихъ двухъ классахъ, какъ извѣстно, совершенно упразднены, вслѣдствіе чего преподаваніе географіи поставлено въ еще худшія условія.

Ред

метамъ, которые систематически доводятся до VIII класса. Только на лекціи географіи студентъ явится безъ всякой подготовки, а въ университетѣ знакомить его съ основами географической науки не приходится, такъ-же точно, какъ на математическомъ факультетѣ не станутъ профессора проходить основныхъ понятій изъ ариѳметики, алгебры и геометріи.

Изъ сказаннаго становится совершенно ясна причина, отъ которой зависитъ полное незнаніе какъ отечественной, такъ и всеобщей географіи въ средѣ даже такъ-называемаго образованнаго общества. Вслѣдствіе этого-то незнанія, у многихъ является какая-то увѣренность, что это предметъ легкій, что всякій о немъ можетъ высказывать свои сужденія. Отсюда-же проистекаетъ то, что преподавателей, спеціалистовъ по географіи, весьма немного.

Даже педагогическіе курсы, существовавшіе при 2-й военной гимназіи съ цѣлью подготовленія преподавателей по разнымъ предметамъ, не могли сдѣлать многаго для надлежащей подготовки преподавателей по предмету географіи. Всякій поступившій на эти курсы приносилъ съ собою университетскія знанія, а поступавшій съ цѣлью быть преподавателемъ географіи являлся туда съ давно забытымъ курсомъ географіи Ободовскаго. На курсахъ его учили преимущественно какъ проходить родиновѣдѣніе, учили кàкъ учить, но вовсе не учили тому, чему надо учить, и вышло, что эти курсы мало увеличили контингентъ вполнѣ удовлетворительныхъ преподавателей географіи. Вслѣдствіе такого весьма ограниченнаго числа преподавателей-спеціалистовъ по географіи, многіе преподаватели исторіи и словесности безъ всякаго приготовленія брались и берутся за преподаваніе географіи; дѣлаютъ это они не по призванію, а только потому, что не находятъ по своей спеціальности достаточнаго количества занятій. Бываетъ также, что и администрація, за неимѣніемъ спеціалистовъ, навязываетъ учителямъ другихъ предметовъ (напр., исторіи) преподаваніе географіи противъ ихъ собственнаго желанія. Такіе преподаватели, большею частью, руководствуются общепринятыми учебниками, придаютъ ей значеніе только служебнаго для исторіи и исторіи литературы предмета, не находя въ географіи жизненныхъ началъ для развитія ума, воображенія, способности къ анализу и къ развитію другихъ интеллектуальныхъ силъ учащихся. Лучшими въ средѣ такихъ преподавателей являлись, конечно, натуралисты, которые ближе стоятъ къ предмету, описывающему природу земли, чѣмъ филологи, не придающіе ей поэтому того значенія, какое ей придаютъ естествоиспытатели.

Ученіе К. Риттера о землѣ, пролившее на географическую науку свѣтъ и проникшее въ образованное общество, не повліяло, однакожъ, у насъ на преподаваніе географіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Преподаваніе продолжалось по учебнику Ободовскаго, а потомъ по господствующимъ и нынѣ рекомендованнымъ учебникамъ другихъ авторовъ. Слабыя свѣдѣнія, вынесенныя учениками изъ этихъ учебниковъ, составляютъ исключительный, плохаго свойства, географическій матеріалъ, который учащіеся по окончаніи курса вносятъ съ собою въ общественную среду.

А. Пуликовскій.

(*Окончаніе будетъ*).

Очерки частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи.

(Окончаніе).

Всѣ народныя библіотеки, о которыхъ мы говорили доселѣ, созданы цѣлыми учрежденіями — обществами попеченія о начальномъ образованіи, коммиссіями народныхъ чтеній и, наконецъ, обществомъ членовъ харьковской библіотеки. Теперь мы переходимъ къ любопытному опыту устройства библіотеки, предназначенной для самой широкой публики, отдѣльнымъ лицомъ. Такая библіотека открыта 20 сентября 1888 года въ Тифлисѣ г-жею Кайдановой.

Библіотека г-жи Кайдановой взимаетъ съ своихъ подписчиковъ 20 коп. въ мѣсяцъ. Учащимся въ начальныхъ училищахъ дѣлается уступка и съ нихъ взимается 10 коп., а съ учащихся въ женской воскресной школѣ, устроенной тою-же г-жею Кайдановой, всего 5 к. въ мѣсяцъ.

Библіотека начала свою дѣятельность съ самыми скромными средствами. Но уже черезъ годъ въ библіотекѣ имѣлось около 3.000 книгъ и 1.660 названій. Въ томъ числѣ было книгъ беллетристическаго содержанія 1.027, историческаго 111, географическаго 70, естественно-историческаго 99, біографическаго 73, этнографическаго 15, духовно-нравственнаго 81 и т. д. Половину книгъ (840 названій) составляли дешевыя народныя изданія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ каталогъ библіотеки входили полныя собранія сочиненій Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Никитина, Кольцова, Успенскаго, Гаршина, почти полныя собранія сочиненій (за недостаткомъ нѣкоторыхъ томовъ) Достоевскаго, Островскаго, Гончарова, Л. Толстого и по нѣскольку лучшихъ произведеній Щедрина, Писемскаго, Шекспира, Байрона, Гюго, Шпильгагена и др.

Изъ общаго числа книгъ, 604 были пожертвованы. Книги жертвовались какъ посторонними лицами, сочувствовавшими дѣлу, такъ и подписчиками, отдававшими библіотекѣ свои послѣднія книги. Нѣко-

торые изъ подписчиковъ, не рѣшаясь разстаться съ своимъ сокровищемъ—книгами и въ то-же время желая оказать содѣйствіе библіотекѣ, приносили свои книги во временное пользованіе ея. Вообще подписчики библіотеки сразу поняли, что они имѣютъ дѣло не съ коммерческимъ учрежденіемъ, а съ дѣломъ, предпринятымъ въ интересахъ общей пользы, и относились къ библіотекѣ съ величайшимъ сочувствіемъ и старались всячески выразить это сочувствіе: доставляли новыхъ подписчиковъ, приводя товарищей, разыскивали и выручали книги, которыя долго не возвращались въ библіотеку, подклеивали книги, дѣлали кое-какія починки безвозмездно и т. д. Интеллигенція также отнеслась сочувственно къ предпріятію г-жи Кайдановой, что выразилось, помимо пожертвованій книгами, и болѣе существенною поддержкою, какъ можно видѣть изъ бюджета библіотеки за первый годъ ея существованія. Доходъ библіотеки равнялся за этотъ годъ 978 рублямъ, что не только дало возможность покрыть всѣ расходы по библіотекѣ (покупка книгъ—304 р., помѣщеніе—192 р., плата завѣдующей библіотекою—180 р., переплетъ книгъ—93 р. и другіе расходы, всего на сумму 823 р.), но и отложить небольшой остатокъ на слѣдующій годъ (154 р.). Но изъ помянутыхъ 978 рублей дохода только 312 р. 80 к. были получены въ видѣ абонементной платы, а остальная сумма сложилась изъ 215 р. пожертвованій и 450 р., собранныхъ съ двухъ концертовъ и спектакля, устроенныхъ въ пользу библіотеки.

Когда библіотека была впервые открыта, учредительница крайне опасалась, что въ нее не пойдетъ именно та публика, для которой библіотека предназначалась. Примѣръ упоминавшихся выше библіотекъ ясно показываетъ, насколько подобное опасеніе неосновательно. Тифлисская библіотека лишній разъ доказала то-же самое. Первый день библіотека пустовала; но на второй-же день въ нее явилось пять человѣкъ. Эти первые подписчики привели въ слѣдующіе дни своихъ знакомыхъ, и скоро библіотека стала настолько извѣстною, что уже къ концу перваго мѣсяца она насчитывала 160 подписчиковъ. Между тѣмъ объявленій о библіотекѣ нигдѣ не печаталось и не вывѣшивалось и вообще не принималось никакихъ искусственныхъ мѣръ для распространенія свѣдѣній о библіотекѣ въ массѣ населенія. Несмотря на то, что библіотека мало-по-малу пріобрѣтала популярность, многіе, узнавшіе о ея существованіи, все-таки стѣснялись заявляться въ нее въ виду непривычки нашего простолюдина къ «такимъ дѣламъ»; инымъ, очевидно, было конфузно выказывать серьезный интересъ къ такой вещи, какъ книга, которая далеко еще не пріобрѣла

права гражданства даже въ «обществѣ», а тѣмъ болѣе въ народной массѣ. Иные подходили къ библіотекѣ, толклись передъ ея окнами, разсматривали выставленныя въ нихъ книги и библіотечныя правила, но зайти въ библіотеку не рѣшались. Другіе подписывались чрезъ дѣтей и этимъ ставили въ большое затрудненіе лицъ, выдающихъ книги, такъ какъ было трудно выбирать книги для этихъ невидимыхъ подписчиковъ, а сами послѣдніе выражали очень неопредѣленныя требованія, напр., просили «книжку потолще». Наконецъ, были и такіе, которые являлись въ библіотеку съ дѣтьми, подписывались будто-бы для послѣднихъ, но когда имъ выдавали дѣтскую книгу, напр., сказки, они обнаруживали свою тайну, прося выдавать другую книгу, посерьезнѣй. Какъ-бы то ни было, но за годъ у библіотеки перебывало 677 подписчиковъ.

Этотъ контингентъ подписчиковъ распадался на слѣдующія группы:

Учащихся въ среднеучебныхъ заведеніяхъ	155
» » техническомъ училищѣ и учительскомъ институтѣ	138
» » начальныхъ школахъ	114
» » воскресной школѣ	99
Дѣтей, неучащихся и живущихъ дома	82
Рабочихъ: а) взрослыхъ.	71
б) малолѣтнихъ	21
Солдатъ	24
Разныхъ лицъ.	55

Кромѣ того, библіотекою пользовались пріютъ и школа благотворительнаго общества, которыя, не имѣя своихъ библіотекъ, брали книги для своихъ питомцевъ (90 чел.) изъ библіотеки г-жи Кайдановой.

Какъ видимъ, большинство подписчиковъ библіотеки состояло изъ дѣтей и подростковъ. Контингентъ взрослыхъ можетъ быть опредѣленъ всего въ 150 съ небольшимъ. Именно сюда относятся взрослые рабочіе, солдаты, «разныя лица» и часть учащихся въ воскресной школѣ. Въ дѣйствительности, однако, библіотекою пользовалось несравненно большее число взрослыхъ. Какъ уже было сказано выше, часто дѣти являлись подписчиками лишь номинально, такъ какъ въ дѣйствительности подписывались ихъ родители для себя. Затѣмъ, въ простонародныхъ семьяхъ грамотный ребенокъ сплошь и рядомъ читаетъ взятую изъ библіотеки книгу вслухъ всей семьѣ, и если книга понравилась взрослымъ членамъ семьи, объ этомъ юный подписчикъ доводилъ до свѣдѣнія лицъ, выдававшихъ книги, и просилъ выдавать подобныя-же книги. Такимъ образомъ, хотя подписчиками библіотеки числились по преимуществу дѣти и подростки, но читателями и слу-

шателями книгъ, взятыхъ изъ библіотеки, являлись также въ весьма значительномъ числѣ и взрослые.

Книги выдавались подъ залогъ, и безъ залога. Съ болѣе состоятельныхъ брался залогъ деньгами или книгами, но далеко не всегда. Для нѣкотораго обезпеченія записывались адреса всѣхъ подписчиковъ, а дѣтей просили приносить ручательство родителей относительно аккуратности въ сохраненіи и возвращеніи книгъ или требовали назвать кого-либо изъ извѣстныхъ библіотекѣ лицъ. Но и при неисполненіи этихъ условій никому не отказывали въ выдачѣ книгъ. Подписчики взрослые даже особенно цѣнили то довѣріе, которое библіотека оказывала имъ, выдавая книги безъ залога. И довѣріе это было оправдано, такъ какъ на почти 15 тыс. выданныхъ книгъ пропало всего 30 книженокъ. Сами подписчики заботились о цѣлости библіотечныхъ книгъ и розыскивали неаккуратнаго подписчика, задержавшаго книгу, отбирали у него послѣднюю и доставляли въ библіотеку. Иногда библіотека обращалась къ неаккуратнымъ подписчикамъ съ письменными напоминаніями, послѣ чего задержанныя книги почти всегда возвращались. Въ одномъ случаѣ подписчикъ мастеровой, изъ бывшихъ учениковъ ремесленнаго училища, взявъ «Домби и сына» Диккенса, не возвращалъ ея; товарищи, которыхъ просили напомнить ему о возвратѣ книги, заявили, что онъ смѣется надъ людьми, выдающими книги безъ залога, и не намѣренъ возвращать книги. Ему написали письмо, въ которомъ выяснили, какое значеніе имѣетъ выдача книгъ безъ залога для бѣдняковъ, указали, что такая выдача основана на довѣріи къ честности подписчиковъ, и заявили, что послѣ нѣсколькихъ случаевъ удержанія книгъ подписчиками, придется прекратить выдачу книгъ безъ залога, и такимъ образомъ пострадаютъ интересы бѣднѣйшихъ изъ подписчиковъ. На другой-же день книга была возвращена.

Всѣхъ книгъ въ теченіе года было выдано 14.748. Изъ нихъ 461 книга была взята для пріюта и школы благотворительнаго общества, а 14.287 отдѣльными подписчиками. Изъ послѣднихъ приходится всего болѣе на отдѣлъ беллетристики—13.338; затѣмъ, по отдѣлу путешествій взято 389 книгъ, біографическихъ книгъ—195, естественно-историческихъ—109, географическихъ—48, богословскихъ—20 и разныхъ—14.

По вопросу о томъ, какія именно книги читались подписчиками съ наибольшею охотою, мы находимъ въ отчетѣ библіотеки слѣдующія отрывочныя, тѣмъ не менѣе интересныя указанія:

«Для точнаго отвѣта на помянутый вопросъ необходимы стати-

стическія данныя, которыхъ у насъ нѣтъ, такъ какъ только къ концу отчетнаго года заведена книга, въ которой отмѣчается подъ названіемъ книги—сколько разъ ее брали. Въ настоящее-же время можно лишь упомянуть о нѣкоторыхъ книгахъ, пользовавшихся популярностью. Къ числу ихъ нужно прежде всего отнести художественные разсказы Толстого: «Кавказскій плѣнникъ», «Богъ правду видитъ», «Поликушка», которые читаютъ съ одинаковымъ наслажденіемъ и взрослые, развитые, и еле грамотные, и дѣти, и подростки. Такое-же впечатлѣніе производитъ «Галя». Изъ изданій «Посредника» берутъ еще часто «Марью Кружевницу» и «Сигналъ». Но послѣднее время всѣ эти книги (особенно первыя три) стали вообще настолько извѣстными, что ихъ приходилось выдавать, главнымъ образомъ, научившимся недавно грамотѣ или ничего ранѣе не читавшимъ. Затѣмъ очень много спрашивали «Старика Никиту и его трехъ дочерей» (передѣлка «Короля Лира»), «Бѣдность не порокъ», «Не такъ живи, какъ хочется» (Островскаго), «Царевну Меллину» (Кота Мурлыки), «Филу» (передѣлка «Касимовской невѣсты»), «Подвигъ», «Рыжій графъ» (Засодимскаго), «Архангельскихъ китолововъ» (Сѣтковой), «Хижину дяди Тома», «Машу на дѣвичникѣ», «Тита», «Вавилу» (Острогорскаго), «Неспособнаго человѣка», «Суходомщину», «Музыканта» (Погосскаго), «Безоброчнаго» (Нефедова), «Муму» (Тургенева). Другіе зачитывались «Юріемъ Милославскимъ», «Княземъ Серебрянымъ», «Капитанской дочкой», «Дубровскимъ», повѣстями Гоголя; спрашивали часто «Сагайдачнаго» Мордовцева, Жюль-Верна. Изъ историческихъ книгъ рѣдко оставались на полкахъ «Народная война» Шалфеева, «Разсказы про старое время на Руси» Петрушевскаго; любили біографіи Ломоносова, Шевченко, Гарфильда, Томаса Эдварса, «Черныхъ богатырей» Конради, «Записки изъ Мертваго дома» Достоевскаго. Ученики старшихъ классовъ городскихъ училищъ, ремесленнаго, техническаго (не говоря уже о гимназистахъ) поглощали одно за другимъ путешествія, и такъ какъ большинство подписчиковъ предоставляли выборъ книгъ библіотекаршѣ, то Жюль-Вернъ расходился больше Майнъ-Рида. Гимназистки, ученицы (старшія) воскресной школы и начальныхъ, швеи брали нарасхватъ разсказы Анненской, въ особенности «Тяжелую жизнь», «Анну», «Надежду семьи». Было человѣкъ 15 рабочихъ и солдатъ, которые читали съ увлеченіемъ романы Виктора Гюго, перечитали всего Тургенева, Лермонтова, Успенскаго, брали Щедрина, Костомарова, Достоевскаго, Гаршина, Короленко, Шекспира и Байрона. «Позвольте ужъ еще томикъ Тургенева», проситъ скромно солдатъ, «хочу всего прикончить:

очень хорошо пишутъ». «Интереснѣе «Мертвыхъ душъ» ничего, кажется, нѣтъ», разсуждаетъ другой. Очень часто просили почитать что-нибудь по исторіи западныхъ государствъ, въ родѣ книги Петрушевскаго, но, къ сожалѣнію, это требованіе трудно было удовлетворить, такъ какъ, кромѣ Иловайскаго съ одной стороны и Вебера, Шлоссера съ другой, исторіи западныхъ государствъ, сколько-нибудь популярно и научно написанной, мы не знаемъ. Очень желательно-бы было видѣть подобную книгу въ народной библіотекѣ! Какъ уже сказано, большинство книгъ выдавалось по выбору библіотекарши, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ подписчики просили дать имъ «хорошую книжку»; особенно это практиковалось въ отношеніи къ дѣтямъ, которыя часто передавали и содержаніе прочитаннаго. Книжка, понравившаяся одному подписчику, переходила изъ рукъ въ руки. Дайте «Бѣлую бабу» («Бѣлая женщина» Цебриковой), слышится по нѣскольку разъ въ день, послѣ того, какъ книгу эту взяла одна изъ ученицъ воскресной школы, слышавшая ее тамъ отъ учительницы. «А мнѣ «Косматую Дуню» (Иванова),—твердятъ другіе; оказывается, что и эта книга пошла въ ходъ послѣ прочтенія въ воскресной школѣ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цыфръ относительно книгъ, взятыхъ въ году по каждому отдѣлу,—отдѣлъ литературный несравненно преобладаетъ надъ другими; но были любимыя книжки и среди другихъ отдѣловъ; напр., многіе съ интересомъ прочли и совѣтовали прочесть другимъ «Двѣ капельки», «Истребители мышей», «Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ», «Вулканы», «Разсказы о землѣ и небѣ», «О неподвижныхъ звѣздахъ», «О фабрикахъ и заводахъ» и др.».

Кромѣ отдачи книгъ для прочтенія, библіотека также торговала ими. Объ этой сторонѣ дѣятельности библіотеки мы находимъ въ ея отчетѣ слѣдующія свѣдѣнія. «Перечитавъ нѣсколько книгъ, подписчики съ удовольствіемъ покупаютъ наиболѣе понравившуюся имъ; покупали и посторонніе. Книги для продажи высылались въ кредитъ аудиторіей народныхъ чтеній при Одесскомъ славянскомъ обществѣ; первая партія книгъ была получена въ декабрѣ и по сентябрь продано книгъ на 80 рублей, преимущественно дешевыхъ изданій. Съ мая мѣсяца продажа книгъ перенесена была частью на базаръ. гдѣ былъ поставленъ столъ съ книгами рядомъ съ офенями. Покупатели стали подходить и къ нашему столу; продали первый разъ нѣсколько книгъ, которыхъ не было у другихъ офеней—«Сельскій календарь» Абрамова, «Мученики» Шатобріана (сокращеніе), «Хижину дяди Тома». Но до сихъ поръ эта сторона дѣятельности во многомъ страдаетъ: никакъ не удается найти надежнаго человѣка, который-бы

продавалъ на базарѣ книги по назначенной цѣнѣ; кромѣ того, послѣ долгихъ хлопотъ, лишь на-дняхъ удалось получить въ управѣ билетъ на право безплатной торговли на базарѣ, причемъ это право дано только на будни; по воскресеньямъ-же будетъ взыскиваться нѣкоторая плата (по 30 коп.)».

Всѣ приведенныя здѣсь свѣдѣнія о тифлисской библіотекѣ относятся къ первому году ея существованія, съ 20 сентября 1888 г. по 20 сентября 1889 года. Свѣдѣнія о послѣдующей дѣятельности библіотеки, когда эта дѣятельность естественно должна была расшириться и самая библіотека должна была стать на прочную ногу, конечно, представляютъ значительно больщій интересъ сравнительно съ сообщеннымъ здѣсь. Къ сожалѣнію, мы не могли получить новѣйшихъ свѣдѣній о библіотекѣ г-жи Кайдановой и должны были довольствоваться первымъ годичнымъ отчетомъ ея.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной попыткѣ устройства народной библіотеки по частной иниціативѣ въ г. Екатеринбургѣ, и этимъ будетъ исчерпано все, что частная иниціатива сдѣлала въ данномъ направленіи *въ городахъ*. Екатеринбургская библіотека устроена священникомъ кладбищенской Іоанно-Предтечинской церкви и носитъ исключительно религіозно-нравственный характеръ. Библіотека была открыта въ началѣ 1888 года. Наши свѣдѣнія объ этой библіотекѣ крайне скудны и мы не знаемъ даже, продолжаетъ-ли она существовать. Рядомъ съ помянутой церковью находятся три спичечныхъ фабрики почти съ 1.000 рабочими, а въ ста саженяхъ расположено огромное поселеніе—Верхне-Исетскій заводъ, имѣющій до 10.000 населенія. Для этого-то рабочаго населенія помянутый священникъ и предназначалъ свою библіотеку. Для основанія библіотеки онъ купилъ до 800 брошюръ, преимущественно житій святыхъ, пожертвовалъ книги, полученныя имъ въ наслѣдство отъ какого-то родственника, и передалъ въ библіотеку духовные журналы и газеты (до 40 названій), получавшіеся имъ въ обмѣнъ на мѣстныя «Епархіальныя Вѣдомости», редакторомъ которыхъ онъ состоялъ. Книги выдавались безплатно, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣдни. Дѣло пошло настолько успѣшно, что уже къ концу перваго мѣсяца библіотека имѣла до 200 читателей. Этотъ фактъ служитъ яркою иллюстраціею той потребности въ книгѣ, которая существуетъ въ нашемъ рабочемъ классѣ, и въ настоящее время, можно сказать, не находитъ никакого удовлетворенія.

Существуютъ еще народныя читальни, устроенныя городскими управленіями. Такихъ читалень имѣется, какъ извѣстно, двѣ въ Пе-

тербургѣ и двѣ въ Москвѣ и устраивается по одной въ Одессѣ и Кіевѣ. Но мы здѣсь не будемъ говорить объ этихъ учрежденіяхъ, такъ какъ они созданы уже не частною иниціативою. Частная иниціатива принимала въ нихъ участіе лишь въ видѣ пожертвованій книгами. Правда, одна изъ московскихъ читаленъ — Тургеневская — устроена первоначально частнымъ лицомъ, на средства котораго она нѣкоторое время и содержалась. Но въ настоящее время эта читальня всецѣло принадлежитъ московскому городскому управленію, на средства котораго и содержится. Къ тому-же Тургеневская читальня и по составу книгъ, и по составу посѣтителей мало напоминаетъ «народную» читальню, служа преимущественно интересамъ культурныхъ классовъ московскаго населенія. Упомянемъ еще, что зданіе для читальни, которая открывается въ Одессѣ, построено на средства одесскаго городскаго головы и пожертвовано имъ городу спеціально для устройства въ немъ народной читальни.

До сихъ поръ мы говорили о народныхъ библіотекахъ, устроенныхъ по частной иниціативѣ въ городахъ. Но въ настоящее время потребность въ чтеніи среди сельскаго населенія нисколько не меньше, нежели среди низшихъ классовъ городскаго населенія, и потому частной иниціативѣ необходимо распространить свое попеченіе объ устройствѣ народныхъ библіотекъ и на села. Само сельское населеніе пытается помочь своей нуждѣ въ хорошей книгѣ, но безъ руководства, указаній и помощи эти попытки пока особеннаго значенія не имѣютъ. Такъ, извѣстно, что крестьяне начинаютъ въ складчину выписывать книги и газеты. Извѣстны случаи найма цѣлою деревнею особой избы, въ которую собираются по зимнимъ вечерамъ желающіе слушать чтеніе любителей-грамотеевъ. Сообщалось даже о появленіи въ деревняхъ странствующихъ чтецовъ, которые читаютъ желающимъ изъ имѣющагося у нихъ запаса книгъ за какое-нибудь вещественное вознагражденіе—хлѣбъ, яйца, холстъ и т. п. Извѣстны случаи, когда крестьяне собирали деньги, иногда по нѣсколько сотъ рублей, для выписки книгъ въ мѣстныя школьныя библіотеки, съ тѣмъ, чтобы ими могли пользоваться всѣ желающіе. Тамъ, гдѣ устраиваются библіотеки при школахъ земствами, ими охотно пользуется окрестное населеніе. Къ сожалѣнію, всѣ такія библіотеки чаще носятъ школьный дѣтскій характеръ. Едва-ли не первый примѣръ основанія настоящей общественной сельской библіотеки, имѣющей въ виду отвѣчать требованіямъ всѣхъ возрастовъ сельскаго населенія, представляетъ устройство библіотеки въ с. Марковкѣ, Лебедянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, возникшей, благодаря содѣйствію Харьковскаго

общества распространенія грамотности. Свѣдѣнія о возникновеніи Марковской сельской общественной библіотеки были опубликованы въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» отъ имени правленія Харьковскаго общества распространенія грамотности, и мы приведемъ здѣсь эти свѣдѣнія полностью, въ виду понятнаго интереса, представляемаго первымъ опытомъ созданія общественной библіотеки въ селѣ.

Инициатива открытія Марковской общественной библіотеки принадлежитъ законоучителю и учителю мѣстной сельской школы Ѳ. Н. Литкевичу и попечителю послѣдней, мѣстному землевладѣльцу В. М. Добросельскому. Эти лица, по опыту зная, какъ сильно мѣстное населеніе нуждается въ книгѣ и какъ часто оно обращается за книгами въ школьную библіотеку, предложили мѣстному волостному сходу устроить общественную библіотеку. Волостной сходъ нѣсколько разъ обсуждалъ это предложеніе и наконецъ, 12-го декабря 1888 года, постановилъ учредить сельскую библіотеку, ассигновалъ для этой цѣли 10 рублей и поручилъ волостному старшинѣ и г. Литкевичу обратиться къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ съ ходатайствомъ о пожертвованіи книгами, необходимыми для устраиваемой библіотеки. Волостной старшина и г. Литкевичъ прежде всего обратились съ указаннымъ ходатайствомъ въ правленіе Харьковскаго общества распространенія грамотности. Правленіе передало это ходатайство на обсужденіе общаго собранія общества. Общее собраніе отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ начатому дѣлу и постановило, кромѣ помощи изъ собственнаго книжнаго склада общества, обратиться чрезъ газеты къ сочувствующимъ лицамъ съ приглашеніемъ жертвовать книги чрезъ правленіе общества для устраиваемой библіотеки. Это воззваніе имѣло громадный успѣхъ. Въ самомъ Харьковѣ на него отозвались до 100 человѣкъ, принесшихъ значительныя пожертвованія; кромѣ того, были пожертвованія и изъ другихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, въ теченіе 1889 года правленіе Харьковскаго общества грамотности могло передать въ Марковскую библіотеку изъ своего книжнаго склада и изъ пожертвованій—1.572 книги и брошюры. Кромѣ Харьковскаго общества грамотности, уполномоченные Марковской волости обращались съ просьбою о помощи и къ другимъ учрежденіямъ и лицамъ. Результатомъ этого обращенія былъ рядъ пожертвованій книгами и деньгами отъ Петербургскаго комитета грамотности, Общества Распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, Лебединскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и частныхъ лицъ, въ особенности интеллигенціи, проживающей въ предѣлахъ Марковской волости. Въ окончательномъ итогѣ Марковская библіотека имѣла къ 1-му января 1890 года 2.419 книгъ, стоимостью

болѣе чѣмъ на 1.000 рублей. Въ теченіе 1890 года библіотека продолжала пополняться новыми книгами.

Правленіе Харьковскаго общества распространенія грамотности, въ письмахъ на имя Марковскаго волостнаго старшины и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, предложило, для достиженія наилучшихъ результатовъ дѣятельности библіотеки, сдѣлать устраиваемую библіотеку собственностью всей Марковской волости, а не одного только селенія Марковки, выбрать правленіе библіотеки изъ лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ чертѣ волости, завести книги—приходо-расходную, матеріальную, каталогъ, книгу выдачи и пріема книгъ и книгу протоколовъ правленія библіотеки, застраховать библіотеку въ суммѣ стоимости книгъ и ежегодно, въ концѣ года, доставлять правленію Харьковскаго общества распространенія грамотности отчетъ о дѣятельности библіотеки; всѣ эти предложенія были приняты и осуществлены.

22-го ноября 1889 года въ Марковѣ была получена оффиціальная бумага объ утвержденіи библіотеки Министромъ Народнаго Просвѣщенія, причемъ г. Министръ ассигновалъ 125 р. на первоначальное обзаведеніе библіотеки. 21-го ноября библіотека была открыта оффиціально и было избрано правленіе въ составѣ 12-ти человѣкъ, въ числѣ которыхъ были, кромѣ иниціаторовъ, гг. Литкевича и Добросельскаго, двое мѣстныхъ землевладѣльцевъ, двое священниковъ, трое учащихъ въ ближайшихъ школахъ, чиновникъ акцизнаго вѣдомства, волостной старшина и одинъ изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Населеніе въ высшей степени довольно устройствомъ библіотеки. Спросъ на книги съ первыхъ-же дней открытія библіотеки былъ огромный. Въ первые 3—4 дня изъ библіотеки было взято до 400 книгъ, и такой-же спросъ на книги продолжался далѣе, такъ что возникло опасеніе въ возможности удовлетворенія всѣхъ требованій. До 24-го декабря 1889 года взявшихъ книги было: взрослыхъ, отъ 16 до 50 лѣтъ, 487 человѣкъ, и дѣтей, до 15 лѣтъ включительно, 856 человѣкъ, всего 1.343 человѣка читавшихъ, при крестьянскомъ населеніи волости, дающемъ главную массу читателей, въ 2.822 души мужскаго и 2.839 женскаго пола. За книгами приходятъ и пріѣзжаютъ даже изъ наиболѣе отдаленныхъ мѣстъ волости. Съ книгами обращаются съ крайнею бережливостью. Многіе крестьяне, возвращая книги, даютъ небольшія суммы—въ видѣ платы за чтеніе, или въ видѣ пожертвованій въ пользу библіотеки. Такъ какъ библіотека помѣщается при Марковскомъ училищѣ и завѣдуетъ библіотекою учитель г. Литкевичъ, то выдача и пріемъ книгъ производятся во внѣ-

классное время. За потерю книги постановлено взыскивать двойную цѣну, а за порчу—сообразно степени поврежденія. Замѣтимъ еще, что относительно вопроса о томъ, что̀ преимущественно выбираетъ для чтенія простонародный читатель, опытъ Марковской библіотеки говоритъ слѣдующее: люди пожилые предпочитаютъ чтеніе религіозно-нравственныхъ книгъ, молодые хозяева—хозяйственныя книги, молодежь 15 — 20 лѣтъ—историческія и естественно-научныя и дѣти — повѣсти, разсказы и сказки.

Когда въ печать проникли свѣдѣнія объ устройствѣ Марковской библіотеки, въ правленіе Харьковскаго общества распространенія грамотности стали поступать изъ ряда губерній запросы о порядкѣ устройства сельскихъ библіотекъ и заявленія о предположеніи открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ сельскую библіотеку. Повидимому, однако, эти предположенія не получили практическаго осуществленія. Въ то-же время въ с. Липцахъ, Харьковской губерніи и уѣзда, волостной сходъ, подобно Марковскому, постановилъ основать сельскую библіотеку и обратился съ просьбою о содѣйствіи къ тому же Харьковскому обществу распространенія грамотности, которое и открыло сборъ пожертвованій книгами и для этой предполагаемой библіотеки. Около этого-же времени, въ слободѣ Велико-Михайловкѣ, Новооскольскаго уѣзда, Курской губерніи, возникла также мысль объ устройствѣ сельской общественной библіотеки. Въ пользу будущей библіотеки былъ открытъ сборъ пожертвованій; мѣстное населеніе охотно давало, что могло, и скоро было собрано болѣе 500 рублей. Къ сожалѣнію, намъ остается неизвѣстнымъ, получили-ли практическое осуществленіе попытки устройства общественныхъ библіотекъ какъ въ с. Липцахъ, такъ и въ слободѣ Велико-Михайловкѣ.

Намъ извѣстна еще попытка устройства *частной* библіотеки въ селѣ. Попытка эта была сдѣлана въ извѣстномъ своими ножами и замками с. Павловѣ, Нижегородской губерніи. Библіотека явилась здѣсь въ началѣ 1889 года. Запасъ книгъ, съ которымъ она начала свою дѣятельность, не великъ, но въ ней, кромѣ книгъ болѣе или менѣе случайнаго характера, имѣлись полныя собранія сочиненій лучшихъ русскихъ авторовъ и выписывалось до десяти періодическихъ изданій. Плата за чтеніе установлена въ 25 к. въ мѣсяцъ. Установленъ залогъ, который можетъ быть денежный и книжный. Предполагалось устроить особый отдѣлъ дешевыхъ книгъ — съ платою за чтеніе 1 р. въ годъ. Въ какомъ положеніи стоитъ это дѣло въ настоящее время—намъ неизвѣстно.

Вотъ и все, что намъ удалось собрать при самыхъ тщательныхъ

розыскахъ по вопросу о содѣйствіи частной иниціативы дѣлу устройства народныхъ библіотекъ въ Россіи. Едва-ли какая-нибудь попытка въ данномъ направленіи ускользнула онъ нашего вниманія *); во всякомъ случаѣ ручаемся, что мы не пропустили ни одного мало-мальски замѣтнаго факта, который хотя немного могъ-бы измѣнить въ лучшую сторону то безотрадное впечатлѣніе, которое получается отъ знакомства съ данными, приведенными въ настоящей статьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть обиднѣе мысли, что вся русская интеллигенція, на всемъ протяженіи земли русской отъ Петербурга до Владивостока и отъ Архангельска до пустынь Средней Азіи, *не создала для своего народа и десятка библіотекъ!* И стыдно, и больно становится при знакомствѣ съ такимъ вопіющимъ фактомъ, ложащимся неизгладимымъ позорнымъ пятномъ на честь русской интеллигенціи. Тѣмъ болѣе чести тѣмъ немногимъ благороднымъ людямъ, которые, несмотря на лишающее силъ и энергіи вліяніе такой среды, рѣшились сдѣлать то, что они могутъ для уплаты своего долга народу, и показали примѣръ, которому должна-бы слѣдовать и остальная интеллигенція. Какъ ни малочисленны сдѣланныя доселѣ попытки устройства народныхъ библіотекъ и какъ ни кратковременно существованіе этихъ библіотекъ, тѣмъ не менѣе опытъ ихъ ясно показываетъ, что потребность въ народныхъ библіотекахъ существуетъ повсемѣстно и она одинаково велика въ городахъ и въ селахъ, что вездѣ, гдѣ открывались народныя библіотеки, онѣ находили немедленно же громадную массу читателей и что разъ дѣло устройства народной библіотеки начато, оно находитъ полную поддержку какъ среди тѣхъ, для кого такая библіотека предназначается, такъ и среди мѣстнаго интеллигентнаго общества, такъ что все дѣло въ началѣ. Вотъ именно потому-то у насъ такъ и мало народныхъ библіотекъ, что никто не беретъ на себя иниціативу дѣла, некому положить начало дѣлу. Мы сочувствуемъ всякому доброму дѣлу, готовы оказать ему поддержку, но брать на себя хлопоты дѣла и связанную съ ними отвѣтственность—на это среди насъ находится мало охотниковъ.

Этимъ мы и окончимъ наши очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. По настоящему, намъ слѣдовало бы коснуться еще двухъ явленій—содѣйствія частной иниціативы дѣлу профессіо-

---

*) Мы здѣсь не говорили ничего о библіотекахъ, устроенныхъ при нѣкоторыхъ нашихъ фабрикахъ, для ихъ рабочихъ, во-1-хъ, потому, что это домашнее дѣло данныхъ фабрикъ, и, во-2-хъ, потому, что эти фабричныя библіотеки едва-ли не всегда существуютъ только для показа.

нальнаго образованія и попытокъ интеллигенціи распространить въ народѣ разными путями хорошую книгу. Но насъ удерживаютъ отъ этого чисто формальныя соображенія. Во-1-хъ, послѣдняго явленія мы уже не разъ касались по разнымъ поводамъ въ нашихъ статьяхъ и къ сказанному мы могли-бы прибавить не особенно много, и во-2-хъ, частная иниціатива въ дѣлѣ профессіональнаго образованія, при всей скромности ея количественныхъ размѣровъ, выразилась въ столь разнообразныхъ формахъ, что для мало-мальски сноснаго ознакомленія читателя съ тѣмъ, что дѣлается въ данной области, потребовалось-бы слишкомъ много мѣста; а наша работа и безъ того уже слишкомъ растянулась. Мы, однако, не отказываемся поговорить когда-нибудь о наиболѣе важныхъ проявленіяхъ частной иниціативы въ обѣихъ указанныхъ областяхъ.

Я. Абрамовъ.

Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы.

Русская народная школа въ ея нынѣшнемъ видѣ получила свое начало послѣ великой реформы освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 года. Дѣйствительно существующихъ и производящихъ обученіе школъ до этого времени было весьма незначительное количество. Если въ 1860 году и числилось въ Россіи болѣе 21.000 церковно-приходскихъ школъ, то во многихъ изъ нихъ или совсѣмъ не производилось обученія, или оно находилось въ рукахъ полуграмотныхъ дьячковъ и пономарей. Впрочемъ, точныхъ свѣдѣній о процентѣ грамотныхъ въ шестидесятыхъ годахъ нѣтъ. Но все-таки имѣющіяся въ этомъ отношеніи данныя объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи довольно характерны. Такъ, по переписи 1867 года въ крестьянскомъ населеніи Костромской губерніи число безграмотныхъ у мужчинъ составляло почти 84%, а у женщинъ 98% *), хотя къ грамотнымъ отнесены и тѣ, которые знали одно церковно-славянское чтеніе, но не умѣли ни читать, ни писать по-русски.

Со времени обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 года, когда крестьяне сдѣлались свободными и полноправными гражданами, обстоятельства совершенно измѣнились. Если уничтожилась власть помѣщиковъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ, то вмѣстѣ съ нею упразднялось и патронатство барина, защищавшаго своего крестьянина отъ нападеній и обидъ прочаго внѣшняго міра и нерѣдко помогавшаго ему нравственно и матеріально въ годы неурожая, болѣзни, пожара и другихъ бѣдствій. Крестьянамъ приходилось теперь жить исключительно своимъ умомъ. Получивъ личную свободу и земельный надѣлъ, крестьяне должны были своимъ трудомъ создать свою экономическую и хозяйственную независимость. Но для этого недостаточно было одной мускульной силы, а стали необходимы также

*) Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи, 1878 г., т. I, стр. 121.

интеллектуальное развитіе и знанія. Еще въ большей степени эти духовныя качества были необходимы для исполненія крестьянами ихъ общественныхъ и гражданскихъ обязанностей: для участія въ сельскомъ и земскомъ самоуправленіи, въ судѣ присяжныхъ и проч. Необходимо было, наконецъ, и нравственно воспитывать народъ, чтобы упраздняемые старые крѣпостные принципы замѣнить новыми культурными и религіозно-нравственными и гуманными началами. Лучшимъ и надежнѣйшимъ изъ учрежденій, служащихъ этой цѣли, является именно народная школа.

Но сельское населеніе въ Россіи, въ первые годы реформъ, всѣмъ предыдущимъ строемъ своей жизни было мало подготовлено къ воспріятію грамотности и просвѣщенія. Покойный педагогъ баронъ Н. А. Корфъ, въ книгѣ своей «Русская начальная школа», приводитъ интересные факты болѣе чѣмъ индиферентнаго отношенія крестьянъ къ сельской начальной школѣ.

Такъ, напримѣръ, въ одной школѣ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, въ шестидесятые годы имъ былъ замѣченъ слѣдующій фактъ: крестьянинъ предлагалъ учителю мѣшокъ пшеницы за избавленіе сына его отъ посѣщенія школы *).

Въ другой школѣ того-же уѣзда, гдѣ существовала ранѣе церковно-приходская школа, крестьяне, приводя своихъ дѣтей для обученія, усиленно просили учителя, чтобы дѣтей ихъ учили, «но не доучивали», т.-е. не дѣлали вполнѣ грамотными, ибо изъ прежняго до-реформеннаго опыта, когда настоящая грамотность являлась рѣдкостью и исключеніемъ въ деревнѣ, крестьяне видѣли, что грамотные подростки бросали семью и уходили въ волостные и сельскіе писаря **). Въ глухихъ углахъ Россіи это явленіе замѣчалось въ семидесятые и даже въ восьмидесятые годы. Его не разъ наблюдали и мы въ нашей собственной практикѣ, въ Кирилловскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Въ Казанской волости этого уѣзда существовали въ 1881 году три земскія школы. Ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при началѣ школьнаго ученія, происходили однѣ и тѣ-же бытовыя сцены. По просьбѣ учителя, волостный старшина оповѣщалъ крестьянъ, чтобы въ назначенный день родители приводили въ школу всѣхъ мальчиковъ восьмилѣтняго возраста. Въ деревняхъ поднимались суета и переполохъ, напоминавшіе собою дни до-реформеннаго рекрутскаго набора: матери ребятишекъ выли, отцы роптали и вол-

---

*) Н. А. Корфъ. «Русская начальная школа», 6-е изд. 1879 г., стр. 19.

**) Тамъ-же, стр. 20.

новались... Не смѣя ослушаться начальства, они приводили ребятъ въ школу, но тамъ пускались въ горячіе споры, стараясь доказать старшинѣ и учителю, что не ихъ очередь посылать дѣтей въ школу, что ихъ семейства уже на другомъ послужили обществу, а именно, что члены ихъ семействъ состояли старостами, десятскими и другими сельскими должностными лицами. Отцы умоляли освободить ихъ дѣтей отъ ученья, отъ обязанности посѣщать школу, въ которой они видѣли прихоть и повинность, налагаемую начальствомъ, а не гражданскую потребность ихъ-же собственнаго быта.

Къ счастью, это упорство крестьянъ не оказывалось непреодолимымъ: три или четыре года хорошаго обученія, сопровождавшагося значительными успѣхами въ грамотѣ, въ чтеніи и пѣніи въ церкви, измѣняли къ лучшему взгляды народа на школу. Результаты этихъ новыхъ взглядовъ выразились въ почти двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельности земства на пользу народнаго образованія.

Хотя по отдѣльнымъ губерніямъ Россіи достигнутые въ этомъ отношеніи успѣхи далеко неодинаковы, но тамъ, гдѣ общественныя учрежденія относились особенно тепло и внимательно къ школьному дѣлу, эти успѣхи весьма значительны. Они замѣтно отразились на процентѣ грамотныхъ, особенно-же въ средѣ мужскаго населенія. Такъ, напримѣръ, изъ отчета о выполненіи воинскаго призыва за 1885 годъ оказывается, что въ общемъ числѣ принятыхъ на службу новобранцевъ грамотные въ Московской губерніи составляли 61%, а въ Ярославской губерніи даже 72%.

Нынѣ, въ противоположность прежнему времени, довольно обыкновеннымъ, относительно, явленіемъ русской деревни считаются многочисленныя и значительныя пожертвованія, вносимыя единовременно или постоянно, какъ отдѣльными лицами, такъ и сельскими обществами, на устройство и содержаніе народныхъ школъ. Мы лично, на нашемъ бѣдномъ природою и капиталами и суровомъ сѣверѣ, видѣли прекрасныя каменныя школьныя зданія, стоющія по двѣ или по три тысячи рублей и выстроенныя исключительно на крестьянскія трудовыя средства. А это поголовное стремленіе народа къ грамотности, выразившееся въ открытіи тамъ, гдѣ нѣтъ земской школы, другихъ, ее замѣняющихъ, училищъ: церковно-приходскихъ, частныхъ школъ грамотности, подвижныхъ школъ странствующихъ учителей и грамотѣевъ и тому под.,—это стремленіе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ глубокаго и сознательнаго убѣжденія народа въ пользѣ и необходимости грамотности и вообще знанія для его домашняго обихода и жизненныхъ отношеній.

Сообразно съ этими потребностями народа и съ условіями сельскаго быта опредѣляются, по нашему мнѣнію, и желательныя задачи народной школы. Она, прежде всего, должна, чрезъ посредство распространяемыхъ ею знаній и грамотности, содѣйствовать улучшенію экономическаго быта крестьянъ и матеріальныхъ его условій, ибо матеріально необезпеченный и слабый по трудовой силѣ и способностямъ крестьянинъ, несмотря на дарованныя ему широкія права личной свободы, останется жалкимъ рабомъ внѣшнихъ условій и болѣе сильныхъ личностей изъ окружающей его среды. Никакое самое гуманное законодательство не въ силахъ охранить личность гражданина отъ порабощенія и матеріальной эксплоатаціи, если эта личность не обладаетъ собственными средствами самозащиты, заключающимися въ достаточно развитомъ умѣ, въ осмысленномъ опытѣ и въ извѣстной суммѣ знаній. Всѣ эти качества у высшихъ классовъ народа въ значительнѣйшей степени даются и пріобрѣтаются домашнимъ воспитаніемъ. Совершенно другое видимъ мы у жителей русской деревни, въ крестьянской средѣ. Современные намъ крестьяне-родители настолько еще мало подготовлены къ этой роли, что нельзя ожидать отъ нихъ особенно дѣятельнаго и плодотворнаго вліянія въ указанномъ нами направленіи. Вслѣдствіе матеріальной нужды и массы выполняемаго ими труда они не имѣютъ даже свободнаго времени для духовныхъ заботъ о подростающемъ поколѣніи, идущемъ имъ на смѣну. Напротивъ, по установившимся вѣками въ крестьянской средѣ воззрѣніямъ, всѣ заботы родителей о дѣтяхъ ограничиваются физическимъ питаніемъ ихъ и кое-какою скудною одеждою. Поэтому, сельская народная школа волей-неволей должна взять на себя обязанности и роль крестьянъ-родителей. Выполнить эти основныя свои обязанности школа должна стремиться не только сообщеніемъ ученикамъ одной грамотности, составляющей уже сама по себѣ драгоцѣнное пріобрѣтеніе человѣка, но развитіемъ ума и способностей своихъ учениковъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ и снабженіемъ ихъ хотя-бы нѣкоторымъ кругомъ необходимыхъ въ ихъ жизни знаній.

На сообщеніе въ народной школѣ знаній и полезныхъ для жизни свѣдѣній смотрятъ весьма различно, признавая или отвергая ихъ необходимость. Такъ, покойный баронъ Н. А. Корфъ по этому вопросу говоритъ: «въ настоящее время сельская школа принесетъ гораздо болѣе пользы тѣмъ, что укажетъ крестьянскому мальчику пути къ самообразованію и разовьетъ въ немъ разумныя потребности, нежели сообщеніемъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыми она его снабдитъ» *).

*) Н. А. Корфъ. «Русская начальная школа», стр. 64.

Изъ позднѣйшихъ современныхъ писателей на разсматриваемомъ нами вопросѣ наиболѣе подробно останавливается Н. Горбовъ, въ брошюрѣ своей «Задачи русской народной школы». Онъ полагаетъ, что народная школа должна ограничиться сообщеніемъ лишь одной основательной грамотности и совершенно отказаться отъ сообщенія ученикамъ всякихъ полезныхъ практическихъ свѣдѣній общаго характера. Высказавъ совершенно справедливое мнѣніе, что школа должна подчиняться жизни, а слѣдовательно служить ея потребностямъ и интересамъ, г. Горбовъ утверждаетъ, что мы не въ состояніи понять крестьянской жизни и опредѣлить ея основъ и цѣлей. Изъ этой несправедливой посылки вытекаетъ и весь дальнѣйшій рядъ его умозаключеній, ибо если мы не въ состояніи понять народной жизни и ея потребностей, то не имѣемъ ни права, ни возможности судить, какія именно знанія и свѣдѣнія необходимы для крестьянъ и, какъ полезныя, имѣютъ право на вниманіе къ нимъ со стороны народной школы, которая безъ этого основнаго критерія рискуетъ сообщать народу не только случайныя и безполезныя, но прямо вредныя знанія.

Въ своей основной посылкѣ авторъ говоритъ:

«Побывавъ проѣздомъ въ деревнѣ, поговоривъ съ двумя-тремя мужиками, прочитавъ нѣсколько подходящихъ книжекъ, мы готовы думать, что уже поняли ее (крестьянскую жизнь). Но нужна очень небольшая доля искренности и откровенности, чтобы увидѣть свою ошибку. Нѣтъ, напротивъ, надо сознаться, что мы совершенно не знаемъ жизни мужицкой, такъ-таки совсѣмъ не знаемъ, и еще меньше знаемъ душу мужицкую. Мы можемъ записать всѣ пѣсни крестьянскія, всѣ обычаи, можемъ узнать весь порядокъ работъ мужика, названіе всѣхъ орудій, имъ употребляемыхъ, можемъ собрать въ музеи его одежду, можемъ, пожалуй, поговорить съ нимъ, пробыть нѣкоторое время въ его избѣ, но одного мы не можемъ достигнуть: мы не можемъ, несмотря на всѣ наши усилія, познать живаго человѣка, который поетъ эти пѣсни, хранитъ эти обычаи, который исполняетъ эти работы и носитъ эту одежду. И чѣмъ ближе мы будемъ подходить къ мужику, тѣмъ яснѣе намъ станетъ невозможность разгадать его; крестьянинъ, разсматриваемый изъ кабинета и канцеляріи, гораздо понятнѣе крестьянина, разсматриваемаго на полѣ и въ избѣ. Недаромъ Тургеневъ увидалъ въ лицѣ сфинкса черты владимірскаго мужика» *).

Это мнѣніе, имѣвшее нѣкоторый смыслъ въ шестидесятые годы, во времена тургеневскія, нынѣ уже не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, народную жизнь и крестьянскія воззрѣнія наша интеллигенція наблюдаетъ теперь не изъ однихъ только канцелярій и кабинетовъ, а и въ дѣйствительной деревенской обстановкѣ, въ которой вмѣстѣ съ народомъ живутъ многочисленные земскіе дѣятели, земскіе врачи и

*) Н. Горбовъ, «Задачи русской народной школы». Москва, 1887 года, стр. 17.

учителя и образованные приходскіе священники, которымъ особенно сочувствуетъ г. Горбовъ. Во-вторыхъ, несомнѣнные слѣды духовныхъ воззрѣній крестьянъ и народнаго міросозерцанія мы встрѣчаемъ въ актахъ волостныхъ судовъ, въ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, въ вѣрованіяхъ сектантовъ и въ иныхъ фактическихъ матеріалахъ, имѣющихъ подлинное происхожденіе изъ народной жизни. Въ-третьихъ, экономическія потребности народа въ настоящее время столь подробно и близко изучены нашими общественными органами мѣстнаго самоуправленія и частными талантливыми изслѣдователями, что онѣ стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія и подозрѣнія, въ которыя впадаютъ лишь люди, желающіе умышленно не знать и не признавать этихъ потребностей. Наконецъ, если-бы наша интеллигенція усвоила пессимистическія воззрѣнія г. Горбова относительно невозможности постигнуть народную жизнь, ея идеалы и потребности, то ей ничего не оставалось-бы, какъ самой наложить на себя руки, отказавшись отъ своего жалкаго, отчужденнаго отъ народа прозябанія. Самъ г. Горбовъ, высказавъ свое парадоксальное мнѣніе, вынужденъ былъ въ слѣдующихъ-же строкахъ, хотя, можетъ быть, и неумышленно, отъ него отказаться. На той-же самой страницѣ своего труда, вслѣдъ за приведенными нами выше словами, онъ, однако, опредѣляетъ основныя черты крестьянской жизни, доказывая этимъ возможность ея пониманія и изученія. Впрочемъ, самое отрицаніе полезности тѣхъ или другихъ свѣдѣній для крестьянъ можетъ быть высказано и доказано лишь на основаніи знанія истинныхъ потребностей и нуждъ народа, въ противномъ случаѣ это отрицаніе будетъ, въ нашихъ глазахъ, лишено не только справедливости, но и необходимой для него серьезности. Высказать мнѣніе, что крестьянамъ ненужны полезныя для другихъ классовъ населенія свѣдѣнія и что живутъ-де мужики и безъ знаній, очень легко, доказать-же основательно это мнѣніе не только трудно, но и невозможно. Это обстоятельство вполнѣ подтверждается приводимыми г. Горбовымъ примѣрами тѣхъ школьныхъ свѣдѣній, которыя онъ считаетъ ненужными для крестьянъ.

Вотъ что говоритъ онъ, напримѣръ, по поводу свѣдѣній изъ области сельскаго хозяйства:

«Прежде всего представляются свѣдѣнія о земледѣліи; Россія-де страна земледѣльческая, а между тѣмъ земледѣліе стоитъ въ ней на такой низкой ступени. Это очень странное разсужденіе, особенно если оно примѣняется къ школѣ. Земледѣліе, какъ и всякое практическое дѣло, стоитъ на низкой ступени не по одному незнанію. Не меньшее, если не большее значеніе имѣютъ бѣдность, привычка и т. д. Крестьянинъ очень хорошо знаетъ значеніе удобренія, но если у него нѣтъ довольно скота или не-

чѣмъ кормить его, то на что ему все его знаніе? Да и привычка не мало значитъ, и не только привычка, но и совершенно законное опасеніе нововведеній. Хорошіе-ли, дурные-ли, но его теперешніе пріемы даютъ опредѣленные результаты, а отъ перемѣны что-то еще выйдетъ? Примѣръ, во всякомъ случаѣ, дѣйствительнѣе слова; во многихъ мѣстахъ крестьяне могутъ видѣть примѣръ болѣе высокой обработки земли колонистами (нѣмцами, латышами), и тѣмъ не менѣе они боятся бросить свои привычные пріемы, весьма основательно разсуждая, что о достоинствахъ обработки земли можно судить лишь по ея результатамъ, а эти послѣдніе становятся очевидными лишь черезъ долгое, многолѣтнее испытаніе. Если-же это такъ, то какого вліянія можно ожидать отъ нѣсколькихъ совѣтовъ, которые ученики услышатъ отъ учителя, никогда не бравшагося за соху, или прочтутъ въ книгѣ для чтенія? Неужели есть какое-нибудь вѣроятіе, что старики послушаются розсказней ребятъ, или что эти послѣдніе будутъ хранить слышанное въ школѣ до того времени, когда получатъ возможность самостоятельно примѣнять это къ дѣлу,—хранить несмотря на примѣръ всѣхъ окружающихъ? Смѣшно и думать объ этомъ» *).

Далѣе, останавливаясь на общихъ свѣдѣніяхъ по естествознанію, относящихся къ земледѣлію, онъ добавляетъ: «какія-же это свѣдѣнія? Что растенію нужна влага? Что лошадь надо кормить овсомъ? Или что вода отъ холода замерзаетъ? Общія свѣдѣнія всегда и общеизвѣстны» **). Эти многорѣчивыя разсужденія автора не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Такъ, изъ того обстоятельства, что низкій уровень крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства зависитъ въ значительной степени отъ бѣдности и привычки къ рутинѣ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы незнаніе и пренебреженіе указаніями агрономической науки не производили на него своего вліянія и чтобы, наоборотъ, знанія при существованіи прочихъ неблагопріятныхъ условій не могли помочь подъему и улучшенію крестьянскаго земледѣлія. Есть въ крестьянскомъ хозяйствѣ масса упущеній, происходящихъ нестолько отъ бѣдности, сколько отъ невѣжества и нерадѣнія. Для исправленія этихъ упущеній и недостатковъ не нужно ни большихъ средствъ, ни особеннаго новаторства. Какъ на одинъ изъ примѣровъ подобныхъ упущеній, укажемъ на большую убыль молодаго новорожденнаго крестьянскаго скота, происходящую отъ неудовлетворительныхъ помѣщеній, гдѣ онъ содержится, и отъ плохаго кормленія. Если въ силу распространяемаго въ народѣ знанія крестьяне убѣдятся, что для молодаго скота необходимы теплыя помѣщенія и менѣе грубая пища, на что не надо какихъ-либо особыхъ капиталовъ, то смертность телятъ и другихъ молодыхъ животныхъ уменьшится, а это увеличитъ

*) Н. Горбовъ, «Задачи русской народной школы», стр. 19 и 20.

**) Тамъ-же, стр. 20.

значительно средства и достатокъ мужицкаго хозяйства. Что касается удобренія, которое, по мнѣнію г. Горбова, не можетъ увеличиться отъ знанія, то здѣсь дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Между тѣмъ какъ г. Горбовъ и значительное число крестьянъ полагаютъ, что для удобренія можетъ только служить получаемый отъ скота навозъ, пренебрегаемыя ими сельско-хозяйственныя знанія разъясняютъ, что для этой цѣли могутъ служить всякіе предметы органическаго міра: мохъ, получаемый изъ болотъ, хозяйственные отбросы, щепки, мусоръ, обильно валяющійся на русскихъ деревенскихъ улицахъ, и многое другое. Утилизируя всѣ эти и имъ подобные предметы, крестьянинъ можетъ серьезно поднять производительность своихъ полевыхъ угодій. Затѣмъ авторъ одобряетъ будто-бы существующее у крестьянъ «законное опасеніе нововведеній». Въ настоящее время констатированы и собраны несомнѣнные факты, удостовѣряющіе слабость этого «опасенія» въ крестьянской средѣ. Такъ, за послѣднее десятилѣтіе между крестьянами повсемѣстно въ Россіи распространилось употребленіе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, а въ Пермской и Вятской губерніяхъ появилось и изготовленіе ихъ кустарнымъ способомъ. Точно также на крестьянскихъ поляхъ введено не мало новыхъ культуръ и сѣвооборотовъ. Мало того, крестьяне, руководимые ясно сознанными нуждами и подробностями быта, для улучшенія своего хозяйства не только расположены къ нововведеніямъ внутри ихъ селеній, но готовы предпринимать тяжелыя и дорого стоющія переселенія въ иные, болѣе благопріятные для нихъ края, что доказываетъ ежегодное переселеніе 50.000 крестьянскихъ семействъ, направляющихся изъ центральныхъ губерній на юго-востокъ и въ отдаленную Сибирь. Что касается болѣе серьезнаго вліянія на крестьянъ примѣра, чѣмъ теоретическихъ разсужденій, на чемъ особенно настаиваетъ г. Горбовъ, то въ этомъ никто не сомнѣвается, но указываемый имъ примѣръ колонистской культуры можетъ быть наблюдаемъ крестьянами далеко не вездѣ, а потому тѣмъ серьезнѣе становится роль сельской школы, имѣющей возможность силою знанія возбудить работу крестьянской мысли и тѣмъ ускорить появленіе на мѣстахъ отдѣльныхъ случаевъ, а слѣдовательно, и примѣровъ улучшеннаго крестьянскаго хозяйства. Пускай до извѣстной степени правъ г. Горбовъ, утверждающій, что трудно повліять при посредствѣ школы на взрослыхъ крестьянъ «стариковъ», ведущихъ хозяйство, но онъ уже совершенно не правъ, говоря, что крестьянскіе ученики народной школы не будутъ хранить слышаннаго и преподаннаго въ школѣ до того времени, когда сами станутъ хозяевами и взрос-

лыми работниками. Наблюденія дѣйствительной жизни говорятъ какъ разъ обратное: крестьянскія дѣти весьма чутко и бережно относятся къ школьнымъ свѣдѣніямъ, весьма часто сохраняя у себя на дому въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій азбуку или книгу для чтенія, по которымъ учились, и многократно перечитывая ихъ въ свободныя минуты. Совершенно другой вопросъ: многіе-ли изъ сохранившихъ школьныя свѣдѣнія будутъ имѣть энергію и возможность примѣнить эти знанія къ собственному хозяйству? Мы полагаемъ, что это счастіе и честь выпадутъ на долю далеко немногихъ, но эти немногіе создадутъ наглядный примѣръ полезныхъ земледѣльческихъ улучшеній, которыя не останутся безъ вліянія на весь складъ и общій характеръ народной жизни. На бо̀льшіе успѣхи и не можетъ разсчитывать народная школа, какъ и другія, даже высшія, школы, изъ учениковъ которыхъ всегда только весьма немногіе являются выдающимися двигателями жизненнаго прогресса. Что касается пренебрежительнаго мнѣнія г. Горбова объ общихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ школою и будто-бы безъ того «всегда общеизвѣстныхъ», то и это мнѣніе его неосновательно, такъ какъ общія школьныя свѣдѣнія, уясняющія внутренній смыслъ и причинную связь явленій, серьезно и количественно и въ особенности качественно отличаются отъ всегда и всѣмъ извѣстныхъ житейскихъ фактовъ въ родѣ того, что «вода отъ холода замерзаетъ». За-то и вліяніе школьныхъ свѣдѣній на убѣжденія и поведеніе человѣка иное, болѣе глубокое и дѣйствительное.

Благотворное вліяніе утилитарныхъ и практическихъ знаній, какъ общаго характера, такъ и спеціально относящихся къ сельскому хозяйству и мѣстной кустарной промышленности, на матеріальное положеніе народа не подлежитъ сомнѣнію. Самая скромная задача, которой съумѣетъ въ этой области достигнуть народная школа, если не непосредственно, по крайнему недостатку времени, то хотя-бы возбудивъ въ своихъ питомцахъ охоту и стремленіе къ пріобрѣтенію означенныхъ знаній путемъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ или въ школахъ спеціальныхъ, будетъ съ ея стороны уже положительной и серьезной заслугой предъ сельскимъ населеніемъ.

Говоря о реформахъ по улучшенію народнаго быта, покойный К. Д. Кавелинъ дѣлаетъ слѣдующее окончательное заключеніе: «Народное образованіе,—вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить

шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными» *).

Еще болѣе необходимымъ и болѣе серьезнымъ слѣдуетъ считать вліяніе школы на духовную физіономію народа. Задачи народной школы въ этой области, которую въ широкомъ смыслѣ можно назвать воспитаніемъ, еще сложнѣе и обширнѣе. Добрыя природныя наклонности, умъ, незлобивый характеръ и пробуждающаяся уже въ этомъ возрастѣ любознательность крестьянскихъ дѣтей даютъ надежныя средства для благотворнаго воздѣйствія на нихъ школьнаго воспитанія. Подъ благотворнымъ вліяніемъ школьнаго учителя крестьянскія дѣти могутъ совершенствоваться какъ наружно, такъ и внутренне. При вниманіи и нѣкоторой настойчивости учителя, они дѣлаются чистоплотнѣе, благообразнѣе и благовоспитаннѣе. Симпатичный обликъ осмысленности, появляющійся на дѣтяхъ уже въ первые мѣсяцы посѣщенія школы, прочно закрѣпляется за ними въ теченіе трехъ школьныхъ лѣтъ и оставляетъ неизгладимую печать на всей ихъ послѣдующей жизни. Внутренне-же они дѣлаются общительнѣе, добрѣе и отзывчивѣе на нужды ближняго. Въ отношеніи ссоръ и грубой брани, столь распространенныхъ у безграмотнаго народа, близко стоящія къ народной школѣ лица: учителя, священники, земскіе гласные и землевладѣльцы замѣчали повсюду, что указанные нами недостатки почти совершенно чужды крестьянской молодежи, прошедшей народную школу. Покойный Н. А. Корфъ изображаетъ воспитательное вліяніе школы такимъ образомъ: «школа цѣлымъ рядомъ упражненій, доступныхъ намъ по времени и по силамъ учащихъ, развиваетъ въ дѣтяхъ наблюдательность; занятія безъ учителя и самое преподаваніе его прививаетъ самодѣятельность къ (?) ученику; привычка соблюдать величайшій порядокъ во всемъ, что окружаетъ ученика въ школѣ, перенесенная на его хозяйство и домашній бытъ, даетъ самые лучшіе плоды» **).

Воспитательное значеніе школы признаетъ и г. Горбовъ. Въ томъже трудѣ, о которомъ мы упоминали выше, онъ говоритъ: «кромѣ обученія, вліяющаго на умъ, существуетъ и воспитаніе, вліяющее на нравственность. Воспитаніемъ должна заняться также школа. Какъ ни смотрѣть на нее, сколь малое вліяніе ни приписывать ей сравнительно съ вліяніемъ жизни, разъ она, а не семья даетъ грамотность, она-же должна дать и руководящіе принципы въ жизни; безъ этихъ

*) К. Д. Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ. Спб., 1882 г., стр. 142.

**) Н. А. Корфъ. Русская начальная школа, стр. 64.

принциповъ грамотность есть весьма опасное, обоюдоострое орудіе. Ни одна школа и не отказывается отъ этой задачи» [1]). Лавелэ по этому вопросу говоритъ: «Главная цѣль воспитанія заключается въ развитіи нравственнаго чувства» [2]). Конечно, задачи русской народной школы и способы ихъ достиженія опредѣлить не легко. Это признаютъ многіе писатели и педагоги, посвящавшіе свой трудъ этому серьезному и весьма интересному вопросу. Такъ, С. Рачинскій, опытность котораго и преданность народной школѣ находятся внѣ всякаго сомнѣнія, по этому поводу говоритъ: «Дѣло народной школы шире и глубже, чѣмъ всякая иная общественная дѣятельность. Для того, чтобы осилить его, намъ нужно совершить внутренній подвигъ. Нужно намъ выйти изъ того лабиринта противорѣчій, въ который завела насъ вся наша внутренняя исторія новаго времени — совмѣстное расширеніе нашего умственнаго горизонта и съуженіе кругозора духовнаго, совмѣстное развитіе у насъ европейской культуры и крѣпостнаго права» [3]). Въ другомъ мѣстѣ своей книги, какъ извѣстно впервые появившейся въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Руси» И. С. Аксакова, г. Рачинскій замѣчаетъ по поводу задачъ русской народной школы: «Задачи ея труднѣе, шире, чѣмъ задачи какой-либо сельской школы въ мірѣ [4]).

Не менѣе серьезные результаты приноситъ народная школа и въ эстетическомъ отношеніи, такъ какъ окончившіе въ ней курсъ крестьяне, пріобрѣтя вкусъ и любовь къ чтенію, имѣютъ возможность находить въ немъ въ теченіе всей своей жизни приличное и полезное развлеченіе. Для нихъ не будутъ уже столь заманчивыми и пагубными грубыя развлеченія суровой деревенской среды.

Тотъ-же С. Рачинскій о выгодахъ ученика, прошедшаго народную школу, и о благотворномъ вліяніи его въ этомъ отношеніи на окружающую среду говоритъ: «онъ (ученикъ) пріобрѣлъ способность читать для своей забавы, для своего поученія и назиданія, и эта способность приноситъ пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотныхъ парней зимою по деревнямъ много заставляютъ читать вслухъ, на посидѣлкахъ, во время долгихъ ночныхъ работъ» [5]).

Съ еще большимъ вниманіемъ народная школа должна относиться къ задачамъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Подъ вліяніемъ

---

[1]) Н. Горбовъ. Задачи русской народной школы, стр. 43.

[2]) Лавелэ. Народное образованіе, ч. I, стр. 96.

[3]) С. Рачинскій. Замѣтки о сельскихъ школахъ. Спб., 1883 г., стр. 89.

[4]) С. Рачинскій. Замѣтки о сельскихъ школахъ, стр. 9.

[5]) Тамъ-же, стр. 82.

школьнаго учителя должны скадываться взаимныя человѣческія отношенія учениковъ. При его участіи и содѣйствіи могутъ быть выведены и усвоены общія начала практической нравственности. Ему-же придется имѣть дѣло съ выясненіемъ нравственныхъ недостатковъ отдѣльныхъ питомцевъ и съ исправленіемъ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ источникомъ нравственнаго воспитанія въ народной школѣ должны быть не личныя воззрѣнія учителя и не тѣ или другія философскія ученія, а главныя и основныя начала нашей православной вѣры, цѣлыми вѣками освѣщавшія и согрѣвавшія русскій народный духъ. Слѣдовательно, дѣятельность сельскаго учителя въ этой области должна идти совмѣстно и солидарно съ трудами священника-законоучителя. Мы убѣждены, что только при этихъ условіяхъ нравственное вліяніе школы будетъ истинно народнымъ и практически плодотворнымъ, отражаясь на народныхъ воззрѣніяхъ и на смягченіи нравовъ. Спеціально о дѣятельности законоучителя въ народной школѣ баронъ Н. Корфъ говоритъ: «Въ самой школѣ непосредственно на развитіе нравственности въ ребенкѣ дѣйствуютъ уроки законоучителя, которые должны не только осмыслить всѣ религіозные обряды, совершаемые крестьянами безсознательно, не только познакомить учащагося съ историческимъ повѣствованіемъ о жизни Спасителя, ученіяхъ и людяхъ, Ему предшествовавшихъ, но должны прежде всего научить дѣтей жить такъ, чтобы они съ честью носили имя христіанина» *).

Выше мы уже указывали на нѣкоторые осязательные результаты воспитательной дѣятельности народной школы. Благотворное и серьезное вліяніе ея въ этомъ направленіи признается всѣми, какъ близко стоящими къ дѣятельности народной школы, такъ и знающими русскую деревню и ея бытъ. Въ послѣдніе годы нѣкоторыя земства дѣлали подробныя изслѣдованія результатовъ народно-школьной дѣятельности въ завѣдуемыхъ ими районахъ. Подобный опытъ, между прочимъ, въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ 1887 году сдѣлалъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ г. Карасевъ. Данныя о народной школѣ и многіе отзывы компетентныхъ лицъ онъ напечаталъ въ своей брошюрѣ «Что даетъ крестьянину начальная народная школа?». Между многими отзывами и мнѣніями, въ ней находятся и слѣдующія слова одного сельскаго священника: «Съ развитіемъ грамотности замѣтно поднимается религіозно-нравственный уровень народа; въ раскольничьихъ семьяхъ религіозный фанатизмъ ста-

*) Н. Корфъ. Русская начальная школа, стр. 64.

новится слабѣе. Въ грамотныхъ семьяхъ замѣчается болѣе человѣчности» *). Инспекторъ народныхъ училищъ Поповъ, въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ 1888 году производилъ испытанія бывшимъ ученикамъ народной школы, имѣющимъ возрастъ отъ 14-ти до 30-ти лѣтъ, и слѣдовательно, оставившимъ школу отъ 3-хъ до 18-ти лѣтъ тому назадъ. На 146 испытуемыхъ г. Поповъ и другіе экзаменаторы убѣдились, что ни одно лицо не разучилось читать и писать и что всѣ обладаютъ очень порядочными знаніями по Закону Божію и ариѳметикѣ. «Общее-же умственное развитіе—говорится въ отчетѣ инспектора—производило на экзаменаторовъ самое отрадное впечатлѣніе». Слѣдовательно, можно признать, что народная школа должна давать своимъ питомцамъ значительное расширеніе ихъ умственнаго кругозора. Это расширеніе умственнаго кругозора, между прочимъ, можетъ выразиться въ знаніи и пониманіи физическихъ явленій окружающаго міра, въ свѣдѣніяхъ о Россіи и народахъ, ее населяющихъ, а въ частности—о своей мѣстности или уѣздѣ, ея нуждахъ и потребностяхъ, правахъ и обязанностяхъ сельскихъ и городскихъ обывателей, въ пониманіи исторической судьбы своего народа, главныхъ фактовъ его исторіи, заслугъ ближайшихъ къ нашему времени государей, неусыпно заботившихся о благоденствіи народа, и въ иныхъ многоразличныхъ знаніяхъ, интересныхъ и полезныхъ человѣку на всякой ступени общественнаго положенія. Мы не говоримъ, что эти знанія должны сдѣлаться предметами особыхъ систематическихъ курсовъ, на что народная школа не имѣетъ ни средствъ, ни времени, но большинство ихъ могутъ быть сообщены знающимъ учителемъ во время уроковъ объяснительнаго чтенія, путемъ самостоятельнаго чтенія учениками книгъ изъ училищной библіотеки, или во время внѣклассныхъ воскресныхъ бесѣдъ, если только учитель любитъ свое дѣло и серьезно интересуется судьбою и развитіемъ дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію. Въ виду глубокаго вниманія, обыкновенно удѣляемаго учениками народной школы своему учителю, и чуткой воспріимчивости ихъ памяти, все, посѣянное учителемъ на этой многообѣщающей нивѣ, не исключая и мимолетныхъ указаній или отвѣтовъ на ученическіе вопросы, имѣетъ полные шансы сохраниться и принести полезные для населенія плоды.

Если народная школа не будетъ чуждаться всѣхъ перечисленныхъ нами серьезныхъ задачъ и будетъ неуклонно и непрерывно стремиться давать посѣщающимъ ее крестьянскимъ дѣтямъ, кромѣ простой гра-

*) «Вѣстникъ Европы» 1888 г., январь, стр. 401.

мотности, этого внѣшняго орудія для пріобрѣтенія знаній, еще нѣкоторый кругъ общеполезныхъ свѣдѣній, будетъ развивать человѣчныя и культурныя привычки, а также даетъ основательное религіозно-нравственное воспитаніе, то она окажетъ большую и незабвенную услугу народу созданіемъ типа благомыслящаго русскаго гражданина, въ которомъ столь нуждается наша деревня, еще неустановившаяся послѣ колебаній, понесенныхъ ею при паденіи стараго склада жизни. Въ этомъ гражданинѣ нуждается и крестьянская семья, доселѣ ожидающая болѣе свѣтлыхъ и гуманныхъ вѣяній. Необходимъ онъ и для деревенскихъ общественныхъ отношеній: для крестьянскаго міра, нуждающагося въ разумныхъ и обстоятельныхъ земледѣльцахъ для своего, нынѣ уже довольно сложнаго, хозяйства, для крестьянскаго самоуправленія, большинство нынѣшнихъ недостатковъ котораго объясняется именно безграмотствомъ и малымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ сельскаго населенія, и для мѣстнаго волостнаго суда и суда присяжныхъ, теперь затрудняющихся въ выборѣ достаточнаго числа удовлетворяющихъ высокому званію судьи дѣятелей. Не менѣе широкаго и серьезнаго умственнаго и нравственнаго развитія требуютъ государственныя обязанности крестьянина, каковы, напримѣръ: священная защита престола и отечества отъ внѣшнихъ враговъ, исполненіе податныхъ требованій, участіе въ мѣстномъ земскомъ самоуправленіи и т. под. Совокупная дѣятельность только развитыхъ и повинующихся нравственному долгу гражданъ можетъ обезпечить полное и всестороннее развитіе народнаго хозяйства, внутренній міръ и порядокъ и внѣшнее международное значеніе и независимость націи. Вотъ почему народная школа, содѣйствующая гражданскому росту народной массы, должна составлять первѣйшую и постоянную заботу какъ общества, такъ и правительства. Какъ ни просты и ни удобопонятны эти основныя идеи народно-школьнаго дѣла, все-же нельзя утверждать, что онѣ глубоко и незыблемо утвердились въ русскомъ общественномъ самосознаніи. Если-бы это весьма желательное явленіе было совершившимся фактомъ, мы имѣли бы въ Россіи не столь ограниченное число благоустроенныхъ народныхъ школъ, а количество, превосходящее въ пять или шесть разъ настоящее и достаточное для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Хотя обыкновенно и утверждаютъ, что народная бѣдность является главною причиною медленнаго распространенія народнаго образованія, но это невполнѣ искреннее и далекое отъ истины мнѣніе. Правда, бѣдность нѣкоторыхъ сельскихъ общественныхъ группъ служитъ причиною, препятствующею имъ, по собственной иниціативѣ и исключительно

на собственныя средства, учреждать и содержать школы, но болѣе сильные общественные союзы, каковы уѣздныя и губернскія земства, а также и правительство далеки еще отъ возможнаго для нихъ, по матеріальнымъ условіямъ, предѣла. При годовомъ государственномъ и земскомъ бюджетѣ въ Россіи, превышающемъ 900.000.000 рублей, на содержаніе народныхъ школъ тратится едва 8—9 милл. рублей, т.-е. около 1% всѣхъ расходовъ. Очевидно, что въ этомъ обстоятельствѣ главную роль играютъ причины не экономическаго характера, и въ числѣ ихъ не совсѣмъ достаточное сочувствіе дѣлу народнаго просвѣщенія и воспитанія.

Въ этомъ обстоятельствѣ согласенъ съ нами такой опытный и безпристрастный изслѣдователь школьнаго быта, какъ С. Рачинскій. Въ своей, уже не разъ цитированной нами, книгѣ онъ говоритъ: «Въ противуположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ, при весьма слабомъ участіи духовенства, при глубокомъ равнодушіи образованныхъ классовъ и правительственныхъ органовъ, изъ потребности безграмотнаго населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе» *).

Мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь еще одно мнѣніе весьма почтеннаго (нынѣ уже покойнаго) общественнаго дѣятеля, знатока народной жизни и серьезнаго публициста, а именно князя А. И. Васильчикова. Разбирая интересующій насъ вопросъ и утверждая, что въ Россіи всегда найдутся средства на широкую и серьезную постановку народношкольнаго дѣла, князь А. И. Васильчиковъ видитъ препятствія совершенно въ иныхъ обстоятельствахъ и говоритъ: «Несравненно труднѣе найти людей, искренно проникнутыхъ духомъ цивилизаціи, признающихъ образованіе народныхъ массъ высшимъ благомъ страны и высшимъ долгомъ правительства, предпочитающихъ временныя уклоненія и увлеченія общественнаго мнѣнія непробудному застою невѣжества, людей, довольно настойчивыхъ, чтобы заявить высшимъ властямъ, что народное образованіе есть вопросъ жизни или смерти для народовъ нашего вѣка и что величіе современныхъ державъ зависитъ еще болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ» **).

Въ настоящее время многіе жалуются на деревенскую неурядицу и на кажущійся упадокъ народной нравственности. Откуда, спросимъ

---

*) С. Рачинскій. Замѣтки о сельскихъ школахъ, стр. 2.

**) Князь А. Васильчиковъ. О самоуправленіи. Спб., 3-е изд. 1872 г., т. I, стр. 449.

мы, могутъ получиться улучшеніе нравовъ и облагороженіе народныхъ чувствъ и вкусовъ, если еще столь ничтожны и мало распространены въ русской деревнѣ успѣхи народнаго просвѣщенія? Нѣтъ сомнѣнія, что, если-бы за истекающее со времени освобожденія крестьянъ тридцатилѣтіе русское общество потратило болѣе средствъ и энергіи на организацію народныхъ школъ и ихъ всестороннее развитіе, мы имѣли-бы дѣло совершенно съ иными народными нравами и избѣжали-бы многихъ печальныхъ явленій современности. Уже теперь скромные, но постоянные расходы и труды, положенные на развитіе народношкольнаго дѣла, дали осязательные и весьма цѣнные результаты. При ближайшей повѣркѣ этихъ результатовъ и при ознакомленіи съ ними все болѣе рѣдѣютъ ряды враговъ народной школы и увеличиваются ряды ея почитателей. Но задачи русской народной школы весьма сложны, районъ ея дѣятельности слишкомъ обширенъ, нужда народа въ ея воздѣйствіи сказывается все болѣе и все настойчивѣе, и все осязательнѣе выясняется важная и дѣятельная роль народной школы въ культурномъ и промышленномъ прогрессѣ народа, а потому и нѣтъ возможности останавливаться на достигнутыхъ ею скромныхъ успѣхахъ. Мы надѣемся и вѣримъ, что ближайшее будущее должно принести много новыхъ средствъ и общественныхъ и личныхъ усилій на пользу этого благаго и истинно-народнаго дѣла.

А. Тютрюмовъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Громадный районъ, именующійся Восточною Сибирью, начинается отъ рѣки Енисея и включаетъ въ себѣ двѣ области — Якутскую и Забайкальскую *), и двѣ губерніи — Иркутскую и Енисейскую. Нижеприводимыя цыфровыя данныя даютъ болѣе наглядное представленіе о пространствѣ Восточной Сибири:

Площадь	Якутской области	= 3.452.656	квадр.	верстъ.
»	Енисейской губерніи	= 2.259.562	»	»
»	Иркутской »	= 703.650	»	»
»	Забайкальской области	= 547.966	»	»
	Всего . . .	6.963.834	квадр.	верстъ.

Принимая во вниманіе, что площадь всей Европейской Россіи, включая Царство Польское и Великое Княжество Финляндское, = всего лишь 4.860.802 квадр. верст., Восточная Сибирь превышаетъ европейское пространство Россіи на 2.103.032 квадр. версты.

Но эта отдаленная окраина только и можетъ похвастать своею необъятною величиною: сравненіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ представляетъ Восточную Сибирь въ крайне печальномъ свѣтѣ.

Въ то время, напр., какъ въ Европейской Россіи, съ Польшею и Финляндіею, около 100.000.000 населенія, въ Восточной Сибири число жителей выражается, приблизительно, въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Въ Забайкальской области . . .	488.000
» Енисейской губерніи	428.517
» Иркутской »	383.578
» Якутской области	242.001
Всего . .	1.542.096

*) Въ недавнее, сравнительно, время Забайкальская область выдѣлена изъ района Восточной Сибири, но намъ, съ точки зрѣнія народнаго образованія, приходится не выдѣлять ее, потому что до самаго послѣдняго времени въ «Циркулярахъ по восточно-сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ» Забайкальская область фигурировала, какъ часть Восточной Сибири.

Въ Европейской Россіи рѣдкая губернія не имѣетъ такого количества населенія, а многія далеко превышаютъ, какъ, напримѣръ: Волынская (2.062.270 жит.), Воронежская (2.433.657), Вятская (2.740.953), Кіевская (2.507.231), Курская (2.314.300), Московская (2.135.574), Пермская (2.539.874), Подольская (2.276.518), Полтавская (2.362.068), Самарская (2.224.093), Саратовская (2.113.077), Тамбовская (2.490.313), Харьковская (2.160.263) и т. д.

Переходя къ состоянію народнаго образованія въ Восточной Сибири, мы начнемъ обозрѣніе съ городовъ, а затѣмъ уже сообщимъ свѣдѣнія о сельскихъ школахъ съ 1882 по 1885 годъ включительно, не опасаясь, чтобы за послѣдніе четыре года въ этой части Сибири могли произойти какія-либо радикальныя измѣненія въ сферѣ народнаго образованія, тѣмъ болѣе, что, по мѣрѣ возможности, мы до самаго послѣдняго времени слѣдили за сибирскою прессою, откуда *) и черпали данныя для настоящей статьи, утилизируя, отчасти, и собственные матеріалы, собранные нами во время долговременнаго пребыванія въ Восточной Сибири.

Количество учебныхъ заведеній въ городахъ Восточной Сибири за помянутый періодъ времени было слѣдующее:

Въ 1882 году.

Области и губерніи.	Города, слободы и заводы.	Мужскихъ гимназій.	Мужскихъ прогимназій.	Женскихъ гимназій.	Женскихъ прогимназій **)	Реальныхъ училищъ.	Техническихъ училищъ.	Учительскихъ семинарій.	Трехклассныхъ городскихъ училищъ.	Уѣздныхъ училищъ.	Двухклассныхъ приходскихъ училищъ.	Частныхъ начальныхъ училищъ.	Дѣтскихъ садовъ.	Всего учебныхъ заведеній.
Якутская обл.	Якутскъ . . .	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Забайкальская область.	Троицкосавскъ .	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	3
	Верхнеудинскъ .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Чита	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Нерчинскъ . .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Селенгинскъ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Кяхта . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
	Ундинская слоб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Александровскій зав. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1

*) «Сибирь», «Сибирская Газета», «Восточное Обозрѣніе». Изъ нихъ двѣ первыя, какъ извѣстно, запрещены, а послѣдняя, издававшаяся сначала въ С.-Петербургѣ, выходитъ теперь въ Иркутскѣ.

**) Изъ нихъ: въ Троицкосавскѣ — пятиклассная, въ Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ и Минусинскѣ — четырехклассныя, въ Нижнеудинскѣ, Киренскѣ и Нерчинскѣ — трехклассныя.

Области и губерніи.	Города, слободы и заводы.	Мужскихъ гимназій.	Мужскихъ прогимназій.	Женскихъ гимназій.	Женскихъ прогимназій.	Реальныхъ училищъ.	Техническихъ училищъ.	Учительскихъ семинарій.	Трехклассныхъ городскихъ училищъ.	Уѣздныхъ училищъ.	Двухклассныхъ приходскихъ училищъ.	Частныхъ начальныхъ училищъ.	Дѣтскихъ садовъ.	Всего учебныхъ заведеній.
Иркутская губернія.	Иркутскъ . .	1	—	1	1	—	1	1	—	1	—	—	1	7
	Киренскъ. . :	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Нижнеудинскъ .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Витимскъ. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Енисейская губернія.	Красноярскъ .	1	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	4
	Енисейскъ . .	—	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3
	Минусинскъ . .	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	2
	Канскъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Ачинскъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	Итого . .	2	2	3	8	1	1	2	1	9	4	2	1	36

Въ 1885 году.

Области и губерніи.	Города, слободы и заводы.	Мужскихъ гимназій.	Мужскихъ прогимназій.	Женскихъ гимназій.	Женскихъ прогимназій *).	Реальныхъ училищъ.	Техническихъ училищъ.	Учительскихъ семинарій.	Трехклассныхъ городскихъ училищъ.	Уѣздныхъ училищъ.	Двухклассныхъ приходскихъ училищъ.	Частн. начальн. училищъ.	Дѣтскихъ садовъ.	Четырехклассныхъ городскихъ училищъ.	Всего учебныхъ заведеній.
Якутская обл.	Якутскъ . . .	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Забайкальская область.	Троицкосавскъ .	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	3
	Верхнеудинскъ .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
	Чита	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Нерчинскъ . .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
	Селенгинскъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	Кяхта	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Ундинская слоб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Александровскій зав. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иркутская губернія.	Иркутскъ . . .	1	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	1	2	8
	Киренскъ. . .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
	Нижнеудинскъ .	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
	Витимскъ. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Енисейская губернія.	Красноярскъ. .	1	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	4
	Енисейскъ . .	—	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3
	Минусинскъ . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
	Канскъ . . .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
	Ачинскъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
	Итого . .	2	2	3	9	1	1	2	1	8	3	2	1	2	37

*) Изъ нихъ: въ Троицкосавскѣ — шестиклассная, въ Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ, Минусинскѣ и Якутскѣ — четырехклассныя, Нижнеудинскѣ, Киренскѣ и Нерчинскѣ — трехклассныя.

Изъ этого видно, что первымъ, по количеству учебныхъ заведеній, какъ и слѣдуетъ, является г. Иркутскъ *), самый большой и самый культурный центръ не только Восточной, но и вообще всей Сибири, не исключая и Томска, просвѣтительная роль котораго началась лишь съ открытія тамъ университета. За Иркутскомъ слѣдуетъ Красноярскъ, а далѣе — Енисейскъ и Троицкосавскъ, затѣмъ—отдаленный Якутскъ, Чита, Нерчинскъ, Нижнеудинскъ и т. д.

Учащіеся по этимъ заведеніямъ распредѣлялись въ слѣдующихъ количествахъ:

	Къ 1-му января 1882 г. состояло учащихся.	На каждое заведеніе, въ среднемъ, приходится.	Къ 1-му января 1884 г. состояло учащихся.	На каждое заведеніе, въ среднемъ, приходится.	Къ 1-му января 1885 г. состояло учащихся.	На каждое заведеніе, въ среднемъ, приходится.
Въ 2-хъ мужскихъ гимназіяхъ . .	446	223	524	262	544	272
» 2-хъ » прогимназіяхъ .	195	97	174	87	161	80
» 3-хъ женскихъ гимназіяхъ . .	507	169	502	167	511	170
» 8-ми » прогимназіяхъ .	666	83	—	—	—	—
» 9-ти » прогимназіяхъ .	—	—	891	99	887	98
» Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ	60	—	64	—	57	—
» 2-хъ учительскихъ семинаріяхъ.	96	48	116	58	118	59
» 9-ти уѣздныхъ училищахъ . .	733	81	—	—	—	—
» 8-ми уѣздныхъ училищахъ . .	—	—	594	74	516	64
» двухклассныхъ приходскихъ и трехклассномъ Минусинскомъ училищѣ	360	72	—	—	—	—
» городскихъ училищахъ . . .	—	—	486	97	675	135
» частныхъ заведеніяхъ. . . .	—	—	263	29	349	31
» техническомъ Иркутскомъ училищѣ	188	—	188	—	193	—
Итого. . . .	3.252	—	3.802	—	4.011	—

Отсюда явствуетъ, что, въ общемъ, количество учащихся прогрессивно возрастало и въ 1885 году въ заведеніяхъ было на 760 человѣкъ обоего пола болѣе, чѣмъ въ 1882 году.

Болѣе детальныя данныя относительно учащихся, какъ они сообщались въ «Циркулярахъ по восточно-сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ», представляютъ состояніе учебныхъ городскихъ заведеній, въ 1885 году, въ слѣдующемъ видѣ.

Въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1884 году всѣхъ учащихся состояло 698, а въ 1885 г.—705, т.-е. увеличилось на 7 человѣкъ. Въ послѣднемъ году число всѣхъ выбывшихъ равнялось 212

*) Помимо указанныхъ въ таблицѣ учебныхъ заведеній, насчитывается въ Восточной Сибири 11 частныхъ (въ 1885 г.) заведеній, изъ которыхъ большинство находится въ Иркутскѣ. Въ 1884 г. частныхъ заведеній считалось 9.

или 30,3%; въ томъ числѣ до окончанія курса 190 или 27,2% и по окончаніи — 22 или 3,1%.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на вопіющій % выбывшихъ *до окончанія курса* (27,2%), сравнительно съ окончившими (только 3,1%), и на то обстоятельство, что за малоуспѣшность было уволено 28 человѣкъ.

Въ Троицкосавскомъ реальномъ училищѣ въ 1884 году было 64, а въ 1885 г.—57 учащихся, т.-е на 7 человѣкъ менѣе. Процентъ выдержавшихъ переводныя испытанія и окончившихъ курсъ равнялся 41 или 65%, въ томъ числѣ окончило курсъ 5 или 7,9% и переведено 36 человѣкъ, или 57,1%. Уволено за малоуспѣшность 2 ученика.

Въ Иркутскомъ техническомъ училищѣ въ 1884 г. было 188, а въ 1885 г.—193 учащихся. Къ началу испытанія состояло 176 учениковъ, изъ которыхъ окончило 14 (8%), переведено 111 (63%), оставалось въ тѣхъ-же классахъ 47 (26,7%); уволено за малоуспѣшность 4,3%. Въ учительскихъ семинаріяхъ въ 1884 году состояло 116, а въ 1885 г.—118 учащихся, изъ нихъ 14 инородцевъ: 12 въ Иркутской и 2 въ Красноярской. Въ Иркутской семинаріи, изъ 71 воспитанника, подвергшихся испытанію, переведено въ слѣдующіе классы и выпущено по окончаніи курса 52 (73,2%), а въ Красноярской изъ 41 переведено и выпущено 25 (60%). Съ правами учителей изъ первой семинаріи выпущено 9, а изъ второй—6 человѣкъ. За малоуспѣшность изъ обѣихъ уволено 8 и 4—за неодобрительное поведеніе.

При семинаріяхъ состояло четыре начальныхъ, основанныхъ въ 1881 году, училища—при Иркутской 1 школа для русскихъ дѣтей, 1—для бурятъ Иркутской губ. и 1—для бурятъ Забайкальской области; а при Красноярской семинаріи—1 школа для русскихъ дѣтей.

Въ женскихъ гимназіяхъ *) и прогимназіяхъ **) въ 1884 году было 1.393 учащихся, а въ 1885 г.—1.398, т.-е. всего на 5 ученицъ больше. Въ этихъ заведеніяхъ, какъ и въ классическихъ гимназіяхъ, бросается въ глаза % выбывшихъ до окончанія курса; сравнительно съ % окончившихъ: первыхъ въ 1885 году было 286, а вторыхъ—лишь 79.

Въ городскихъ училищахъ въ 1884 году было 486, а въ 1885 г.—

---

*) Изъ трехъ гимназій лишь при Иркутской имѣется VIII классъ.

**) Отъ казны на пособіе женскимъ заведеніямъ отпускалось 6.500 руб., а именно: Красноярской гимназіи—1.600 руб., Енисейской—1.500 руб.; прогимназіямъ: Киренской—250 руб., Минусинской—300 руб., Читинской—700 руб., Верхнеудинской—700 руб., Нерчинской—300 руб., Нижнеудинской—300 руб. и Якутской—850 руб.

675 учащихся, или увеличилось, какъ ни въ какихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, на 189 человѣкъ, т.-е. на 38,8%. Къ сожалѣнію, и въ городскихъ школахъ обращаетъ на себя вниманіе % выбывшихъ до окончанія курса, сравнительно съ окончившими: изъ 161 человѣка выбывшихъ, на долю первыхъ выходило 121, а получили свидѣтельствъ только 40 окончившихъ. По сословіямъ ученики въ городскихъ училищахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

дѣтей	городскихъ сословій	—67,8%
»	сельскихъ »	22,9%
»	дворянъ и чиновниковъ	7,2%
»	инородцевъ	1,1%
»	духовнаго званія . . .	0,7%

Въ уѣздныхъ училищахъ въ 1884 году было 594, а къ 1885 г.—516 учащихся. Такое уменьшеніе объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что въ первомъ году было 9 училищъ, а во второмъ, за преобразованіемъ Иркутскаго, 8, а во-вторыхъ, реформированныя городскія школы (двухклассныя, трехклассныя, четырехклассныя), благодаря лучшему составу преподавателей и системѣ преподаванія, несомнѣнно, больше привлекали учащихся, чѣмъ устарѣлыя уѣздныя училища, въ большинствѣ которыхъ обстановка и понынѣ «гоголевская» *).

Этими свѣдѣніями мы и заканчиваемъ сообщеніе относительно состоянія народнаго образованія въ городахъ Восточной Сибири, и теперь перейдемъ къ ознакомленію съ начальными народными училищами, разбросанными по селамъ и деревнямъ этого отдаленнаго и обширнаго края.

Въ 1882 году начальное образованіе въ Восточной Сибири представлялось въ такомъ видѣ:

Области и губерніи.	Количество населенія.	Количество школъ.	Въ нихъ учащихся.	% отношеніе въ народонаселеніи.
Якутская.......	242.001	18	303	0,1%
Забайкальская..	488.000	88	1.043	0,2%
Иркутская......	383.578	68	1.818	0,4%
Енисейская	428.517	44	1.203	0,2%

По поводу этихъ данныхъ, газета «Сибирь» **) писала слѣдующее: «Съ перваго раза можно было-бы подумать, что въ Восточной Сибири

*) Здѣсь не можемъ не отмѣтить пріятнаго и рѣдкаго факта: въ 1882 году въ Верхнеудинскомъ уѣздномъ училищѣ, въ старшихъ классахъ, д-ръ Казанскій, съ разрѣшенія начальства, преподавалъ безвозмездно гигіену, по 2 урока въ недѣлю.

**) 1882 г. № 51.

начальное сельское образованіе рѣшительно преобладаетъ надъ среднимъ: среднее образованіе въ процентномъ отношеніи къ народонаселенію колеблется отъ 0,01% до 0,06%, а начальное отъ 0,1% до 0,4%. Но если мы примемъ въ разсчетъ, что среднее образованіе, по преимуществу, получаютъ лица привилегированныхъ сословій, которыхъ въ общей массѣ сибирскаго населенія не болѣе 10%, тогда о преобладаніи низшаго образованія не можетъ быть и рѣчи. Въ среднемъ выводѣ, 3 изъ 10.000 всего сибирскаго населенія получаютъ среднее образованіе, что, по отношенію къ числу лицъ привилегированныхъ сословій, обратится въ 3 на 1.000; начальное-же образованіе получаютъ 2,2 на 1.000. Для оцѣнки этихъ данныхъ припомнимъ, что лицъ школьнаго возраста въ массѣ населенія находится до 15%».

Число лицъ, окончившихъ въ 1882 г. начальныя училища со льготой по воинской повинности, колебалось между 3—4% общаго числа учащихся.

Въ 1885 году начальныхъ училищъ, сельскихъ и частныхъ, въ Восточной Сибири было 247, а однихъ сельскихъ 236, которыя по областямъ и губерніямъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, включая и 10 частныхъ.

Въ Якутской области. . . .	18	училищъ.
» Забайкальской	88	»
» Иркутской губ.	84	»
» Енисейской	57	»

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, одно сельское населеніе Восточной Сибири числится въ количествѣ 1.439.511 душъ, слѣдовательно, одно начальное училище (сельское) приходилось на 6.099 душъ, въ то время какъ въ Европейской Россіи въ 1882 году одна школа была на 2.500 душъ.

Всѣхъ учащихся къ 1884 году въ сельскихъ школахъ было 6.435, а къ 1885 г.—7.099.

Въ концѣ 1884 года учащіеся въ сельскихъ и частныхъ школахъ, по сословіямъ, распредѣлялись такъ:

Дѣтей	сельскихъ	сословій	4.634	или	60,4%
»	городскихъ	»	1.618	»	21 %
»	инородцевъ	»	749	»	9,8%
»	дворянъ	»	287	»	3,7%
»	казаковъ	»	201	»	2,5%
»	духовныхъ	»	118	»	2,3%

Въ этомъ-же году окончило курсъ въ начальныхъ училищахъ 481 или 6,5% общаго числа учившихся, и выбыло до окончанія курса 1.513 или 20,7%, а вновь поступило 2.328 человѣкъ.

Такова-то внѣшняя сторона состоянія народнаго образованія по оффиціальнымъ и газетнымъ даннымъ, которыя, за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ изслѣдованій, предпринятыхъ лишь въ 1888 году *), страдаютъ, конечно, въ смыслѣ безусловной вѣрности, но, съ другой стороны, все-же даютъ возможность составить приблизительное понятіе о дѣлѣ воспитанія народа на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ, вообще очень мало извѣстныхъ въ Европейской Россіи.

Эта внѣшняя сторона даетъ представленіе о народномъ образованіи въ количественномъ отношеніи; мы постараемся также дать нѣкоторыя свѣдѣнія о качественной сторонѣ дѣла, преимущественно въ сельской школѣ, потому что въ городахъ дѣло воспитанія ведется почти такъ-же, какъ у насъ, въ Россіи.

Если въ Европейской Россіи, благодаря земствамъ, какъ составъ педагоговъ, такъ и самое обученіе въ сельскихъ школахъ съ каждымъ годомъ дѣлаются все лучше, то нельзя этого сказать о Восточной Сибири. Не говоря уже о томъ, что здѣсь нѣтъ такого учрежденія, которое употребило-бы всѣ усилія, чтобы поднять уровень школы и учителя, страшныя дебри, громадныя разстоянія, раздѣляемыя, въ большинствѣ случаевъ невозможными путями сообщенія, дѣлаютъ то, что и превосходные воспитатели скоро превращаются въ одичалыхъ людей, лишенныхъ возможности обмѣна мыслями съ себѣ подобными и не имѣющихъ никакихъ книгъ. Только сильныя натуры, фанатически преданныя великому дѣлу воспитанія народа, выдерживаютъ убійственную обстановку сельскаго учителя въ отдаленныхъ окраинахъ Восточной Сибири, отказавшись, ради своей миссіи, отъ свѣта и людей. Но такія личности являются, какъ рѣдкія исключенія. Обыкновенно люди, не могущіе отказаться отъ благъ цивилизаціи, общенія съ людьми, не рѣшаются забросить себя въ непроходимую глушь и ютятся неподалеку отъ культурныхъ центровъ,—въ школахъ, ближайшихъ къ губернскимъ или лучшимъ окружнымъ городамъ; въ отдаленныхъ-же пунктахъ ца-

*) Впрочемъ, мы не знаемъ еще, подверглось-ли народное образованіе полному статистическому учету? Кромѣ того, намъ извѣстно, что доселѣ изслѣдованія производились лишь въ Иркутской и Енисейской губ., а народное образованіе въ городахъ вообще не подвергается регистраціи, если само городское управленіе не сдѣлаетъ о томъ постановленія и не учредитъ, какъ въ Москвѣ, напримѣръ, собственную статистику.

ритъ «старый учитель» изъ тѣхъ типовъ, которые были въ Европейской Россіи въ до-реформенный періодъ.

Но, помимо тѣхъ условій, о которыхъ мы упомянули, есть еще и другія причины, препятствующія хорошему веденію дѣла въ народныхъ школахъ Восточной Сибири. Съ одной стороны, отсутствіе мало-мальски сносныхъ учебныхъ пособій не даетъ возможности педагогу вести какъ слѣдуетъ обученіе, а съ другой—сибирскій произволъ нерѣдко ставитъ сельскаго учителя въ безвыходное положеніе.

Такова-то неприглядная внутренняя сторона сельской школы въ Восточной Сибири, о которой подробнѣе мы поговоримъ тогда, когда, быть можетъ, будемъ сообщать свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ каждой губерніи, области и округѣ Восточной Сибири въ отдѣльности, а теперь скажемъ въ концѣ, что при лучшей постановкѣ школы въ Сибири она могла-бы дать самые блестящіе плоды, такъ какъ трудно розыскать болѣе любознательный и способный народъ, какъ сибиряки: любовь къ образованію у нихъ развита гораздо болѣе, чѣмъ у крестьянина Европейской Россіи, болѣе забитаго тысячелѣтнимъ рабствомъ, нежели сибирякъ, не знавшій о существованіи крѣпостнаго времени. Незначительное количество школъ и плохая постановка дѣла заставляютъ сибиряка удовлетворять свою потребность къ образованію при посредствѣ ссыльнаго элемента,—этихъ странствующихъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ учителей, изъ которыхъ, къ слову сказать, многіе приносятъ несомнѣнную пользу. Объ этомъ неизвѣстномъ Россіи странствующемъ учителѣ мы современемъ поговоримъ.

И. Бѣлоконскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О педагогической литературѣ въ Прибалтійскомъ краѣ.

1) Русская хрестомотія для эстонскихъ начальныхъ училищъ, съ приложеніемъ русско-эстонскаго словаря. Составилъ М. Поска, старшій учитель русскаго языка. Дерптъ. 1887 г.

2) Обученіе русскому чтенію и письму въ мѣстной сельской школѣ, со 160 картинами (?). М. И. Поска, инспекторъ народныхъ училищъ. Ревель. 1889 г.

3) Riigikeele õpiraamat Eestlastele (Учебникъ государственнаго языка для эстовъ). А. Гренцштейнъ, ч. I. Дерптъ. 1888 г., ч. II—1889 г.

4) Wene keele õpiraamat (Учебникъ русскаго языка). Д-ръ К. Германъ. Дерптъ. 1887 г.

5) Täieline wenekeele õpiraamat (Полный учебникъ русскаго языка). Д-ръ Германъ. Дерптъ. 1888 г.

Реформа учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ вызываетъ къ новой дѣятельности здѣшнюю народную школу, сближая ее съ русскою школою. До сихъ поръ окрайная прибалтійская школа наша почему-то считалась у насъ довольно серьезною, довольно благоустроенною и распространенною среди мѣстнаго населенія. Нерѣдко на нее указывали даже, какъ на образецъ, достигнуть котораго было-бы желательно и всей остальной Россіи. Но такое представленіе о до-реформенной прибалтійской народной школѣ было крайне ошибочно. При обзорѣ начальныхъ школъ Дерптскаго учебнаго округа министерскими инспекторами народныхъ училищъ оказалось, что здѣсь «до сего времени были почти неизвѣстны способы преподаванія русскаго языка»; оказалось, что такая простая вещь, какъ разрѣзная азбука, необходи-

мѣйшее пособіе при обученіи грамотѣ, «до сего времени почти неизвѣстна учителямъ сельскихъ школъ, отчего нигдѣ въ здѣшнихъ школахъ ея не употребляютъ»; оказалось также, что «изученіе азбуки происходило при помощи стараго буквослагательнаго способа безъ всякой системы». Открылись вмѣстѣ съ тѣмъ и другія весьма непригллядныя качества здѣшней школы, школьной учебной жизни, школьныхъ учителей. Многіе образованные люди края знали горькую истину эту гораздо ранѣе, но одни скрывали ее, чтобъ не уронить довольно распространенной славы здѣшней школы, другіе просто опасались указывать на явленіе, въ существованіе котораго многіе не расположены были вѣрить. Когда-же повѣяло надъ краемъ реформами, непригллядныя качества школы ярко обнаружились и о нихъ громко заговорили. Въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется вопіющая скудость «прибалтійскаго» педагогическаго міросозерцанія относительно основныхъ идей «воспитывающаго обученія», которое постепенно выродилось здѣсь въ простую «выучку»,—выясняется скудость до-реформенной здѣшней школы педагогическими силами, такъ какъ учительскій персоналъ, застигнутый реформой, крайне не высокъ,—выясняется скудость учениковъ этой школы знаніемъ и почти полное отсутствіе въ нихъ соотвѣтственнаго возрасту и развитію самодѣятельнаго разумѣнія. Иначе, конечно, не могло и быть при прежнихъ до-реформенныхъ традиціяхъ здѣшней школы.

Законъ о преобразованіи прибалтійской школы засталъ ее почти врасплохъ. Теперь она должна спѣшить введеніемъ въ курсы свои русскаго языка, такъ долго и такъ методично изгонявшагося изъ нихъ. Спѣшность часто граничитъ съ суетою, а послѣдняя мало разборчива. И вотъ, многіе мѣстные дѣятели, пользуясь удобнымъ случаемъ, поспѣшили явиться на рынокъ новой педагогической суеты со своими услугами. Въ короткое время вышла здѣсь масса новыхъ учебныхъ книгъ, руководствъ и пособій для изученія въ мѣстной инородческой школѣ «государственнаго языка» и другихъ предметовъ. Какъ произведенія, составленныя примѣнительно къ рыночной потребности времени, весьма поспѣшно, они явились дидактическими недоносками; какъ произведенія авторовъ-инородцевъ, мало знакомыхъ съ русскою рѣчью, они полны всяческихъ несообразностей въ отношеніи языка и, вообще, всяческими уродливостями въ отношеніи методическомъ. Педагогическія произведенія эти, одно нелѣпѣе другого, я увѣренъ, въ состояніи сбить съ толку и безъ того слабосильнаго учителя здѣшней школы. Нѣкоторые-же изъ нихъ прямо-таки послужатъ во вредъ тому дѣлу, въ помощь которому они якобы предназначаются.

Между новѣйшими произведеніями прибалтійской педагогической литературы довольно видное мѣсто занимаютъ книги Гренцштейна, Германа и Поски. Сравнительно широкая распространенность ихъ объясняется прежде всего тѣмъ близкимъ къ учебному дѣлу положеніемъ, которое занимаютъ гг. составители ихъ. А. Гренцштейнъ—редакторъ эстонской газеты «Олевикъ». Ранѣе онъ былъ преподавателемъ въ эстонской учительской семинаріи въ Дерптѣ, извѣстной въ краѣ подъ именемъ семинаріи пастора Гольмана. Д-ръ К. Германъ—редакторъ другой эстонской газеты «Постимеесъ» и лекторъ Императорскаго Дерптскаго университета. М. По́ска—бывшій преподаватель Дерптскаго реальнаго училища; служилъ нѣкоторое время инспекторомъ народныхъ училищъ Эстляндской губерніи. Для людей, мало свѣдущихъ въ дидактикѣ и методикѣ, указанное общественное положеніе составителей отмѣченныхъ въ оглавленіи книгъ служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ ручательствъ доброкачественности ихъ работы. Широко распространяя изданія свои, гг. составители достигаютъ, конечно, своихъ издательскихъ цѣлей, но польза отъ того школѣ весьма незначительная, а при нѣкоторыхъ условіяхъ прямо-таки отрицательная.

Книгой «Русская хрестоматія для эстонскихъ начальныхъ училищъ» г. Поски, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, мнѣ приходилось пользоваться въ занятіяхъ со многими учениками. Эта «сѣренькая» книжечка состоитъ изъ 138 небольшихъ статеекъ, умѣстившихся на 88 страничкахъ. Къ хрестоматіи приложенъ русско-эстонскій словарь въ 40—50 страницъ. Съ первыхъ уроковъ чтенія, въ книгѣ этой приходится весьма серьезно исправлять ея ошибки въ отношеніи удареній и ороографіи. Надо сказать, что въ эстонскомъ языкѣ удареніе стоитъ всегда на первомъ слогѣ. Поэтому русское довольно подвижное удареніе дается эстамъ съ большимъ трудомъ. Опытъ показалъ, что русскія учебныя книги, назначаемыя для русско-инородческихъ эстонскихъ школъ, надобно печататать съ обозначеніемъ удареній. И вотъ, г. Поска преподноситъ читателю: «*о́*зимый хлѣбъ», «хорош*а́я* шкурка»,—змѣя ож*и́*ла, по м*о́*рю подымаются волны, мышь перегрызл*а́* веревку, если-бы было насъ еще столько же, да половина того, да еще четв*е́*рть, воробей прыгн*у́*лъ въ гнѣздо, голова сказала хвосту: «раз*о́*йдёмся» и т. п. и т. п. Такихъ ошибокъ въ книгѣ чуть не до сотни. Иногда ихъ 4—5 на одной страницѣ. Особенно странны тѣ изъ нихъ, которыя попадаются въ стихотвореніяхъ: Дѣва у м*о́*ря сидѣла (вмѣсто у̀ моря), Прощебечь съ дорог*и́* (вм. съ доро̀ги) намъ привѣтъ скорѣй, Солнце спряталось за тучу, вѣтеръ сильный, хо́лодно (вм. холодно̀). Указанныя ошибки не останавливаютъ на себѣ

вниманія ни ученика, ни учителя-эстонца, потому что у нихъ нѣтъ никакого чутья къ русскому ударенію. Въ занятіяхъ моихъ съ цѣлыми сотнями учениковъ-эстонцевъ ни одного разу не приходилось мнѣ наблюдать самостоятельнаго исправленія ими ошибочно поставленнаго въ текстѣ ударенія. Въ большинствѣ случаевъ они читаютъ книгу съ полной увѣренностію въ правильности ея, опасаясь въ чемъ-либо усомниться. Учитель-инородѐцъ почти также относится къ русской книгѣ, какъ его ученики. Да и не учитель только: мнѣ извѣстенъ случай недовольства инспектора народныхъ училищъ на одного изъ городскихъ начальныхъ учителей за то, что послѣдній научилъ классъ говорить «ози́мый хлѣбъ». И недовольство это основывалось на томъ только, что въ хрестоматіи г. Поски поставлено ѐзимый.

За ошибками въ удареніяхъ слѣдуютъ ошибки въ ороографіи. Ученики читаютъ: з*а*млед*ѣ*лецъ, з*я* обѣдомъ, то*к*да, олені*е* рога, лѣта олені*я*, одёжда, берёз*е*нька, перепёлъ, и т. п. Многія изъ ошибокъ этихъ никакъ нельзя приписать спѣшной корректурѣ: внучёкъ, берёзенька, пѣсенька, перепёлъ, одёжда—стоятъ въ оглавленіяхъ статей, въ той-же самой формѣ попадаются въ текстѣ и даже въ словарѣ. Трудно отдѣлаться отъ мысли, что составитель книги не случайно изобразилъ такъ выписанныя слова. Скорѣе всего онъ выбралъ ихъ изъ какого-нибудь словаря мѣстной фабрикаціи или изъ давно забытой хрестоматіи.

Въ статьяхъ разсматриваемой книги встрѣчаются нелогическія сужденія (У кошки круглая голова, коротк*ія* и гладк*ія* волос*ы* (раздѣленіе?!), стр. 2). Попадаются въ ней трудные синтаксическіе обороты (Дѣйствительно, мнѣ жаль тебя, отвѣчаетъ волкъ, и моя совѣсть побуждаетъ меня освободить тебя (осла) отъ этихъ страданій, 6 стр.). Не рѣдки въ книгѣ этой обороты, синтаксически подозрительные (Когда змѣя согрѣлась, то укусила своего благодѣтеля, такъ что онъ долженъ былъ умереть, стр. 4). Наконецъ, попадаются въ ней грубыя погрѣшности противъ элементарнѣйшихъ требованій стилистики (*Однажды* былъ *одинъ* маленькій мальчикъ, стр. 9), даже чухонскіе варваризмы (Шелъ мимо этой деревни цыганъ и *хотѣлъ* на ночь *туда остановиться*, стр. 72).

Какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ редакціи ихъ наблюдаются многія несообразности. Изящное стихотвореніе Некрасова «Осень въ деревнѣ» переставлено въ хрестоматіи г. Поски шиворотъ—на-выворотъ! вмѣсто 3 и 4 стиха напечатаны 7 и 8, испорчена риѳма 1 и 3 стиха. Вслѣдствіе этого получилось:

1. Солнце спряталось за тучу (и)
2. Вѣтеръ сильный, холодно;
7. Небо тучами закрыто,
8. Небо дождичкомъ грозитъ.
3. Листья сыплются и въ кучи
4. Вѣтромъ всѣ ихъ намело.
5. Рѣчка ходитъ такъ сердито,
6. Лѣсъ такъ жалобно шумитъ.

Извѣстное стихотвореніе «Солнце и мѣсяцъ» взято изъ какой-нибудь хрестоматіи съ удержаніемъ неправильнаго начала и испорченной риѳмы. Многія статьи хрестоматіи заимствованы изъ книгъ для чтенія, составленныхъ Л. Н. Толстымъ. Между ними много совсѣмъ непригодныхъ для чтенія въ школѣ. Какъ образецъ, я приведу разсказъ «Праведный судья». Ученый и мужикъ судятся за жену. Одинъ говоритъ—«моя жена», другой—«моя».—Судья оставилъ женщину у себя на испытаніе. Онъ приказалъ ей вымыть чернильницу и налить чернилъ. По этой работѣ судья узналъ, что женщина—жена ученаго. По нашимъ понятіямъ, проще было-бы спросить ее самое; но Л. Н. Толстой восточными штрихами рисуетъ праведнаго восточнаго судью. Ничего не имѣя противъ такого художественнаго пріема, все-же необходимо признать, что насколько подобный судья невозможенъ въ нашей жизни, настолько-же и повѣсть о судѣ его неумѣстна въ нашей школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тяжба за человѣка, какъ вещь, совсѣмъ неудобная тема для школьной бесѣды. Дѣтямъ-эстонцамъ нѣтъ никакой надобности узнавать на школьной скамейкѣ о гаремной жизни восточнаго человѣка; не легко начальному учителю будетъ и объяснить ее. Въ статьѣ Воры́ (Во̀ры) бросается очень тяжелый камень въ солдата; его обвиняютъ въ артистическомъ воровствѣ.—Крестьянинъ пожаловался офицеру на солдатъ: воруютъ. «Все они взяли?»—спросилъ офицеръ. «Нѣтъ, кое-что оставили».—«Ну такъ это не мои солдаты; мои солдаты, если берутъ, такъ берутъ все». Этотъ анекдотъ крайне неумѣстенъ въ книгѣ для чтенія, назначенной для народной школы, тѣмъ болѣе русско-инородческой. Составителю такой книги, инспектору училищъ, надо было-бы поосторожнѣе говорить о вещахъ, которыхъ онъ не знаетъ, и шутить которыми во всякомъ случаѣ неудобно...

Итакъ, «Русская хрестоматія для эстонскихъ начальныхъ училищъ» г. Поски далеко не удовлетворяетъ тѣмъ педагогическимъ требованіямъ, которыя предъявляются къ подобнаго рода книгамъ. Если она и употребляется въ школахъ, то лишь по пословицѣ: «на безрыбьи и ракъ рыба».

Тѣмъ-же г. Поской составлена и другая книжечка—«Обученіе русскому чтенію и письму въ мѣстной сельской школѣ». Небольшое предисловіе къ ней ясно показываетъ, почему въ первомъ трудѣ г. Поски такъ много грамматическихъ несообразностей. Здѣсь встрѣчаются такіе перлы русскаго языка: «изученіе языка состоитъ (говорится о дореформенной школѣ) въ чтеніи и переводѣ *очень часто довольно безтолково* (четыре нарѣчія подъ-рядъ!) составленныхъ предложеній»,—«между тѣмъ, это *есть* совершенно ложное мнѣніе»,—«порядокъ, въ которомъ должно слѣдовать изученіе русскихъ звуковъ, показанъ въ этой книгѣ *и* сначала проходятся звуки, общіе въ русскомъ и эстонскомъ языкѣ». Приведенныя выдержки убѣждаютъ въ томъ, что г. Поска совсѣмъ не имѣетъ чутья къ правильности русской рѣчи, что русскія выраженія его походятъ на неудачный переводъ съ какого-то другаго языка. Идея наглядности, положенная въ основу книги, находится въ связи съ разсужденіями на учительскихъ собесѣдованіяхъ въ Дерптѣ, участникомъ которыхъ былъ и г. Поска. Сама по себѣ, идея эта весьма симпатичная; не смотря на довольно условное воплощеніе ея въ работѣ, она все-же придаетъ нѣкоторую цѣну названному букварику. Начинается книжечка эта двумя листочками картинокъ, назначенныхъ для нагляднаго заучиванія словъ.

Подъ каждой картинкой напечатано названіе изображеннаго на ней предмета. По мысли автора, названія эти «повторяются учащимися хоромъ, по командѣ» и такимъ образомъ заучиваются ими со словъ учителя. Далѣе, въ перемежку съ картинками, идетъ букварный текстъ, состоящій изъ отдѣльныхъ словъ и краткихъ предложеній. Всѣхъ картинокъ въ книжкѣ 160. Каждая изъ нихъ занимаетъ съ квадратный вершокъ мѣста, но авторъ почему-то называетъ ихъ картинами (?). Наши иллюстрированныя изданія даже столичной работы часто выходятъ мало удовлетворительными,—о провинціальныхъ, стало быть, и говорить нечего. Дѣйствительно, на стр. 10-й «Обученія грамотѣ» изображена овца, которую весьма легко принять за собаку, на стр. 30-й представлена туча, скорѣе похожая на какое-то безформенное темное пятно, но никакъ не на тучу. Такихъ изображеній не мало. Всѣ картинки очень скудны содержаніемъ. Рѣдко въ одной рамкѣ помѣщаются два-три изображенія, отчего трудно ребенку судить о сравнительной величинѣ изображенныхъ предметовъ. Кромѣ того, даже знакомые по памяти предметы ребенокъ сравниваетъ съ большимъ трудомъ. Присматриваясь къ словамъ текста, мы замѣчаемъ, что они подобраны въ порядкѣ постепеннаго усложненія звуковаго состава ихъ, никакой другой связи между ними нѣтъ. По-

этому, въ одной строкѣ стоятъ «велю»,—«вянетъ»,—«тянутъ»,—«мѣняет»,—«он», или—«они»,—«коля»,—«меня»; рядомъ съ глаголами или существительными стоятъ выраженія «тутъ» и «какъ». Между этими безсвязными словами читателя поражаетъ незамѣченное авторомъ двусмысленное отношеніе двухъ реченій—«Коля» (Николай) и «меня». На страницѣ 15-й въ 3-й строкѣ сверху напечатаны рядомъ два названныхъ слова. Подъ каждымъ изъ нихъ помѣщенъ эстонскій переводъ: Коля—«Nikku» и меня—«mind». Имя Николай почти не встрѣчается между эстонскими именами, вообще у лютеранъ оно не пользуется популярностью. Ласкательную форму «Nikku» авторъ сочинилъ самъ: въ народномъ говорѣ нѣтъ ея. Это бы еще ничего, но дѣло въ томъ, что форма «Nikku», съ пропускомъ одного «k», составляетъ императивъ отъ глагола, перевести котораго на русскій я не могу, по крайнему его неприличію. И вдругъ, какъ дополненіе къ нему, стоитъ винительный падежъ личнаго мѣстоименія «mind»! Природные эсты увѣряли меня, что императивъ этотъ является общеизвѣстною формою, что чтеніе этого слова рядомъ съ дополненіемъ къ нему должно произвести въ классѣ самое нежелательное впечатлѣніе... Въ текстѣ, состоящемъ изъ краткихъ предложеній, находятся такіе обороты: «вы *рыли* сѣно»,—«купецъ *вѣситъ сахаръ*»,—«*этотъ* (вм. это) пѣтухъ». На послѣднихъ двухъ страничкахъ разсматриваемой книжки приводятся «несоотвѣтствія въ чтеніи и произношеніи». Подъ такимъ заглавіемъ напечатаны правила, уясняющія различія между устнымъ произношеніемъ слова и его изображеніемъ. Правила эти неполны и неточны. «Б» произносится въ концѣ слова и въ серединѣ передъ нѣкоторыми согласными (какими именно—не указано), какъ п». Точно также говорится и о «д»,—«з»,—«ж» и «г». Далѣе, «о» безъ ударенія произносится какъ «а»—между примѣрами на это правило помѣчено и слово болòто, которое авторъ переиначиваетъ въ балòто.—Весь букварикъ г. Поски состоитъ изъ 44 страничекъ. Напечатанъ онъ на сѣренькой бумагѣ. Цѣна его нигдѣ не обозначена, точно то-же надо замѣтить и про «хрестоматію» того-же автора.

Покойный К. Д. Ушинскій говоритъ, что составленіе первой книги для чтенія дѣло весьма нелегкое. Творенія г. Поски составлены поспѣшно. Спѣшность эта, вмѣстѣ съ плохимъ знаніемъ русскаго языка, и послужила причиной указываемыхъ мною недостатковъ. Инспектору народныхъ училищъ надо-бы понимать, какая тяжелая отвѣтственность падаетъ на него за всякій промахъ въ работѣ, и потому усидчивѣе трудиться надъ тѣмъ, чѣмъ намѣревается онъ помочь школѣ...

Обозрѣвая различныя новинки учебной литературы, какъ-то невольно обращаешь вниманіе на то, кто составилъ ту или другую книгу. Если составитель книги—начальный учитель, то многое въ ней можно признать извинительнымъ въ силу невысокаго образованія большинства начальныхъ учителей и ихъ довольно стѣсненнаго матеріальнаго положенія. Когда-же составителемъ книги является человѣкъ, считающій себя высоко образованнымъ, занимающій видное положеніе въ обществѣ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ, то извиненія ему представляются уже нелогичными, требованія предъявляются къ его труду болѣе высокія и содержательныя. Съ такими мыслями приступаю я къ разсмотрѣнію книжекъ, составленныхъ А. Гренцштейномъ и К. Германомъ.

Вмѣсто предисловія къ «Учебнику государственнаго языка для эстовъ», г. Гренцштейнъ беретъ выдержку изъ циркуляра по Дерптскому учебному округу отъ 1887 г. за № 1-мъ: «Огромное большинство дѣтей, поступающихъ въ учебныя заведенія округа, проводитъ первые годы при особой обстановкѣ; у ихъ колыбели не слышится русская пѣсня, запросы дѣтскаго ума и воображенія не находятъ отвѣта въ русской сказкѣ. Тѣмъ настоятельнѣе поэтому становится обязанность школы восполнить недостающее въ первой порѣ дѣтства и научить русскому языку по возможности въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ легко воспринимаетъ живое знаніе живого языка». Для этой-то цѣли, въ силу этихъ именно причинъ и составлена г. Гренцштейномъ его книжечка. На первой страничкѣ ея помѣщенъ рисунокъ лампы и напечатаны столбцами скорописныя и печатныя русскія буквы, составляющія слово лампа. Параллельно съ русскими напечатаны буквы эстонскія. Далѣе составлены слова: лампа, мама, лапа, папа, мала. На слѣдующей страницѣ даны буквы для слова «сани», напечатаннаго подъ рисункомъ саней. Изъ всѣхъ буквъ составлено уже до десятка разныхъ словъ. Въ третьемъ урокѣ даны новыя буквы и напечатаны слова: гипсъ, планъ, милліонъ; въ пятомъ урокѣ—тронъ, пунктъ, контрактъ, протоколъ, въ шестомъ—пальма, металлъ, аптека, сенатъ, сенаторъ, инспекторъ, матеріалъ и т. п. Этотъ перечень словъ бросается въ глаза своею странностію, но чѣмъ далѣе, тѣмъ слова текста становятся страннѣе. Подъ 7-мъ нумеромъ урока дѣти читаютъ: крокодилъ, баронъ, мода, студентъ, адресъ, секунда, цензоръ. Я нарочно привожу слова эти, чтобы показать, до какой степени они нерусскія и какъ излишни они въ урокахъ грамоты. Но странный подборъ словъ стоитъ у г. Гренцштейна рядомъ съ еще большею странностію. Уже съ 5 урока замѣчается у автора

склонность къ версификаціи: «сумма, касса, карта, тронъ,—супъ и сортъ, сигара, тонъ». Въ 7-мъ урокѣ напечатано цѣлое восьмистишіе:—

Лампа, лагерь, стулъ, сигара;
Лапа, грифель, гипсъ, вагонъ;
Фабрика, *директоръ*, пара,
Нуль, сортъ, супъ, соль, сумма, вонъ.
Адресъ, *клиника*, инспекторъ,
Павелъ, планъ, корона, валъ,
Милліонъ, вагонъ, *директоръ*,
Роза, *клиника*, металлъ.

Въ слѣдующемъ упражненіи новое четверостишіе:—

Картофель, машина, контора, верста,
Минута, грамматика, роза, Москва,
Солдатикъ, сенаторъ, профессоръ, студентъ,
Папаша, мамаша, Самара, процентъ.

По смыслу своему—это подборъ совершенно безсвязныхъ словъ.

На страницѣ 17-й подъ картинкой подписано «уточка» (вм. утка), на 18-й—«зайка» (вм. заяцъ) и во всѣхъ примѣрахъ употребляются эти уменьшительныя формы. Далѣе, подъ бритвой подпись «ножъ», подъ кружкой—«стаканъ», подъ башмакомъ—«сапогъ». Очевидно, составитель книги не знаетъ точнаго видоваго названія этихъ вещей и употребляетъ приблизительное. Начиная съ 15-й страницы, авторъ даетъ грамматическій матеріалъ для чтенія: здѣсь напечатано спряженіе глагола «играть», на 19-й—склоненіе существительнаго съ прилагательнымъ. Такой матеріалъ школьному инородцу весьма полезенъ. И г. Гренцштейнъ, думаю, хорошо сдѣлалъ, что ввелъ его въ книгу для чтенія. Грамматическія формы такихъ параграфовъ вѣрны, хотя попадаются и такія, какъ «малая корова», склоняющаяся во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ. Въ расположеніи букварнаго текста трудно прослѣдить у г. Гренцштейна какой-нибудь планъ, въ выборѣ словъ онъ положительно отсутствуетъ. Просто не вѣрится, что разсматриваемый «Учебникъ» составленъ бывшимъ ученикомъ вѣнскаго педагогіума, руководимаго извѣстнымъ Диттесомъ!

Вторая часть «Учебника» г. Гренцштейна состоитъ изъ короткихъ прозаическихъ статей, стихотвореній, пословицъ, грамматическихъ примѣровъ. Многія стихотворенія положены на музыку, мелодія которой также напечатана въ книгѣ. Въ прозаическихъ статьяхъ не рѣдки такіе обороты, какъ «я учусь читать, писать и по-русски говорить»,—«у кошки круглая голова, короткіе волосы и длинный хвостъ»,—«доски у столовъ бываютъ круглыя и угловатыя»; въ грамматическихъ примѣрахъ—«малый братъ, малое тѣло, малая се-

стрица», въ пословицахъ ненужныя перестановки «гдѣ дерево стоитъ, тамъ и оно шумитъ». Стихотворенія второй части «Учебника» отличаются своею краткостью: строкъ пять, шесть—-и довольно. Только подъ конецъ книги они становятся длиннѣе. Нѣкоторыя стихотворенія взяты изъ сочиненій Майкова, Жуковскаго, но значительное большинство принадлежитъ неизвѣстнымъ авторамъ. Литературныя достоинства послѣднихъ, конечно, сомнительны. Вотъ первое стихотвореніе «Пахарь», подписанное подъ картинкой на первой страничкѣ «Учебника» (2-й части):—

Видишь, пахарь тутъ идетъ,
Рожь въ лукошкѣ онъ несетъ,
Зерна въ землю онъ бросаетъ
И на Бога уповаетъ.

Конечно, какъ пахарь уповаетъ на Бога, на картинкѣ не увидѣть.

Грамматическіе примѣры напечатаны въ книгѣ мелкимъ шрифтомъ. Въ заголовкѣ каждаго изъ нихъ поставлено «грамматика». Въ шести первыхъ номерахъ «грамматики» этой напечатано спряженіе глаголовъ: видѣть, любить, сказать, знать, играть и хотѣть, потомъ идетъ склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ. Въ склоненіяхъ передъ творительнымъ падежемъ для чего-то удержанъ постоянно предлогъ «съ», какъ-бы въ параллель нѣмецкому «mit».

Разсматриваемая книга г. Гренцштейна раздѣляется на два отдѣла—А и Б. Послѣдній Б заключаетъ въ себѣ переводъ на эстонскій языкъ всего того, что содержится въ первомъ отдѣлѣ. Вслѣдъ за переводомъ статьи помѣщаются обыкновенно вопросы для повторенія ея. Думать они не заставятъ юнаго читателя, но припомнить прочитанное помогутъ. Вотъ одинъ изъ прозаическихъ разсказовъ, помѣщенный подъ № 30, стр. 50. «Ваня со страхомъ вошелъ первый разъ въ школу. Было очень рано. Учитель не приходилъ еще. Ученики были уже почти въ сборѣ. Окружили они Ваню, осматривали спрашивали: Чей онъ, какъ его зовутъ? Ваня стоитъ, да только краснѣетъ, какъ ракъ. Чуть было не расплакался. Спасибо, отыскались между учениками Ванины знакомые—и дѣло уладилось». Подъ тѣмъ-же самымъ нумеромъ во второмъ отдѣлѣ книги напечатанъ переводъ двадцати словъ на эстонскій языкъ (Ваня, страхъ, нужда, сборъ, приходить, окружить и т. п.). За переводомъ слѣдуетъ та-же статейка по-эстонски. Далѣе идутъ вопросы: «Куда Ваня вошелъ со страхомъ? Ваня вошелъ... Кто еще не приходилъ? Учитель не... Кто были уже почти въ сборѣ? Ученики... Кого они окружили? Они окру-

жили... Что они дѣлали? Что случилось съ Ваней? Кто отыскался?» Какъ приведенный мною текстъ разсказа, такъ и текстъ «напоминательныхъ» вопросовъ къ нему не свободны отъ погрѣшностей въ разстановкѣ словъ, даже въ согласованіи ихъ между собою. Не мало подобныхъ погрѣшностей и въ другихъ статьяхъ, попадаются корректурныя опечатки (вовсѣ (стр. 60), «онъ» пропущено въ стихѣ на 43 стр.).

Въ концѣ обѣихъ книгъ г. Гренцштейна приложенъ краткій русско-эстонскій словарь. Въ первой части «Учебника» онъ заключаетъ въ себѣ всего 300 словъ, во второй—1.000. Въ словарь этотъ вошли всѣ иностранныя слова, подобныя отмѣченнымъ мною при разборѣ первой части «Учебника»; сюда-же вошли всѣ имена собственныя. Это уменьшаетъ число словъ по крайней мѣрѣ на одну треть въ словарѣ первой части и почти на столько-же во второй. Нечего, конечно, и говорить, что русскому языку по такому словарю не научишься.

Указавъ недостатки, считаю долгомъ отмѣтить и достоинства «Учебника» г. Гренцштейна Обѣ книжки его бросаются въ глаза своею опрятностью. Очевидно, составитель старательно выбралъ для нихъ хорошій, четкій шрифтъ, размѣстилъ текстъ на страницахъ до нѣкоторой степени красиво. Напечатаны книги на хорошей бѣлой бумагѣ, на которой отчетливо вышли всѣ картинки. Чисто внѣшнія достоинства эти имѣютъ большое педагогическое значеніе. Кромѣ того, содержаніе учебника отличается разнообразіемъ. Видно, что авторъ много работалъ надъ своею задачею. Въ заключеніе скажу, что за обѣ части Учебника, заключающія въ себѣ болѣе 100 печатныхъ страницъ, назначена умѣренная цѣна—всего 33 копейки. Если-бы Учебникъ г. Гренцштейна проредактировалъ русскій человѣкъ, если-бы изъ Учебника этого выкинуть «чужеземный» лексическій балластъ, то книга эта была-бы лучше весьма многихъ, употребляющихся въ нашемъ краѣ.

«Учебникъ русскаго языка» К. Германа—маленькая книжечка въ 72 странички. Напечатана она на сѣренькой бумагѣ, мелкимъ шрифтомъ. На первой страничкѣ ея ученый составитель даетъ ученикамъ русскую азбуку, ставя буквы ея параллельно съ эстонскими: а—а, б—b, ж—sh, ф—wh, ц—ts, ч—tsch, ш—sch, щ—schtsch. При всей сложности своей, такія группы звуковъ никакъ не могутъ передать нормальныхъ русскихъ звуковъ. Передача эта затрудняется еще и тѣмъ, что въ эстонскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ шипящихъ ж, ч, ш, щ; нѣтъ также и звонкихъ б, в, г, д, з—въ началѣ словъ Если скажете эсту б и п, в и ф, д и т—онъ не слышитъ разницы между ними. Только послѣ долгаго упражненія въ русскомъ чтеніи или разговорѣ

пріобрѣтаетъ онъ способность различать эти звуки. То-же самое необходимо сказать и о шипящихъ согласныхъ. Поэтому, параллельное сопоставленіе звуковъ русской и эстонской азбуки весьма затрудняетъ учителя и даетъ ученикамъ ложное понятіе о русскихъ звукахъ. Истина эта давно уже сознана. Въ русско-инородческихъ школахъ Кавказскаго учебнаго округа давно уже изгнано такое прохожденіе русской азбуки: ее проходятъ почти такъ-же, какъ азбуку родной рѣчи Сейчасъ-же послѣ азбуки г. Германъ даетъ правила произношенія русскихъ звуковъ, подтверждая правила эти примѣрами; но подтвержденія эти, по меньшей мѣрѣ, курьезны. Слово няня онъ изображаетъ эстонской азбукой njanja, сосна—ssassna, арфа—arwha, лицо—litsoo, туча—tutscha, чаще—tschaschtsche. Далѣе напечатаны русскія слова съ переводомъ ихъ на эстонскій языкъ, потомъ составленныя изъ нихъ краткія предложенія. Метода изученія языка, предлагаемая г. Германомъ, довольно шаблонна, она давно извѣстна у насъ подъ именемъ методы Оллендорфа. Основана она на постепенномъ подъучиваніи новаго и новаго лексическаго запаса языка, на постоянномъ переводѣ, чтеніи. Въ текстѣ разговоровъ, помѣщенныхъ въ Учебникѣ г. Германа, читаются такія фразы: «Тамъ горькій, а не хорошій карандашъ. Какъ эти мальчики?—Они очень лѣнивые и глупые ученики. Что вы можете? Мы можемъ читать, а они—бѣгать. Какъ слова глупыхъ людей? У глупыхъ людей горькія, а не умныя слова. Что онъ говорилъ? Онъ кромѣ глупыхъ горькихъ словъ никогда не говорилъ. Кого вы знаете? Мы знаемъ прилежную ученицу, говорящую по-русски, по-нѣмецки и по-эстски, и всегда хотящую читать хорошія газеты и книги. Позволяетъ-ли отецъ ему идти къ намъ? Нѣтъ, его отецъ не позволяетъ ему идти его къ вамъ писать и читать»... И подобной тарабарщиной наполнены всѣ параграфы «Учебника»!

Между разговорами его нѣтъ никакой связи. Учиться по такой книгѣ, конечно, нельзя. Но г. Германъ распространяетъ ее не безъ успѣха. Учебникъ его вышелъ уже третьимъ изданіемъ, въ переработанномъ видѣ. Въ предисловіи къ этому изданію авторъ объясняетъ, что книга его просмотрѣна профессоромъ Бодуэномъ-де-Куртенэ, но съ объясненіемъ этимъ нельзя согласиться. И въ этомъ изданіи имѣются такіе-же, какъ и въ первомъ, невозможнѣйшіе обороты. «Чей это столъ? Онъ отца. Топоры солдатовъ, дворы сосѣдовъ, дѣла купцовъ, стада пастуховъ (стр. 25). Какъ сказалъ императоръ? Онъ сказалъ, что бѣднымъ и храбрымъ солдатамъ надо дать хлѣба (35 стр.). Что теперь у тебя? У меня твой отецъ и твоя мать (45 стр.)». Подобныхъ оборотовъ весьма много. Кромѣ того, рѣзко бросаются въ

глаза грамматическія неправильности, какъ «шагы», «солдатовъ», «широшая (превосходная степень?!) скамейка». Трудно допустить мысль, что знаменитый нашъ ученый—И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ—можетъ пропустить книгу для первоначальнаго обученія, наполненную всевозможнѣйшими нелѣпицами... Въ томъ-же самомъ третьемъ изданіи, сейчасъ-же послѣ правилъ произношенія русскихъ словъ, напечатаны двѣ странички складовъ и словъ, раздѣленныхъ на слоги, для упражненія въ чтеніи... Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько статеекъ для чтенія. На стр. 75 подъ-рядъ напечатано пять статеекъ, составляющихъ вмѣстѣ 18 строкъ. Оглавленія этихъ статей напечатаны всплошную съ текстомъ, такимъ-же шрифтомъ, только немного разставленнымъ. На послѣдней страничкѣ вновь четыре статейки въ двадцать строкъ сплошнаго текста. Такого способа печати учебныхъ книгъ я никогда не видалъ ранѣе. Непедагогичность его очевидна.

«Полный учебникъ русскаго языка» д-ра Германа ни чѣмъ, кромѣ своего объема, не отличается отъ его Краткаго учебника. Послѣдній цѣликомъ вошелъ въ «Полный учебникъ»,—вошелъ со всѣми его грамматическими, лексическими и стилистическими красотами. Въ «Полномъ учебникѣ» прибавлены новые параграфы для заучиванія словъ, для новыхъ переводовъ, прибавлены новыя статьи для чтенія, взятыя или изъ русскихъ писателей, или-же изъ учебныхъ хрестоматій. По поводу появленія этого «Учебника» мѣстная газета «Рижскій Вѣстникъ» напечатала коротенькую замѣтку подъ заглавіемъ «Какъ дерптскіе ученые обучаютъ эстовъ русскому языку».—«Русскій учебникъ, изданный доцентомъ эстскаго языка для эстовъ,—говорится въ этой статьѣ,—представляетъ въ себѣ столько курьезнаго и потѣшнаго, что на немъ стоитъ остановиться. Приступая къ списку потѣшныхъ промаховъ противъ русскаго языка ученаго составителя грамматики, мы должны предупредить редакцію, чтобы она вооружилась достаточнымъ мужествомъ противъ угрозъ д-ра Германа. Ученый эстологъ до того не любитъ, если его гладятъ противъ шерсти, что даже запретилъ одной эстской газетѣ упоминать о его имени на своихъ столбцахъ... Мы смѣло развертываемъ учебникъ д-ра Германа на стр. 161-й и полюбопытствуемъ, какъ д-ръ Германъ объясняетъ эстамъ извѣстное стихотвореніе Пушкина «Зима». «Его лошадка, снѣгъ почуя (отъ глагола почевать—учитъ д-ръ Германъ), плетется рысью (какъ крыса—рысь—rott, рысью—nagu rott)... Бразды пушистыя взрывая—въ переводѣ д-ра Германа выходитъ: «поводья волокнистыя разрывая» (отъ рвать). Ямщикъ сидитъ на облучкѣ (имен. пад. óблучка)». Не менѣе курьезны этимологическія знанія

д-ра Германа—и преподаваемыя имъ правила. Онъ учитъ, что шагъ и лугъ имѣютъ во множественномъ шагы, лугы (стр. 13), что имен. пад. словъ балка, тесъ — балкъ, тесо, груда—грудъ, полушубокъ—полушабка, ноготокъ—ногатка, огонекъ—огóнька и т. п.». Признавая замѣчанія эти вполнѣ согласными съ истиной, дальнѣйшіе разговоры объ «Учебникѣ» г. Германа считаю излишними.

Просматривая множество учебныхъ пособій, выходящихъ теперь въ Прибалтійскомъ краѣ, невольно поражаешься прежде всего незнаніемъ того предмета, которому авторы ихъ берутся поучать другихъ, а потомъ и своеобразною педагогическою ихъ логикою. Они воображаютъ себя передовыми людьми эстской народности, даютъ направленіе ея мысли, а между тѣмъ ихъ педагогическіе труды оказываются такими неудовлетворительными... Отъ другихъ мѣстныхъ педагоговъ, стало быть, можно и не того еще ждать!.. И дѣйствительность вполнѣ оправдываетъ такія ожиданія... Въ здѣшнихъ сборникахъ ариѳметическихъ задачъ, издающихся для начальной школы, попадаются такія: «Отъ Керкси до Феллина 9 верстъ, черезъ каждыя 3 версты стоитъ кабакъ. Сколько разъ керксискій мужикъ, возвращающійся изъ города, можетъ зайти и промочить горло?» И это пишетъ г. Куррикъ, бывшій преподавателемъ учительской семинаріи, и это онъ пишетъ въ сборникѣ задачъ для начальной школы!? Но всего удивительнѣе то, что сборникъ этотъ переведенъ теперь на русскій языкъ, чтобы пустить его въ школу, въ которой нынѣ, въ силу реформы, преподавательскимъ языкомъ обязательно признанъ языкъ русскій. Положимъ, приведенную мной задачу переводчикъ сборника замѣнилъ другою, но книжка все-же переведена... Въ учебной книгѣ г. Небоката, въ примѣрахъ для чтенія, для упражненія въ склоненіи и спряженіи, помѣщены прямо-таки неприличныя слова, за что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія приказалъ изъять ее изъ употребленія. Не только незнаніемъ русскаго языка объясняются странные стихи г. Гренцштейна или разговоры г. Германа, а также особенною ихъ педагогическою логикою. Тѣмъ-же самымъ вполнѣ удовлетворительно объясняется помѣщеніе въ книгѣ г. Куррика непотребныхъ задачъ, или въ книгѣ г. Небоката срамныхъ словъ.

Въ заключеніе позволю себѣ напомнить гг. прибалтійскимъ педагогамъ, что нельзя учить тому, чего самъ не знаешь. Такое ученіе легко можетъ оказаться проповѣдью неправды. Грустно становится при мысли, что прибалтійская школа, подъ вліяніемъ гнетущихъ условій жизни, дошла до такой степени паденія, на которой уже не

въ силахъ она собственными стараніями создать необходимыхъ для успѣшной работы учебныхъ пособій. Неужто-же нѣтъ здѣсь людей достаточно образованныхъ, достаточно знающихъ русскій языкъ, чтобы производительно послужить великому обновленію и свѣтлому возрожденію края? Гдѣ ты, живъ человѣкъ, отзовися!

А. Ротанъ.

Ревель, 1 апрѣля 1891 г.

Начатки русской грамматики для народныхъ школъ, съ приложеніемъ матеріала для практическихъ упражненій (Самая краткая грамматика). Составилъ Владиміръ Ермиловъ. Воронежъ. 1890. Ц. 15 к.

Въ предисловіи къ «Начаткамъ» сказано, что «предлагаемый практическій учебникъ есть самое краткое изъ всѣхъ руководствъ по русскому языку, употреблявшихся до сихъ поръ въ народной школѣ». Далѣе: «Нашей задачей было... составить такой учебникъ, который-бы вмѣщалъ въ себѣ самыя необходимыя свѣдѣнія и притомъ изложенныя въ простѣйшей, наиболѣе доступной формѣ. При этомъ мы снабдили наше руководство образцами для диктанта, списыванія и разбора, служащими къ практическому усвоенію ороографіи». Такъ говорится въ предисловіи. А, съ другой стороны, книжка названа «Начатками русской грамматики (самая краткая грамматика)», и въ ней дано не мало грамматическихъ опредѣленій, упомянуто даже и о сложномъ предложеніи. Думалъ-ли авторъ, что грамматика въ начальной школѣ служитъ исключительно дѣлу правописанія? Трудно примириться съ такимъ ограниченіемъ образовательнаго значенія грамматики въ какой-бы то ни было школѣ. Нельзя забывать также, что нынѣ, при всѣхъ почти пособіяхъ по родному языку, имѣются свои небольшіе ороографическіе отдѣлы. И въ этомъ отношеніи изданіе г. Ермилова теряетъ свое практическое значеніе.

Коснемся-же чисто грамматической стороны брошюрки г. Ермилова. Грамматика въ начальномъ училищѣ, разумѣется, не наука, а только учебный предметъ, извѣстнымъ образомъ дисциплинирующій умъ школьника. Отъ составителя элементарной грамматики мы не въ правѣ требовать строго научныхъ опредѣленій и обобщеній; но точность, ясность изложенія и тутъ должна быть на первомъ планѣ. Къ сожалѣнію, и на этотъ счетъ въ учебникѣ г. Ермилова встрѣчаются нежелательные промахи. Г. Ермиловъ избѣгаетъ термина «подлежащее», «то, о чемъ говорится въ предложеніи»—читаемъ мы у автора—«называется *главнымъ* предметомъ». Общепринятыя опредѣленія под-

лежащаго и самый этотъ устарѣлый терминъ — несомнѣнно, съ трудомъ усваиваются учениками. Но чѣмъ поможетъ дѣлу вышеприведенное толкованіе «главнаго предмета»? Развѣ не придется разъяснять, что такое именно *главный* предметъ? «Существительное», сказано далѣе у г. Ермилова, «есть названіе того, что существуетъ». «Прилагательное есть слово, которое показываетъ, какой предметъ, чей онъ, каковъ?» Едва-ли разберется ученикъ въ такихъ объясненіяхъ. Извѣстно вѣдь, что незрѣлый умъ школьника мыслитъ менѣе отвлеченно, такъ сказать, образнѣе, нежели умъ взрослаго. Существительное есть названіе того, что существуетъ, слѣдовательно — выведетъ ученикъ—«черная доска», напримѣръ,—существительное. Для ученика осязательнѣе представляется понятіе «черная» непремѣнно рядомъ съ понятіемъ «доска» *и т. п.*, «желѣзный» — такъ топоръ *и пр.* Если же учитель будетъ слишкомъ настаивать и наводить, то, пожалуй (смекнетъ ученикъ), *существуютъ*, кромѣ «большаго яблока», «черной доски», «желѣзнаго топора» — и «большое», «черная», «желѣзный». Подобныя разсужденія дѣтей хорошо знакомы каждому начальному учителю *). Опредѣленіе г. Ермилова такимъ образомъ усложнитъ блужданіе ученической мысли. Неточно редактированы и нѣкоторые другіе параграфы «Начатковъ». Непонятно также, зачѣмъ въ «самую краткую грамматику» внесены опредѣленія главныхъ и придаточныхъ предложеній, хотя ни слова не говорится въ ней о мѣстоименіи, нарѣчіи, междометіи. Въ концѣ-концовъ, и «Начатки» г. Ермилова лишній разъ доказываютъ только то, что составить и даже самый элементарный курсъ грамматики — не совсѣмъ легкое дѣло.

Труды коммиссіи по техническому образованію. 1889—1890 гг. Спб. 1891 г. и 1890—1891. Вып. I, Спб. 1891.

Передъ нами печатный органъ IX отдѣла Императорскаго русскаго техническаго общества, такъ называемой Постоянной коммиссіи по техническому образованію, за двадцать слишкомъ лѣтъ своего существованія такъ много сдѣлавшей какъ по устройству школъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, такъ и по теоретической разработкѣ вопросовъ техническаго и профессіональнаго образованія. Послѣднимъ дѣ-

*) Г. Ермиловъ не даетъ обычнаго опредѣленія существительнаго, какъ имени *предмета;* но при объясненіи прилагательнаго и глагола опять находимъ этотъ терминъ.

ломъ въ этомъ направленіи былъ созывъ перваго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, за которымъ имѣетъ состояться и второй съѣздъ въ Москвѣ, въ 1893 году. Однимъ изъ горячихъ пожеланій бывшаго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію было признаніе необходимости возникновенія періодическаго органа печати, спеціально посвященнаго вопросамъ техническаго и профессіональнаго образованія. Издающіеся «Труды» Постоянной коммиссіи по техническому образованію (IX отдѣлъ Императорскаго русскаго техническаго общества) до извѣстной степени удовлетворяютъ такого рода потребности. Эти ежегодники, кромѣ подробно изложенныхъ протоколовъ засѣданій коммиссіи и отчета о школахъ Императорскаго русскаго техническаго общества, заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей по вопросамъ не только техническаго, но и общаго образованія, по скольку оно составляетъ необходимую основу сообщенія прикладныхъ знаній. Такъ, въ «Трудахъ коммиссіи» за 1889—1890 г., вышедшихъ въ началѣ текущаго года, мы находимъ статью профессора Лесгафта «О физическомъ образованіи въ профессіональной школѣ», г. Мазинга—«Историческій очеркъ реальнаго образованія въ Германіи и стремленія защитниковъ его», г. Окшевскаго—«О школахъ печатнаго дѣла, нашей и заграничныхъ».

Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ «Труды коммиссіи», значительно запаздывая своимъ появленіемъ, были лишены значенія правильнаго повременнаго изданія, посвященнаго вопросамъ техническаго образованія. Въ настоящее время Постоянная коммиссія обратила особенное вниманіе на своевременное опубликованіе результатовъ своихъ работъ и надняхъ выпустила уже первый выпускъ «Трудовъ» за истекшій академическій годъ. Въ этотъ выпускъ вошли, въ видѣ протоколовъ, свѣдѣнія о дѣятельности коммиссіи по февраль сего года, съ приложеніемъ цѣлаго ряда статей болѣе или менѣе значительной цѣнности. Здѣсь мы встрѣчаемся съ серьезной разработкой вопроса о химико-техническихъ школахъ (подъ руководствомъ Н. А. Іосса), съ цѣлымъ рядомъ работъ по вопросу о ручномъ трудѣ, какъ подготовительной ступени къ ремеслу и навыкѣ, полезномъ въ общеобразовательномъ отношеніи (подъ руководствомъ К. К. Сентъ-Илера); Е. П. Ковалевскій далъ интересную статью о преподаваніи ручнаго труда во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи; К. Ю. Цируль и другіе спеціалисты по ручному труду—«объ учительскихъ курсахъ ручнаго труда» въ разныхъ городахъ Россіи. Особымъ отдѣломъ является въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» хроника техническаго образованія въ Россіи и

заграницей, составляемая непремѣннымъ членомъ коммиссіи Е. М. Гаршинымъ, на котораго теперь возложено и завѣдываніе изданіемъ «Трудовъ». Слѣдующій выпускъ «Трудовъ» выйдетъ осенью, а съ новаго года Постоянная коммиссія имѣетъ въ виду предпринять изданіе ежемѣсячнаго журнала по техническому образованію, весьма доступнаго по цѣнѣ. Вышедшій выпускъ, заключающій въ себѣ одиннадцать печатныхъ листовъ текста, также пущенъ въ продажу по самой умѣренной цѣнѣ (75 к.). Нужно надѣяться, что, выростая на почвѣ долговременныхъ работъ коммиссіи по техническому образованію, ея періодическій органъ пріобрѣтетъ симпатіи лицъ, сочувствующихъ развитію нашей промышленности и внесенію въ нее образовательныхъ началъ.

Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея. Статья гг. Яковлева и Юрченка («Новороссійскій календарь» 1891 г.).

Обширная статья эта составлена по сочиненію аббата Фраппа: «Vie de l'abbé Nicolle». Аббатъ Николь представляетъ собою весьма интересную личность въ исторіи просвѣщенія Россіи вообще, а Новороссійскаго края и Одессы въ особенности; поэтому весьма понятно, что на этой личности останавливали вниманіе уже многіе. Такъ, покойный Н. Н. Мурзакевичъ, напр., искалъ поручить кому-либо переводъ біографіи его, написанной Фраппомъ, для напечатанія его въ «Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей», но не успѣлъ этого сдѣлать; Н. Г. Тройницкій собиралъ матеріалы для той-же біографіи, чтобы напечатать ихъ вмѣстѣ съ собственными о немъ воспоминаніями; наконецъ, покойный дѣйствительный членъ Одесскаго общества исторіи и древностей, П. О. Юрченко, собралъ для той-же біографіи значительные матеріалы, начало ея обработалъ совершенно, остальную-же оставилъ въ неотдѣланныхъ отрывочныхъ наброскахъ. Благодаря любезности вдовы его, профессоръ В. Я. Яковлевъ получилъ возможность воспользоваться бумагами покойнаго ея мужа и частью на основаніи этого матеріала, большею-же частью по вновь добытымъ источникамъ составилъ настоящій очеркъ. Главнымъ образомъ доставилъ матеріалы архивъ Ришельевскаго лицея, хранящійся въ университетѣ. Прилагаемый портретъ снятъ съ единственнаго уцѣлѣвшаго портрета аббата Николя, сдѣланнаго Н. Г. Тройницкимъ перомъ и приложеннаго къ рукописному журналу «Ареопагъ», издававшемуся въ двадцатыхъ годахъ въ Ришельевскомъ лицеѣ. Замѣтимъ, что очеркъ г. Яковлева далекъ отъ

полноты. Такъ, кромѣ сочиненія Фраппа, краткій очеркъ жизни аббата Николя напечатанъ въ 30-мъ томѣ извѣстнаго словаря «Biographie Universelle», подписанный P—rt. Въ этомъ очеркѣ есть указаніе на «notice fort bien ecrite sur l'abbé Nicole», помѣщенную въ «Jugements historiques et litteraires de M. de Feletz»; но ни этого сочиненія, ни многихъ другихъ, въ которыхъ можно найти данныя объ аббатѣ Николѣ, въ распоряженіи г. Яковлева не было. Каковы заслуги Николя по отношенію къ странѣ нашей и что это за личность, видно изъ нижеслѣдующаго.

Доминикъ-Шарль Николь родился 4 апрѣля 1758 года, въ деревнѣ Новиль, недалеко отъ Руана, учился въ мѣстной коллегіи, а потомъ въ іезуитской—св. Варвары въ Парижѣ и, по окончаніи ея, оставленъ былъ учителемъ духовныхъ бесѣдъ, затѣмъ классныма учителемъ и наконецъ инспекторомъ по учебной части. Однако, ему пришлось искать другаго поля дѣятельности, когда коллегія отказалась принести присягу правительству, рѣзко измѣнившему привычныя для духовенства условія быта. Онъ опредѣлился наставникомъ къ дѣтямъ графини Шуазель Гуфье и уѣхалъ съ нею въ Италію, а затѣмъ чрезъ Грецію на востокъ—къ ея мужу, французскому посланнику въ Константинополѣ. Графъ пожелалъ навсегда переселиться въ Россію и прибылъ въ 1793 году въ С.-Петербургъ съ аббатомъ Николемъ. Здѣсь оба они встрѣтили прекрасный пріемъ при дворѣ и среди знати. Здѣсь вскорѣ и возникъ аристократическій пансіонъ аббата Николя, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова на Фонтанкѣ. Но, не смотря на успѣхъ своего дѣла, неопредѣленныя причины заставили Николя передать свое учебное учрежденіе аббату Макарду и неожиданно переѣхать въ Москву. Герцогъ Ришелье, старинный другъ и товарищъ по школѣ аббата Николя, въ то время новороссійскій генералъ-губернаторъ, внимательно слѣдившій за перипетіями жизни своего друга, похлопоталъ за него передъ княземъ Голицынымъ, который и вошелъ къ императору Александру съ докладомъ. Аббатъ назначенъ былъ канонпкомъ и визитаторомъ латинскихъ церквей въ южной Россіи. Въ Одессу онъ прибылъ въ 1812 г. Вскорѣ послѣ прибытія его въ Одессу, городъ посѣтило страшное бѣдствіе—чума. Въ это тяжелое время и герцогъ, и аббатъ явили рѣдкіе, геройскіе подвиги самоотверженія. По минованіи бѣдствія, герцогъ задумалъ преобразованіе издавна основаннаго имъ воспитательнаго института въ гимназію, имѣя въ виду поставить во главѣ ея Николя, которому, вѣроятно, принадлежала идея преобразованія заведенія. Планъ, выработанный имъ, весьма интересенъ и достаточно

подробно охарактеризованъ въ статьѣ, равно какъ и причины послѣдовавшаго преобразованія института въ лицей, уставъ котораго въ сущности былъ также выработанъ аббатомъ Николемъ. Онъ и былъ назначенъ директоромъ. Однако, ему не долго пришлось оставаться во главѣ созданнаго имъ учебнаго заведенія: ему въ скоромъ времени, какъ и всѣмъ іезуитамъ, пришлось оставить Россію. Его обвинили въ прозелитизмѣ, кромѣ того, въ сопротивленіи попечителю Харьковскаго университета и другихъ дѣйствіяхъ, вызвавшихъ недовѣріе къ нему правительства. Съ одобренія герцога Ришелье, аббатъ тайно уѣхалъ въ Петербургъ; но оправдаться ему не удалось. Въ половинѣ 1820 г. аббатъ Николь навсегда покинулъ Россію.

Д-ръ Н. Вакуловскій.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Русскій Начальный Учитель» 1891. №№ 1—4.

Однимъ изъ выдающихся сотрудниковъ журнала «Русскій Начальный Учитель», безспорно, должно признать г. Н. Бунакова. Здѣсь педагогическая опытность и научныя знанія въ полномъ согласіи съ практикой жизни, съ тѣми ея явленіями, съ которыми школа должна считаться въ дѣйствительности. Такое впечатлѣніе всегда производятъ на насъ статьи г. Н. Бунакова «Сельская школа и народная жизнь», которыхъ намъ приходилось уже касаться въ нашихъ обзорахъ. На этотъ разъ въ январьской книжкѣ журнала, въ пятой статьѣ вышесказанной серіи, г. Бунаковъ ставитъ на обсужденіе весьма важный вопросъ объ ариѳметикѣ въ школѣ и въ жизни. Школьная ариѳметика, оказывается, пошла особнякомъ отъ жизненныхъ потребностей. Школьникъ, умѣющій рѣшать задачи «про курьеровъ и про бассейны» («Русскій Начальный Учитель» № 1, стр. 6) «въ счетѣ не твердъ, на счетахъ не гораздъ», безъ бумаги да карандаша не можетъ произвести разсчетовъ, самыхъ обыденныхъ въ деревенской жизни. Г. Бунаковъ предлагаетъ «въ основу ариѳметическихъ занятій съ младшимъ отдѣленіемъ (первый учебный годъ) положить наглядный счетъ на русскихъ торговыхъ счетахъ, въ среднемъ (второй годъ)—бѣглое вычисленіе съ *отвлеченными* числами, не оставляя, впрочемъ, и упражненія на счетахъ, а въ старшемъ (третій годъ)—устное и письменное рѣшеніе практическихъ задачъ, все-таки не забывая о счетахъ» (12—13).

Что касается практическихъ задачъ, то г. Бунаковъ дѣлаетъ весьма цѣнное указаніе на «Подвижныя ариѳметическія задачи для сельскихъ школъ», составленныя пермскимъ народнымъ учителемъ Аркадіемъ Дмитріевичемъ Топорковымъ. Всѣ эти задачи, по содержанію приспособленныя къ условіямъ народной жизни и потребностямъ крестьян-

скаго быта, напечатаны на 125 карточкахъ, по три на каждой, причемъ каждую карточку можно разрѣзать на три части. Учитель можетъ раздавать задачи для самостоятельнаго рѣшенія въ классѣ и на дому, экономизируя такимъ образомъ время, употребляемое обыкновенно на диктовку задачи.

Въ томъ-же № «Русскаго Начальнаго Учителя» мы находимъ дѣльную статью г. Загребина «О ручномъ трудѣ». По объективности отношенія къ предмету, при несомнѣнной горячей любви къ нему, г. Загребинъ можетъ занять выдающееся мѣсто среди весьма многочисленныхъ въ настоящее время авторовъ по ручному труду. Намъ симпатично прежде всего уже самое опредѣленіе ручнаго труда, предлагаемое г. Загребинымъ, который говоритъ, что подъ словомъ ручной трудъ надо разумѣть «сообщеніе нѣкоторыхъ доступныхъ и въ то-же время полезныхъ пріемовъ въ области физическаго труда». Гуманитарное и утилитарное направленіе сторонниковъ ручнаго труда примирены здѣсь соотвѣтственно духу жизненныхъ потребностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Загребинъ говоритъ, что «коллекція предметовъ ручнаго труда должна прежде всего имѣть характеръ *общенародный*, а затѣмъ *чисто семейный*». Разницу между ремесленникомъ и домашнимъ мастеромъ (т.-е. человѣкомъ, прошедшимъ курсъ ручнаго труда) г. Загребинъ полагаетъ только во времени, потребномъ на приготовленіе каждаго предмета, а равно и въ качествѣ техника, и проводитъ ту мысль, что владѣющій навыками ручнаго труда съ пользою наполняетъ свое свободное время и имѣетъ возможность обставлять свой очагъ большими удобствами.

Со 2-го № «Русскаго Начальнаго Учителя» начата печатаніемъ, съ отдѣльной пагинаціей, въ высшей степени полезная книга г. Мещерскаго «Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ». Статья эта, занимая приложеніе къ 3 и 4 №№, еще не доведена до конца.

Въ 4-мъ-же № начаты «Руководящія замѣтки по чтенію народными учителями педагогическихъ сочиненій», вышедшія изъ подъ пера К. К. Сентъ-Илера. «Руководящія замѣтки» нашего почтеннаго педагога отличаются такою глубиною и основательностью, что будетъ весьма жаль, если онѣ будутъ приняты во вниманіе лишь одними народными учителями. Въ наше время, когда начинающіе педагоги среднихъ учебныхъ заведеній, вступая въ классъ, считаютъ абсолютно для себя излишнимъ просмотрѣть хотя-бы одинъ какой-нибудь педагогическій трактатъ. Ничто такъ не желательно, какъ пропаганда всѣми средствами педагогическихъ идей среди всякаго рода представителей учебнаго сословія, а равно и среди просвѣщенныхъ родителей. На

первый разъ, К. К. Сентъ-Илеръ даетъ намъ замѣчательный комментарій къ классическому въ нашей литературѣ сочиненію покойнаго Ушинскаго «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Въ особенности здѣсь интересна и поучительна исторія появленія этой книги. Какъ разсказываетъ К. К. Сентъ-Илеръ, въ 1862 году, К. Д. Ушинскій долженъ былъ оставить мѣсто инспектора женскихъ институтовъ при Смольномъ монастырѣ, и вѣдомство Императрицы Маріи, по желанію самой Государыни Императрицы Маріи Александровны, дало К. Д. Ушинскому заграничную командировку, поручивъ ему составить учебникъ педагогики для старшихъ классовъ женскихъ институтовъ. Живя въ Швейцаріи, К. Д. Ушинскій добросовѣстно принялся за эту работу: онъ ясно сознавалъ, что простая передѣлка какого-нибудь нѣмецкаго учебника по педагогикѣ не достигаетъ цѣли, такъ какъ почти всѣ эти учебники имѣютъ въ виду лишь сообщеніе совѣтовъ по части воспитанія и обученія безъ должной подготовки читателей къ рѣшенію существенныхъ вопросовъ педагогики. Къ числу этихъ существенныхъ вопросовъ—говоритъ Сентъ-Илеръ—безспорно, принадлежитъ возможно полное знакомство съ объектомъ воспитанія, т.-е. человѣкомъ,—по преимуществу, конечно, съ душевными явленіями его. Убѣдившись въ томъ, что въ краткихъ учебникахъ педагогики психологическія свѣдѣнія большею частью изложены поверхностно и часто непослѣдовательно, Ушинскій принялся за изученіе основныхъ психологическихъ сочиненій на всѣхъ знакомыхъ ему европейскихъ языкахъ. Но чтеніе этихъ сочиненій не удовлетворило его, какъ педагога: всѣ психологи стараются изложить свои изслѣдованія о душѣ какъ можно послѣдовательнѣе, научнѣе; примѣненія-же научныхъ данныхъ къ дѣлу воспитанія они не касаются и изслѣдуютъ иногда только извѣстную группу душевныхъ явленій, пренебрегая остальными, или ставятъ въ основаніе своей системы положенія, которымъ потомъ искусственно подчиняютъ все остальное. Не найдя такой психологической системы, которая-бы вполнѣ могла быть принята имъ, какъ педагогомъ, К. Д. Ушинскій сталъ писать изслѣдованіе о всѣхъ необходимыхъ для педагога психологическихъ вопросахъ, критикуя взгляды извѣстныхъ психологовъ и выбирая изъ нихъ то, что наиболѣе подходило къ его главной цѣли: составленію свода такихъ свѣдѣній о душѣ человѣка, который-бы могъ служить основаніемъ для возможно научной постановки педагогики. Вотъ почему книга его и получила свое названіе: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Ушинскій полагалъ, что за курсъ педагогики онъ можетъ приняться только по окончаніи этого основнаго сочиненія. Къ сожалѣнію, и это сочиненіе

осталось недоконченнымъ: въ немъ недостаетъ 3-го тома, который для педагоговъ долженъ былъ имѣть особую важность. Чтобы уяснить значеніе этого недостающаго тома, К. К. Сентъ-Илеръ указываетъ на основную психологическую доктрину Ушинскаго. Ушинскій долженъ былъ считаться со взглядами большинства новѣйшихъ психологовъ, по мнѣнію которыхъ душевныя явленія, напримѣръ, сознаніе, память, чувство, воля и т. д., встрѣчаются въ извѣстной степени и у животныхъ. Основываясь на этомъ несомнѣнномъ фактѣ, многіе психологи теперь учатъ, что душевныя явленія у животныхъ такія-же, какъ у человѣка, и что мы отличаемся отъ животныхъ только бо́льшею силою и ясностью своихъ душевныхъ явленій. Съ такимъ рѣзко опредѣленнымъ взглядомъ Ушинскій согласиться никакъ не могъ и утверждалъ, что душевныя явленія человѣка отличаются не только *количественно*, но и *качественно* отъ душевныхъ явленій животныхъ, т.-е. какъ-бы ни усиливались душевныя явленія животныхъ, они никогда не сдѣлаются человѣческими, подобно тому, какъ сколько мы ни представимъ себѣ увеличенными размѣры рыбы, никогда она не превратится въ кита, потому что китъ отличается отъ рыбы не только величиною, но и другими существенными признаками.

Слѣдовательно, если соединить съ понятіемъ о душѣ то, что свойственно душѣ человѣка, по мнѣнію Ушинскаго, нельзя говорить, что у животныхъ есть душа, а слѣдуетъ лишь согласиться, что у нихъ замѣчаются нѣкоторыя душевныя явленія. Чтобы отличить эти два понятія, Ушинскій принималъ два термина: *душою* онъ называлъ тѣ явленія, зачатки которыхъ замѣчаются и у животныхъ, а тѣ душевныя явленія, которыя свойственны исключительно человѣку, онъ называлъ *духомъ*.

Въ концѣ второй части своего сочиненія Ушинскій хотѣлъ изложить *духовныя особенности человѣка*, но отложилъ это до третьей части, которая и не появилась. Конечно, уже въ первыхъ двухъ частяхъ можно найти много отдѣльныхъ указаній на взгляды Ушинскаго относительно этихъ духовныхъ особенностей человѣка, но многіе вопросы онъ, очевидно, отлагалъ до этой недописанной части, и вотъ почему мы не находимъ у него, напримѣръ, отдѣльныхъ главъ о религіозномъ и эстетическомъ чувствѣ и т. п. (Р. Н. Уч., апрѣль, 1891, стр. 93, 94).

Руководящія указанія, какъ читать серьезный трактатъ, что пропустить, на что̀ обратить особенное вниманіе, драгоцѣнны для начинающаго педагога и могутъ предохранить его отъ скороспѣлыхъ заключеній и преждевременныхъ разочарованій въ теоріи дѣла, въ

практикѣ котораго свиваютъ себѣ гнѣздо рутина и индиферентизмъ, когда гаснетъ уваженіе къ книгѣ и къ идеаламъ. Съ этой точки зрѣнія мы горячо привѣтствуемъ такого ревностнаго труженика теоріи и практики педагогическаго дѣла, какъ К. К. Сентъ-Илеръ, который всегда готовъ дѣлиться съ начинающими педагогами своей опытностью и приведенными въ строгую систему педагогическими познаніями.

Е. Гаршинъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Статистическія данныя по народному образованію въ Пруссіи за послѣднее время.

Въ прошломъ году въ Берлинѣ обнародована оффиціальная статистика народнаго образованія въ Пруссіи за 1886 годъ («Das gesammte Volksschulwesen in preusischen Staate im Jahre 1886). Въ огромномъ трудѣ этомъ принимали дѣятельное участіе: тайный правительственный совѣтникъ д-ръ *К. Шнейдеръ*, занимающій высокое мѣсто въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, и профессоръ *А. Петерзиліе*, членъ королевскаго статистическаго бюро. Изданіе отличается тою полнотою и точностью, къ которой давно уже пріучила насъ прусская оффиціальная статистика. Оно не безгрѣшно лишь въ томъ отношеніи, что составители стараются замаскировать неблагопріятные выводы, сами собою вытекающіе изъ сравненія данныхъ за 1886 годъ съ данными 1878 года, тщательно обходя эти послѣднія и давая вмѣсто нихъ тѣ, которыя относятся къ годамъ предыдущимъ, вслѣдствіе чего, вмѣсто дѣйствительнаго ухудшенія по нѣкоторымъ статьямъ народно-учебнаго дѣла, рисуется нѣкоторый успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Такая игра статистическими данными, конечно, предосудительна, и всего менѣе можно было ожидать такого образа дѣйствій со стороны лицъ оффиціальныхъ. Но, помимо указаннаго недостатка, все, что относится къ обрисовкѣ положенія народной школы за 1886 годъ, отличается безусловною достовѣрностью.

Въ настоящей замѣткѣ мы ограничимся приведеніемъ главнѣйшихъ данныхъ по отношенію къ общественнымъ народнымъ школамъ Пруссіи, заимствуя эти данныя изъ вышеназваннаго отчета за 1886 годъ, и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводя, для сравненія и выводовъ, данныя изъ отчетовъ за предыдущіе годы.

Успѣшная дѣятельность народной школы прежде всего обусловливается училищнымъ райономъ (Schulwege), который не долженъ переходить извѣстнаго предѣла. Неудобство это лучше всего устраняется, конечно, тогда, когда въ каждомъ поселеніи будетъ открыта *своя* школа. Въ этомъ отношеніи прусское учебное вѣдомство достигло уже довольно благопріятныхъ результатовъ, хотя все-таки болѣе 131.000 дѣтей (изъ общаго числа

4.838.247 учащихся) вынуждены посѣщать школы, отстоящія отъ мѣстъ ихъ жительства на разстояніи отъ 3 до 7 километровъ. Съ 20 мая 1886 г. по октябрь 1888 года вновь открыто 354 школы, большею частью одноклассныхъ, но эти школы открыты главнымъ образомъ въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, или-же въ городахъ и мѣстечкахъ, тогда какъ въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ, сравнительно, населеніемъ, гдѣ школа вынуждена бороться съ неудобствами большихъ разстояній, приходится устраивать квартиры для учащихся, приходящихъ изъ ближайшихъ поселеній, лишенныхъ своей школы.

Въ 1.280 прусскихъ городахъ имѣется 3.718 начальныхъ школъ съ 23.348 классными помѣщеніями, т.-е. на каждый городъ приходится, среднимъ числомъ, около 3 школъ, съ 18,6 классныхъ помѣщеній, тогда какъ на 53.722 сельскихъ общинъ и поселеній приходится всего 30.298 школъ, съ 51.749 классными помѣщеніями, т.-е. на каждое поселеніе приходится 0,56 школъ или 0,96 классныхъ помѣщеній.

Въ Пруссіи и вообще въ Германіи принята система устройства многолюдныхъ школъ, раздѣленныхъ на нѣсколько классовъ; такъ, въ Германіи имѣется всего 57.000 народныхъ школъ (изъ нихъ 34.000 школъ въ Пруссіи), причемъ на каждую городскую начальную школу приходится, среднимъ числомъ, $6^1/_3$ классныхъ помѣщеній, а на сельскую—$1^2/_3$ классныхъ помѣщеній, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ принята система устройства небольшихъ школъ, количество всѣхъ начальныхъ школъ въ 1885—1886 году достигло до 80.700 (67.300 обществ. начальныхъ школъ и 13.400 частныхъ), причемъ на каждую городскую и сельскую школу приходится, среднимъ числомъ, только $1^2/_3$ классныхъ помѣщеній.

Законъ объ обязательности посѣщенія школы въ Пруссіи выполняется, въ общемъ, довольно строго, такъ что большая часть дѣтей школьнаго возраста поступаетъ въ школу 6 лѣтъ и выходитъ изъ нея 14 лѣтъ. По народной переписи 1885 года, въ Пруссіи было 5.225.890 дѣтей школьнаго возраста. Въ 1886 году было:

Дѣтей, посѣщающихъ общественныя народныя школы	4.838.247 =	90,72%
Дѣтей, учащихся въ частныхъ школахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ	229.280 =	5,61%
Дѣтей, по уважительнымъ причинамъ, непосѣщавшихъ еще школу, или-же прекратившихъ посѣщать ее	170.439 =	3,19%
Дѣтей, непосѣщавшихъ школу вслѣдствіе тѣлесныхъ или душевныхъ болѣзней	13.519 =	0,26%
Дѣтей, которыя не могли быть приняты вслѣдствіе недостатка помѣщенія въ школахъ	8.826 =	0,17%
Дѣтей, уклонившихся отъ посѣщенія школы .	3.145 =	0,06%
Всего . . .	5.333.456 дѣтей.	

Такимъ образомъ, если включить 3,19% дѣтей еще, вслѣдствіе уважительныхъ причинъ, не посѣщающихъ школы, или-же прекратившихъ посѣщать ее, то окажется, что 94% *всѣхъ дѣтей школьнаго возраста* въ Пруссіи получаютъ образованіе въ общественныхъ народныхъ школахъ.

Что касается *училищныхъ зданій* и *классныхъ помѣщеній*, то по отношенію къ нимъ оффиціальная статистика даетъ слѣдующіе факты:

Въ 1886 году на 75.097 классовъ приходилось 66.540 классныхъ помѣщеній, изъ которыхъ, впрочемъ, 1.852 классныя помѣщенія были негодны для пользованія, такъ что недоставало помѣщеній для 10.409 классовъ. Если-бы въ прусской народной школѣ для каждаго класса имѣлся особый учитель, то такой недостатокъ классныхъ комнатъ былъ-бы весьма чувствителенъ. Но дѣло въ томъ, что недостатокъ въ учебномъ персоналѣ такъ-же значителенъ, какъ и недостатокъ помѣщеній, ибо на 75.097 классовъ имѣется всего 64.750 учителей и учительницъ. Въ 1878 году для 57.780 классовъ имѣлось еще около 57.000 классныхъ помѣщеній. Такимъ образомъ, и въ гигіеническомъ отношеніи положеніе прусской начальной школы значительно *ухудшилось*. Ухудшилось оно, равнымъ образомъ, и по отношенію къ помѣщеніямъ для учителей. Число этихъ помѣщеній съ 1871 года (43.374 учительскихъ квартиры) по 1886 годъ (42.000 учительскихъ квартиръ) уменьшилось на 1.374, тогда какъ число учителей за это время *возрасло* съ 52.059 до 64.750, т.-е. если въ 1871 году 8.685 учителей имѣли квартиры, то въ 1886 году таковыхъ не имѣло уже 22.750 человѣкъ. Отъ этого недостатка помѣщеній особенно страдаютъ городскіе учителя; изъ 22.419 человѣкъ 18.028 не имѣютъ казенныхъ квартиръ, тогда какъ въ 1871 году не имѣло помѣщеній всего 6.688 учителей.

Въ послѣдніе годы прусское учебное вѣдомство значительно увеличило расходы по постройкѣ школьныхъ зданій; въ 1861 году на это тратилось 24% всего школьнаго бюджета, нынѣ-же тратится 35%, а по отдѣльнымъ провинціямъ процентъ этотъ доходитъ до 41, но за-то соотвѣтственно этому уменьшилось, какъ увидимъ ниже, содержаніе народныхъ учителей. Это обстоятельство многіе опускаютъ изъ виду, полагая ошибочно, что все, что ассигнуется на школу, идетъ въ жалованье школьнымъ учителямъ.

Таковы важнѣйшія данныя, рисующія внѣшній видъ прусской народной школы; духъ школы, конечно, не можетъ быть выраженъ въ цыфрахъ, но все-таки и въ этомъ отношеніи статистика способна дать нѣкоторыя, далеко небезполезныя указанія. Такъ, напримѣръ, для ознакомленія съ внутреннимъ строемъ школы имѣютъ весьма большое значеніе такія данныя, какъ совмѣстное обученіе дѣтей различныхъ вѣроисповѣданій, обученіе дѣтей небольшими группами (въ 30—40 учащихся), или же обученіе цѣлой массы ихъ за-разъ и т. п. внѣшнія условія, отражающіяся, однако, и на внутреннемъ ходѣ обученія, на духѣ школы.

Изъ 75.097 классовъ имѣется только 10.096 классовъ для мальчиковъ и 10.297 классовъ для дѣвочекъ (всего 1.326.097 дѣтей); въ остальныхъ 54.704 классахъ мальчики и дѣвочки учатся совмѣстно (3.512.150 дѣтей, или $^3/_4$ дѣтей школьнаго возраста). Такимъ образомъ, можно сказать, что прусская народная школа, по отношенію къ полу учащихся, есть школа *смѣшанная*. Большинство школъ съ отдѣльнымъ обученіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ приходится на городское населеніе, а именно 16.000 классовъ (свыше 1.000.000 дѣтей), такъ что для сельскаго населенія, и то преимущественно для крупныхъ поселеній, подобныхъ городамъ, имѣется всего лишь 4.000 классовъ (около 300.000 дѣтей), въ

которыхъ учащіеся раздѣлены по поламъ. Въ педагогическомъ отношеніи, совмѣстное обученіе обоихъ половъ представляетъ собою вопросъ, еще далеко не рѣшенный, но требующій того или другаго рѣшенія; по отношенію къ городскому населенію, кажется, и теперь можно уже признать, что лучше каждый полъ обучать отдѣльно одинъ отъ другаго.

Въ началѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, *нормальною* народною школою въ Пруссіи признавалась школа *одноклассная*. Въ то время это было вполнѣ справедливо, но нынѣ обстоятельства уже измѣнились. Тѣмъ не менѣе, однако, и понынѣ (1886 г.) изъ 34.016 народныхъ школъ половина (именно 17.734, при такомъ-же почти числѣ классныхъ помѣщеній) школъ суть школы одноклассныя. Число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшается; такъ, съ 1882 по 1886 годъ число этихъ школъ уменьшилось на 2.338 школъ. Уменьшеніе это производится такимъ простымъ способомъ: коль скоро число учащихся въ данной школѣ переходитъ извѣстную норму, одноклассная школа превращается въ двухклассную, но все-таки при *одномъ* учителѣ. Въ педагогическомъ отношеніи такое превращеніе приноситъ очень мало пользы. Въ одноклассныхъ школахъ обучается 1.146.701 учащійся, изъ 4.838.247 общаго числа ихъ. Въ 8.845 *двухклассныхъ школахъ*, для 1.078.459 учащихся, имѣется 18.141 классное помѣщеніе, но въ большинствѣ этихъ школъ преподаетъ *одинъ* учитель, а именно въ 5.409 двухклассныхъ школахъ столько-же учителей обучаютъ въ 10.818 классахъ. Въ 3.949 *трехклассныхъ* школахъ, изъ 833.000 обучающихся въ нихъ дѣтей, почти $^2/_3$ ихъ (486.772) могутъ только на половину пользоваться учебнымъ временемъ, ибо въ 2.682 изъ этихъ школъ 5.364 учителя вынуждены вести 8.046 классовъ, а въ 72 школахъ на одного учителя приходится даже по 3 класса. Эти столь скудно обезпеченныя учебными силами школы почти всѣ созданы послѣ 1878 года. Далѣе: въ четырехклассныхъ школахъ было 449.744 учащихся, въ 5-тиклассныхъ — 285.282, въ 6-тиклассныхъ—829.823, въ 7-ми и болѣе классныхъ школахъ—215.225 учащихся. *Шестиклассная школа есть собственно настоящая городская народная школа;* отъ сельской народной школы она различается бо̀льшимъ числомъ учителей (4—6 учителей, вмѣсто одного въ школѣ сельской), а потому и лучшимъ, болѣе обширнымъ и основательнымъ обученіемъ. Въ шестиклассныхъ школахъ обучается половина (724.610) всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, проживающихъ въ городахъ. Городскихъ школъ съ бо̀льшимъ, нежели шесть, числомъ классовъ имѣется всего 262, съ 194.926 учащимися. Такія школы находятся, главнымъ образомъ, въ большихъ городахъ; тогда какъ въ деревняхъ большинство школъ одно- и двухклассныя, въ которыхъ учится $^2/_3$ деревенскихъ дѣтей школьнаго возраста, а $^1/_3$ ихъ обучается въ трехклассныхъ школахъ.

Статистика прусской народной школы въ отношеніи *вѣроисповѣдномъ* и по отношенію къ *отечественному языку* учащихся имѣетъ для насъ мало интереса, а потому мы ограничимся лишь немногими данными.

Изъ 3.063.000 дѣтей евангелическаго исповѣданія, 2.919.000 дѣтей посѣщали школы протестантскія, 26.000 находились въ школахъ католическихъ и 118.000 въ школахъ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ (Simultanschulen). Изъ 1.730.000 дѣтей католическаго исповѣданія, 1.582.000

посѣщали школы своего исповѣданія, 55.000—школы протестантскія и 93.000—смѣшанныя. 9.500 дѣтей иныхъ исповѣданій и 35.000 дѣтей моисеева закона обучались въ различныхъ школахъ, только 13.000 еврейскихъ дѣтей (изъ 35.000) обучались въ собственно еврейскихъ школахъ. Въ общемъ, въ 23.122 евангелическихъ школахъ имѣлось: 48.689 классовъ, 41.539 учителей и учительницъ и 2.993.852 учащихся; въ 10.061 школахъ католическихъ находилось 19.632 учит., 22.672 класса и 1.613.497 учащихся. Можно отмѣтить еще фактъ, что за послѣднее время количество католическихъ школъ и учителей значительно увеличивается по сравненію съ школами протестантскими, но что въ послѣднихъ за-то учителя пользуются лучшимъ содержаніемъ, и обученіе въ нихъ идетъ болѣе успѣшно. Изъ дѣтей свыше 10-лѣтняго возраста не умѣли читать и писать: у протестантовъ 6,6% мальчиковъ и 11,37% дѣвочекъ; у католиковъ—15,16% мальчиковъ и 21,81% дѣвочекъ.

Изъ всѣхъ учащихся въ начальныхъ и среднихъ школахъ, 86,58% (418.885 дѣтей) признавали своимъ семейнымъ языкомъ—языкъ нѣмецкій, 10,35% (500.315 дѣтей)—польскій, 1,46% (70.868 дѣтей)—польскій и нѣмецкій одновременно, 0,26% (12.725 дѣтей)—только литовскій, 0,17% (8.372 дѣтей)—литовскій и нѣмецкій, 0,50 (24.088 дѣтей) только датскій. Въ общемъ, констатируется фактъ, что въ прусскихъ школахъ имѣется 650.000 дѣтей, въ семьяхъ которыхъ по нѣмецки *не говорятъ*.

Обученіемъ 4,838.247 дѣтей въ народныхъ школахъ занимается 64.760 штатныхъ учителей и 1.183 учителей не штатныхъ. Подъ «штатными» (vollbeschäftigten) учителями здѣсь разумѣются всѣ тѣ, которые на исполненіе учительскихъ обязанностей смотрятъ какъ на свою профессію, хотя бы они назывались учительскими помощниками; нештатными-же всѣ тѣ учителя, которые приглашаются для обученія техническимъ предметамъ или Закону Божію. 15.947 народныхъ учителей вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ обязанности церковныхъ причетниковъ (12.412 евангелическихъ учителей, 3.338 католическихъ и 197 еврейскихъ). Противъ такого совмѣстительства нѣмецкая пресса вообще и педагогическая въ частности очень сильно возстаетъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ въ Германіи такое соединеніе обязанностей является уже анахронизмомъ, аномаліей; но въ иныхъ государствахъ, какъ, напр., у насъ, такая мѣрка была-бы совершенно неумѣстна. У насъ имѣется около 100.000 священно- и церковнослужителей (священниковъ, дьяконовъ, псаломщиковъ), изъ которыхъ громадное большинство не принимаютъ рѣшительно никакого участія въ дѣлѣ распространенія грамотности среди народа, хотя мы крайне бѣдны учебными силами. Если положить, среднимъ числомъ, на каждаго изъ членовъ нашего клира по 10 учащихся, то вотъ уже цѣлый милліонъ дѣтей школьнаго возраста могъ-бы быть обученъ начаткамъ православной вѣры, письму, чтенію и нѣсколько счету. Въ послѣднее время кое-что въ этомъ отношеніи дѣлается; но этого мало, очень мало по отношенію къ тому, что можно и должно было-бы дѣлать. Если въ несравненно болѣе богатой насъ во всѣхъ отношеніяхъ Германіи 15.000 церковныхъ причетниковъ (кистеровъ) состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народными учителями, то намъ и подавно нельзя пренебрегать, для распространенія въ народѣ начальной грамотности, тѣми силами, которыми можно было-бы распола-

гать, если-бы подлежащія вѣдомства и лица отнеслись-бы къ этому дѣлу съ подобающею серьезностью. Пусть такое обученіе будетъ малоудовлетворительнымъ въ педагогическомъ отношеніи, но оно все-таки принесетъ свою пользу, послуживъ началомъ къ все большему и большему распространенію школъ, болѣе или менѣе благоустроенныхъ. Не начавъ съ малаго, не достигнешь и большаго...

Учителей народныхъ школъ въ Пруссіи 57.902, *учительницъ* всего 6.848, т.-е. только 10,6%. Большая часть этихъ учительницъ занимаютъ мѣста въ женскихъ школахъ, преимущественно въ большихъ городахъ (въ Берлинѣ, напр. 1.814 начальныхъ учителей и 850 учительницъ), въ селахъ-же ихъ почти не имѣется, особенно въ нѣкоторыхъ провинціяхъ,—въ Померанской, напр., всего 3 учительницы, въ Познанской всего пять. Учительницъ женскихъ рукодѣлій за-то насчитывается, преимущественно въ городахъ, 34.270.

Количество учениковъ, приходящееся на одного учителя, играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ успѣшности обученія. Въ этомъ отношеніи прусская народная школа не можетъ похвалиться: въ то время, какъ во Франціи на каждаго народнаго учителя приходится 46 учениковъ, на учителя среднихъ училищъ въ той-же Пруссіи всего 33 ученика, на прусскаго народнаго учителя приходится по 75 учащихся. Число это среднее; по отдѣльнымъ провинціямъ оно то увеличивается, то уменьшается. Впрочемъ, въ Пруссіи никогда особенно не жалѣли силъ учителя народной школы, и эти бѣдняки всегда страдали переутомленіемъ. Въ прежнія времена, напримѣръ, въ 1822 г. на каждаго учителя приходилось, среднимъ числомъ, по 64 ученика, въ періодъ отъ 1834—1867 по 79, 80, 81 ученику, въ 1879 году по 79 учениковъ, а въ городахъ по 62 ученика, въ Берлинѣ даже всего по 56 учениковъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ нерѣдко можно встрѣтиться съ такими явленіями, что 250 учащихся приходится обучать *одному* учителю, или 400 учащихся *двумъ* учителямъ. Въ большинствѣ *сельскихъ* народныхъ школъ на одного учителя приходится 100 учащихся. Нѣтъ надобности говорить, что при такомъ обремененіи учителей обученіе не можетъ идти особенно успѣшно, притомъ-же учебное время для учащихся сокращается вдвое, такъ какъ въ переполненныхъ сельскихъ, напримѣръ, школахъ они обыкновенно раздѣляются на двѣ смѣны. Въ Пруссіи классъ считается *переполненнымъ* тогда лишь, когда въ одноклассной школѣ количество учащихся въ классѣ превышаетъ 70, а въ двухклассной—80; классы съ меньшимъ противъ этихъ чиселъ количествомъ учащихся признаются «нормальными», причемъ вовсе не принимается во вниманіе, имѣется-ли для каждаго класса отдѣльный учитель, или-же нѣтъ, такъ что, напримѣръ, двухклассная школа съ 140 учащимися при *одномъ* учителѣ считается «*нормальною*». При такомъ взглядѣ на нормальность количества учащихся въ классѣ, оффиціальная статистика показываетъ, что изъ 4.838.247 учащихся дѣтей, въ нормальныхъ классахъ находилось 2.604.874 (54%), а въ «переполненныхъ» классахъ 2.233.373 (46%) учащихся.

Вознагражденіе этого многообремененнаго учителя довольно скудное. Народная школа содержится на средства, спеціально для сего ассигнуемыя. Сумма пожертвованій, временныхъ или постоянныхъ, въ видѣ иму-

ществъ, приносящихъ доходъ, или капиталовъ, приносящихъ процентъ, весьма незначительна, а именно всего 7.323.641 марка въ годъ, тогда какъ на содержаніе учителей расходуется 75.245.144 марки и на содержаніе школъ 41.370.504 марки. Расходы на содержаніе школъ, какъ мы уже указывали выше, увеличиваются на счетъ сокращенія расходовъ на жалованье учителямъ. Такъ, жалованье учителямъ въ 1861 году составляло 75,22%, а въ 1886 году уже только 62,51%, а въ иныхъ провинціяхъ даже 57% общей суммы расходовъ на народное образованіе, т.-е. содержаніе народныхъ учителей за послѣдніе годы значительно *уменьшилось*.

Средній окладъ прусскаго народнаго учителя, включая сюда личныя прибавки отъ общины и государственныя за выслугу извѣстныхъ служебныхъ терминовъ, въ 1886 году простирался до 1.067 марокъ, тогда какъ въ 1878 году онъ достигалъ до 1.102 марокъ въ годъ. Въ городахъ, этотъ средній окладъ понизился съ 1.414 м. (1878 годъ) до 1.279 м. въ годъ; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округахъ онъ уменьшился болѣе нежели на 300 марокъ въ годъ. Въ провинціяхъ такое уменьшеніе содержанія еще не такъ чувствительно, но въ городахъ оно сильно даетъ себя знать. Всюду ищутъ учителей подешевле; такъ, въ Берлинѣ въ настоящее время вновь поступившій учитель получаетъ 1.213 марокъ (въ 1878 году средній окладъ здѣсь былъ 1.998 марокъ), въ Силезской провинціи 680 м., въ Вестфальской 956 м., въ Рейнской 1.143 марокъ, въ Шл.-Гольштейнской 1.292 и Ганноверской 281 марка.

Приведенныя данныя прусской оффиціальной статистики по народному образованію, по нашему мнѣнію, могутъ служить поучительнымъ матеріаломъ для сравненія съ однородными данными въ другихъ государствахъ или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и областяхъ, располагающихъ хорошимъ статистическимъ матеріаломъ по отношенію къ народной школѣ. Помимо этого, эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что у народа, мнящаго себя солью земли, и въ государствѣ, считающемъ себя лучшимъ изъ государствъ, не все, однако, идетъ къ лучшему. Для патріота своего отечества и такой выводъ можетъ служить утѣшеніемъ, хотя оно и будетъ эгоистическое и одностороннее.

К. М.

Хроника народнаго образованія.

Настоящую хронику мы посвятимъ преимущественно проявленіямъ частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія, въ виду накопленія значительнаго количества извѣстій о фактахъ этого рода.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Школы», въ послѣднемъ изъ нашихъ «Очерковъ частной иниціативы» мы уже обратили вниманіе на глубоко-симпатичное учрежденіе, имѣющее весьма большую важность для умственной жизни г. Харькова,—тамошнюю общественную библіотеку, созданную по частной иниціативѣ. Когда мы, однако, писали названную статью, мы еще не имѣли въ своемъ распоряженіи отчета библіотеки за послѣдній

(четвертый) годъ ея существованія (съ 26-го сент. 1889 г. по 26-е сент. 1890 г.). Изъ этого отчета, который лежитъ теперь передъ нами, видно, что харьковская общественная библіотека въ этотъ послѣдній годъ представляетъ еще бо́льшее развитіе своей дѣятельности, нежели въ предыдущіе годы. Число подписчиковъ библіотеки къ 26-му сентября 1890 года достигло громадной цыфры 1.327, тогда какъ 26-го сентября 1889 г. ихъ было только 983, такъ что увеличеніе числа подписчиковъ въ теченіе послѣдняго отчетнаго года достигло 35% (въ предшествующій отчетный годъ оно составляло 32%). Въ безплатный кабинетъ для чтенія было сдѣлано въ послѣднемъ отчетномъ году 76.770 посѣщеній. Всего больше посѣщеній сдѣлано, конечно, учащимися; за ними слѣдуютъ лица свободныхъ профессій, торговцы, чиновники, военные и мастеровые. Доходъ библіотеки за послѣдній отчетный годъ достигъ 9.810 рублей, изъ которыхъ 5.477 рублей, т.-е. болѣе половины, доставлено платою за чтеніе книгъ на дому. Такимъ образомъ, харьковская общественная библіотека уже достигла того прочнаго положенія, при которомъ въ крайности она можетъ существовать одною абонементною платою. Изъ другихъ источниковъ дохода библіотеки важнѣйшими являются субсидія городскаго управленія (2.500 р.) и пожертвованія (1.275 р.). Расходъ составилъ 11.591 р.; важнѣйшіе расходы составляютъ содержаніе служащимъ (2.092 р.), наемъ помѣщенія (1.500 р.), пріобрѣтеніе книгъ (2.988 р.) и выписка газетъ и журналовъ (1.970 р.). Но самыми интересными свѣдѣніями являются данныя, касающіяся увеличенія книжнаго богатства библіотеки. Въ настоящее время стоимость книгъ библіотеки опредѣляется въ 40.000 р. Большая часть этихъ книгъ составилась путемъ пожертвованій. Въ 1890 году библіотека получала 156 названій періодическихъ изданій, изъ которыхъ каждое получалось въ количествѣ 1—15 экземпляровъ (всего 261 экз.). Изъ нихъ 60 названій въ такомъ-же числѣ экземпляровъ получалось даромъ, и кромѣ того, даромъ-же получалось семь экземпляровъ изданій, другіе экземпляры которыхъ оплачивались. Книгохранилище библіотеки увеличилось въ отчетномъ году 7.495 томами, не считая книгъ, поступившихъ въ дешевое отдѣленіе (о которомъ ниже). Изъ названнаго числа томовъ пріобрѣтено библіотекою всего 1.444 тома; остальные 6.051 томъ пожертвованы. Это громадное пожертвованіе собрано со всѣхъ концовъ Россіи. Именно пожертвованія получены отъ 297-ми лицъ и учрежденій, изъ которыхъ 158 мѣстныхъ (г. Харькова и Харьковской губерніи) и 139 иногородныхъ. Въ числѣ учрежденій, жертвовавшихъ книги въ отчетномъ году харьковской библіотекѣ, находятся нѣсколько министерствъ и департаментовъ и другихъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій, ученыя общества и коммиссіи, общества сельскихъ хозяевъ, статистическіе комитеты, земскія и городскія управы и другія общественныя библіотеки. Изъ частныхъ лицъ наибольшій вкладъ сдѣлали авторы, издатели и книгопродавцы. Сверхъ всего этого, по Высочайшему повелѣнію, харьковской библіотекѣ отпущены въ даръ тома VIII—LV Втораго Полнаго Собранія Законовъ съ алфавитнымъ указателемъ, I—VII томы Третьяго Полнаго Собранія Законовъ и полный экземпляръ Свода Законовъ со всѣми приложеніями, — высокоцѣнное пріобрѣ-

тенiе, которое харьковская библiотека собственными средствами еще долго не была-бы въ состоянiи сдѣлать.

Само собою разумѣется, что харьковская общественная библiотека могла достигнуть столь блестящаго состоянiя и такихъ выдающихся результатовъ только благодаря чрезвычайной энергiи правленiя библiотеки, члены котораго избираются общимъ собранiемъ годовыхъ подписчиковъ библiотеки и работаютъ совершенно безкорыстно, исключительно изъ любви къ дѣлу и сознанiя его высокой полезности. Достаточно сказать, что для привлеченiя громадныхъ книжныхъ пожертвованiй, которыя указаны выше, правленiю библiотеки пришлось разослать до 4.000 писемъ, въ которыхъ, послѣ выясненiя значенiя библiотеки, адресаты приглашались къ пожертвованiямъ.

Приведенныя выше громадныя цыфры подписчиковъ библiотеки и посѣтителей безплатнаго кабинета даютъ понятiе о чрезвычайно важномъ значенiи харьковской библiотеки для г. Харькова; но въ послѣднемъ отчетномъ году значенiе ея еще расширилось, благодаря открытiю при библiотекѣ особаго дешеваго отдѣленiя, которое предназначено для мало подготовленнаго простонароднаго читателя и изъ котораго выдается по двѣ книги за пять копѣекъ въ мѣсяцъ. Отдѣленiе это, о существованiи котораго читатели знаютъ уже изъ нашихъ статей, открыто 11-го марта 1890 года и такимъ образомъ дѣйствовало къ концу послѣдняго отчетнаго года библiотеки всего только $6^1/_2$ мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе и за этотъ короткiй промежутокъ времени выяснились съ достаточною ясностью два важныхъ обстоятельства: во-1-хъ, общество отнеслось къ попыткѣ устройства библiотеки для простонароднаго читателя весьма сочувственно, что выразилось какъ въ денежныхъ (109 р.), такъ еще болѣе въ книжныхъ пожертвованiяхъ (1.600 книгъ на сумму 485 р.); во-2-хъ, оказалось, что устройство дешевой библiотеки вполнѣ соотвѣтствуетъ назрѣвшей въ низшихъ классахъ населенiя потребности въ чтенiи. Не смотря на короткiй промежутокъ существованiя дешеваго отдѣленiя, число подписчиковъ его уже къ 1-му октября 1890 г. достигло цыфры 376, причемъ постепенный ростъ этого числа выражался слѣдующимъ образомъ: къ 1-му апрѣля, т.-е. черезъ 20 дней по открытiи дешеваго отдѣленiя. подписчиковъ было 59, къ 1-му мая 148, къ 1-му iюня 204, къ 1-му iюля 279, къ 1-му августа 311, къ 1-му сентября 324 и къ 1-му октября 376.

Опытъ харьковской общественной библiотеки и ея дешеваго отдѣленiя наглядно показываетъ, насколько подготовлена у насъ почва для дѣятельности подобныхъ учрежденiй. Стоитъ только взяться за дѣло энергично— и немедленно явятся и средства для его осуществленiя; а что касается читателя, то недостатка въ немъ всего менѣе можно опасаться. То же подтверждается и начинанiями подобнаго рода въ другихъ мѣстахъ, каковыя начинанiя, къ чести интеллигенцiи, начинаютъ проявляться все чаще и чаще. Намъ уже приходилось говорить о попыткѣ устроить выдачу книгъ для чтенiя при коммиссiи народныхъ чтенiй въ г Астрахани. Въ началѣ это было въ высшей степени скромное начинанiе, выражавшееся только въ выдачѣ книгъ посѣтителямъ народныхъ чтенiй въ часы чтенiй. Теперь-же это скромное начинанiе превратилось въ настоящую народную

библіотеку, которая и открыта 23-го декабря прошлаго года. За пользованіе книгами никакой платы не берется; въ обезпеченіе аккуратнаго возвращенія и цѣлости книгъ требуется залогъ по стоимости взятыхъ книгъ или ручательство лицъ, извѣстныхъ библіотекѣ. За-разъ выдается не болѣе одной книги или трехъ брошюръ. Библіотека открыта ежедневно отъ 5-ти до 7-ми часовъ вечера, въ дни предпраздничные—съ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера, а въ воскресные и праздничные дни—съ 12-ти часовъ дня до 4-хъ часовъ вечера. Другая народная библіотека устраивается въ г. Тобольскѣ. Здѣсь еще въ маѣ прошлаго года содержатель мѣстной частной библіотеки, А. С. Сухановъ, открылъ дешевый абонементъ (5 коп. въ мѣсяцъ), по которому явилось до 140 подписчиковъ. Теперь онъ входитъ въ соглашеніе съ городскимъ управленіемъ для основанія отдѣльной народной библіотеки. Г. Сухановъ передаетъ городу безвозмездно 511 книгъ и предлагаетъ безплатно для библіотеки помѣщеніе и свои услуги въ качествѣ библіотекаря. Городъ-же долженъ отпускать ежегодно не менѣе 100 рублей въ годъ на пополненіе библіотеки. Годовой абонементъ будетъ равняться 50 копѣйкамъ, а мѣсячный—5 копѣйкамъ.

Городскія библіотеки, учреждаемыя собственно для интеллигентной части населенія, имѣютъ, однако, и значеніе *народно-образовательнаго* учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ тѣхъ случаяхъ, когда абонементъ въ нихъ не дорогъ и въ особенности, когда при библіотекѣ имѣется безплатная читальня. Въ этомъ отношеніи особенно любопытнымъ фактомъ является открытіе съ начала нынѣшняго года въ г. Богородицкѣ, Тульской губерніи, по иниціативѣ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, безплатной библіотеки и читальни. Въ настоящее время составъ библіотеки крайне скромный, но можно надѣяться, что просвѣщенные жертвователи поддержатъ это прекрасное начинаніе интеллигенціи одного изъ самыхъ глухихъ угловъ нашего отечества.

Сюда-же должны быть отнесены библіотеки, устраиваемыя при столь малочисленныхъ нашихъ обществахъ прикащиковъ и ремесленниковъ. Къ сожалѣнію, библіотекъ этихъ, какъ и самыхъ обществъ указаннаго рода, у насъ крайне мало. Но за то существующія библіотеки этого рода работаютъ прекрасно. Такъ, напримѣръ, изъ отчета общества «Помощь», существующаго среди прикащиковъ г. Херсона, видно, что библіотека этого общества имѣла въ 1890 году 220 абонентовъ, давшихъ, при небольшомъ размѣрѣ платы за абонементъ, 408 р. доходу; читальня имѣла 16.337 посѣтителей. Библіотека имѣетъ 1.514 р. собственнаго капитала. Въ 1890 г. на выписку книгъ и газетъ израсходовано 513 р. Было-бы желательно видѣть подобныя учрежденія повсемѣстно.

Число народныхъ библіотекъ въ селахъ также постепенно растетъ. Харьковское общество распространенія грамотности, уже устроившее, какъ извѣстно читателямъ, большую (болѣе 2-хъ тысячъ томовъ) сельскую библіотеку въ с. Марковѣ, Лебединскаго уѣзда, теперь содѣйствуетъ устройству такой-же библіотеки въ с. Липцахъ, Харьковскаго уѣзда. Съ этою цѣлью оно уже собрало значительное число книгъ путемъ пожертвованій. Открытіе библіотеки, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ. 1-го февраля въ с. Липцахъ по этому вопросу состоялся волостной сходъ, въ которомъ приняли участіе выборные пяти сельскихъ обществъ, состав-

ляющихъ Липецкую волость, причемъ состоялся приговоръ слѣдующаго содержанія: такъ какъ Липецкая волость, состоящая изъ пяти селеній и заключающая въ себѣ до 10-ти тысячъ душъ населенія, имѣетъ 7 начальныхъ училищъ и одну церковно-приходскую школу и, ежегодно выпуская достаточное количество грамотныхъ, сильно нуждается въ книгахъ, необходимыхъ для поддержанія и расширенія пріобрѣтенныхъ въ школахъ знаній и особенно для укрѣпленія въ народѣ религіозно-нравственныхъ познаній и нравственныхъ правилъ, а также для пріобрѣтенія необходимыхъ въ сельскомъ быту практическихъ свѣдѣній, — волостной сходъ опредѣлилъ: 1) просить подлежащее учебное начальство объ исходатайствованіи у правительства разрѣшенія на открытіе въ слоб. Липцахъ, при 1-мъ Липецкомъ училищѣ, общественной, принадлежащей всей Липецкой волости, библіотеки; 2) на первоначальное обзаведеніе по устройству библіотеки и на покупку книгъ ежегодно выдавать 15 рублей (кромѣ того Липецкое ссудо-сберегательное товарищество единовременно пожертвовало 25 руб.); 3) просить начальство объ исходатайствованіи изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія денежнаго пособія (по примѣру Марковской библіотеки, которой было отпущено 125 руб.); 4) библіотека должна находиться при 1-мъ Липецкомъ училищѣ, въ особой комнатѣ, каковою библіотекою долженъ завѣдывать учитель по назначенію начальства; 5) выдача книгъ изъ библіотеки должна производиться въ свободное отъ занятій время. Само собою разумѣется, что при скудной вышеуказанной ассигновкѣ, библіотека въ с. Липцахъ можетъ существовать только на счетъ добровольныхъ пожертвованій, какъ это имѣетъ мѣсто относительно Марковской библіотеки и какъ отчасти уже осуществляется относительно будущей Липецкой.

Открываются двѣ народныя библіотеки и въ Вятскомъ уѣздѣ. Еще въ 1889 г. вятскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ было постановлено ходатайствовать объ открытіи двухъ народныхъ сельскихъ библіотекъ при земскихъ школахъ въ селахъ Усть-Чепецкомъ и Куменскомъ, съ ассигнованіемъ на каждую изъ библіотекъ по 50 руб. Въ концѣ 1890 г. состоялось такое-же ходатайство вятскаго уѣзднаго земскаго собранія объ открытіи еще двухъ библіотекъ въ с. Кстининѣ и Поломѣ, съ ассигнованіемъ на нихъ также по 50 рублей. Въ настоящее время уѣздная управа получила разрѣшеніе на открытіе двухъ первыхъ библіотекъ и приступаетъ къ устройству ихъ. На первый разъ библіотеки будутъ состоять изъ 200 названій книгъ. Внутренній распорядокъ этихъ вновь открываемыхъ народныхъ библіотекъ будетъ такой-же, какъ въ народныхъ библіотекахъ Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи, о которыхъ намъ уже не разъ приходилось говорить на страницахъ «Русской Школы».

Здѣсь кстати будетъ привести появившіяся недавно впервые въ печати свѣдѣнія о народныхъ библіотекахъ, открытыхъ самарскимъ уѣзднымъ земствомъ. Самарское уѣздное земство—одно изъ самыхъ передовыхъ земствъ по своей дѣятельности въ области народнаго образованія. Въ 1890 г. расходъ этого земства на народное образованіе достигъ 41 тысячи рублей слишкомъ, что составляетъ $^1/_4$ всего бюджета этого земства. Народныя библіотеки открыты самарскимъ земствомъ вслѣдъ за екатеринбургскимъ, Пермской губерніи, которому принадлежитъ честь

устройства первыхъ сельскихъ публичныхъ библіотекъ въ Россіи. Въ маѣ 1887 года, самарское уѣздное земское собраніе постановило возбудить предъ правительствомъ ходатайство относительно открытія въ Самарскомъ уѣздѣ десяти сельскихъ библіотекъ и ассигновать на каждую библіотеку по 100 рублей, а на всѣ 1.000 рублей. Разрѣшеніе на открытіе библіотекъ послѣдовало въ концѣ того-же 1887 года, и библіотеки были открыты въ слѣдующемъ 1888 году. По правиламъ этихъ библіотекъ, между прочимъ, установлены залоги въ 25 коп., 50 коп., 75 коп. и 1 руб., причемъ подписчики имѣютъ право брать одну или нѣсколько книжекъ съ тѣмъ, чтобы стоимость ихъ не превышала суммы залога. Дорогія книги берутся двумя или бо̀льшимъ числомъ крестьянъ, сумма залоговъ которыхъ достаточна для покрытія стоимости книги. Эти ничѣмъ не обусловливаемыя, безцѣльныя стѣсненія, къ сожалѣнію, крайне тормазятъ развитіе дѣятельности народныхъ библіотекъ самарскаго земства, доводя число лицъ, пользующихся библіотеками, до крайне небольшой цыфры. Это тѣмъ болѣе жаль, что указываемыя стѣсненія находятся въ прямомъ противорѣчіи какъ съ общимъ характеромъ дѣятельности самарскаго уѣзднаго земства въ области народнаго образованія, такъ и въ частности съ заботами этого земства о распространеніи книги въ народной средѣ. Такъ, въ 1888 г. самарское уѣздное земство ассигновало 1.500 р. для устройства при 10-ти школахъ складовъ для продажи книгъ для народнаго чтенія. Склады эти, содержащіе книги религіозно-нравственнаго содержанія, историческаго, литературнаго, естественно-научнаго и сельско-хозяйственнаго, дѣйствуютъ довольно успѣшно. Далѣе самарское земство тщательно пополняетъ школьныя библіотеки, тратя на этотъ предметъ ежегодно порядочную сумму. Наконецъ, съ 1883 года самарское уѣздное земство практикуетъ безплатную раздачу книгъ всѣмъ ученикамъ, окончивающимъ курсъ въ земскихъ школахъ, на что по 1890 г. израсходовано земствомъ 2.400 рублей. Такъ какъ опытъ сельскихъ библіотекъ свидѣтельствуетъ о томъ, что книги, взятыя для чтенія простонароднымъ читателемъ, почти никогда не пропадаютъ и тщательно берегутся, то устраненіе залоговъ и другихъ стѣсненій, имѣющихъ цѣлью охраненіе библіотечныхъ книгъ, будетъ мѣрою вполнѣ безопасною и въ высшей степени разумною.

Дѣятельностью по устройству въ селахъ складовъ для продажи книгъ, кромѣ самарскаго и нѣсколькихъ другихъ земствъ, занялось одно изъ нашихъ обществъ распространенія начальнаго образованія—нижегородское. Изъ отчета этого общества за послѣдній годъ (по октябрь 1890 г.) видно, что оно имѣло главный складъ книгъ для народнаго чтенія въ Нижнемъ и 72 отдѣленія въ губерніи—при школахъ. Всего за отчетный годъ было пріобрѣтено 18.644 экземпляра книгъ, которыя почти всѣ и распроданы ($^4/_5$ изъ нихъ изъ отдѣленій и только $^1/_5$ изъ главнаго склада). Число отдѣленій въ отчетномъ году увеличилось на 22, что отразилось увеличеніемъ числа проданныхъ книгъ на 25% противъ предыдущаго года. Какъ ни скромна эта дѣятельность нижегородскаго общества, она, безъ сомнѣнія, приноситъ свою пользу, и было-бы желательно, чтобы и другія общества того-же характера ввели въ свои программы этотъ видъ народно-образовательной дѣятельности, причемъ дѣло можетъ быть поведено го-

раздо успѣшнѣе, если, вмѣсто устройства складовъ при школахъ, будутъ заведены книгоноши для продажи книгъ въ разносъ. На эту мѣру, какъ на крайне необходимую для успѣха дѣла, указываютъ и учителя, завѣдующіе отдѣленіями книжнаго склада нижегородскаго общества, причемъ нѣкоторые изъ нихъ и намѣрены сдѣлать опыты въ указанномъ направленіи. Кромѣ продажи книгъ для народнаго чтенія, нижегородское общество устраиваетъ еще народныя чтенія. Къ сожалѣнію, дѣло это поставлено крайне скромно. Имѣется всего одна аудиторія, которую въ послѣднемъ отчетномъ году посѣтило всего по 193 человѣка въ среднемъ на чтеніе, причемъ большинство составляли учащіеся и нижніе воинскіе чины.

Другое общество распространенія начальнаго образованія — харьковское, отчетъ котораго за послѣдній годъ появился также недавно, обнаруживаетъ широкую и довольно разнообразную дѣятельность. Оно содержитъ въ Харьковѣ два обширныхъ начальныхъ училища, женскую ремесленную школу и мужскую воскресную. Въ настоящее время общество, получившее въ даръ по завѣщанію значительныя средства, приступаетъ къ устройству мужскаго ремесленнаго училища. Курсъ этого училища двухлѣтній, посвященный, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, изученію обработки дерева и металловъ, техническаго рисованія и лѣпки. Затѣмъ, обществу, принявшему въ свое завѣдываніе капиталъ для устройства школы имени В. М. Гаршина, предстоитъ въ недалекомъ будущемъ основаніе этой школы. Кромѣ основанія и содержанія школъ, дѣятельность харьковскаго общества выражается въ содѣйствіи устройству сельскихъ библіотекъ и веденіи народныхъ чтеній. Какъ извѣстно уже, благодаря обществу, возникла первая *сельская общественная* библіотека въ Россіи — въ сл. Марковѣ, Лебединскаго уѣзда, Харьковской губерніи, а теперь, при содѣйствіи общества, возникаетъ другая подобная-же библіотека въ сл. Липецахъ, о чемъ сказано выше. Марковская библіотека, благодаря содѣйствію харьковскаго общества, не въ примѣръ другимъ сельскимъ библіотекамъ, обладаетъ значительнымъ книжнымъ богатствомъ. Именно къ 1-му января 1891 г. въ библіотекѣ было 2.829 экземпляровъ книгъ. Въ теченіе года было взято книгъ взрослыми (отъ 15 до 60 лѣтъ) 1.076 и дѣтьми (до 15 лѣтъ) 2.449, а всего 3.525 экземпляровъ. По отдѣламъ взятыя книги распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: духовно-нравственнаго содержанія 528, смѣси 207, медико-гигіеническаго 21, естественно-научнаго 164, сельско-хозяйственнаго 137, географическаго 204, историческаго 532, книгъ для дѣтскаго чтенія 1.389, беллетристическихъ 322 и журналовъ 21. Для Липецкой библіотеки общество собрало уже до 1.500 экземпляровъ книгъ. Общество оказываетъ пособіе книгами библіотекамъ, возникающимъ и за предѣлами Харьковской губерніи. Такъ, въ отчетномъ году получены просьбы о такомъ пособіи изъ Сибири, изъ Алтайскаго и Верхне-Удинскаго округовъ, и удовлетворены обществомъ. Народныя чтенія, устраиваемыя обществомъ, въ 1890 году произносились уже въ двухъ аудиторіяхъ. Въ главной аудиторіи было произнесено 37 чтеній, привлекшихъ 7.433 посѣтителя (по 201 посѣтителю на среднее чтеніе), изъ которыхъ 6.932 платныхъ и 501 безплатныхъ. Противъ предыдущаго года число посѣтителей главной аудиторіи увеличилось на 1.818 человѣкъ или на 32°/o. Во второй аудиторіи, от-

крытой только въ срединѣ года, преизнесено всего 7 чтеній, на которыхъ было 841 человѣкъ. Въ непродолжительномъ времени общество открываетъ третью аутиторію.

Народныя чтенія, какъ мы уже отмѣчали ранѣе, пріобрѣтаютъ все болѣе широкое распространеніе. Здѣсь отмѣтимъ возниковеніе коммиссіи народныхъ чтеній въ Казани. Въ этомъ городѣ народныя чтенія устраивались и ранѣе, но носили случайный характеръ, а послѣдніе 3—4 года чтеній совсѣмъ не было. Теперь дѣло устраивается болѣе прочнымъ образомъ. Возникла коммиссія, въ составъ которой вошли профессора университета, учителя гимназій и др. лица; явились пожертвованія, благодаря которымъ коммиссія имѣетъ въ своемъ распоряженіи уже до 600 р. денегъ и два волшебныхъ фонаря; многія лица предложили свои услуги въ качествѣ лекторовъ; наконецъ, возбуждено ходатайство о разрѣшеніи чтеній, съ полученіемъ котораго чтенія и откроются.

Тамъ, гдѣ коммиссіи народныхъ чтеній существуютъ уже нѣсколько лѣтъ, размѣръ ихъ дѣятельности съ каждымъ годомъ расширяется. Это видно уже изъ приведенныхъ выше данныхъ по харьковскимъ чтеніямъ и еще болѣе видно изъ послѣдняго отчета по астраханскимъ чтеніямъ. Коммиссія народныхъ чтеній въ Астрахани за послѣдній отчетный годъ (1889—1090) состояла изъ 91 члена. Въ ея распоряжепіи были три аудиторіи, въ которыхъ состоялось 60 чтеній, а всѣхъ прочитанныхъ статей было 80. Посѣтителей было 17.844. Наибольшее число посѣтителей приходилось на январь (2.237) и февраль (2.350), наименьшее на апрѣль (121), когда чернорабочіе уходятъ па рыболовные промыслы. Кромѣ устройства народныхъ чтеній, коммиссія ведетъ народную библіотеку, о которой говорилось выше, и книжную лавку для распространенія книгъ для народнаго чтенія.

Еще болѣе успѣшно разростается дѣло частныхъ воскресныхъ школъ, представляющее одно изъ наиболѣе симпатичныхъ проявленій частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Къ числу тѣхъ воскресныхъ школъ, открытыхъ въ послѣднее время, о которыхъ мы говорили въ прошлой хроникѣ, теперь нужно присоединить еще мужскую воскресную школу въ Кишиневѣ и двѣ воскресныхъ школы—мужскую и женскую, во Владикавказѣ, открытыя въ первыхъ числахъ марта. Школы эти немедленно-же переполняются учащимися. Ранѣе открытыя воскресныя школы идутъ повсюду весьма успѣшно. Приведемъ здѣсь, для примѣра, новѣйшія данныя, касающіяся женской воскресной школы въ Одессѣ. Къ 1-му января 1890 года въ этой школѣ было 77 ученицъ; въ теченіе года поступило вновь 100, выбыло 62; къ 1-му января 1891 года состояло уже 115. Преобладающій элементъ среди учащихся составляютъ мѣщанки; средній возрастъ учащихся 19 лѣтъ. Въ школѣ работали (конечно, безплатно) 16 учительницъ. При школѣ имѣется библіотечка въ 277 томовъ, которыми пользовались 64 ученицы, взявшихъ 328 книгъ. Средства для школы доставляются городомъ, выдающимъ субсидію школѣ въ размѣрѣ 250 рублей.

Въ послѣднее время частная иниціатива начинаетъ обращатьси также къ устройству *безплатныхъ* ежедневныхъ начальныхъ школъ. Любопытный примѣръ этого рода представляетъ дѣятельность священника распо-

ложеннаго въ городѣ Бѣльскѣ (Гродненской губерніи) полка о. Я. и дочери мѣстнаго инженера гр. М. Н. де-Р., которые устроили недавно въ названномъ городѣ двѣ безплатныхъ школы—мужскую и женскую. Мужская школа открыта въ маѣ 1889 года; преподаетъ въ этой школѣ учитель, нанятый священникомъ Я. на собственныя средства; учащихся въ мужской школѣ 70 человѣкъ. Женская школа открыта въ маѣ 1890 г.; преподаваніе въ ней раздѣлено между тремя дамами и священникомъ Я.: священникъ преподаетъ Законъ Божій, его жена—рукодѣліе, г-жа де-Р.—русскій языкъ и г-жа М.—ариѳметику: всѣ работаютъ, конечно, безплатно; учащимся, которыхъ 43, выдаются даромъ всѣ необходимыя учебныя пособія. Вотъ примѣръ, достойный подражанія и легко могущій быть осуществленнымъ повсюду! Вездѣ имѣются интеллигентныя женщины, которыя не знаютъ, куда приложить свой досугъ, и которыя въ данномъ дѣлѣ, столь общедоступнымъ и столь благомъ, могли-бы найти и приложеніе своего досуга, и высокое нравственное наслажденіе...

Я. Абрамовъ.

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 16-го апрѣля 1891 г. Докладъ *Е. П. Свѣшниковой:* «О педагогической дѣятельности бывшихъ питомицъ Тверской женской учительской семинаріи П. П. Максимовича».

По прочтеніи и утвержденіи протокола предшествующаго собранія, предсѣдатель Я. Т. Михайловскій, между прочимъ, довелъ до свѣдѣнія собранія, что 1) издательская коммиссія комитета напечатала предназначенный для народнаго чтенія и школьнаго употребленія сборникъ «Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова» (съ рисунками М. Е. Малышева). Ц. 9 коп.; 2) напечатанный въ прошломъ году тою-же коммиссіей 4-мъ изд. разсказъ Коваленской «Крутиковъ» одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Посвѣщенія; 3) совѣтъ комитета выписалъ для библіотеки комитета «Саратовскія Губернскія Вѣдомости» изъ-за неоффиціальнаго ихъ отдѣла, предназначеннаго главнымъ образомъ, для народнаго чтенія; 4) коммиссія по изысканію денежныхъ средствъ остановилась на предложеніи устроить осенью текущаго года выставку лубочныхъ картинъ, которая не потребуетъ отъ комитета никакихъ денежныхъ затратъ. Затѣмъ прочитанъ былъ отчетъ совѣта о дѣятельности комитета грамотности за 1890 г. *). По этому поводу М И. Семевскій замѣтилъ, что было-бы весьма желательно, чтобы комитетъ взялъ на себя трудъ ежегодно представлять собранію отчетъ о состояніи грамотности въ Россіи. Въ отвѣтъ на это предложеніе, принятое собраніемъ весьма сочувственно, предсѣдатель замѣтилъ, что совѣтомъ комитета уже приняты нѣкоторыя мѣры къ осуществленію столь жела-

---

*) По напечатаніи отчета мы познакомимъ читателей «Русской Школы» съ его содержаніемъ, по скольку оно не вошло въ нашу ежемѣсячную хронику дѣятельности Петербургскаго комитета грамотности.

тельнаго нововведенія. Такъ, по его предложенію, два члена комитета уже согласились къ концу года составить краткій очеркъ всѣхъ явленій въ области нашего начальнаго образованія за истекшій годъ, причемъ, конечно, будетъ представлена и картина современнаго состоянія грамотности въ Россіи. Дѣло стало только затѣмъ, какимъ образомъ обезпечить своевременное полученіе матеріала, необходимаго для задуманной работы.

По прочтеніи и утвержденіи доклада ревизіонной коммиссіи, собранію былъ представленъ составленный совѣтомъ проектъ конкурсной программы на соисканіе золотой медали имени А. С. Воронова. Собраніе, утвердивъ означенную программу, въ то-же время постановило ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ измѣненіи правилъ о присужденіи Вороновской медали въ смыслѣ предоставленія конкуррентамъ болѣе продолжительнаго времени на составленіе сочиненій, чѣмъ это дается дѣйствующими до сихъ поръ правилами.

Послѣ этого были произведены выборы должностныхъ лицъ на 1891—1892 годъ. Избранными оказались: въ предсѣдатели—Я. Т. Михайловскій; въ товарищи предсѣдателя—В. Г. Котельниковъ и К. К. Пистолькорсъ; въ секретари—В. В. Девель, А. М. Калмыкова, Б. Э. Кетрицъ и М. М. Ледерле. Въ издательскую коммиссію избраны взамѣнъ отказавшихся отъ участія въ ней Б. Э. Кетрица и С. Ѳ. Ольденбурга—В. А. Воскресенскій и В. П. Острогорскій.

Послѣ выборовъ собраніе приступило къ слушанію доклада Е. П. Свѣшниковой: «*О педагогической дѣятельности бывшихъ питомицъ Тверской женской учительской семинаріи П. П. Максимовича*». Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Твери, по мысли земскаго гласнаго П. П. Максимовича и первоначально на его средства, была основана школа для приготовленія сельскихъ учительницъ. Съ перваго-же года нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земствъ постановили посылать въ эту школу своихъ стипендіатокъ; въ слѣдующемъ году губернскимъ земскимъ собраніемъ было ассигновано школѣ первое пособіе, и такимъ образомъ завязалась связь между земствомъ и учительской школой. Въ 1882 г. Тверская женская учительская школа перешла вполнѣ въ вѣдѣніе земства, продолжающаго дѣятельно заботиться о ней и до сихъ поръ. Въ настоящее время Тверская учительская школа пользуется въ губерніи очень большой популярностью, сказывающейся, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что число желающихъ поступить въ школу ежегодно вдвое превосходитъ количество имѣющихся вакансій. Въ особенности велика популярность школы въ средѣ мѣстнаго духовенства. Усиленный приливъ ученицъ въ школу объясняется, по мнѣнію докладчицы, тѣмъ, что уѣздъ за уѣздомъ вводятъ у себя въ обычай брать учительницъ изъ школы Максимовича. Почти всѣ воспитанницы ея—общее число ихъ 170—уроженки Тверской губерніи, такъ какъ земство при пріемѣ вполнѣ справедливо отдаетъ преимущество тверитянкамъ. Значительная часть воспитанницъ набирается изъ дѣтей сельскаго духовенства и крестьянъ; такимъ образомъ, деревенская среда, дающая ученицъ, получаетъ ихъ обратно учительницами. Приведя цѣлый рядъ выдержекъ изъ писемъ учительницъ, бывшихъ воспитанницъ Тверской учительской школы Максимовича, Е. П. Свѣшникова дала живое изображеніе ихъ внутренней и внѣшней жизни съ ея невзгодами и радо-

стями,—изображеніе, нарисованное самими учительницами и потому, безспорно, «съ подлиннымъ вѣрное». «Большинство писемъ имѣетъ двѣ стороны: одна касается личнаго настроенія, другая заполнена подробностями объ удачахъ и неудачахъ въ преподаваніи ариѳметики, письма, чтенія». Письма эти, по мнѣнію докладчицы, доказываютъ, какъ строго и безпристрастно умѣютъ относиться къ себѣ нѣкоторыя учительницы, доходя иногда до крайности въ напрасныхъ и тяжелыхъ самообвиненіяхъ и самоупрекахъ; они свидѣтельствуютъ, что, сверхъ занятій прямо школьныхъ, многія учительницы съ удовольствіемъ отдаются занятіямъ добавочнымъ—учатъ рукодѣліямъ дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ (вязанье чулокъ, вязанье крючкомъ и т. п.), обучаютъ подростковъ и взрослыхъ пѣнію, составляютъ хоръ, поютъ въ церкви. Пѣніе въ церкви очень цѣнится крестьянами, и учительницы охотно стараются его завести. Много заботитъ учительницъ внѣклассное чтеніе школьниковъ, а между тѣмъ далеко не всѣ школы имѣютъ библіотеки. Имѣть при школѣ библіотеку, по словамъ докладчицы, мечта каждой учительницы; учительницы по этому поводу пишутъ и къ инспекторамъ, и въ свою учительскую школу и къ частнымъ знакомымъ. Иногда бываетъ, что ученики, сложившись, или взрослые крестьяне приносятъ учительницѣ передъ ея отъѣздомъ рубль, два съ просьбой привезти «что-нибудь почитать». И для себя самихъ, разумѣется, учительницы очень часто просятъ книгъ. Докладчица привела любопытный примѣръ того, какъ заведеніе библіотеки при школѣ повліяло на установленіе болѣе нормальныхъ отношеній между учащимися и учительницей. Педагогическіе журналы мало выписываются учительницами, да это и неудивительно — при жалованьѣ отъ 100 до 250 р. Докладчица указала, что служба въ тверскомъ земствѣ имѣетъ очень цѣнную сторону — *эмеритуру* (за 15 лѣтъ полагается половинная эмеритура — 60 руб. въ годъ). У нѣкоторыхъ учительницъ самая дорогая мечта — по выслугѣ эмеритуры пріобрѣсти въ собственность клочекъ земли. Далѣе докладчица отмѣтила, между прочимъ, такіе утѣшительные факты, какъ обученіе учительницъ пчеловодству на извѣстной Бурашевской пасѣкѣ Имп. вольно-экономическаго общества, какъ практическое изученіе (по собственной иниціативѣ) нѣкоторыми учительницами пріемовъ подапія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и т. п. Затѣмъ, упомянувъ о бывшемъ въ 1880-хъ годахъ подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова съѣздѣ бывшихъ воспитанницъ школъ Максимовича, она подчеркнула важное значеніе учительскихъ съѣздовъ вообще. Въ заключеніе Е. П. Свѣшникова сказала, что, по ея мнѣнію, педагогическая дѣятельность бывшихъ воспитанницъ школы Максимовича цѣнна и сильна преимущественно тремя своими сторонами: во-первыхъ, спеціальной подготовкой; во-вторыхъ, устойчивостью въ трудѣ и, въ-третьихъ, сознаніемъ труда общаго, дружнаго, а не единичнаго и разрозненнаго.

Интересный докладъ Е. П. Свѣшниковой былъ принятъ собраніемъ очень сочувственно и вызвалъ оживленную бесѣду, въ которой принимали участіе гг. Беренштамъ, В. В. Девель, А. М. Калмыкова, Е. А. Чебышева-Дмитріева и другіе. А. К.

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 30 апрѣля.

По прочтеніи протоколовъ предыдущаго засѣданія комитета и послѣдняго (9 апрѣля) засѣданія библіотечной коммиссіи, собраніемъ были выслушаны программы предстоящей дѣятельности двухъ вновь образовавшихся коммиссій: по воскреснымъ школамъ и редакціонной. Первая изъ нихъ, выработанная членами коммиссіи по предложенію комитета, состоявшемуся въ предшествовавшее засѣданіе, является въ слѣдующемъ видѣ:

I. Цѣли коммиссіи.

1) Обсужденіе вопросовъ, касающихся воскресныхъ и вечернихъ школъ и вообще содѣйствіе правильному ходу ихъ педагогической дѣятельности.

2) Помощь существующимъ школамъ и содѣйствіе къ открытію новыхъ.

II. Составъ коммиссіи и ея организація.

1) Для завѣдыванія дѣлами коммиссіи избираются: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя и секретарь, который ведетъ протоколы и необходимую для цѣлей коммиссіи переписку. Должностныя лица выбираются не болѣе, какъ на одинъ годъ.

2) Коммиссія пополняется членами комитета грамотности, по ея представленію и съ согласія комитета.

3) Въ случаѣ нужды приглашаются свѣдущія лица и не изъ числа членовъ комитета съ правомъ совѣщательнаго голоса.

4) Собранія коммиссіи происходятъ не менѣе раза въ мѣсяцъ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

5) Собраніе считается состоявшимся при наличности не менѣе 10 членовъ коммиссіи, прибывшихъ въ засѣданіе.

6) Вопросы въ коммиссіи рѣшаются по большинству голосовъ.

7) Разработка отдѣльныхъ вопросовъ и исполненіе порученій коммиссіи можетъ быть возложено ею на отдѣльныя группы изъ нѣсколькихъ членовъ.

III. Дѣятельность коммиссіи.

1) Коммиссія входитъ въ сношенія съ существующими въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ воскресными и вечерними школами и знакомится съ ихъ организаціей, методами преподаванія и педагогическою практикою.

2) Обсуждаетъ встрѣтившіеся при веденіи школьнаго дѣла вопросы и содѣйствуетъ обмѣну педагогическимъ опытомъ между преподавателями школъ.

3) Разрабатываетъ планы преподаванія и организаціи школъ.

4) Доводитъ до свѣдѣнія комитета грамотности общіе планы преподаванія и организаціи школъ, выработанные коммиссіей.

5) Содѣйствуетъ учрежденію при комитетѣ, съ его согласія, библіотеки для преподавателей воскресныхъ школъ, преимущественно изъ книгъ и изданій педагогической литературы.

6) Поручаетъ отдѣльнымъ своимъ членамъ или группамъ разсмотрѣніе учебниковъ, учебныхъ пособій и текущей педагогической литературы и составляетъ указатель лучшихъ изъ разсмотрѣнныхъ книгъ и статей.

7) Содѣйствуетъ по мѣрѣ возможности устройству при комитетѣ грамотности, съ его согласія, образцовой подвижной ученической библіотеки и коллекцій для нагляднаго обученія и классныхъ бесѣдъ.

8) Въ связи съ выработанными библіотечной коммиссіей положеніями, обсуждаетъ вопросы объ организаціи ученическихъ библіотекъ въ школахъ, о порядкѣ выдачи книгъ и повѣркѣ прочитаннаго.

9) Пользуясь трудами той-же библіотечной коммиссіи, заботится о составленіи каталога лучшихъ книгъ для чтенія, примѣнительно къ воскреснымъ и вечернимъ школамъ, и входитъ въ комитетъ грамотности съ представленіями объ утвержденіи каталога и объ изданіи новыхъ книгъ, необходимыхъ для таковыхъ школъ.

10) Заботится о предоставленіи учащимся въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ возможности пользоваться пригодными для нихъ книгами для внѣкласснаго чтенія.

11) Въ видахъ содѣйствія къ пріисканію удобныхъ помѣщеній для школъ и къ улучшенію ихъ положенія, входитъ въ сношенія съ частными лицами и общественными учрежденіями.

12) Помогаетъ частной инициативѣ по открытію воскресныхъ и вечернихъ школъ и дѣлаетъ комитету преставленія объ открытіи ихъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе въ томъ нуждающихся.

13) Содѣйствуетъ ознакомленію общества съ дѣломъ воскресныхъ и вечернихъ школъ, приглашаетъ къ пожертвованіямъ и вообще заботится о привлеченіи средствъ для устройства школъ и ихъ поддержки.

14) По сношенію съ существующими школами вырабатываетъ планы возможно однообразной и цѣлесообразной отчетности школъ.

Примѣчаніе. Составляемые коммиссіей, на основаніи полученныхъ ею отчетовъ, общіе обзоры о положеніи и дѣятельности школъ докладываются комитету грамотности.

15) О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ коммиссія доводитъ до свѣдѣнія комитета въ ближайшее его засѣданіе, представляя ему протоколы своихъ засѣданій.

IV. Матеріальныя средства коммиссіи.

1) Матеріальныя средства коммиссіи состоятъ: a) изъ суммъ, ассигнуемыхъ въ распоряженіе коммиссіи комитетомъ грамотности; b) изъ добровольныхъ пожертвованій какъ членовъ комитета, такъ и постороннихъ лицъ; c) изъ сборовъ съ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, публичныхъ лекцій и т. п., устраиваемыхъ съ согласія предсѣдателя комитета грамотности и съ подлежащаго разрѣшенія.

2) Всѣ суммы, поступающія въ коммиссію, передаются казначею комитета грамотности для храненія ихъ на специальномъ счету коммиссіи.

Послѣ непродолжительныхъ преній, касавшихся нѣкоторыхъ незначительныхъ частностей програмы, собраніе постановило утвердить ее, причемъ, въ цѣляхъ расширенія дѣятельности новой коммиссіи, послѣдняя названа «коммиссіею по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ», разумѣя подъ этимъ не только вышеозначенныя школы, но и вообще вспомогательныя школы, возникающія по частной инициативѣ. Затѣмъ секретаремъ было доложено о желаніи членовъ комитета, живущихъ въ Твери, открыть тверское отдѣленіе комитета грамотности; при этомъ была представлена и программа этого новаго отдѣленія. Собраніе постановило ходатайствовать, черезъ совѣтъ сельско-хозяйственнаго общества, передъ Министромъ Государственныхъ Имуществъ о разрѣшеніи тверскимъ членамъ открыть у себя отдѣленіе комитета грамотности. Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ начнутъ дѣйствовать два отдѣленія комитета (курское и тверское), которыя, безъ сомнѣнія, будутъ способствовать болѣе успѣшному разрѣшенію задачъ комитета грамотности и вообще расширенію глубоко-симпатичной дѣятельности его.

Что касается дѣятельности редакціонной коммиссіи, программа которой была прочитана послѣ поименованныхъ докладовъ, то она, въ общемъ, сводится къ слѣдующему: коммиссія подыскиваетъ и просматриваетъ рукописи для изданій комитета; изыскиваетъ для этого матеріальныя средства; сносится съ авторами рукописей, издателями и книжными складами и вообще заботится о болѣе успѣшной и широкой издательской дѣятельности комитета. Между прочимъ, ею на первую очередь поставлено изданіе ко дню пятидесятилѣтія со смерти М. Ю. Лермонтова Сборника избранныхъ его сочиненій, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Въ концѣ засѣданія дѣйствительный членъ комитета, В. Е. Ермиловъ, прочиталъ довольно интересный рефератъ: «Современная задача литературы для народа». Отмѣтивъ въ началѣ своего реферата то общеизвѣстное положеніе, что школа сама по себѣ не даетъ еще народу развитія, а только служитъ средствомъ къ нему, научая читать и понимать прочитанное, референтъ поставилъ вопросъ: должна-ли существовать, для цѣлей развитія народа, особая *народная* литература, или-же онъ можетъ пользоваться съ одинаковымъ успѣхомъ произведеніями *интеллигентной* литературы? Чтобы придти къ болѣе правильному разрѣшенію этого вопроса (далеко не новаго въ нашей литературѣ о народѣ), авторъ предпринялъ многочисленныя наблюденія надъ тѣмъ, что и какъ понимаетъ народъ въ произведеніяхъ такихъ корифеевъ нашей литературы, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и др. При этомъ выяснилось, что въ произведеніяхъ Пушкина народъ вполнѣ понимаетъ *только* прозу; у Лермонтова ему больше всего понятна лишь «Пѣснь про купца Калашникова». Произведенія Тургенева вообще неохотно берутся для чтенія, а также и «Мертвыя души» Гоголя.

На основаніи этихъ наблюденій, авторъ приходитъ къ заключенію, что для народа должна существовать особая, именно *народная*, литература. При этомъ подъ выраженіемъ «народная литература» онъ понимаетъ не тѣ (иногда жалкія) передѣлки, компиляціи и вообще произведенія, *искусственно* написанныя для народа, которыя въ послѣднее время такъ сильно растутъ въ количественномъ отношеніи, а произведенія вы-

соко-художественныя, написанныя не по заказу для народа, творенія художественнаго или научнаго генія, но только изложенныя такъ, что являются вполнѣ доступными для пониманія. Произведенія литературы интеллигенціи недоступны народу не по содержанію своему, а по формѣ: длинные періоды, иностранныя слова, условныя выраженія, всевозможныя фигуры и тропы; всѣ эти стилистическія тонкости и обороты рѣчи не даютъ народу возможности отчетливо и ясно понять внутренній смыслъ произведенія, его содержаніе. Изъ своей практики референтъ привелъ множество случаевъ, когда слова и выраженія, понятныя для каждаго образованнаго человѣка, оказывались совсѣмъ непонятными для народа, напримѣръ, слова: дѣятельность, великодушный и т. п. Такимъ образомъ, великія творенія нашихъ писателей недоступны народу не потому, что онъ *не можетъ* понять ихъ, а потому, что *не умѣетъ*. Это еще болѣе будетъ ясно, если принять во вниманіе, что народъ совершенно не знаетъ быта образованной части общества. Образцомъ истинно *народной* литературы (по формѣ) референтъ считаетъ книжки для народа графа Л. Н. Толстого. Этотъ великій художникъ слова, не смотря на свой колоссальный талантъ, 30 лѣтъ стоялъ лицомъ къ лицу съ народомъ, изучалъ его и тогда только усвоилъ себѣ изложеніе, вполнѣ доступное для народа. Поэтому, всѣ тѣ писатели, которые *стараются* писать для народа, но чуждые свободнаго творчества, которые въ своихъ произведеніяхъ *поддѣлываются* подъ народную рѣчь и этимъ дѣланнымъ языкомъ пишутъ назидательныя повѣсти и популярныя статьи, не могутъ быть названы *народными* писателями въ истинномъ значеніи этого слова. Замѣчательно, что народъ нашъ умѣетъ отличать и оцѣнивать по достоинству все дѣланное, неестественное. Заканчивая свой рефератъ, докладчикъ высказалъ горячее пожеланіе, чтобы интеллигенція все ближе и ближе сходилась съ народомъ, изучала его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, прислушивалась къ народной рѣчи. Тогда только могутъ явиться у насъ *дѣйствительно* народные писатели.

Пренія по этому реферату, за позднимъ временемъ, отложены до слѣдующаго засѣданія. **Н. Т—въ.**

„С.-Петербургское педагогическое общество взаимной помощи“ или „Педагогическій фондъ“.

Въ послѣднее время петербургскій педагогическій міръ очень заинтересованъ возникновеніемъ новаго учрежденія подъ названіемъ «С.-Петербургское педагогическое общество взаимной помощи» или «Педагогическій фондъ». Цѣль его—оказывать помощь членамъ общества и ихъ семействамъ въ случаяхъ непредвидѣнной и настоятельной нужды. Потребность въ такого рода учрежденіи давно уже назрѣла, чѣмъ и объясняется то живое отношеніе, то горячее сочувствіе, съ какимъ былъ встрѣченъ вопросъ объ организаціи этого общества. Матеріальныя условія учителя, учительницы, классной дамы да и вообще педагогическаго персонала далеко не

блестящи: несмотря на тяжелый трудъ, несмотря на 30—40 еженедѣльныхъ уроковъ, вѣчная забота, чтобы концы съ концами свести, преслѣдуетъ педагога. Но если случится несчастіе,—а кто-же отъ него застрахованъ,—если потребуются непредвидѣнные расходы, заболѣетъ, напр., членъ семьи, и болѣзнь протянется долго, или-же смерть вырветъ изъ семьи главнаго работника, то положеніе семейства становится по-истинѣ трагическимъ. Всѣми признано, что учительскій трудъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и губительно вліяющихъ на здоровье, что подтверждается и статистикой смертности, которая отводитъ самое видное мѣсто учителю въ своихъ рядахъ, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что печальныя явленія нужды въ педагогическомъ мірѣ далеко нерѣдки. Семья остается нерѣдко безъ средствъ, дѣти безъ воспитанія. Гдѣ-же искать помощи, къ кому и куда обратиться? Вновь организуемое общество и имѣетъ въ виду подобные случаи. Соединяясь вмѣстѣ, господа педагоги пріобрѣтаютъ средства матеріальныя и нравственныя, идутъ, такъ сказать, на встрѣчу случайностямъ, несчастіямъ. Организуемое общество есть ассоціація, или союзъ лицъ педагогическаго званія, основанный на нравственно-экономическихъ началахъ съ цѣлью взаимной помощи. Это не филантропическое общество: средства его составляются главнымъ образомъ изъ членскихъ взносовъ, и оно помогаетъ только членамъ общества и ихъ семействамъ. Въ Петербургѣ въ настоящее время насчитывается до трехъ тысячъ лицъ педагогическаго званія; если допустить, что изъ нихъ войдутъ въ общество $^2/_3$, т.-е. двѣ тысячи, то и тогда средства общества будутъ довольно значительныя даже при томъ маленькомъ годичномъ членскомъ взносѣ—3 рубля, или ежемѣсячномъ—25 коп., какъ предложено въ проектѣ устава вновь возникающаго общества. Двадцать пять копѣекъ въ мѣсяцъ едва-ли кого затруднятъ, и едва-ли кто откажется быть членомъ общества, а между тѣмъ въ общемъ получается такой капиталъ, которымъ можно оказать существенную поддержку нуждающимся. Но, кромѣ членскихъ взносовъ, общество можетъ увеличивать свои средства путемъ устраиванія публичныхъ чтеній, лекцій, концертовъ, доходомъ отъ изданія сборниковъ, ежегодниковъ и вообще литературныхъ и ученыхъ трудовъ. Несомнѣнно, что въ распоряженіи общества ежегодно будетъ не менѣе 6—8 тысячъ рублей. Десять процентовъ со всѣхъ поступающихъ суммъ въ общество отчисляются, согласно проекту устава, въ неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго, въ свою очередь, обращаются на нужды общества; весь-же остальной капиталъ идетъ на пособія нуждающимся членамъ общества и ихъ семействамъ. Помощь можетъ быть выражена: единовременными и періодическими денежными пособіями, доставленіемъ медицинской помощи, помѣщеніемъ малолѣтнихъ дѣтей членовъ общества въ учебныя заведенія, пріисканіемъ занятій нуждающимся и другими способами.

Если этому возникающему учрежденію «С.-Петербургскому педагогическому обществу взаимной помощи» суждено осуществиться и процвѣтать (въ чемъ едва-ли можно сомнѣваться), то, благодаря неприкосновенному капиталу, который ежегодно долженъ увеличиваться, а слѣдовательно и проценты съ него расти,—въ недалекомъ будущемъ обществу можно подумать, если не объ эмеритурѣ или пенсіи,—для этого нужны очень большія деньги,—то, по крайней мѣрѣ, о своемъ хозяйствѣ, о своемъ помѣщеніи,

удобномъ, уютномъ, съ небольшимъ комфортомъ, въ которомъ-бы могли члены общества встрѣчаться, обмѣниваться мыслями и тѣмъ самымъ поддерживать себя нравственно, въ чемъ тоже несомнѣнно ощущается нужда.

24-го марта, въ зданіи Петровскаго училища состоялось первое собраніе преподавателей и преподавательницъ разныхъ учебныхъ заведеній г. С.-Петербурга, какъ высшихъ, такъ среднихъ и низшихъ. Всѣхъ собралось болѣе 100 человѣкъ. Собраніе открылъ директоръ училища И. Ѳ. Рашевскій и предложилъ преподавателю Петровскаго училища Ѳ. С. Матвѣеву, какъ иниціатору дѣла учрежденія С.-Петербургскаго педагогическаго общества взаимной помощи, сказать свое слово о цѣляхъ и задачахъ общества и прочесть составленный имъ проектъ устава. Чтеніе проекта вызвало живой обмѣнъ мыслей между собравшимися, послѣ чего изъ числа собравшихся преподавателей и преподавательницъ была избрана коммиссія, которой и было поручено разсмотрѣть проектъ устава общества, обсудить высказанныя соображенія и представить уставъ въ законченномъ видѣ къ слѣдующему собранію. Въ число членовъ коммиссіи вошли слѣдующія лица: И. Ѳ. Рашевскій, К. И. Барминскій, А. Н. Бетхеръ, К. М. Блюмбергъ, В. А. Воскресенскій, П. И. Вѣтвеницкій, А. И. Глазунова, Я. Г. Гуревичъ, г. Игнатовъ, А. П. Кирпотенко, г. Коноплевъ, Ѳ. Ѳ. Матвѣевъ, Н. В. Медеръ, П. А. Мокріевичъ, Д. Д. Моревъ, Н. О. Розе, А. С. Сергѣевъ, Н. Н. Скалонъ, Я. Д. Смирновъ, Н. А. Трифоновъ, Е. П. Рѣпина, Ю. Ю. Цвѣтковскій и В. Г. Яроцкій.

Коммиссія собиралась нѣсколько разъ и очень энергично отнеслась къ дѣлу. Въ виду неустойчиваго и неопредѣленнаго положенія домашнихъ учителей и учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ, коммиссіей постановлены нѣкоторыя ограниченія для поступленія ихъ въ число членовъ общества, а именно: рекомендація двухъ членовъ, баллотировка въ совѣтѣ и удостовѣреніе въ томъ, что они занимались частной практикой не менѣе трехъ лѣтъ. Оживленныя пренія вызвалъ также вопросъ объ управленіи дѣлами общества. Обыкновенно вся тяжесть дѣятельности общества падаетъ на небольшой кружокъ изъ пяти-шести лицъ, составляющихъ правленіе, тогда какъ остальные члены ограничиваютъ свое участіе членскими взносами и иногда присутствіемъ въ общемъ собраніи. Отсюда происходитъ нерѣдко произволъ правленія, такъ какъ оно дѣйствуетъ почти безконтрольно, недовольство многихъ членовъ порядками и, наконецъ, апатія большинства. Желая избѣжать подобныхъ явленій, коммиссія полагала, что для проектируемаго общества необходимы иныя основанія. Дѣлами вновь возникающаго общества будутъ завѣдывать: правленіе, совѣтъ и общее собраніе. Правленіе состоитъ изъ девяти лицъ, и дѣятельность его по преимуществу исполнительная. Въ случаяхъ-же, требующихъ немедленной помощи, какъ, напр., медицинской, правленіе обязано принять соотвѣтствующія мѣры и довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта въ ближайшемъ его засѣданіи. Совѣтъ-же и есть главный нервъ общества. Онъ составляется такимъ образомъ: каждое учебное заведеніе, въ которомъ будутъ члены организуемаго общества, выбираетъ изъ своей среды одного представителя въ совѣтъ; заведенія-же, въ которыхъ по одному учителю, или учительницѣ, какъ, напр., думскія, техническія, патріотическія, а также домашніе учителя и учительницы, выбираютъ изъ своей среды

5% въ совѣтъ. Въ кругъ обязанностей совѣта входятъ: опредѣленіе размѣра пособій, опредѣленіе малолѣтнихъ дѣтей въ учебныя заведенія, пріисканіе занятій нуждающимся членамъ общества, забота о расширеніи средствъ общества и т. п. Словомъ, въ совѣтѣ сосредоточиваются всѣ дѣла, и вся дѣятельность общества происходитъ подъ контролемъ и при содѣйствіи всѣхъ членовъ, находящихся въ постоянномъ общеніи съ своими представителями въ совѣтѣ. Трудъ по собиранію членскихъ взносовъ, по наведенію справокъ и принятію заявленій распредѣляется между большимъ числомъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой опредѣленный и хорошо знакомый районъ дѣятельности. Высшее наблюденіе и контроль принадлежатъ общему собранію; оно-же рѣшаетъ вопросы объ измѣненіи и дополненіи устава; выборъ почетныхъ членовъ общества и другіе болѣе общіе вопросы также подлежатъ компетенціи общаго собранія.

Въ коммиссіи поднимался также вопросъ о расширеніи операцій предполагаемаго общества, объ устройствѣ при обществѣ отдѣленій. Такъ, В. Г. Яроцкій предложилъ устроить для желающихъ «ссудо-сберегательную кассу». Коммиссія очень сочувственно отнеслась къ этому предложенію и постановала: въ теченіе перваго-же года существованія общества предложить совѣту разсмотрѣть проектъ устава ссудо-сберегательной кассы и, если окажется желающихъ вступить членами въ нее не менѣе 100 человѣкъ, испросить разрѣшеніе на открытіе этой кассы. Въ виду того, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ ссудо-сберегательной кассы нѣтъ, надо думать, что желающихъ принять участіе въ ней будетъ много. Въ коммиссіи поднимался также вопросъ о пенсіонной кассѣ, объ устройствѣ общества потребителей для желающихъ, и вообще высказывалось то мнѣніе, что дѣятельность общества можетъ проявиться весьма разнообразно, какъ, напр., въ устройствѣ дѣтскихъ садовъ, репетиторскихъ классовъ, ученическихъ квартиръ, въ открытіи учебныхъ заведеній и т. п. Высказывалось также желаніе, чтобы возникающее общество петербургскихъ педагоговъ не ограничивало своей дѣятельности заботами о помощи въ исключительныхъ случаяхъ нужды, а было-бы живымъ обществомъ людей, находящихся въ тѣсномъ союзѣ другъ съ другомъ.

Въ понедѣльникъ, 6-го мая, въ залѣ Петровскаго училища собрались преподаватели и преподавательницы различныхъ учебныхъ заведеній Петербурга для окончательнаго обсужденія проекта устава вновь организуемаго С.-Петербургскаго педагогическаго общеста взаимной помощи. Напечатанный проектъ устава былъ предварительно разосланъ во всѣ учебныя заведенія. Собралось около 200 человѣкъ. При открытіи собранія предсѣдатель И. Ѳ. Рашевскій сообщилъ, что въ пользу вновь учреждаемаго общества изъявили готовность пожертвовать: бывшій преподаватель и окружной инспекторъ Михельсонъ 1.000 рублей и директоръ гимназіи Я. Г. Гуревичъ 200 руб. Заявленіе было встрѣчено дружными аплодисментами. Затѣмъ Ѳ. С. Матвѣевъ выяснилъ основныя задачи общества и сущность его предполагаемой организаціи. Оживленныя пренія при обсужденіи проекта устава касались, по преимуществу, организаціи общества. Выработанный проектъ устава подписанъ 182 лицами. Въ заключеніе собраніемъ были избраны: И. Ѳ. Рашевскій, Я. Г. Гуревичъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, Я. Д. Смирновъ, В. Г. Яроцкій, которымъ и поручено выраб-

тать окончательную редакцію проекта устава и ходатайствовать о его утвержденіи.

Желающихъ принять участіе въ организуемомъ обществѣ съ каждымъ днемъ прибавляется, и въ настоящее время таковыхъ записалось уже болѣе 300. Среди подписавшихся не мало лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, но большинство состоитъ изъ преподавателей и преподавательницъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и военнаго вѣдомства и начальныхъ думскихъ школъ.

Программа изданій для народа Харьковскаго общества распространенія грамотности въ народѣ.

Приступая къ изданію книгъ для народнаго чтенія, Харьковское общество грамотности приглашаетъ къ сотрудничеству по этому дѣлу всѣхъ лицъ, способныхъ къ литературной работѣ и знакомыхъ со вкусами сельскаго и городскаго читателя. Кромѣ самостоятельно составленныхъ очерковъ и монографій, желательны и возможно удачныя передѣлки существующихъ серьезныхъ какъ художественныхъ произведеній, такъ и научныхъ сочиненій, а также переводы съ иностранныхъ языковъ. Во всѣхъ популярно-научныхъ работахъ желательно возможно болѣе живое и интересное изложеніе, безъ трудно понимаемыхъ неподготовленнымъ читателемъ терминовъ и трудно усваиваемыхъ отвлеченностей. Стараясь отвѣчать на наиболѣе господствующій запросъ народныхъ читателей на историко-географическія свѣдѣнія, Х. о. гр. обращаетъ особенное вниманіе на такого рода книги, и изданіе ихъ считаетъ особенно желательнымъ; чтобы передача такихъ свѣдѣній отличалась послѣдовательностью, интересно было-бы объединить ихъ одной общей цѣлью — знакомства нашего народа съ ближайшими его сосѣдями, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Но, сознавая всю невозможность сосредоточиться исключительно на такого рода изданіяхъ, Х. о. гр. задается болѣе широкой программой, которая представила-бы возможность людямъ съ самыми различными знаніями и разными литературными силами участвовать въ составленіи книгъ для народнаго чтенія. Эта программа включаетъ въ себя изданія по слѣдующимъ шести отдѣламъ: 1) духовно-нравственному, 2) художественно-беллетристическому, 3) историческому, 4) географическому, 5) естественно-историческому и 6) прикладныхъ и справочныхъ свѣдѣній.

Въ первомъ, *духовно-нравственномъ*, отдѣлѣ желательны: 1) жизнеописанія такихъ святителей, которые своимъ словомъ и дѣяніями запечатлѣли истинно христіанскія черты любви и правды, а также 2) житія святыхъ и нравственныхъ просвѣтителей, какъ нашего народа, такъ и другихъ странъ; 3) разсказы изъ церковной исторіи.

Во второмъ, *беллетристическомъ*, отдѣлѣ являются книги по современной и по классической художественной литературѣ, какъ русской, такъ и переводной. При выборѣ того или иного произведенія слѣдуетъ прежде всего искать въ немъ гуманной идеи, прекраснаго художественнаго образа

или правдивой картины нравовъ, не вносящей никакихъ недоразумѣній въ нравственныя понятія неподготовленнаго читателя.

Къ третьему отдѣлу относятся книги *историческія*, по содержанію своему раздѣляющіяся на: 1) книги по мѣстной и общерусской исторіи, заключающія въ себѣ—біографіи мѣстныхъ дѣятелей и важнѣйшихъ историческихъ лицъ съ характеристикой эпохи, къ которой они относятся, и указаніемъ ихъ значенія какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго,—эпизодическія повѣствованія, или монографіи, объ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, преимущественно бытоваго и культурнаго характера,—хроники и историческіе романы, характеризующіе ту или иную эпоху или личность—въ передѣлкѣ или сокращеніи; 2) книги по всеобщей исторіи, представляющія также біографіи знаменитыхъ историческихъ лицъ, дѣятелей труда и науки, наиболѣе доступные историческіе эпизоды, бытъ народовъ на разныхъ ступеняхъ развитія, историческій ходъ развитія разныхъ общественныхъ учрежденій, историческія сказанія, легенды и поэмы въ отрывкахъ, цѣломъ видѣ и сокращеніяхъ.

Въ четвертомъ, *географическомъ*, отдѣлѣ особенно интересны, какъ уже было сказано выше, работы по изученію нашихъ сосѣдей, т.-е. жизнь западно-европейскихъ народовъ и главныхъ народностей Азіи и Сѣверной Америки, преимущественно въ бытовомъ отношеніи; интересны также описанія быта и природы различныхъ мѣстностей Россіи и ея окраинъ, характеристики главныхъ бассейновъ—Днѣпра, Дона, Волги и др. въ физико-географическомъ, культурно-этнографическомъ и статистическо-экономическомъ отношеніяхъ; кромѣ того желательны передѣлки лучшихъ знаменитыхъ путешествій въ далекія страны и составленіе описаній природы и людей въ разныхъ странахъ.

Относительно пятаго отдѣла — *естественно-историческаго* — желательно было-бы получать не только однѣ отрывочныя монографіи по тому или иному вопросу, изъ той или другой группы естественно-историческихъ свѣдѣній, а связную серію самыхъ элементарныхъ руководствъ, которыя уясняли-бы законы и явленія природы, а также строеніе тѣла и жизнь растеній, животныхъ и человѣка. Руководства эти должны быть написаны не въ сухой формѣ, а въ видѣ бесѣдъ или вообще легкимъ языкомъ и иллюстрированы наибольшимъ количествомъ ясныхъ рисунковъ. Такія руководства имѣли-бы самое непосредственное примѣненіе для возникающихъ во множествѣ вечернихъ и повторительныхъ курсовъ при народныхъ школахъ, а также какъ удобопонятная книга для чтенія окончившимъ школу ученикамъ.

Къ шестому отдѣлу, *прикладныхъ и справочныхъ свѣдѣній*, относятся слѣдующія изданія: Календарь Харьковскаго общества грамотности, книги по различнымъ промысламъ и ремесламъ, уясняющія ихъ наилучшее усовершенствованіе и наиболѣе выгодное производство, книги по сельскому хозяйству, садоводству, пчеловодству и т. п. съ наибольшимъ количествомъ точныхъ и примѣнимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ свѣдѣній, книги по медицинѣ, гигіенѣ, ветеринаріи и т. п.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ

съ 1-го февраля по 1-е апрѣля 1891 г. *).

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Галанинъ, М. И., д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Съ прибавленіемъ діэтетики беременности, родовъ и послѣродоваго періода, сост. женщиною - врачемъ Никольской-Щечкиной. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., VIII+332 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р.

Дементьевъ, Е. М., докторъ. Англійскія игры на открытомъ воздухѣ. Руководство для воспитателей и для юношества. Съ 18 рисунками. Изд. журнала «Вѣстникъ воспитанія». Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 82 стр., 1.000 экз. Ц. 60 к.

Изъ записокъ сельскаго учителя. Спб. Тип. Синодальная. 16 д., 36 стр., 1.500 экз.

Лесгафтъ, П. Ф., проф. О физическомъ образованіи въ профессіональной школѣ. Спб. Тип. В. Демакова. 8 д., 15 стр., 150 экз.

Мазингъ, К. Историческій очеркъ реальнаго образованія въ Германіи и стремленія защитниковъ его. Спб. Тип. В. Демакова. 8 д., 29 стр., 120 экз.

Михайлова, Е. А., женщина-врачъ. О значеніи физическихъ упражненій для женскихъ учебныхъ заведеній. (Отд. оттиски изъ трудовъ Моск. отдѣла общества охраненія народнаго здравія). Москва. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 10 стр., 300 экз.

Скворцовъ, Н. Объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологич. въ частности. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., VI+97 стр., 300 экз.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Административный отчетъ по Императорскому с.-петербургскому воспитательному дому за 1888 годъ. Спб. 1891. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 86 стр., 200 экз.

Альбрехтъ, Е. С.-Петербургская консерваторія. Спб. 1891. Тип. Э. Гоппе. 8 д., 59 стр., 1.100 экз. Ц. 75 к.

Васильевъ, Е. Отчетъ о состояніи виленской 1-й гимназіи за 1889—90 учебный годъ. Вильна. 1891. Тип. А. Сыркина. 8 д., 88 стр., 300 экз.

Горбуновъ. Новые учебные планы и примѣрныя программы (утвержденныя 20-го іюля 1890 г.) классическихъ гимназій и прогимназій, съ новыми объяснительными записками Министерства Народнаго Просвѣщенія. Москва. 1891. Тип. П. Мартынова. 8 д., 168 стр., 4.200 экз. Цѣна 50 коп.

*) Духовныя изданія относятся частью еще къ январю.

Дополненіе правилъ, требованій и программъ испытаній въ коммисіи историко-филологической, утверждныe г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1891. Тип. А. М. Вольфа. 8 д., 18 стр., 100 экз.

Императорское русское техническое общество. Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Общая часть. Издано подъ главною редакціею В. И. Срезневскаго. Спб. 1891. Тип. «Владимірская» (Л. Мордуховской). 8 д., 16+72+22+136 стр., 2.200 экз. Ц. 2 р.

Историческая записка общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ казанской 2-й гимназіи, за первое семилѣтіе (Съ 17-го октября 1882 по 17-е октября 1889 г.). Казань 1891. Тип. губернскаго правленія. 8 д., 15 стр., 316 экз.

Краткій отчетъ о состояніи сиротскаго, пріюта М. Р. Гладкова въ Одессѣ за 1890 г. Одесса. 1891. Тип. Е. Фесенко. 8 д., 14 стр., 100 экз.

Лалаевъ, М. Памяти Николая Васильевича Исакова (Изъ журнала «Педагогическій Сборникъ» 1891 г.). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 15 стр., 50 экз.

Лубенское спасопреображенское братство. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 32 стр., 700 экз.

Михалевичъ, И. К. Двадцатипятилѣтіе каменецъ-подольской русской публичной библіотеки. 1866—1890 гг. Каменецъ-Подольскъ. 1891. Тип. губернскаго правленія. 8 д., 54+XXIV стр., 188 экз.

Мнѣнія лицъ, спрошенныхъ по поводу пересмотра устава Императорской академіи художествъ. II. Спб. 1891. Тип. бр. Шумахеръ. 8 д., 119 стр., 100 экз.

Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ дерптскомъ университетѣ 1891 года, семестръ I (Переводъ). Дерптъ. 1891. Тип. Шнакенбурга. 8. д, 16 стр., 250 экз.

Отчетъ по николаевскому православному братству за 1889 годъ. Спб. Тип. артиллерійскаго журнала. 8 д., $2^1/_2$ печатн. листа, 450 экз.

Отчетъ о состояніи ремесленнаго училища, учрежденнаго въ память 25-тилѣтняго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, и училища-пріюта московскаго еврейскаго общества. Съ 1-го октября 1889 г. по 1-е октября 1 90 г. Москва. 1891. Тип. тов. А. А. Левенсонъ. 8 д., 33+4 нен. стр., 450 экз.

Отчетъ о дѣятельности Императорскаго московскаго технического училища за 1887—88 и 1888—89 академическіе годы. Москва. 1890. Тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 8 д., 135+32+151 стр. и 4 листа чертежей, 100 экз.

Отчетъ с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи за 1889—1890 годъ. Спб. 1891. Тип. Р. Голи. 8 д., XX+200 стр., 300 экз.

Отчетъ по состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Александровскому коммерческому училищу, основанному московскимъ биржевымъ обществомъ, за 1889—90 учебный годъ. Москва. 1891. Тип. тов. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 14 стр., 300 экз.

Отчетъ о состояніи немировской гимназіи за 1889—90 учебный годъ. Немировъ. 1891. Тип. Р. Шерра. 8 д., 118 стр., 300 экз.

На память прежнимъ и нынѣшнимъ воспитанникамъ петровскаго-полтавскаго кадетскаго корпуса. 1840—1890 (Изъ журнала «Педагогическій Сборникъ»). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 15 стр., 300 экз.

Народное образованіе въ Свіяжскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, за 1889—90 учебный годъ. Казань. 1891. Тип. А. Родіонова. 8 д., 136 стр., 100 экз.

Правила и программы полукурсовыхъ испытаній на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ. 1891. Тип. университетская (В. Завадзкаго). 8 д., 22 стр., 300 экз.

Правила объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія (Утвержд. Министромъ 12-го марта 1891 г.). Спб. 1891. Тип. академіи наукъ. 8 д., 58 стр., 2.510 экз.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммиссіи физико-математической по отдѣленію математическихъ наукъ (Утвержд. г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 декабря 1890 г.). Спб. 1891. Тип. А. Вольфа. 8 д., 43 стр., 410 экз.

Правила о зачетѣ полугодій и программы полукурсовыхъ испытаній въ историко-филологическомъ факультетѣ

Императорскаго казанскаго университета. Казань. 1891. Тип. университетская. 8 д., 19 стр., 50 экз.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммиссіи физико-математической, по отдѣленію естественныхъ наукъ (Утв. г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го декабря 1890 г.). Спб. 1891. Тип. А. М. Вольфа. 8 д., 105 стр., 400 экз.

Тоже въ коммиссіи юридической (Утвержд. г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10-го декабря 1890 г.). Спб. 1891. Тип. А. М. Вольфа. 8 д., 39 стр., 1.500 экз.

Правила, требованія и программы испытаній въ коммиссіи историко-филологической (Утвержд. г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 декабря 1890 г.) Спб. 1891. Тип. А. Вольфа. 8 д., 60 стр., 200 экз.

Программы полукурсовыхъ испытаній для студентовъ юридическаго факультета университета св. Владиміра. Кіевъ. Тип. университетская (В. Завадзкаго). 8 д., 25 стр., 500 экз.

Протоколы засѣданій совѣта Императорскаго с.-петербургскаго университета за осеннее полугодіе 1890 г. № 43. Спб. 1891. Тип. А. Вольфа. 8 д., 30 стр., 600 экз.

Пругавинъ, А. С. Программа для собиранія свѣдѣній о томъ, что читаетъ народъ и какъ онъ относится къ школѣ и книгѣ. Изд. 2-е. Москва. 1891. Тип. В. Рихтера. 8 д., 32 стр., 1.200 экз. Ц. 20 коп., съ пересылкою 25 коп.

Рукавишниковъ, К. В. Московскій городской рукавишниковскій пріютъ. Сообщеніе, сдѣланное 31-го января 1891 года въ зданіи Императорскаго московск. университета студентамъ 8-го семестра юридическаго факультета. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 21 стр., 12.000 экз.

Рѣчь и отчетъ, читанные 27 февраля 1891 года въ торжественномъ собраніи московской частной женской гимназіи, учрежденной З. Д. Перепелкиной. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 69+VI+30+91 стр., 1.200 экз.

Сабанинъ, Вл. Систематическій каталогъ библіотеки постоянной коммисіи по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ. Спб. 1890. Тип. В. Киршбаума. 8 д., XXII+233+1 нен. стр., 300 экз.

Спасскій. 150-ти-лѣтіе новгородской духовной семинаріи. 1740—1890. Юбилейный сборникъ. Новгородъ. Тип. А. Ѳедорова. 8 д., 149 стр., 1.200 экз.

Списокъ должностныхъ лицъ казанскаго учебнаго округа. 1891. Казань. Тип. университетская. 8 д., 452 стр., 650 экз.

Списки студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго новороссійскаго университета въ весеннемъ полугодіи 1890—91 учебнаго года. Одесса. Тип. экономическая. 8 д., 9+31+39 стр., 200 экз.

Списокъ книгамъ, одобреннымъ опредѣленіями Ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и состоящаго при немъ особаго отдѣла, для учениковъ и библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ, за январь 1891 года. Спб. Тип. А. Якобсона. 8 д., 3 стр., 600 экземпл.

То-же, за февраль 1891 г.

То-же, за мартъ 1891 г.

Спицынъ, А. Исторія вятскаго главнаго народнаго училища (1786—1811 гг.). (Перепечатано изъ календаря Вятской губерніи на 1891 г.). Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1891. Тип. губернская. 8 д., 79 стр.

Труды коммиссіи по техническому образованію и отчетъ о школахъ для рабочихъ и дѣтей, учрежденныхъ Императорскимъ русскимъ техническ. обществомъ, при содѣйствіи гг. фабрикантовъ и заводчиковъ г. С.-Петербурга. 1889—1890. Спб. 1891. Тип. В. Демакова. 8 д., VIII+109+14+32+8+33+29+53 стр., 400 экз.

III. Законъ Божій.

Базаровъ, І., прот. Библейская исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. 27-е. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 287 стр., 10.000 экз.

Лебедевъ, А., прот. Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Спб. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 126 стр., 1.245 экз.

Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. 1-й (988—1589). Курсъ V-го класса духовн. семинарій. Изд. 2-е, исправленное. Москва. Типогр. Іогансона. 8 д., 274 стр., 2.400 экз.

Никольскій, А. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. Изд. 3-е.

Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 8 д., 128 стр. 12.000 экз.

Соколовъ, Д. Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Изд. 48-е. Спб. Тип. Министерства Путей Сообщенія. 8 д., 64 стр., 50.000 экз.

— Д., протоіерей. Молитвы, заповѣди, сумволъ вѣры, съ объясненіемъ. Изд. 37-е. Спб. Тип. А. Катанскаго. 8 д., 3.000 экз.

— Ученіе о богослуженіи православной церкви. Спб. Тип. Министерства Путей Сообщенія (Бенке). 8 д., 149 стр., 5.000 экз.

Страховъ, Н. Краткая методика Закона Божія, съ изложеніемъ общихъ началъ и средствъ религіознаго воспитанія. Изд. 3-е, вновь переработанное. Москва. Тип. Іогансона. 8 д., 88 стр., 2.400 экз.

IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.

Абламскій, Н. Д. Первые уроки для обученія дѣтей грамотѣ. Кіевъ. 1891. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 8 д., 22 стр. и 1 таблица. 5.100 экз. Ц. 28 к.

Барановъ, А. Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изд. 12-е. Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 95 стр., 50.000 экз. Ц. 30 к.

Бунаковъ, Н. Азбука и уроки чтенія и письма въ 3-хъ книжкахъ. Съ 241 рисункомъ въ текстѣ. Изд. 47-е. Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Я. Либермана. 8 д. 80 стр., 40.000 экз. Ц. 25 к.

Гіацинтовъ, Н. Краткій учебникъ по русскому языку. Часть I. Этимологія. Изд. 1-е. Рязань. 1891. Тип. М. Орловой. 8 д., VII+119 стр., 500 экз. Ц. 50 коп.

— Часть II. Синтаксисъ. Изд. 1-е. Рязань. 1891. Тип. М. Орловой. 8 д., VII+100 стр., 50 экз. Ц. 50 к.

Говоровъ, К. Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Элементарная грамматика. Курсъ 3-й. Синтаксисъ. Изд. 19-е, исправленное по руководству, изд. академіею наукъ. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 110+2 нен. стр., 18.000 экз. Ц. 50 к.

Ерминъ, Н., и **Волотовскій**, А. Приходская школа. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ обученію родному языку въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Изд. 10-е. Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 111 стр., 10.000 экз. Ц. 35 к.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ (Самодиктованіе и самоисправленіе). Новая система для практическаго самоизученія русскаго правописанія. Знаки препинанія. Часть 2-я. Сост. по руководству академіи наукъ. Изд. 2-е. Москва. 1891. Тип. А. Гатцука. 8 д., VIII+130 стр., 2.400 экз. Ц. 40 к.

Ивановъ, А. Русская грамматика. Изд. 19-е, дополненное по руководству академіи наукъ, книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 113 стр., 3.600 экз. Ц. 50 к.

Красногорскій, П. Задачи по русскому правописанію, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря. Пособіе для класснаго и домашняго обученія правописанію по изыскательному методу, т. е. путемъ предложенія учащимся орѳографическихъ задачъ для самостоятельнаго рѣшенія. Изд. 5-е, дополненное. Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., VIII+188 стр., 3.000 экз. Ц. 75 к.

— Изд. 6-е. Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д, VIII+188 стр., 3.000 экз. Ц. 75 к.

Куницкій, В. Задачникъ по русской грамматикѣ для элементарн. школъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Спб. 1891. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., IV+102 стр., 1.200 экз. Ц. 50 к.

Лубенецъ, Т. Письменныя самостоятельныя работы въ начальной школѣ. Книжка для учащихся. Изд. 3-е, исправленное. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществ. польза». 8 д., 3 нен.+52 стр., 10.000 экз. Ц. 15 к.

Лѣтопись Нестора. Редакція и примѣчанія В. А. Яковлева (Учебная библіотека). Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., 86 стр. и 1 таблица. 2.050 экз. Ц. 35 к.

Мартыновскій, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Т. 1.

Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, I и II классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Изд. 4-е, съ измѣненіями и дополненіями. Центральн. книжной торговли. Тифлисъ. 1891. Тип. А. Михельсона. 8 д., XI+448+XV стр., 6.265 экз.

Миропольскій, С. Обученіе грамотѣ. Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей начальныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Спб. 1891. Тип. Глазунова. 8 д., XVII+206 стр. 2.020 экз.

Новая русская азбука, составленная по новой методѣ, для скораго и легкаго обученія чтенію и письму (совмѣстно). Съ картинами, чертежами и прописями. Изд. Е. Губанова. Москва. 1891. Тип. Вильде. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Новѣйшая полная россійская азбука, содержащая въ себѣ: молитвы, заповѣди, краткую священную исторію Ветхаго и Новаго завѣта, нравоучительныя басни и таблицу умноженія. Съ картинами, чертежами и прописями. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 71 стр., 20.000 экз.

Озеровъ, В. А. Поликсена. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пособіе для класснаго чтенія, съ объясненіемъ П. Н. Полеваго. Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 16 д., 78+VI стр., 400 экз. Ц. 10 к.

Петровъ, К. П. Практическія упражненія и темы по русскому языку. Спб. 1891. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 5 нен.+129 стр., 2.000 экз. Ц. 80 к.

Поповъ, Д. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку въ церковно-приходскихъ школахъ. Спб. Тип. синодальная. 16 д., 128 стр., 200.000 экз.

Преображенскій, А. Русская хрестоматія для трехъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. книжнаго магазина В. Думнова. М. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., XII+400 стр., 2.400 экз. Ц. 90 к.

Разсказовскій, Е. Краткая концентрическая русская грамматика. Составлена примѣнительно къ программѣ и практическому употребленію въ народной школѣ. Въ концѣ грамматики помѣщены образцы письменныхъ упражненій. Тамбовъ. 1891. Тип. губернскаго правленія. 8 д., II+58+II стр., 100 экз., Ц. 25 к.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть 2-я. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. (Отъ Ломоносова до Карамзина). Изд. 5-е книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 320 стр., 360 экз. Ц. 1 р.

— П. Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть II. Элементарный синтаксисъ. Изд. 4-е. Спб. 1891. Тип. И. Скороходова. 8 д., VII+131+III стр., 12.000 экз. Ц. 50 к.

Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія, съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Изд. 88-е. Спб. 1891. Тип. Н. Лебедева, В. Балашева и товар. «Обществ. польза». 8 д., IV+100 стр., 25.000 экз. Ц. 30 к.

Цвѣтковъ, П. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительн. диктовокъ. 2-й и 3-й годъ обученія. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Я. Либермана. 8 д., 134+2 нен-стр., 2.045 экз. Ц. 35 к.

Церковно-славянская азбука для церковно-приходскихъ школъ. Спб. Тип. синодальная. 16 д. 32 стр., 120.000 экз.

Чекановъ, Н. Vade-mecum. Буква ѣ въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ словъ. Урюпинъ. 1891. Тип. А. Волковой. 32 д., 13 стр., 1.000 экз.

Шереметевскій, Вл. Къ вопросу о единообразіи въ орѳографіи, по поводу академическаго руководства «Русское правописаніе». Педагогическій этюдъ. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., VI+91 стр., 600 экз. Ц. 65 к.

Шидловскій, Букварь. Харьковъ. 1891. Тип. М. Зильберберга. 8 д., 18 стр., 1.000 экз.

V. Древніе языки.

Бленскій, Ѳ. Я. Переводъ первой пѣсни Энеиды Виргилія, съ подстрочнымъ словаремъ, примѣчаніями, біографіей поэта и указателемъ собственныхъ

именъ. Изд. 3-е, исправленное книжнаго магазина Ф. Іогансона. Кіевъ. 1891. Тип. И. Чоколова. 16 д., 111 стр., 2 050 экз. Ц. 50 к.

Виноградовъ, П. Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для перваго класса. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., IX+60+71 стр., 2.650 экз. Ц. 60 к.

Гальберштадтъ, К. Библіотека греческ. классиковъ въ русскомъ переводѣ. Homeri Odyssea. Книга VI. Переводъ со словами и примѣчаніями. Изд. книжнаго магазина Ф. Іогансона. Кіевъ. 1891. Тип. И. Чоколова. 16 д., 48 стр., 2.050 экз. Ц. 30 к.

— К. Homeri Odyssea. Книга 5. Переводъ со словами и примѣчаніями. (Библіотека греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ). Изд. книжн. магазина Ф. Іогансона. Кіевъ. 1891. Тип. И. Чоколова. 16 д., 77 стр., 2.050 эаз. Ц. 30 к,

Данильченко, К. Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи и первая рѣчь противъ Филиппа со словаремъ и примѣчаніями. Изд. книжнаго магазина Ф. Іогансона. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное, съ прибавленіемъ введенія. Д. Ѳ. Кіевъ. 1891. Тип. И. Чоколова. 16 д., 138 стр., 2.050 экз. Ц. 65 к.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. II. Виргилій Маронъ. Энеида. Пѣснь 1. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рисунками и географическою картою. Объяснилъ профес. Д. Нагуевскій. Изд. 4-е. Царское Село. 1891. Тип. В. Безобразова и К° въ Спб-гѣ. 8 д. 25+63 стр., 3.200 экз.

Кремеръ, К. Ксенофонта Анабазисъ. Подстрочный переводъ со словами и примѣчаніями. Книга 2-я. Изд. 2-е книжнаго магазина Ф. Іогансона. Кіевъ. 1891. Тип. И. Чоколова. 16 д., 104 стр., 2.050 экз. Ц. 40 к.

Никифоровъ, В. Латинская грамматика. По Штегману. Изд. 2-е, исправленное, книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VII+294 стр., 4.200 экз. Ц. 1 р.

Орловскій, С. Ф. и **Фаминскій**, В. Н. Греческая хрестоматія, т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ, съ біографіями писателей и примѣчаніями грамматическими и реальными. Вып. 3-й: пять рѣчей Демосѳена. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 76+2 нен. стр., 4.060 экз. Ц. 35 к.

Римскіе классики. Текстъ для учащихся, провѣренный русскими филологами, подъ главною редакціею В. М. Краузе. Стихотворенія Горація. Спб. 1890. Изд. и тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д. XXXIV+190 стр., 1.000 экз. Ц. 50 к.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ программамъ 1890 г. Часть 1-я. (Этимологія. Начальныя правила синтаксиса). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., VIII+88 ст., 1.000 экземпляровъ.

Семеновичъ, Ив. Латинская хрестоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Части I и II. Изд. книжнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VI+126+IV+160 стр., 2.600 экз. Ц. 1 р.

Сыроѣчковскій, Е. Начальная латинская хрестоматія для 3-хъ первыхъ классовъ гимназій. Вып. II. Курсъ 2-го класса. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 2 нен.+96 стр., 3.000 экз.

— Вокабуларій къ курсу 2-го класса начальной латинской хрестоматіи. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., 96 стр., 3.000 экз.

Шписсъ, Ф. Статьи для перевода съ латинскаго языка на русскій въ I-мъ классѣ гимназій. (Добавленіе къ книгѣ упражненій). Переводъ Н. Баталина. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 8 д., 15 стр., 1.200 экз. Ц. 10 к.

VI. Математика и естествознаніе.

Агаповъ, Д. Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ темами на испытаніе зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Вып. 3-й. — Геометрія. Оренбургъ. 1891. Тип. Б. Бреслина. 8 д., 93 стр. и 2 таблицы чертежей. 1.000 экз. Ц. 65 к.

Арефьевъ, А., и **Соколовъ**, А. Повторительный курсъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд.

4-е, исправленное книжн. магазина М. Наумова. Москва. 1891. Тип. И. Малышева. 8 д., 32 стр., 13.500 экз. Ц. 10 к.

Вагнеръ, Г. Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Переводъ В. Висковатова. Книжка 1-я. Изд. 7-е, исправленное, книжн. магазина П. Луковникова. Спб. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 170 стр., 5.000 экз. Ц. 1 р.

Варавва, М. Начальный курсъ анатоміи и физіологіи человѣка и гигіены. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, измѣненное, книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1881. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., IV+143 стр., 1.200 экз. Ц. 75 к.

Геде, Ѳ. В. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Часть III. Дроби. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 4 нен.+124 стр., 2.000 экз. Ц. 35 к.

Доне, Ф. Сборникъ методически распредѣленныхъ ариѳметическихъ задачъ въ связи съ важнѣйшими ариѳметическими объясненіями и правилами. Часть III. Изданіе книжнаго магазина В. Мелина и К°. Рига. 1891. Тип. И. Штеффенгагена и сына въ Митавѣ. 8 д., 96 стр., 3.000 экз.

Кирпотенко, А. П. Руководство къ наблюденію природы и собиранію естественно - историческихъ коллекцій. Изд. 4-е, исправленное и дополненное, Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. Я. Либермана. 16 д., 3 нен. + 125 стр., 3.000 экз. Ц. 30 к.

Киселевъ, А. Систематическій курсъ ариѳметики. Изд. 4-е, измѣненное согласно послѣднимъ программамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также указаніямъ Ученаго комитета Министерства Народн. Просвѣщенія. Изд. книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., IV+220 стр., 6.000 экз. Ц. 75 к.

Корякинъ, М. Образцы письменныхъ работъ по ариѳметикѣ. Курсъ III класса среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, дополненное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 66 стр., 2.400 экз. Ц. 40 к.

Лебедевъ, Г. Учебникъ минералогіи. Часть описательная (физіологія минераловъ). Вып. 2-й. (Съ 314 политипажами въ текстѣ). Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., IV+съ 321 по 643 стр., 2.025 экз.

Лубенецъ, Т. Методика ариѳметики. Руководство къ «Сборнику» ариѳметическихъ задачъ Т. Лубенца. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 8 д., 66 стр., 5.100 экз. Ц. 30 к.

Меморскій. Ариѳметика въ вопросахъ и отвѣтахъ, для легчайшаго самообученія и обученія другихъ. Новое изданіе, вновь исправленное и дополненное. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 105+105+II стр., 7.200 экз.

Михельсонъ, С. Первые уроки ариѳметики. Задачи, примѣры и вопросы. Практическое руководство для семьи и школы. Спб. 1891. Тип. училища глухонѣмыхъ. 8 д., II + 80 стр., 1.200 экз. Ц. 40 к.

Никульцевъ, П. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я. Задачникъ по алгебрѣ. Изд. 2-е, значительно дополненное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., IV+276 стр., 1.200 экз. Ц. 1 р.

Полкотыцкій, В. Разборъ рецензій, относящихся: а) къ руководству къ физикѣ и б) къ сокращенному руководству къ физикѣ. В. Полкотыцкаго. Варшава. Тип. С. Оргельбранда сыновей. 8 д., 11 стр., 1.000 экз.

Прокофьевъ, А. В. Коммерческая ариѳметика и торговыя операціи. Съ приложеніемъ графич. таблицы колебанія русскаго вексельнаго курса. Изд. 4-е, вновь исправленное и дополненное. Москва. 1891. Тип. А. Мамонтова и К°. 8 д., IV+252+IV стр., 2.400 экз. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сабанинъ, А. Х. Лекціи физіологіи, читанныя въ воронежской фельдшерской школѣ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Воронежъ. 1891. Тип. В. Юркевича. 8 д. II+127+III стр., 1.200 экз. Ц. 1 р.

Сборникъ ариѳметическихъ правилъ для воспитанниковъ первыхъ трехъ классовъ московскаго мѣщанскаго училища. Москва. 1891. Тип. А. Кольчугина. 8 д., 42 стр., 600 экз.

Стебловъ, А. Руководство къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ на тройныя правила. Спб. 1891. Тип. Дома

призрѣнія малолѣтныхъ бѣдныхъ. 8 д., 146 стр., 1.200 экз. Ц. 65 к.

Стрекаловъ, В. Карманная книжка для преподавателей математики и физики на 1890—1891 учебн. годъ. Изд. Н. Мартынова. Спб. 1890 Тип. В. Безобразова и К°. 16 д., 35+8 стр., 1.000 экз.

Тихомировъ, Д. Методика начальной ариѳметики. Руководство для учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. Тип. Фридланда. 8 д., 118 стр., 1.250 экз.

Ушаковъ, В. Краткая ариѳметика. Изд. 9-е. Спб. 1891. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 24 стр., 5.000 экз. Ц. 4 к.

Фишманъ, Л. Краткое руководство ариѳметики и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальнаго преподаванія. Часть V. Изд. К. Зихмана. Рига. 1891. Тип. А. Гротуса. 8 д., 72 стр., 2.000 экз. Ц. 25 к.

Цигельманъ, Н. Л. Основныя начала ариѳметики цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ. Систематическій конспектъ для повторенія ариѳметики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное по указанію ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Одесса. 1891. Тип. Исаковича. 8 д., 95 стр., 2.500 экз. Ц. 25 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Учебникъ геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ дополнительныхъ статей (305 политипажей въ текстѣ). Изд. А. Карцева. Москва. 1891. Тип. Д. Бончъ-Бруича въ Москвѣ и В. Безобразова въ Спб-гѣ. 8 д., XIV+411 стр., 2.500 экземп. Ц. 1 р., 25 к.

VII. Географія и исторія.

Брызгаловъ, А. Географія. Курсъ 1-й. Изд. 12-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., XII+69 стр., 3.600 экз. Ц. 50 к.

Воронецкій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской Имперіи. Изд. 4-е, исправленное, Д. Полубояринова. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 8 д., 72 стр., 6.100 экз. Ц. 45 к.

Гартвигъ, А. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ завед. Москва. 1891. Тип. М. Бархударова. 8 д., 51 стр., 1.210 экз. Ц. 30 к.

Гинце, Г. Э. Краткій повторительный курсъ древней исторіи (Средній курсъ). Изд. 2-е, исправленное. Харьковъ. 1891. Тип. В. Бирюкова. 16 д., 60 стр., 2.000 экз. Ц. 20 к.

Турчаковскій, К. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Страны Западной Европы. Изд. 3-е. Кіевъ. 1891. Тип. С. Кульженко. 8 д., IV+127 стр., 1.200 экз. Ц. 65 к.

VIII. Новые языки.

Алексѣевъ, А. Voltaire. Histoire de Charles XII, roi de Suède. Съ примѣчаніями историческими и грамматическими. (Вып. 4-й). Спб. 1891. Тип. Тренке и Фюсно. 16 д. 171 стр., 3.000 экз. Ц. 40 к.

Аллендорфъ, И. Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 2-я. Изд. 3-е, передѣланное. Одесса. 1891. Тип. А. Шульце. 8 д., X+257 стр., 2.000 экз. Ц. 1 р.

Бѣлицкій, К. Я. Начальный курсъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Примѣнительно къ новымъ программамъ для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ Изд. книгопр. Е. Распопова. Одесса. 1891. Тип. Л. Нитче. 8 д., 258 стр., 2.400 экз. Ц. 80 к.

Крейсбергъ, Ф. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 1. Тифлисъ. 1891. Тип. канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. 8 д., III+70+3 нен. стр. 1.213 экз. Ц. 40 к.

Максимова, Ф. Теорія на практикѣ. (Уроки 23—27 англійскаго языка). Спб. Тип. Ф. Вайсберга. 8 д., стр. съ 73 по 88, 1.000 экз.

Месковскій, А. Образцовый самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Сост. для русскихъ по новѣйшей американской системѣ Р. С. Розенталя. Вып. 6-й. Спб. 1891. Тип. А. Пожаровой. 8 д., стр. съ 153 до 184, 2.150 экз. Ц. 30 к.

Новое средство выучиться французскому языку безъ помощи учителя. (Простой, но вѣрный, испытанный методъ). Изд. 2-е редакціи журнала

«Учитель - Лингвистъ». Спб. 1891. Тип. В. Комарова. 8 д., 19 стр., 1.200 экз. Ц. 30 к.

Рейсснеръ, Р. Наилучшая нѣмецко-русская азбука для изученія въ 1—2 мѣс. нѣмецкаго чтенія, письма и разговора, съ новѣйшими образцами и съ картинками. Переводъ со 2-го изданія подъ ред. А. Паскаля. Изд. 1-е. Варшава. 1891. Тип. М. Земкевичъ. 8 д., VIII+112 стр., 2.200 экз. Ц. 35 к.

Рѣдкинъ, А. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Сост. по методѣ Туссена и Лангенштейдта. Вып. 6-й. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 143 по 168, 3.035 экз.

Чекала, С. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 1891. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., IV+70 стр., 1.200 экз.

Шалландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. Первый годъ. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. И. Скороходова. 8 д., 80 стр. 6.000 экз. Ц. 35 к.

IX. Чистописаніе, рисованіе, музыка и предметы профессіональнаго образованія.—Законовѣдѣніе.

Аверкіева, Е. Краткій курсъ плодоводства. Для народныхъ школъ. Съ 11 рисунками. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. Клинской уѣздной земской управы. Москва. 1891. Тип. В. Чичерина. 8 д., 24 стр., 1.200 экз. Ц. 10 к.

Александровъ, Н. Церковныя пѣснопѣнія. Переложь. на четыре женскіе голоса. Казань. Тип. университетская. 4. д. 176 стр., 1.200 экз.

Дроздовъ, В. В. Правила писать скоро, четко и красиво. Одесса. Тип. В. Бауmштейна. 4 д., 2 нен. стр. и транспарантъ. 1.000 экз.

Зелинскій, И. А. Краткая элементарная теорія пѣнія и сборникъ лучшихъ пѣсень разныхъ композиторовъ, переложенныхъ на два голоса. дисканта и альта. Предназначается спеціально для классинаго пѣнія. Кіевъ. 1891. Тип. С. Кульженко. 3 нен+64 стр., 2.000 экз. Ц. 50 к.

Классенъ, А. П. Ремесленникъ. Практическое руководство для ремесленныхъ училищъ и любителей, желающихъ вполнѣ изучить и ознакомиться съ необходимыми принадлежностями и пріемами въ мастерскихъ: плотничной, столярной, токарно-ажурной, кузнечно-слесарной, часовой, типографской, переплетной, сапожной и портняжной. 326 рисунковъ въ текстѣ. Изд. 5-е книгопр. И. Тузова. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 8 д., VII+351 стр., 2.000 экз. Ц. 2 р.

Книга для чтенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 100 стр., 50.000 экз.

Курсъ законовѣдѣнія для младш. класса военныхъ училищъ. Вып. 1-й. Государственные законы. Спб. 1890. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 114+VIII стр., 2,000 экз. Ц. 85 к.

— Вып. 2-й. Гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д., стр. съ 115 по 202+XXII стр., 2.000 экз. Ц. 90 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Рисованіе по сѣткѣ. Пособіе для самостоятельныхъ занятій дѣтей въ школѣ и дома. Вып. 2-й. Для дѣтей отъ 8 лѣтъ. Изд. 8-е, исправленное, книжн. магазина П. Луковникова (62 таблицы съ 500 рисунками). Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 8 д., 5.000 экз. Ц 35 к.

Рейнботъ, Е. Ф. Пособіе для изученія технической части товаровѣдѣнія. Спб. 1891. Тип. С. Яздовскаго и К°. 8 д., III+406 стр., 3.000 экз.

Русскія прописи. Изд. южно-русскаго книжн. магазина И. Динтера. Кіевъ. 1891. Лит. Бруна. 4 д., 9 стр. 4.000 экз.

Ряжскій, А. Учебникъ церковнаго пѣнія. Мелодическое пѣніе. (Часть I—практическая. Часть II — теоретическая). Москва. Тип. синодальная. 8 д., 45 стр., 9.200 экз.

Цыбульскій, С. Музыка и пѣніе въ гимназіяхъ (Извлечено изъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, мартъ 1891 г.) Спб. 1891. Тип. В. Балашева. 8 д., 19 стр., 150 экз.

Шредеръ, Р. И. Плодоводство. Краткое наставленіе къ разведенію плодовыхъ деревьевъ ягодныхъ кустарниковъ и къ заготовкѣ различныхъ консервовъ и напитковъ изъ плодовъ и ягодъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное, россійскаго общества любителей садоводства. Москва. 1891. Тип. С. Яковлева. 8 д., III+102 стр., 2.350 экз.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Азбелевъ, И. Объ Индіи и индусахъ. Изд. учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 1890. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 34 стр., 6.000 экз. Ц. 8 к.

Александровъ, А. Краткая исторія египетскаго церства. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 32 стр., 12.000 экз.

Алексѣевъ, П. С., д-ръ. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого: «Для чего люди одурманиваются?» Изд. редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 1891. Тип. товар. И. П. Кушнерева и К°. 8 д., 185 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р. съ перес.

Альменденгенъ, А. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. (Библіотека полезныхъ знаній). Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза» и газ. «Новости». 8 д., 5 нсн.+134 стр., 2.100 экз. Ц. 50 к.

Аникинъ, С. К. За Саганлугомъ. Изъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 8 д., 97 стр., 2.000 экз. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.

Архангельская, М. В. Живъ ли онъ? Разсказъ изъ дѣтской жизни. Москва. 1891. Изд. и тип. Общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 32 стр., 3.000 экз. Ц. 5 к.

Бабушка Мареа, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Бадеръ, В. А., архитекторъ. Вопросъ великой важности для сельскаго населенія и пригородныхъ жителей Россіи. Практическія наставленія къ возведенію экономическихъ огнеупорныхъ построекъ и крышъ, примѣнительно и для желѣзныхъ дорогъ, лагерныхъ, фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній и мн. др. Сводъ свѣдѣній и совѣтовъ. Изд. 2-е, значительно дополненное, съ чертежемъ. Москва. 1891. Тип. А. Кульчугина. 8 д., 47 стр., 1.200 экз.

Бартоломео, Ю. Демонъ въ водкѣ и табакѣ, или табакъ и вино; то и другое какъ медленный ядъ, разрушающій здоровье, силы и сокращающій жизнь человѣка. Съ присовокупленіемъ средствъ лѣченія отъ запоя. Изд. 3-е. Москва. 1891. Тип. П. Астафьева. 16 д., 95 стр., 1.200 экз.

Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова. Рисунки М. Е. Малышева. Изд. спб. Комитета грамотности, состоящаго при Импер. вольномъ экономическомъ обществѣ. Спб. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 70 стр., 10.000 экз. Ц. 9 к.

Бестужевъ-Рюминъ, К. О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ. Изд. 3-е. Спб. 1891. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 43 стр., 20.000 экз. Ц. 8 к.

Благовѣщенскій, А. Степанычъ-старичекъ. (Посмертный біографическій очеркъ сельскаго дьячка 40—60-хъ годовъ). Изд. 2-е. Кострома. 1891. Тип. губернская. 8 д., 62 стр., 5.200 экз. Ц. 20 к.

Благоговѣйное воспоминаніе простыхъ русскихъ людей о томъ, съ какимъ трепетнымъ напряженіемъ ожидалъ и съ какою глубоко-сердечною радостью и благодарностью встрѣтилъ русскій народъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861 года. Издано М. Грачевымъ при пособіи А. Расторгуева ко дню 30-й годовщины освобожденія крестьямъ. Москва. Тип. Ефимова. 8 д., 40 стр., 3.400 экз.

Бобровъ, П., протоіерей. Другъ-наставникъ при божественной литургіи, или краткое изъясненіе божественной литургіи и наставленіе, съ какими мыслями и чувствами должно стоять при совершеніи литургіи. Изд. 3-е аеонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва. Тип. Ефимова. 16 д., 48 стр., 15.000 экз.

Быковъ, А. Конь-философъ. Басня-разсказъ. Спб. Тип. В. Тиханова. 4 д., 7 стр., 10.000 экз. Ц. 5 к.

Бѣлый генералъ. Повѣсть изъ событій послѣдней русской-турецкой войны. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1891. Тип. Вильде. 16 д., 108 стр., 600 экз.

Василій Темный и Шемякинъ судъ. Историческій разсказъ. Москва. 1891.

Тип. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Веберъ, К. К. Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разсказы для дѣтей. Изд. 4-е магазина «Сотрудникъ школъ» А. Залѣсской. Москва. 1891. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 8 д., 152 стр., 1.200 экз.

Верещагинъ, В. П., профессоръ. Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Спб. 1890. Тип. Э. Гоппе. 2 д., 2 стр. и 70 табл. рисунковъ. 2.100 экз.

Вернъ, Ж. Полное собраніе сочиненій. Томъ II. Вып. 14-й. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 9 по 16. 25.000 экз.

— Вып. 15-й. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д. Стр. съ 17 по 24, 25.000 экз.

— Вып. 16. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ, 4 д., стран. съ 25 по 35, 25.000 экз.

— Вып. 17. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стран. съ 33 по 40, 25.000 экз.

— Вып. 18. Вокругъ луны. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стран. съ 42 по 48, 25.000 экз.

Сезарь Каскабель. Переводъ Е. Киселева. (44 рисунка Ж. Бенета). Москва. 1881. Тип. бр. Вернеръ. 8 д. 304 стр., 1.800 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Владиміровъ, В. Д. Попрошайка. Петербургскій эскизъ. Двадцатое число. Разсказъ изъ петербургской чиновничьей жизни. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 16 д., 80 стр., 6.000 экз.

Внѣ-богослужебныя бесѣды пастыря съ пасомыми. Вып. 3-й. Изд. 2-е. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 272 стр., 1.200 экз.

Водка и ея плоды. Севастополь. 1891. Тип. С. Вруна, 32 д., 16 стр., 400 экз.

Воронецкій, Изъ подъ вѣнца въ заточеніе. Историческая повѣсть изъ временъ іезуитовъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 108 стр., 720 экз.

— А. М. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ. Міровѣдѣніе. (Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ). Изд. 3-е Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 23 стр., 5.000 экземпл.

Восточное повѣствованіе о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Вредъ отъ азартныхъ игръ. Спб. Тип. Катанскаго. 16 д., 16 стр., 3.000 экз.

Вторая пчелка. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и статей. Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 105 стр. 10 000 экз.

Въ память Императора Александра II. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. П. Шмидта. 8 д., 7 стр., 2.000 экз. Ц. 10 к.

Галя и Назаръ, или добро и за зло. Пов., заимствованная изъ сочиненія Т. Г. Шевченка. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 106 стр., 600 экз.

Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. или присоединеніе Малороссіи. Историческая повѣсть. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1891. Тип. Вильде. 16 д., 107 стр., 6.000 экз.

Голоса изъ Россіи противъ пашковскаго лжеученія по поводу недавняго прискорбнаго случая. Безплатное народное изданіе. Спб. 1891. Тип. тов. «Обществ. польза». 8 д., VIII+50 стр., 10.000 экз.

Голубка Маня. Повѣсть. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1891. Тип. Вильде. 16 д., 179 стр., 6.000 экз.

Гончаровъ, И. А. Англичане и русскіе (Изъ «Фрегата Паллады»). Съ видомъ Лондона. Спб. 1891. Тип. Е. Евдокимова. 16 д., 32 стр., 12.000 экземпл.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 стр., 107 стр. 7.200 экземпл.

— Сочиненія. (Драматическія произведенія. Мелкія статьи и произведенія. Письма). Изд. 2-е, значительно дополненное, К. Шамова, съ портретомъ автора. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 348 + IV+6 стр., 1.800 экз. Ц. 2 р. 50 к.

— Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Подъ редакціею П. А. Ефремова. Съ портретомъ и біографіей Грибоѣдова. Изд. 10-е. (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д. XVI+145 стр., 10.000 экз. Ц. 10 к.

Гриммъ. Сказки. Съ 20-ю рисунками Н. К—на. Москва. 1891. Изд. и тип.

И. Сытина и К°. 8 д., 109 стр., 6.000 экз. П. 50 к.

Громобой, новгородскій витязь, и прекрасная княжна косожская Миловзора. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экземпл.

Дестунисъ, Софія. Житія святыхъ за май. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 168 стр., 4.000 экз.

— Житія святыхъ за іюнь мѣсяцъ. Спб. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 165 стр.. 4.000 экз.

— За іюль мѣсяцъ. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8 д., 176 ст., 4.000 экз.

— Августъ мѣсяцъ. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтн бѣдныхъ. 8 д., 160 стр., 4.000 экз.

Дидонъ. Жизнь Господа нашего Іисуса Христа. Переводъ съ французскаго. Изъ журнала «Русскій паломникъ». Спб. Тип. П. Сойкина. 8 д., 96 стр., 10.000 экз.

Дмитріевъ, И. И. Сказки, басни и апологи. Съ портретомъ автора. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 137+V стр., 7.200 экз.

— К. Какъ выращивать и откармливать свиней. Изъ 20-ти лѣтней практики агронома-арендатора. (Крестьянское землевладѣльческое хозяйство). Изд. книжнаго магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1891. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 48 стр., 3.600 экз.

Додэ, А. Иллюстрированные повѣсти и разсказы маленькаго эльзасца. Въ прозѣ и стихахъ. Переводъ Л. Олениной. Съ 8-ю картинами. Изд. С. Чаплыгина. Кіевъ. 1891. Тип. И. Горбунова. 8 д., 80 стр., 3.000 экз. Ц. 40 коп.

Другъ и недругъ человѣка. Собака и волкъ. Изд. редакціи журнала «Досугъ и дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д., 53 стр., 2.000 экз. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Дѣлатели золота. (Быль изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Передѣлано изъ разсказа Цшоке. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°, 16 д., 108 стр., 6.000 экз.

Животовскій, Н. П. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ? (Народныя чтенія въ Соляномъ городкѣ). Изд. 4-е Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 36 стр., 3.000 экз.

Жизнь животныхъ. Москва. Тип. И. Сытина. и К°. 8 д., 8 стр. и 5 таб. рисунковъ, 3.200 экз.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотета Ф. Павленкова. Ф. Бэконъ, его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Біографичеекій очеркъ Е. Ѳ. Литвиновой. Съ портретомъ Бэкона, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 79 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Р. Вагнеръ, его жизнь и музыкальная дѣятельность. Біографическій очеркъ С. А. Базунова. Съ портретомъ Вагнера, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза» и газ. «Новости». 8 д., 95 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Джемсъ Уаттъ, его жизнь и научно-практическая дѣятельность. Біографическій очеркъ А. В. Каменскаго. Съ портретомъ Уатта, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза» и газ. «Новости». 8 д., 91 стр, 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Эдиссонъ и Морзе, ихъ жизнь и научно-практическая дѣятельность. Два біографическихъ очерка А. В. Каменскаго. Съ портретами Эдиссона и Морзе, гравиров. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза» и Ю. Эрлиха. 8 д., 80 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Бѣлинскій, В. Г., его жизнь и литературная дѣятельность. Біографич. очеркъ М. А. Протопопова. Съ портретомъ Бѣлинскаго, грав. Геданомъ Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д., 77 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Каразинъ, В. Н., его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. Я. Абрамова. Съ портретомъ Каразина, гравир. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Общественная польза». 8 д., 96 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

— Вальтеръ Скотъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. Паевскій. Съ портретомъ Вальтеръ Скотта, гравир. Геданомъ. Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д., 80 стр., 8.100 экз. Ц. 25 к.

Завадскій, В. Г. Школьный праздникъ. Сборникъ пьесъ для мужскихъ и женскихъ гимназій и народныхъ училищъ, съ приложеніемъ молитвъ предъ ученіемъ на 3 голоса. Изд. П. Ще-

кинъ. Одесса. Тип. штаба одесскаго военн. округа и лит. Е. Бернарди. 4 д., 43 стр. 1.000 экз.

Замѣчательные русскіе люди. Ерофей Хабаровъ и Семенъ Дежневъ. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Обществен. польза». 8 д, 31 стр., 2.000 экз.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы. Съ 55 рисунками М. Малышева. Въ 2-хъ томахъ. Томъ I-й. Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. И. Гольдберга. 8 д., 2 нен.+287 стр. 2.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Знаменательное выздоровленіе. Поучительный и назидательный разсказъ изъ дѣйствительной жизни. Сочиненіе В. А. К. Спб. 1891. Тип. .Худекова. 8 д., 80 стр. 8.000 экз.

Ивановъ, Д. И. Какъ увеличить постоянный доходъ съ пашни и покосовъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Псковъ. 1891. Тип. губернск. земства. 8 д., 22 стр., 512 экз.

— Д. Геройская смерть Данилова и коканскій бунтъ въ 1875 году. Разсказъ. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 48 стр., 1.000 экз. Ц. 20 к., съ порес. 25 к.

Игра въ солдаты. (Библіотечка Ступина). Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 1891. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 23 стр., 12.000 экз. Ц. 10 к.

Избранныя русскія сказки. (По сборникамъ Аѳанасьева и др.) Изд. 2-е. В. Маракуева. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 262+II стран., 12.000 экз.

Извольскій, С. Храбрый рыцарь Родригъ и прекрасная Лара. Рыцарская повѣсть. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Измайловъ, А. Е. Басни. Полное собраніе. Часть I. Спб. Тип. А. Пожаровой. 16 д., 70 стр., 3.000 экз. Ц. 10 к.

Изъ царства природы. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 8 стр. и 6 таблицъ рисунковъ, 3.200 экз.

Исторія о храбромъ Рыцарѣ Францылѣ Венціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Казанцевъ, В. С. Великій патріотъ и непоколебимый столпъ православія святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій. (Краткая историческая повѣсть). Безплатное народное изданіе бр. А. и И. Бровкиныхъ. Москва. Тип. Іогансона. 16 д., 16 стр., 2.400 экз.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. VI. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., стр. съ 109 по 256 и 2 таблицы рисунковъ, 2.030 экз.

Канаевъ, А. Мертвецъ и пьяница, или чудесное избавленіе отъ пьянства, съ прибавленіемъ разсказа о колдунѣ по прозвищу «Черная Кошка», и о томъ, какъ его отдѣлалъ мѣщанинъ Разбитной, по имени Степанъ Григорьевъ сынъ. Изд. 9-е, книгопр. А. Холмушина. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 16 д., 32 стр., 12.000 экз.

Капитанъ Боппъ, больное дитя, фіалка и пѣсня птички. Изд. 3-е. Москва 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 31 стр., 3.300 экз. Ц. 5 к.

Карамзинъ, Н. М. Марѳа Посадница, или покореніе Новгорода. Историческая повѣсть. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 108 стр., 7.200 экз.

— Бѣдная Лиза. Повѣсть. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Кашкаровъ, Д. Присяга подъ знаменемъ. Основы солдатскихъ знаній: присяга, назначеніе солдата, дисциплина и знамя. Спб. Изд. и тип. военно-книжн. магазина. Н. Васильева. 1 д., 1 стр., 480 экз. Ц. 15 к.

Кладъ. Сказочная быль. М. А. К. Съ рисунками Н. М—ва. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д. 215 стр., 3.600 экз.

Кованъ (Thomas Kowan). Практическое пчеловодство. (Уходъ за пчелами въ разборныхъ ульяхъ.—Различные способы подкармливать пчелъ.—Искусственная вощина.—Центробѣжка. —Описаніе различныхъ породъ пчелъ. —Болѣзни пчелъ и проч.). Переводъ подъ ред. и съ добавленіями проф. П. Н. Кулешева. Изд. «Народной библіотечки» В. Н. Маракуева. Москва. 1891. Тип. товар. И. Н. Кушнерева и К°. 8 д., 201+II стр., 2.000 экз. Ц. 40 к.

Комаровъ, А. Ф. Простые разсказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ 12-ю рисунками. (Изложеніе для народа). Изд. 3-е, значительно дополненное. Воронежъ. 1891.

Тип. губернскаго правленія. 8 д., 108 стр., 3.000 экз. Ц. 30 к.

Котляревскій, И. П. Наталка-Полтавка. Украинская опера. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 108 стр., 7.200 экз.

— И. Енеида, на малороссийск. языкъ перелицеванная. Изд. 2-е (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., V+290 стр., 10.000 экз. Ц. 20 к.

Кренке, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Томъ II. Вып. IV. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., VI+съ 149 по 321 стр., 5.000 экз. Ц. 60 к.

Майнъ-Ридъ. Дѣти лѣсовъ (Съ 20-ю рисунками). Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К. 16 д., 224 стр., 7.200 экз. Ц. 50 к.

Мало, Г. Приключенія Рене Мелигана. Романъ. Съ иллюстраціями Э. Байара. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 464 стр., 4.900 экз. Ц. 2 р. 50 коп.

Македонскій, Д. Стихотворенія для простаго народа. Часть 2-я. Харьковъ. 1891. Тип. В. Бирюкова. 8 д., 70 стр., 700 экз. Ц. 20 к.

Марина — дочь атамана запорожцевъ. Повѣсть изъ украинской старины. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 107 стр., 6.000 эка.

Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 251 стр., 7.200 экз.

— Страшное гаданіе. Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 213 стр. 7.200 экз.

Марченко, С. Князь Ханѣевъ. Историческій разсказъ (Изъ временъ Михаила Θеодоровича). Изд. ред. журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Общественная польза». 8 д., 51 стр., 1.000 экз. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Мачиха. Москва, 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Милліонъ сновъ. Новый и полный сонникъ. Предсказаніе сновъ, гаданье на картахъ и проч. Расповнаваніе будущаго по рукамъ и по лицу человѣка. Составлено по указаніямъ лучшихъ авторовъ и ученыхъ по древней и новой философіи и герметикѣ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 111 стр., 7.200 экз.

Мильтонъ, Джонъ. Потерянный и возвращенный рай. Поэма. Съ статьею о жизни и произведеніяхъ автора. Полный переводъ съ англійскаго Ц. А. Каншина. Съ рисунками. Изд. книгопр. В. Губинскаго. Спб. Тип. государственная. 8 д., 604 стр., 5.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

— I. Потерянный рай. Возвращенный рай. Поэмы. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 407 стр., 3.000 экз.

Миролюбовъ, М. Полная школа свѣтскихъ и общественныхъ приличій. Правила вѣжливости (свѣтскій молодой человѣкъ). Съ прибавленіемъ: письмовника для молодыхъ людей, общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, и объяснительнаго словаря. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва. 1891. Тип. П. Астафьева. 16 д., 160 стр., 1.200 экз. Ц. 1 р.

Миронычъ. Очеркъ. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 61 стр., 1.500 экз. Цѣна 25 к., съ перес. 30 к.

Михайловскій, В., прот. Божественная литургія, со статьею о святомъ храмѣ. Изд. 6-е. Спб. Тип. Е. Позняковой. 8 д., 16 стр., 4.000 экз.

— Пьянство и его лѣченіе. Изд. 7-е, съ рисунками. Спб. Тип. Е. Позняковой. 16 д., 40 стр., 5.000 экз.

Москва въ 1812 году и русскіе люди, или нашествіе Наполеона на Россію и съ нимъ двадцати народовъ. Историческая повѣсть. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 215 стр., 7.200 экз.

Мольеръ, Скупой. Комедія въ 5-ти акт. Переводъ В. С. Лихачева (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 91 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

Мысли Святителя Димитрія, митрополита ростовскаго, о томъ, что гдѣ Богъ—тамъ все доброе. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Ледерле, М. М. Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ. Рисунки барона М. Клодта. 1891. Тип. М. Стасюлевича. 8 д, 188 стр. 2.000 экз.

Лункевичъ, В. Обезьяны. (По Брему). Изд. книжнаго магазина Л. Хидделя. Тифлисъ. 1891. Тип. газеты

«Кавказъ». 8 д., 36 стр., 1.200 экз. Ц. 15 к.

— Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата (Жизнь муравьевъ). Изд. книжнаго магазина Л. Хиддекеля. Тифлисъ. 1891. Тип. газ. «Кавказъ». 8 д., 35 стр. и 1 таблица рисунковъ, 1.200 экз. Ц. 10 к.

Наумовичъ, прот. Православный народный календарь на 1891 годъ. Спб. Тип. синодальная. 8 д., 160 стр., 48.000 экз.

Никольскій, П. Бесѣда о христіанскомъ поведеніи въ отношеніи къ неразумнымъ тварямъ. Изд. 2-е. Казань. Тип. университетская. 16 д., 32 стран., 6.000 экз.

Необходимо каждому знать о дурной заразной болѣзни. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 6.000 экз.

Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ. Ворожея, отгадывающая имена, кто кого любитъ или о комъ думаетъ. Толкователь сновъ. Астрономическій и экономическій календарь Брюсса. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 144 стр., 12.000 экз.

О божественной литургіи, съ приложеніемъ объясненій праздниковъ православной церкви, высокоторжественныхъ дней, постовъ, дней поминовенія усопшихъ, евангельскихъ чтеній на всѣ дни года и словаря церковно-славянскихъ словъ, встрѣчающихся въ евангеліи и въ богослуженіи. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 128 стр., 7.200 экз.

О пьянствѣ и другихъ худыхъ привычкахъ. О куреніи табака, сквернословіи, пѣніи мірскихъ пѣсенъ, игрищахъ, катаніяхъ, суевѣріи и божбѣ, съ указаніемъ какъ должно жить, чтобъ счастливымъ быть. Изд. 2-е. Москва. Изд. и тип. И. Сытина я К°. 16 д., 141 стр., 7.200 экз.

Орловъ, А. И. Французск. мудрецъ Власъ Паскаль. Его жизнь и труды. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 106 стр., 7.200 экземпл.

— Отецъ Іоанъ Ильичъ Сергіевъ, кронштадтскій протоіерей Андреевскаго собора. Изд. И. Логиновъ. Одесса. 1891. Тип. «Трудъ». 8 д., 32 стр., 10.000 экз. Ц. 10 к.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, излѣчивающій пьяницъ. Очеркъ. Изд. Т. Кустра. Спб. Тип. Эттингера. 16 д., 32 инз., 20.000 экз.

Пазухинъ, А. Ополченная Россія. Историческій романъ. Москва. 1891. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 235 стр., 1.200 экз.

Первая пчелка. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и статей. (Правда). Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°, 16 д., 142 стр. 10.000 экземпл.

Петрушевскій, А. Разсказы про Суворова. Съ портретомъ. Изд. 2-е Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке). 8 д, 232 стр., 2.000 экз.

Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и Сардинской королевы Терезіи. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. 26-е книгопрод. Г. Бриліантова. Москва. 1891. Тип. В. Барбей. 16 д., 197 стр., 5.000 экз.

Погосскій, А. Анчутка безпятый. Бобыль Наумъ-Сорокодумъ. Разсказы. Изд. 3-е Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 27 стр., 5.000 экз.

— Чему быть, того не миновать, или не по-носу табакъ! Народное представленіе въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изд. 3-е. Н. Фену и К°. Спб. 1891. Тип. П. Яблонскаго. 8 д., 100 стр., 5.000 экземпл.

Подъ Плевной. Разсказъ. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товар. «Ѳcommitt. польза». 8 д., 20 стр., 2.000 экз. Ц. 10 к., съ пересылкою 15 к.

Полушинъ, Н. А. Василиса Марковна, или «Правда и въ сарафанѣ сильна». Сцены изъ деревенской жизни. (Для народнаго театра). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр. 12.000 экземпл.

Поповъ, В. П. Враги пчелъ, ихъ жилищъ и построекъ. Пенза. 1891. Тип. И. Сивохина. 16 д., 29 стр., 500 экз.

Поляковъ, П. И. Не кури, не нюхай и не жуй табаку. (Письмо ученаго и опытнаго врача). Грайворонъ. 1891. Тип. И. Ванина. 16 д., 16 стр., 1.000 экз. Ц. 6 к.

Порша, Я. Три мѣсяца подъ снѣгомъ. Дневникъ молодаго жителя Юра. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 8 д., 120 стр., 6.000 экз. Ц. 50 к.

Поученіе краткое, какъ подобаетъ стояти въ церкви Божіей во время службы, собранное изъ книгъ учителей церковныхъ. Новое изданіе. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Поученія св. Іоанна Златоустаго. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 36 стр., 12.000 экз.

Про льва, про слона, про тигра и про разныхъ другихъ звѣрей. Сборникъ басенъ, разсказовъ и статей. (Правда). Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 50 стр., 10.000 экз.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Св. пророки: Илія, Елисей и Іона. Изд. 2-е. Спб. Тип. товар. «Обществ. польза». 8 д., 23 стр., 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Исторія пугачевскаго бунта. Москва. 1891. Тип. Вильде. 16 д., 319 стр., 3.600 экз.

— Поэмы и сказки (Русланъ и Людмила.—Кавказскій плѣнникъ.—Братья разбойники, и пр.). Съ приложеніемъ біографіи А. С. Пушкина, портрета его и рисунковъ (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., XXXIV+494 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

— Драматическія произведенія. Съ приложеніемъ портрета Пушкина и рисунковъ. (Дешевая библіотека). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 297 стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

— Стихотворенія. Съ примѣчаніями къ нимъ и портретами Пушкина, его отца, матери и жены. Часть 1-я. (Дешевая библіотека). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 283+XV стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

— Стихотворенія. (Съ примѣчаніями къ нимъ и съ двумя рисунками). Часть 2-я. (Дешевая библіотека). Спб. 1891. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 311+XIV стр., 5.000 экз. Ц. 15 к.

— Барышня крестьянка. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1890. Тип. Вильде. 16 д., 70 стр, 6.000 экз.

Пэйверинтъ, П. Попутчикъ. Разсказъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 7.200 экз.

Религіозно-нравственное чтеніе для церкви, школы и народа. VII. Прощальное воскресенье (О прощеніи другъ другу прегрѣшеній). Изъ твореній Святителя Димитрія, архіепископа херсонск. Москва. Тип. Іогансона 16 д., 16 стр., 5.000 экз.

— VIII. Что такое грѣхъ и молитвенныя возношенія къ Богу кающагося грѣшника-христіанина изъ твореній Святителя Димитрія, архіепископа херсонскаго. Москва. Тип. Іогансона. 16 д., 10 стр., 5.000 экз.

— XII. Кающійся христіанинъ предъ причащеніемъ св. Таинъ и послѣ причащенія. Изъ твореній Святителя Димитрія, архіепископа херсонскаго. Москва, Тип. Іогансона. 16 д., 17 стр., 5 000 экз.

Р—нъ. В. и Л. Русскія народныя былины. По сборникамъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга (Дешевая семейная библіотека). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 215 стр., 6.000 экз. Ц. 15 к.

Рунова, О. Лихіе подарки. Разсказъ. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Савихинъ, В. И. Кривая доля. Разсказъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Сальниковъ, А. Н. Правители русской земли, съ ея начала до нашихъ дней (Краткія историческія жизнеописанія). Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 1891. Тип. товарищ. «Обществ. польза». 8 д., 130 стр. 1.000 экз. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.

Свѣшникова, Е. Сборникъ стихотвореній для младшаго возраста. Москва. 1891. Типогр. «Общества распространенія полезныхъ книгъ. 8 д., 4+10 стр., 1.800 экз.

— Бѣдность—не порокъ. Взято изъ комедіи А. Н. Островскаго. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Святая земля. Путь ко святымъ мѣстамъ. Іерусалимъ и его окрестности, храмъ Гроба Господня и Виѳлеемъ. Изд. книгопр. Губанова. Москва. Тип. Байкова. 8 д., 94 стр., 3.000 экз.

Святый царевичъ Димитрій. Смиреніе преподобнаго Ѳеодосія. Примиритель. Изд. В. И. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 10.000 экз.

Семеновъ, С. Т. Не въ деньгахъ счастье, или неразумный отецъ. Разсказъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Сервантесъ. Храбрый рыцарь Донъ Кихотъ. Переводъ М. Дементьева. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 368 стр. и рисунки. 6.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Сергіевъ, I. И., протоіерей. Бесѣды. Вып. 1-й. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 48 стр., 5.000 экз.

— Вып. 2-й. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 48 стр., 5.000 экз.

Сказка о Емельянѣ-дурачкѣ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Сказка о лисицѣ и дуракѣ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь. Подъ ред. журнала «Русское богатство». Москва. 1890. Тип. И. Сытина и К°. 76 д., 35 стр., 12.000 экземпл.

Соборный звонарь. Разсказъ, заимствованный изъ сочин. В. Гюго (Nôtre Dame de Paris). В. В. Спб. 1891. Тип. А. Трунова. 16 д., 96 стр., 6.000 экз.

Соколовъ, А. А. Россія подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Историческій очеркъ, въ 2-хъ частяхъ. Съ приложеніемъ портретовъ, рисунка, картъ и родословной таблицы. Изд. А. Каспари. Спб. 1891. Тип. И. Гольдберга. 8 д., 273+2 нен. стр., 2.000 экземпл.

Странникъ, разсказъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стран., 12.000 экз.

Страшный змѣй Горыничъ. Сказка. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.500 экз.

Суворовъ, В. Свѣтлѣйшій князь Смоленскій, фельдмаршалъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ и его современники. Историческій очеркъ жизни полководца и его эпохи. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 213 стр., 7.200 экз.

Сѣткова (Катенкампъ). Братья, или деревенское семейное дѣло. Разсказъ. Съ 4-мя картинками въ текстѣ. (Народныя чтенія). Изд. 2-е. Спб. 1891. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 32 стр., 12.000 экз. Ц. 5 к.

Тайны волшебства и открытіе всѣхъ тайнъ наукъ и чудесъ черной и бѣлой магіи, и объясненіе удивительныхъ фокусовъ извѣстныхъ маговъ и чародѣевъ: Пинетти, Калліостро, Нострадамуса и друг. Изд. Е. Губанова. Москва. 1891. Тип. Вильде. 8 д., 191 стр., 6.000 экз. Ц. 1 р.

Тихомировъ, Е. Куликовская битва. Историческій очеркъ. (Разсказы изъ русской исторіи). Москва. 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 48 стр., 3.300 экз. Ц. 10 к.

— Полтавскій бой. Историческ. очеркъ. (Разсказы изъ русской исторіи). Москва. 1891. Изд. и тип. общества распространенія полезныхъ книгъ. 16 д., 48 стр., 3.300 экз. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Кавказскій плѣнникъ. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

— А. К., гр. Выдержки изъ поэмы Іоаннъ Дамаскинъ. Изд. 2-е. Спб. Тип. А. Катанскаго. 8 д., 28 стр., 6.000 экз.

Третья пчелка. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и статей. (Правда). Изд. В. И, Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 69 стр., 10.000 экземпл.

Туръ, Е. Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 3-е. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 156 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р.

— Сережа Боръ-Раменскій. Повѣсть. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 178+244 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

— Три разсказа для дѣтей. (I. Жемчужное ожерелье. II. Звѣздочка. III. Хрустальное сердце). Изд. 2-е. Москва. 1891. Тип. университетская. 8 д., 209 стр., 3.000 экз. Ц. 1 р.

Успенскій, Г. Нужда пѣсенки поетъ. Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр. 12.000 экземпл.

— Перестала! (Для взрослыхъ). Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

— Добрые люди. На бабьемъ положеніи. Развеселилъ господъ. Изд. В. И. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 54 стр., 10.000 экз.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Томъ I. Спб. Тип. Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8 д., 465+X стр., 5.000 экз.

Фламмаріонъ, К. Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ (Съ 50 рисунками въ текстѣ). Переводъ съ французскаго Е. А. Предтеченской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., 208 стр., 3.100 экз. Ц. 1 р.

Фокусы и опыты, или замѣчательныя явленія, вызываемыя общедоступными средствами. Въ 5-ти отдѣлахъ,

съ рисунками. Москва. 1891. Тип. И Сытина и К°. VI+119 стр., 7.200 экз. Ц. 50 к.

Фонвизинъ, Д. И. Недоросль. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (Дешевая семейная библіотека). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 119 стр., 6.000 экз.

Хемницеръ, И. И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ портретомъ автора. Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 173+V стр., 7.200 экз.

Хилякъ, В. Два старика. Разсказъ изъ жизни русскихъ галичанъ. Перевелъ А. Погодинъ. (Народныя чтенія). Спб. 1891. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 55 стр., 6.000 экз. Ц. 5 к.

Хмѣлева, О. Н. Марья-кружевница. Повѣсть. Заимствовано изъ журнала «Родникъ». Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экземпл.

— Горемычныя приключенія одного безроднаго и безпаспортнаго. Разск. Изд. 3-е. Спб. Тип. Е. Евдокимова. 16 д., 32 стр., 15.000 экз.

Чаплыгинъ, И. А. Устройство вселенной. Изложено въ общедоступной формѣ. Спб. Тип. В. Балашова. 8 д., 54 стр. и карта, 1.000 экз.

Чмыревъ, Н. Александръ Невскій и новгородская вольница. Историческій романъ. Москва. 1891. Тип. В. Барбей. 16 д., 331 стр., 5.000 экз.

Чугуевецъ, П. А. Изъ украинскаго быта. Повѣсти и разсказы. Харьковъ. 1891. Тип. С. Яковлева. 8 д., 298 стр., 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Шмитановскій, В. Странная вѣдьма. Русская сказка въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1891. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр., 12.000 экз.

Эрленвейнъ, А. Иванъ Гусъ. Разсказъ. (Изъ «Ясной поляны» гр. Л. Н. Толстого). Москва. 1891. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр., 12.000 экз.

Эртель, А. И. Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермилѣ. Москва. 1891. Изд. «Посредника». Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 71 стр., 12000 экз.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журнала.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера; кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы **одинъ рубль** уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобность, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го іюня 1891 года.